

Цена 2 руб. 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 19, ВОЛКОНКА, 14. Тел. 1-18-40.

PROLETARIИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

18

1926

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Х. Раковский.—Леонид Борисович Красин	5
К пятидесятилетию со дня смерти Бакунина	
Степанов, Ю.—Что разделяет и сближает нас с Бакуниным	17
Полоцкий, В.—Бакунин-якобинец	42

I. Статьи

Преображенский, Е.—Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР	63
Пашков, А.—Органический состав капитала	85
Левитский, А.—Послевоенная социал-демократия и проблема государства	103
Иванов, К.—Против механического миропонимания	146
Земляков, А.—В защиту объективного направления в психологии	189

II. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии

Крицман, Л.—Падение нормы прибыли и прогресс техники	203
Прения по докладу г. Крицмана (г.г. Струмилини, Шатуновский, Базаров, Вейц, Боярский, Смит)	219
Заключительное слово Л. Н. Крицмана	238

III. Критика и библиография

Шиллер, Ф.—Марксизм, психоанализ и искусство. (По поводу книги Roland-Holt-Van der Schalk. Over leven en schoonheid. Opstellen over aesthetische en ethische onderwerpen. Arnhem, 1925)	244
Хмельницкая, Е.—С. В. Бернштейн-Коган. „Введение в экономию промышленности“ ЦУП ВСНХ СССР 1926 г. стр. 21. А. М. Гинзбург.—„Экономия промышленности“. Часть первая—Промышленность и ее организационные формы. Часть вторая—Процесс производства и его элементы. Его же.—„Экономия промышленности“. Курс лекций, читанных на Моск. Курсах Красных Директоров	258
Левитский, А.—Ю. Митлянский. Денежное обращение и товарооборот	268
Дмитриев, Г.—А. Варьяш. История новой философии	273
Сакулин, П.—Ответ В. Ф. Перверзеву	282
Перверзев, В.—По поводу ответа П. Н. Сакулина	285

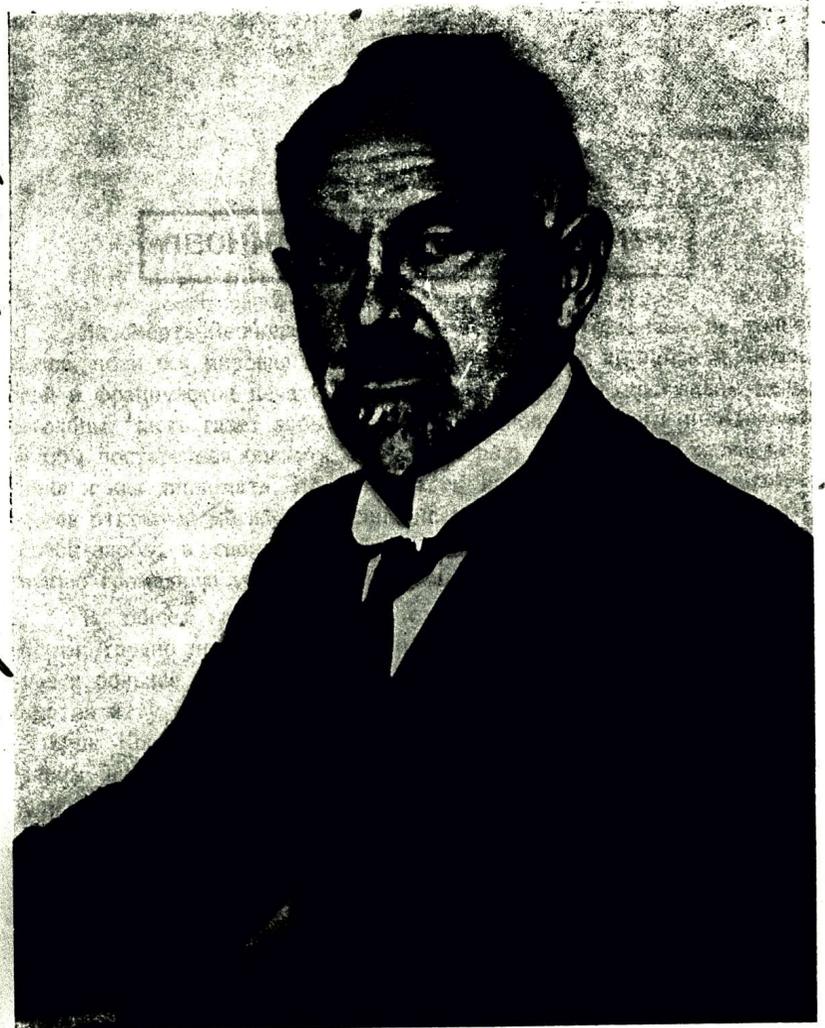
Приложение

Ченцов, Н.—Юбилейная литература о декабристах	287
---	-----

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XVIII

1926

Л. Б. Красин

(1870—1926 г.)

Главлит № 76.474.

Тираж 4.000.

27-я тип. „Красная Печать“ при Изд-ве Комм. Акад., Москва, Остоженка, 10.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ КРАСИН

На смерть Леонида Борисовича Красина отозвалась не только наша, но и вся мировая печать. В особенности в английской, немецкой и французской печати его деятельности были посвящены целые столбцы. Часть газет забыла на минуту политического противника, чтобы постараться оценить объективно роль Красина, как хозяйственника и как дипломата. Но и та часть враждебной печати, которая перед открытой могилой Красина не могла отречься от своей классовой злобы, в своих атаках на Красина по-своему подчеркнула, какую громадную утрату понесли мы в его лице.

В общем горе, которое охватило советские и партийные круги, трудно проводить градации, но несомненно, что чувствительнее и больнее всего затронула смерть Красина его соратников по партии и ту массу, которая хорошо знакома с историей партии. В лице Красина уходит из нашей среды не только любимый по своим индивидуальным качествам товарищ, не только один из опытных, энергичных, инициативных и всесторонне образованных советских работников, но также, что почувствовалось еще больше, один из блестящих представителей старой революционной большевистской гвардии. То, что вызывает такое острое чувство скорби при известии о смерти Красина, как раньше при известии о смерти Фрунзе, Держинского и других товарищей старой революционной формации, так это сознание, что с ними вместе уходит целая эпоха, охватывающая весь период революционной борьбы с царизмом и укрепления советской власти.

Из умерших за последние годы товарищей из старой гвардии Красин, исключая Владимира Ильича, был самым старшим. Трудно даже охватить те, больше чем три десятка лет, протекших с того времени, когда Красин студентом вступил на путь револю-

ционной борьбы. Трудно найти в истории, не только русской, но и мировой, эпоху, более богатую по своему содержанию и по своим последствиям. Нужны были не только необыкновенные события, но и необыкновенные люди, чтобы за этот сравнительно короткий, если его рассматривать с точки зрения истории, период, самая отсталая по своему экономическому и духовному уровню, хотя и самая большая по территории и населению, европейская страна вышла из состояния, когда она считалась хребтом мировой реакции, чтобы стать во главе мирового освободительного движения.

По своему происхождению—он вышел из семьи интеллигент-разночинца, жившего в небольшом уездном сибирском городке ¹⁾—Красин естественно был склонен идти в лагерь, оппозиционный царскому правительству.

Вступление Красина в Технологический институт в Петербурге в 1887 году, когда ему было всего 17 лет, совпало с тем периодом истории революционной борьбы, когда оказавшаяся беспомощной народническая революционная идеология уступала уже место идеологии марксистской. Но к последней Красин подходит через двери студенческого бунтарства.

Студенческий период продолжается 13 лет, с 1887 по 1900 год. Один из его тогдашних близких товарищей, являвшийся руководителем одного из кружков, тов. Бруснев, описал советским работникам в Париже на вечере, посвященном памяти Леонида Борисовича, первые шаги последнего по пути революционной деятельности.

Уже со второго курса, т.-е. с 1888 года, Леонид Борисович начинает принимать участие в студенческих нелегальных организациях. В 1888 году многие из этих студенческих кружков были уже определено марксистского направления. В них Красин принимает видное участие, и здесь начинается его марксистское воспитание.

Пропаганда должна была выйти за стены университета, и Красин намечался для пропаганды среди рабочих. Таково было постановление Центрального рабочего кружка, который через своих сторонников из студентов вербовал среди революционной студенческой молодежи пропагандистов для организации рабочих кружков. Но тогда этому плану не было суждено осуществиться, так как Красин был исключен из Технологического института и выслан из столицы за участие в студенческих беспорядках. В 1890 году после года скита-

¹⁾ Курган, Тобольской губернии.

ний Красин снова был принят в Технологический институт, и на этот раз сейчас же был введен в рабочий кружок ткачей Новой Мануфактуры на Обводном канале. В течение 1890—91 г.г. он работает во многих рабочих кружках на Обводном канале и за Невской заставой. В 1891 году происходит студенческая демонстрация на похоронах писателя-публициста Николая Васильевича Шелгунова, который большую долю своей литературной деятельности посвятил положению рабочего класса. Красин был одним из организаторов этой демонстрации. Это было причиной второго его исключения из института и высылки в Нижний Новгород.

В Нижнем Новгороде он поступает на военную службу в инженерный батальон и ведет пропаганду среди своих сослуживцев и местных рабочих, а также среди интеллигенции.

В 1892 году последовал первый арест Леонида Борисовича и привлечение к ответственности по делу об организации рабочих революционных кружков в Петербурге, Москве, Туле и других городах (организация Бруснева). Он проводит восемь месяцев предварительного заключения в московской таганской тюрьме и отделяется административным приговором о высылке на четыре года в Сибирь.

В Сибири он поселяется в Иркутске, где работает в качестве инженера по постройке Сибирской железной дороги. Живший тогда на поселении в Сибири после карийской каторги, наш старый товарищ Феликс Яковлевич Кон указывает, что в этот период Красин продолжал свою марксистскую деятельность, перенес ее в экономическую литературу и полемизируя с народовольцами.

После окончания ссылки Красин поступает в Харьковский Технологический институт, где и заканчивает свое образование в 1900 г. в качестве инженера-электротехника.

С 1900 по 1907 год включительно продолжается второй, самый замечательный по своей активности, период революционной деятельности Красина, период «революционера - профессионала». Поступив инженером-строителем в Баку, Красин в течение четырех лет использует свое общественное положение, чтобы из него создать хорошее прикрытие для подпольной работы.

В это время партия вышла уже из периода, когда она могла ограничиваться словесной пропагандой или же рудиментарными способами распространения нелегальной литературы при помощи гектографа и цинкографа. К партии уже прислушиваются широкие массы, круг которых нужно еще расширять и углублять. На этой стадии развития рево-

люционного рабочего движения нелегальный типографский станок является необходимым условием успеха. Баку становится центром нелегальной печатной деятельности. Красин является основателем нелегальной типографии. Отсюда листовки, а впоследствии целые номера газет распространяются тысячами не только на Кавказе, но и по всей территории Российской империи.

Когда в партии наступает раскол и революционное большинство выделяется в отдельную фракцию большевиков, Красин присоединяется к этой последней. Его революционный темперамент не увязывается с колеблющейся идеологией меньшевизма. Он кооптируется членом Центрального Комитета.

На III съезде партии в 1905 году крупную роль в качестве докладчика по организационному вопросу сыграл Красин, который и был выбран членом Центрального Комитета, как впоследствии и на IV съезде в Стокгольме и на V съезде в Лондоне.

III очередной съезд партии, бойкотируемый меньшевиками, хотя он представлял добрые три четверти партийных организаций, составляет переломный момент в истории революционного движения: он поставил перед партией определенную задачу организации восстания.

По случаю этого решения съезда Ленин писал:

«Революция—локомотив истории», говорил Маркс. Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда массы народа неспособны выступить таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса... Но нужно, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи, так чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности масс, служа маяком своего поколения, ставя во всем его величии, во всей его прелести наш демократически-социалистический идеал, показывая самый близкий и самый прямой путь к полной, безусловной и решительной победе. Предоставим оппортунистам «освободенческой буржуазии» сочинять из страха перед прямым путем обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс, ее революционного энтузиазма для беззаветной и беспощадной борьбы за этот прямой и решительный путь».

События переросли уже и тот период, когда можно было удовлетворяться только подпольным печатным станком, пропагандой, организацией кружков и забастовками. Нужно было взять курс на вооруженное восстание, нужно было соответственно этому расширить и партийную технику. Нужно было достать деньги, нужно было купить оружие, добыть взрывчатые вещества. Эта доля руководителя партийной техники пала на Красина.

Красин приезжает в Петербург и среди бесчисленных опасностей продолжает свою работу конспиратора. Для этой цели он продолжает пользоваться своим общественным положением. Известный инженер, блестящий и приятный собеседник, мало похожий по своей внешности на «нашего брата революционера», вызывающий даже иронические улыбки у меньшевиков, которые не могут понять этого «странного большевика», Красин ведет двойную жизнь, которая выпала на его долю в партии. С одной стороны, он расширяет свои связи со всякими общественными кругами, вплоть до сочувствующих фабрикантов, в роде Морозова, организует сборы, разменивает «пятисотки» и на полученные деньги в тесном сотрудничестве с товарищем Камо пополняет боевой арсенал революции. В этот период Ильич, проживающий сначала в Петербурге, а потом в Финляндии, считает необходимым по всем техническим и практическим вопросам советоваться прежде всего с «Никитичем». Красин рискует каждую минуту быть арестованным и судимым военно-полевым судом, но он ловко умеет маскировать свою подпольную работу.

С разгромом революции наступают тяжелые дни, когда самые скомпрометированные работники должны были искать спасения за границей. Для Красина начинается эмигрантская жизнь. Его известность техника-инженера дает ему возможность устроиться в Берлине в фирме «Сименс и Шукерт». Здесь он проводит четыре года и снова возвращается в Россию.

По возвращении в Россию, не прерывая своих связей с партией, Красин продолжает заниматься по своей профессии инженера.

Октябрьская революция застаёт Красина в Стокгольме. По приглашению Центрального Комитета партии он поступает снова в его распоряжение.

Здесь начинается новый период жизни Красина—восьмилетний бурный период советской деятельности, закончившейся преждевременной смертью.

люционного рабочего движения нелегальный типографский станок является необходимым условием успеха. Баку становится центром нелегальной печатной деятельности. Красин является основателем нелегальной типографии. Отсюда листовки, а впоследствии целые номера газет распространяются тысячами не только на Кавказе, но и по всей территории Российской империи.

Когда в партии наступает раскол и революционное большинство выделяется в отдельную фракцию большевиков, Красин присоединяется к этой последней. Его революционный темперамент не увязывается с колеблющейся идеологией меньшевизма. Он кооптируется членом Центрального Комитета.

На III съезде партии в 1905 году крупную роль в качестве докладчика по организационному вопросу сыграл Красин, который и был выбран членом Центрального Комитета, как впоследствии и на IV съезде в Стокгольме и на V съезде в Лондоне.

III очередной съезд партии, бойкотируемый меньшевиками, хотя он представлял добрые три четверти партийных организаций, составляет переломный момент в истории революционного движения: он поставил перед партией определенную задачу организации восстания.

По случаю этого решения съезда Ленин писал:

«Революция—локомотив истории», говорил Маркс. Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда массы народа неспособны выступить таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса... Но нужно, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи, так чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности масс, служа маяком своего поколения, ставя во всем его величии, во всей его прелести наш демократически-социалистический идеал, показывая самый близкий и самый прямой путь к полной, безусловной и решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденческой буржуазии» сочинять из страха перед прямым путем обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс, ее революционного энтузиазма для беззаветной и беспощадной борьбы за этот прямой и решительный путь».

События переросли уже и тот период, когда можно было удовлетворяться только подпольным печатным станком, пропагандой, организацией кружков и забастовками. Нужно было взять курс на вооруженное восстание, нужно было соответственно этому расширить и партийную технику. Нужно было достать деньги, нужно было купить оружие, добыть взрывчатые вещества. Эта доля руководителя партийной техники пала на Красина.

Красин приезжает в Петербург и среди бесчисленных опасностей продолжает свою работу конспиратора. Для этой цели он продолжает пользоваться своим общественным положением. Известный инженер, блестящий и приятный собеседник, мало похожий по своей внешности на «нашего брата революционера», вызывающий даже иронические улыбки у меньшевиков, которые не могут понять этого «странного большевика», Красин ведет двойную жизнь, которая выпала на его долю в партии. С одной стороны, он расширяет свои связи со всякими общественными кругами, вплоть до сочувствующих фабрикантов, в роде Морозова, организует сборы, разминивает «пятисотки» и на полученные деньги в тесном сотрудничестве с товарищем Камо пополняет боевой арсенал революции. В этот период Ильич, проживающий сначала в Петербурге, а потом в Финляндии, считает необходимым по всем техническим и практическим вопросам советоваться прежде всего с «Никитичем». Красин рискует каждую минуту быть арестованным и судимым военно-полевым судом, но он ловко умеет маскировать свою подпольную работу.

С разгромом революции наступают тяжелые дни, когда самые скомпрометированные работники должны были искать спасения за границей. Для Красина начинается эмигрантская жизнь. Его известность техника-инженера дает ему возможность устроиться в Берлине в фирме «Сименс и Шукерт». Здесь он проводит четыре года и снова возвращается в Россию.

По возвращении в Россию, не прерывая своих связей с партией, Красин продолжает заниматься по своей профессии инженером.

Октябрьская революция застаёт Красина в Стокгольме. По приглашению Центрального Комитета партии он поступает снова в его распоряжение.

Здесь начинается новый период жизни Красина—восьмилетний бурный период советской деятельности, закончившейся преждевременной смертью.

люционного рабочего движения нелегальный типографский станок является необходимым условием успеха. Баку становится центром нелегальной печатной деятельности. Красин является основателем нелегальной типографии. Отсюда листовки, а впоследствии целые номера газет распространяются тысячами не только на Кавказе, но и по всей территории Российской империи.

Когда в партии наступает раскол и революционное большинство выделяется в отдельную фракцию большевиков, Красин присоединяется к этой последней. Его революционный темперамент не увязывается с колеблющейся идеологией меньшевизма. Он кооптируется членом Центрального Комитета.

На III съезде партии в 1905 году крупную роль в качестве докладчика по организационному вопросу сыграл Красин, который и был выбран членом Центрального Комитета, как впоследствии и на IV съезде в Стокгольме и на V съезде в Лондоне.

III очередной съезд партии, бойкотируемый меньшевиками, хотя он представлял добрые три четверти партийных организаций, составляет переломный момент в истории революционного движения: он поставил перед партией определенную задачу организации восстания.

По случаю этого решения съезда Ленин писал:

«Революция—локомотив истории», говорил Маркс. Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда массы народа неспособны выступить таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса... Но нужно, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи, так чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности масс, служа маяком своего поколения, ставя во всем его величии, во всей его прелести наш демократически-социалистический идеал, показывая самый близкий и самый прямой путь к полной, безусловной и решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденческой буржуазии» сочинять из страха перед прямым путем обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс, ее революционного энтузиазма для беззаветной и беспощадной борьбы за этот прямой и решительный путь».

События переросли уже и тот период, когда можно было удовлетворяться только подпольным печатным станком, пропагандой, организацией кружков и забастовками. Нужно было взять курс на вооруженное восстание, нужно было соответственно этому расширить и партийную технику. Нужно было достать деньги, нужно было купить оружие, добыть взрывчатые вещества. Эта доля руководителя партийной техники пала на Красина.

Красин приезжает в Петербург и среди бесчисленных опасностей продолжает свою работу конспиратора. Для этой цели он продолжает пользоваться своим общественным положением. Известный инженер, блестящий и приятный собеседник, мало похожий по своей внешности на «нашего брата революционера», вызывающий даже иронические улыбки у меньшевиков, которые не могут понять этого «странного большевика», Красин ведет двойную жизнь, которая выпала на его долю в партии. С одной стороны, он расширяет свои связи со всякими общественными кругами, вплоть до сочувствующих фабрикантов, в роде Морозова, организует сборы, разменивает «пятисотки» и на полученные деньги в тесном сотрудничестве с товарищем Камо пополняет боевой арсенал революции. В этот период Ильич, проживающий сначала в Петербурге, а потом в Финляндии, считает необходимым по всем техническим и практическим вопросам советоваться прежде всего с «Никитичем». Красин рискует каждую минуту быть арестованным и судимым военно-полевым судом, но он ловко умеет маскировать свою подпольную работу.

Сразгромом революции наступают тяжелые дни, когда самые скомпрометированные работники должны были искать спасения за границей. Для Красина начинается эмигрантская жизнь. Его известность техника-инженера дает ему возможность устроиться в Берлине в фирме «Сименс и Шукерт». Здесь он проводит четыре года и снова возвращается в Россию.

По возвращении в Россию, не прерывая своих связей с партией, Красин продолжает заниматься по своей профессии инженером.

Октябрьская революция застаёт Красина в Стокгольме. По приглашению Центрального Комитета партии он поступает снова в его распоряжение.

Здесь начинается новый период жизни Красина—восьмилетний бурный период советской деятельности, закончившейся преждевременной смертью.

Деятельность Красина во главе Чрезвычайной Комиссии по снабжению армии, во главе Народного Комиссариата Торговли и Промышленности, превратившегося потом в Народный Комиссариат Внешторга, во главе Народного Комиссариата Путей Сообщения, а также и дипломатическая деятельность протекали на наших глазах.

Из разносторонней деятельности Красина особо заслуживает быть отмеченной его работа по снабжению армии, которая явилась тогда одним из основных условий нашей военной победы, его работа по созданию Комиссариата Внешторга и укреплению монополии внешней торговли.

Заслуги Красина в последней области являются общепризнанными. Монополия внешней торговли являлась условием не только нашей денежной реформы, но и продолжает быть условием сохранения паритета червонца и в равной степени условием сохранения всех экономических завоеваний революции. Свободная торговля с внешним миром несомненно не только взорвала бы национализированную государственную промышленность, но сорвала бы и национализацию земли. Наша обнищавшая страна превратилась бы в настоящую колонию.

Нужно сказать здесь несколько слов о дипломатической деятельности Красина.

Первый раз Красин выступил на дипломатической работе в качестве делегата по переговорам, которые велись тов. Иоффе с немецким правительством летом 1918 года и которые закончились дополнительным договором в июне того же года. Задача этих переговоров заключалась в том, чтобы отстоять от немцев интересы нашей национализированной промышленности, а также Грузию и вообще нефтяной район. Ближайшим помощником тов. Иоффе в этих переговорах, закончившихся удачно, был Леонид Борисович Красин. Его большие связи с деловыми кругами Берлина давали ему возможность бросить на веса дипломатических переговоров влияние хозяйственных кругов.

В 1919 году Л. Б. отправляется вместе с М. М. Литвиновым вести переговоры в Пскове с Эстонией. Потом еще до окончания этих переговоров он получает миссию поехать в Швецию и Данию, при чем ему удается с первой подписать торговое соглашение.

В 1920 году, когда вследствие снятия блокады открылась возможность торговых сношений с Англией, он едет во главе кооперативной делегации в Лондон, где и подписывает торговое соглашение

1921 года с английским правительством и назначается первым нашим полпредом в Англии.

В 1922 году Л. Б. принимает участие в переговорах в Генуе и Гааге, а в конце 1924 года после восстановления дипломатических отношений с Францией назначается первым нашим полпредом в Париже, а через год—снова в Лондоне.

В дипломатической деятельности Красина нужно отметить два чрезвычайно важных момента. Первый—подписание торгового соглашения 1921 года, второй—ликвидация конфликта с Англией в связи с ультиматумом Керзона в апреле 1923 года.

Чтобы оценить значение торгового соглашения 1921 года, мы должны вспомнить, что оно было подписано в тот момент, когда впервые за все время революции мы почувствовали, что существованию нашей власти грозит недовольство крестьянских масс. Известие о подписании этого соглашения получилось в те дни X съезда партии, когда половина его членов была мобилизована для срочной отправки на кронштадтский фронт. Если это соглашение свидетельствовало о прозорливости тогдашних руководителей английской политики, в частности, Ллойд Джорджа, которые понимали, что симптомы недовольства преходящие, а с другой стороны, действовали под натиском колоссальной безработицы, охватившей тогда Англию,—то подписание этого договора делает еще большую честь дипломатическим способностям Красина, который должен был в такой неблагоприятной обстановке своим даром убеждения устранять колебания в английских сферах.

Красину пришлось проводить и директивы нашего правительства по ликвидации конфликта с Англией весной 1923 года. Этот конфликт явился результатом тех перемен в английском правительстве, которые наступили в конце 1922 года. Читатели помнят, что Ллойд Джордж был свергнут правым крылом консервативной партии и во главе страны вместо коалиционного кабинета очутился чисто консервативный кабинет под председательством Бонар Лоу, с лордом Керзоном в качестве министра иностранных дел. Хотя Керзон занимал этот же пост и в предшествовавшем кабинете Ллойд Джорджа, но последний сам направлял иностранную политику, а в частности, в таком вопросе, как русский, он проводил свою линию на соглашение с нами. С падением Ллойд Джорджа те элементы, которые были вообще противниками всяких сношений с Советским Союзом, получили возможность проводить свою враждебную нам линию. Играя на

религиозных чувствах части английской буржуазии, они успели через печать, используя инциденты, которые вызвало у нас отобрание церковных имуществ в пользу голодающих, чему некоторые представители и православной и католической церкви оказывали сопротивление даже силой, используя, в частности, арест католического епископа Будкевича, создать подходящую атмосферу для осуществления своих планов.

Вот обстановка, при которой Красин отправился в Лондон. Чтобы поспеть во-время, он отправился на аэроплане. Его прибытие в Лондон имело двойное значение. С одной стороны, на месте он мог отстоять лучше наши интересы в непосредственных переговорах с Керзоном, с другой стороны, его приезд доказал английскому общественному мнению что мы рассчитываем на это последнее для устранения конфликта, в результате которого могла возникнуть война.

Когда несколько месяцев спустя я был назначен полпредом в Лондон, я отдал себе на месте отчет не только в личном уважении, которым пользовался Красин в деловых кругах и среди политиков, но и в той подготовительной работе, которая была им проделана для создания и укрепления наших связей с английскими общественными кругами. Это значительно облегчило переговоры о признании, и заслуга Красина в этом последнем акте была своевременно подчеркнута.

Отличительной чертой Красина была жизнерадостность. Он исполнял свои многочисленные обязанности не только в комиссариатах, но и в Совете Труда и Оборона и бесчисленных комиссиях, нес свою долю той колоссальной работы, которая требовалась от нашей верхушки, раз'езжал по всем странам в качестве международного дипломатического и коммерческого «коммивояжера» советской власти,—он исполнял все это с легкостью, с увлечением, с любовью. В его натуре было заложено столь много жизненных сил, что самое трудное дело казалось ему сравнительно легко выполнимым. Несомненно, эта уверенность в своих собственных силах обуславливала некоторую преувеличенную веру в людей, но, с другой стороны, она обуславливала ту, можно сказать, сверхчеловеческую работу, ответственную и опасную, которую Красину пришлось проделать и в качестве профессионала-революционера и в качестве советского работника.

Красин отличался прямою характера, мужеством, самостоятельностью и ясностью мысли, остроумием и увлекательностью изло-

жения. Присутствовавшие на заседаниях Совета Труда и Оборона и Совнаркома знают, что его выступления, хотя иногда и не приходились по вкусу другим его коллегам, вызывали всегда величайший интерес и слушались с большим наслаждением. Когда на XII съезде Красин выступал в защиту своей точки зрения относительно привлечения иностранного капитала, его положения, как известно, не встретили сочувствия среди подавляющего большинства делегатов, но его изложение было настолько увлекательно, что ему два раза продолжили слово.

В психологии Красина было две «складки»: одна — оставшаяся у него со времени подпольной революционной деятельности, другая — сформировавшаяся в связи с его техническим образованием и деятельностью инженера-техника.

Когда после восстановления дипломатических отношений с Францией я получил задание добиться у французского правительства агреман для Красина, как советского посла в Париже, то один из моих французских собеседников, знавший, что Красин кончил Технологический институт, сказал мне: «Я хотел бы только одного, чтобы Красин не был похож на наших инженеров, ибо все кончающие нашу политехническую школу на всю свою жизнь сохраняют какой-то чрезвычайно прямолинейный подход к политическим вопросам».

Несомненно, у Красина был большой политический опыт, который коррегировал эту прямолинейность, эту склонность к упрощению сложных задач и их решению путем простых способов. В процессе работы, как каждый из нас, он исправлял свои ошибки, но несомненно, что эта профессиональная «складка» оставалась в психологии Красина.

Вероятно, от конспиративной жизни он сохранил другую черту: склонность к некоторой недооценке риска. Я помню, как у него загорались глаза от удовольствия, когда ему представляли какую-нибудь мудреную комбинацию, в которой была большая доза риска, но которая в случае удачи могла бы принести и большую пользу. Красин считал, что победа принадлежит тому, кто умеет дерзать.

Красин был человеком инициативы. Наркомат Внешней Торговли был в большей своей части делом его рук. В Лондоне и Париже он оставил за собой также глубокий след в области творчества. Торговые представительства в двух этих столицах были организованы им, а также Аркос в Лондоне и Европейский Северный банк в Париже, который он создал вместе с покойным т. Таратутой.

С момента, когда у нас началось советское строительство, конструктивное воображение Красина получило возможность широкого приложения. Известен его интерес к нашей электрификации, а также и его доля в постройке подмосковных электрических станций—Каширской и Шатурской—с использованием торфа и подмосковного угля.

Задачи социалистического планового хозяйства совпадали с его представлениями инженера-техника о том, каково должно быть вообще рациональное хозяйство. И, продолжая заниматься внешней торговлей и дипломатией, Красин ни на одну минуту не переставал интересоваться строительством, промышленностью и электрификацией. Свидетели последних дней его жизни указывают на то, что он в перерывах между припадками острого малокровия продолжал читать технические книги о новом строительстве мостов.

Из бесед Красина по техническим вопросам и нашему брату профану многому можно было научиться. Он с поразительной ясностью и понятностью для не посвященных в тонкие технические детали людей рассказывал о последних усовершенствованиях техники, о всяких изобретениях и т. д.

Но интерес Красина шел дальше. Он следил вообще за научной литературой. Прошлым летом в Монморанси он мне рассказывал, что он послал тов. А. П. Смирнову письмо, где он излагал найденные в Южной Америке и в Мексике новые способы борьбы против вредителей путем размножения насекомых, пожирающих их зародыши.

Красин был очень чуток к страданиям своих товарищей. Хотя он переносил свою собственную болезнь с большим стоицизмом, он несколько раз обращал в течение года мое внимание на здоровье того или иного товарища.

Два слова о болезни Красина.

По моем возвращении из Москвы я осведомлялся непосредственно у профессоров, которые лечили Красина. Что он страдал острым малокровием, это, так сказать, можно было доказать математически, следя за колебаниями количества его кровяных шариков. Но само по себе острое малокровие являлось только симптомом какой-то глубокой, незнакомой болезни. Являлась ли эта болезнь самостоятельной болезнью крови, как предполагали впоследствии английские врачи, болезнью, вызванной особым микробом и требующей особого лечения, или же она являлась результатом скрытой малярии, каковая у Красина была больше двадцати лет тому назад,—на этот вопрос медицина, несмотря на то, что Красина лечили лучшие врачи-специалисты, не ответила.

Острые проявления его болезни, как уже сообщал т. Семашко, начались в прошлом году, в ноябре, в форме острого кишечного-желудочного заболевания. В свою очередь эти проявления говорили не о начале болезни, а о том, что количество шариков вследствие острого малокровия настолько упало, что у больного в силу недостаточного окисления крови появились уже острые рефлексные явления. Красин, который великолепно изучил до мельчайших подробностей всю «механику» своей болезни, заранее предсказывал, при каком количестве кровяных шариков у него начнутся эти острые кишечные рефлексные явления, центром которых является спинной мозг.

На основании целого ряда симптомов, которые он восстанавливал в своей памяти, он считал, что малокровие у него началось не меньше десяти лет тому назад. С того времени он замечал уже периодически у себя землистый цвет лица. Несомненно, что врачи не обратили внимания на эти явления, как он сам не обращал на это внимания, пока болезнь не приняла тяжелого характера.

После генуэзской конференции Красин, чувствуя некоторое недомогание, обратился за советом к берлинским врачам, но они тогда ничего у него не нашли, кроме расширения аорты. Физические и химические исследования показали также, что все органы у него находятся в наилучшем состоянии.

Несомненно, что переутомление в результате той неслыханной работы, которую проделывал Красин, и вообще всего, что могло истощить нервную систему и сердце, ускорили процесс его болезни.

Самым верным средством борьбы с его малокровием было переливание крови. Этот способ был применен еще в Москве, но там делались переливания в больших количествах. Французские врачи заменили это массовое переливание переливанием ничтожных количеств, от 100 до 120 грамм. Переливание само по себе являлось уже утомительным, хотя оно дало достаточные результаты еще в первый период, позволив Красину поехать на юг Франции в апреле. Он сам стремился из туманного и дождливого Парижа к светлему югу, глубоко веря в лечебные силы солнечных лучей. Но там, вследствие неудачного подбора крови, у него получились осложнения. Отправленные экстренно из Парижа врачи привезли его обратно в тяжелом состоянии, но здесь он быстро оправился. В течение двух месяцев количество кровяных шариков на квадратный сантиметр поднялось до 4 миллионов (нормальное количество у мужчины—пять миллионов). Красин чувствовал себя бодро, стал ходить на прогулку,

возобновил занятия и переехал за город. Его состояние с известными колебаниями продолжало оставаться сравнительно хорошим, и, так как он сильно тяготился своей вынужденной бездеятельностью, он отправился в Лондон.

В Лондоне в течение месяца он развернул большую работу, и, хотя она делалась с разрешения врачей, однако, она опять отразилась на его пошатнувшемся организме, и он снова слег. Количество кровяных шариков стало быстро падать, дошло до полутора миллионов и ниже, появились всякие желудочно-кишечные симптомы вместе с высокой температурой и потерей сознания.

Ничто больше не помогло. Медицинское искусство оказалось бессильным восстановить те жизненные силы, добрая часть которых была уже безвозвратно отдана делу революции.

Х. Раковский.

Париж, 10 декабря

К пятидесятилетию со дня смерти М. А. Бакунина

ЧТО РАЗДЕЛЯЕТ И СБЛИЖАЕТ НАС С БАКУНИНЫМ¹⁾

Фигура Бакунина чрезвычайно сложна. Сам он прошел целый ряд политических и, можно сказать, психологических стадий в своем развитии. Но в виду специального характера нынешнего заседания и краткости времени, которым мы располагаем, я не стану касаться всех сторон в истории развития личности Бакунина, совершенно не коснусь той поры, когда он выступал в виде революционного демократа и активного участника национальных движений, а возьму его только с того момента, когда он сформировался к концу 60-х годов в качестве социалиста и основоположника анархистской доктрины.

Бакунин сложился как политическая фигура в 40-х годах XIX века, т.-е. в момент всеобщего потрясения европейских государств, когда буржуазное общество впервые начало высвобождаться из пут старой феодально-полицейской монархии. И колоссальная фигура Бакунина является символом этого грандиозного исторического перелома. Бакунин, как выходец из страны экономически отсталой, как человек, который в первое время своей политической деятельности преимущественно интересовался судьбами славянских народов, главным образом, народов аграрных, политически и экономически отсталых, как человек, который главным образом действовал среди революционеров Италии, Испании, Южной Франции, той же России и Балканских стран, стран преимущественно аграрных, крестьянских по существу, был в основе своей проникнут психологией крестьянских революционных, бунтарских движений. И если мы в краткой формуле хотим определить, что оригинального было в фигуре Бакунина, как представителя одного из разветвлений революционного социализма, мы должны будем сказать, что специфическим свойством Бакунина была та черта, что он пытался применять выводы, сделанные из наблюдения над революционными движениями крестьянских масс, сбросивших с полицейско-феодальным государством, к движению современному промышленного пролетариата, к социалистическому движению рабочего класса, созданного развитием капитализма и крупной промышленности. И совершенно естественно, что вопрос о роли крестьянства в революции был одним из центральных вопросов, который всегда занимал Бакунина. Говорил ли он о революции в Италии, во Франции, в России, на Балканах, даже в Германии, он в первую голову анализировал положение крестьянства, его настро-

¹⁾ Доклад, прочитанный на объединенном заседании Комм. Академии и Об-ва Историков-Марксистов.

ения, его исторические судьбы и считал его даже в сравнительно промышленных странах, если не единственным революционным фактором, то одним из главных, основных революционных факторов. В высшей степени характерно, что он приписывал социалистический характер всем крестьянским восстаниям и движениям, и можно сказать, что не только его программа, но и тактика была, главным образом, основана на своеобразном понимании этих крестьянских движений. Мы знаем, что даже социальную революцию, совершаемую промышленным пролетариатом, он рисовал себе в виде анархических, бунтарских вспышек крестьянства, с сожжением владельческих грамот, разрушением зданий и т. п., т.-е. в том виде, который он наблюдал в русской истории в народных движениях, связанных с именами Степана Разина и Емельяна Пугачева. Я лишен, к сожалению, возможности подробно цитировать отношение Бакунина к этим крестьянским движениям, но я должен указать на те условия, наличие которых он признавал необходимою для революционного настроения крестьянства. Одну цитату я позволю себе все-таки привести. Вот, напр., что он говорил о немецком крестьянстве первой половины XIX века, находившемся в таких политических условиях, в каких крестьянство находилось в России того времени, т.-е. в 60—70 годах того же века:

«В Германии был еще элемент, которого ныне уж нет: это революционное крестьянство или, по крайней мере, способное сделаться революционным. В то время в большей половине Германии существовал еще остаток старого крепостного права, как оно существует еще поныне (писано в 1873 г.) в двух герцогствах Мекленбургских. В Австрии крепостное право преобладало вполне. Было несомненно, что немецкое крестьянство способно и готово к восстанию. Как в 1830 г. в Баварском Пфальце, так и в 1848 г. почти в целой Германии, едва только стало известным провозглашение французской республики, все крестьянство зашевелилось и приняло сначала самое горячее, живое, деятельное участие в первых выборах депутатов в многочисленные революционные парламенты. Тогда немецкие мужики еще верили, что парламенты смогут и захотят что-нибудь для них сделать, и посылали в них своими представителями людей самых отчаянных, самых красных — насколько, разумеется, немецкий политический человек может быть отчаянным и красным. Вскоре, увидав, что от парламента им не дождаться никакой пользы, мужики охладели; но вначале они были готовы на все, даже на поголовный бунт»¹⁾.

Итак, мы видим, что условием революционности крестьянства Бакунин признает наличие крепостного права, наличие таких форм политического и экономического угнетения, которые свойственны добуржуазному периоду. Нужно сказать, что в этом отношении он был совершенно прав. Несомненно, что именно там, где крестьянство находится в таких политических условиях, оно является революционным. И если по воле истории сознательное политическое движение пролетариата крупной промышленности начинается в таких странах, где сохра-

1) „Государственность и Анархия“, стр. 179—180.

нились условия революционизирования крестьянства, то не подлежит никакому сомнению, что это обстоятельство в высокой степени ускоряет вспышку и успех революции. Примером этого являются наше отечество и революция, произведенная русским рабочим классом в 1917 году. С другой стороны, Бакунин был так же прав, когда подчеркивал анархический характер этих крестьянских движений. Совершенно верно, революционный крестьянин, ненавидящий государство, поскольку он видит в нем взимателя налогов, рекрутчины и т. д., ненавидящий барство, в первый момент своего выступления действует как анархист. Но чего Бакунин не замечал, так это того, что эти анархические крестьянские вспышки революции обычно приводят вовсе не к торжеству анархии, а к установлению буржуазного строя. Все известные исторические революционные движения крестьянства повсюду, где они не руководились пролетариатом и его партией, приводили даже в случае удач лишь к уничтожению абсолютистского полицейского режима, а не государства вообще, к насаждению буржуазных отношений. Только в том случае, когда организованный в политическую партию пролетариат (т.-е., что Бакунин по существу отрицал), берет на себя руководство крестьянским движением, только в этом случае революционные усилия крестьянства являются исторически продуктивными, в смысле освобождения трудящихся от эксплуатации. Бакунин же полагал, что всякое революционное движение крестьянства является по существу социалистическим; он полагал, что социализм заложен в самых инстинктах всех трудящихся, в том числе и в инстинктах крестьянских масс, и считал гораздо более близкими к социальной революции те страны, где сохранилось крестьянство, еще не вполне порабощенное политической идеологией буржуазии. Бакунин настолько увлекался крестьянскими движениями, что даже крестьянские движения чисто реакционного, черносотенного характера, как имевшие место в Южной Италии в конце XVIII века, готов был приписать проявлению инстинктивного социалистического духа крестьянства, и если такие движения не приводили к результатам, которые были бы ему желательны, он объяснял это обманом крестьянства высшими классами, а иногда случайностью.

Что касается рабочего класса, то его исторического призвания Бакунин, к сожалению, не понимал. Мы найдем, разумеется, в его сочинениях сколько угодно заявлений, особенно начиная с конца 60-х годов и в начале 70-х годов, заявлений относительно громадной роли, которую призван сыграть в истории рабочий класс, в частности пролетариат. Но с нашей точки зрения, с точки зрения действительного понимания классовых задач пролетариата, Бакунина нельзя признать представителем правильной позиции. Я в этом отношении позволю себе привести одну только цитату, но в высшей степени характерную, относящуюся к эпохе, когда Бакунин окончательно выработал свою анархистскую систему. Я имею в виду его рукопись «Италия и Генеральный Совет», до сих пор не опубликованную и написанную в конце 1871 г., в разгар борьбы в Международном Обществе Рабочих. Лондонская конференция Интернационала 1871 года пр :-

няла резолюцию, в которой заявляла, что только организовавшись, как класс, образовав свою партию, независимую от буржуазных партий, пролетариат сумеет добиться своего освобождения. И вот в этой рукописи, обращенной к его итальянским единомышленникам, Бакунин, разбирая эту резолюцию, заявляет: «Мы предпочли бы сказать не как класс, а как обездоленная и деклассированная масса в виду того, что эпитет «класс» в применении к пролетариату может повести к двусмысленности и противоречит самому духу мотивировочной части наших генеральных статутот, ставящих главной целью международной агитации и организации рабочих масс всех стран «уничтожение классов», чего пролетариат не мог бы совершить, если бы сознавал сам себя особым классом... Эпитет «класс» в применении к пролетариату употребляется почти исключительно и с какой-то странной любовью социал-демократами, авторитетными коммунистами и пангерманистами (!) Германии. Вы найдете в каждом номере их газет «Volksstaat und Volkswille» следующую фразу: «Необходимо пробудить в пролетариате классовое сознание». Это, конечно, по мнению Бакунина, не только величайшая глупость, но и продукт «пан-германской» интриги, показывающий, что люди, проповедующие развитие классового сознания в пролетариате, «не сознавая этого и, несомненно, не желая этого (и за то спасибо! — Ю. С.), играют в руку господину Бисмарку». Почему же? Да потому, что за разговорами о пролетариате, как классе, и о необходимости пробуждать в нем классовое сознание скрывается стремление, во-первых, к созданию «великого пангерманистского (?) и так называемого народного государства», а, во-вторых, к увлечению рабочих на путь политической борьбы, что делает их орудием буржуазии. Разоблачив таким образом коварные замыслы «государственников», стремящихся к пробуждению классового сознания в пролетариате, Бакунин продолжает: «Что касается нас, то по тем же самым соображениям, так как мы не хотим ни государства, ни господства, ни эксплуатации, мы решительно отвергаем эпитет «класс», который немецкие социал-демократы нашли в политическом словаре буржуазии и который ни в каком случае не должен и не может применяться к пролетариату. Пролетариат с точки зрения государства (!) составляет в настоящее время низшую массу, дезорганизованную, деклассированную и обездоленную — огромное баранье стадо, которое государственные классы под покровительством государства и по правилам или законам, установленным государством, стригут и бреют каждый в меру своих привилегий или, лучше сказать, своей действительной силы в государстве».

В высшей степени характерно, что в том переводе «Коммунистического Манифеста», который приписывается Бакунину, и который был издан Нечаевым, термины «классовый», «класс» заменены словами «словный», «сословие» и т. п.

Бакунин прекрасно сознавал, что в пролетариате имеются различные группировки. К каким же из них он питал симпатии и какие из них считал ближе к своей системе? Опять-таки это общеизвестно. Бакунин решительно выступал против так называемой «рабочей аристократии», которая в то время уже начинала выказывать свои оппортунистические

склонности, но которая в рабочем движении на известной стадии его развития сыграла важную организаторскую роль. Симпатии Бакунина принадлежали деклассированным элементам. Люмпен-пролетариат он возвеличивает и поднимает на пьедестал. При его основной точке зрения это опять-таки понятно. Босаяцкий пролетариат является в значительной мере продуктом разложения крестьянства и по всей своей физиономии и настроению, а, с другой стороны, по способности легко служить орудием реакции этот босаяцкий пролетариат, конечно, стоит гораздо ближе к крестьянству, чем к рабочему классу.

Вообще Бакунин уже в 40-х годах относился чрезвычайно презрительно и отрицательно к работе коммунистов среди рабочей интеллигенции, считая это превращением рабочих в резонеров и мелких буржуа. Еще определеннее он начал выражаться в таком духе, когда сделался анархистом. «Во всех странах,—говорит он в брошюре «Все-светный революционный Союз социальной демократии», относящейся к 1870 году,—между многомиллионной массой чернорабочих людей есть слой работников, более развитых, более грамотных и составляющих по этому самому в среде рабочего люда род аристократии». Эту аристократию он критикует и находит в высшей степени вредной. Но совсем другой тон берет он, когда переходит к тем разрядам рабочего класса, которые с точки зрения его бунтарских, вспышечнопоисковых настроений казались ему более подходящими.

Вот, напр., его отзыв о люмпен-пролетариате в Италии: «В Италии,—говорит он,—существует огромный, от природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенский пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и мелких ремесленников и около двадцати миллионов крестьян-несобственников... Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии... В Италии не существует, как во многих других странах Европы, оседлого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отлучается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, таких работников мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором г.г. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов в Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключаются и весь ум, и вся сила будущей социальной революции»¹⁾.

Бакунин ошибся. Босаяцкий пролетариат не пополнил рядов ни его Альянса, ни Интернационала и в революционном движении рабочего класса не сыграл той роли, которую приписывал ему Бакунин. С другой

¹⁾ «Государственность и Анархия», стр. 5—7.

стороны, совершенно неверно, что германские «авторитарные коммунисты» относились к босяцкому пролетариату с презрением. Дело шло все не о презрении, а о реалистическом определении и выяснении исторической роли этой группы. В «Коммунистическом Манифесте», как известно, по этому поводу сказано кратко и ясно: «Босяцкий пролетариат, этот пассивный продукт гниения низших слоев старого общества, местами втягивается в движение пролетарской революцией, однако, в силу всего своего жизненного уклада, он проявляет больше готовности продаваться на службу реакции» («Манифест Коммунистической Партии», Пет. 1917, стр. 48).

И это не выдуманно, товарищи. «Коммунистический Манифест» был написан в 1847 г. В течение 20 или 30 лет, предшествовавших написанию этих строк, босяцкий пролетариат Италии и Испании, т.-е. как раз тех стран, которые Бакунин считал особенно революционными потому, что там было много этого пролетариата, сыграл самую ужасную черносотенную роль, как погромное оружие в руках полицейской монархии и помещиков против либеральной и радикальной буржуазии и демократии. И именно на опыте этих стран основывались авторы «Коммунистического Манифеста», когда писались эти строки. Для них не оставалось секретом, что Бакунин возлагал свои надежды на босяцкий пролетариат и у Энгельса в предисловии к «Крестьянской войне», написанном в 70-х годах, уже есть некоторое выражение «презрения» не только к босяцкому пролетариату, но и к тем политическим деятелям, которые намерены на него опираться. Там сказано: «Люмпен-пролетариат — отбросы всех классов, главной квартирой которых являются большие города — должен быть признан самым худшим из всевозможных союзников. Это отребье абсолютно продажно и абсолютно навязчиво. Если французские рабочие при каждой революции писали на стенах домов «Mort aux voleurs!» (смерть ворами!) и некоторых из них расстреливали, то это происходило не из особой любви к собственности, а из того вполне основательного соображения, что прежде всего необходимо отбросить от себя эту банду. Всякий вождь рабочих, пользующийся ею как гвардией или ищущий в ней опору, уж тем самым становится предателем движения» (Фр. Энгельс — «Крестьянская война в Германии», Гиз, Петр., 1921, стр. 15). Эти строки, написанные в 1870 году, наверно были известны Бакунину. При желании он мог даже принять последние слова на свой счет.

Это как раз такая социальная категория, которая вербуетя вовсе не из рядов одного пролетариата. Она вербуетя и из среды разных других классов: из разорившихся чиновников, мелкой буржуазии, всякого простонародья, городского и сельского, и т. д. Это такая группа, которая иногда присоединялась к общему рабочему движению, но сплошь и рядом оказывалась элементом разлагающим, против которого революционному пролетариату приходилось принимать подчас довольно решительные меры.

Товарищи, я бы не хотел долго останавливаться на том, что нас отделяет от Бакунина, так как во второй части доклада я хочу перейти к тому, что нас с ним связывает. Но на некоторых основ-

ных пунктах разногласия приходится все же, хотя и вкратце, останавливаться.

Уже потому, что Бакунин не представлял себе ясно роли пролетариата в той грядущей мировой революции, которой он хотел, разумеется, страстным образом, вытекало то обстоятельство, что он решительно отвергал те исторические формы, в которые выливалось действительное рабочее движение, и в частности высказывался против всякой политической деятельности пролетариата. Это настолько общеизвестно, что на этом останавливаться не приходится. Разумеется, он с особенной энергией высказывался против организации политических партий рабочего класса. В стремлении к основанию рабочих партий он усматривал исключительно интригу буржуазно-демократической интеллигенции, желавшей использовать рабочих как орудие для своего политического возвышения, как превращение пролетариата в орудие буржуазии, а всю политическую деятельность пролетариата он рассматривал как ряд нескончаемых компромиссов и сделок с буржуазией. Опять-таки, исторически многое из того, что Бакунин говорил по этому поводу, оправдалось на деле, в работе с.-д. партий. Но это совершенно не противоречит тому, что в основном и целом точка зрения Бакунина была не правильна и не исторична. Бакунин, как вы знаете, решительно отвергал тот критический момент в пролетарском движении, который называется завоеванием политической власти. Он был уверен, что всякий захват политической власти, хотя бы рабочей партией, есть только укрепление того государства, которое он считал главной причиной порабощения трудящихся, и разрушение которого он признавал первым шагом социальной революции. Программу революционных коммунистов он смешивал и отождествлял с программой демократов-якобинцев, одинаково с первыми стремящихся, по его словам, увековечить и укрепить государство.

Я позволю себе привести 4-й пункт составленной Бакуниным программы Интернационального Братства, и опять-таки неважно, является ли эта программа действительной программой Братства, как я думаю, и как я это доказываю печатно, или же только проектом. Ведь и проект этот был составлен Бакуниным и выражает его взгляды. Так вот, в 4-м пункте этой программы говорится:

«Мы — естественные враги тех революционеров, — будущих диктаторов, регламентаторов и опекунов революции, — которые даже до того, как разрушены современные монархические, аристократические и буржуазные государства, уже мечтают о создании новых революционных государств, столь же централизаторских и более деспотичных, чем существующие ныне государства, — революционеров, имеющих столь сильную привычку к порядку, созданному каким-нибудь авторитетом свыше, и испытывающих столь глубокое отвращение к тому, что представляется им беспорядком, а на деле является не чем иным, как непосредственным и естественным выражением народной жизни, что даже раньше, чем революцией произведен добрый и благодетельный беспорядок, уже мечтают о конце и укрощении его действиями какой-нибудь власти, у которой революционного будет только название, но

которая в действительности будет только новой реакцией, так как на деле она будет только новым осуждением народных масс, управляемых декретами, на повиновение, неподвижность и смерть, т.-е. на рабство и на эксплуатацию новую, якобы революционной аристократией».

Итак, Бакунин понимал революцию не в смысле захвата власти организованным в политическую партию рабочим классом; он понимает ее в смысле анархии. Что же он разумел под анархией? Об этом говорит следующий пункт программы: «Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что ныне называется дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется общественным порядком. Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные в том, что из этой анархии, т.-е. из полного проявления освобожденной народной жизни, должны выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции. Эта новая жизнь — народная революция, — без сомнения, не замедлит сорганизоваться, но она создаст свою революционную организацию снизу вверх и от периферии к центру — соответственно принципу свободы, — а не сверху вниз, не от центра к периферии, — согласно способу всякой власти, — ибо для нас неважно, называется ли эта власть церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их все одинаково ненавидим и отвергаем, как неизбежный источник эксплуатации и деспотизма».

Он полагает начало революции в таких действиях, как разрушение государства и всех его учреждений, судов, банков, университетов и пр.

Тут опять-таки, как всегда у Бакунина, на ряду с высшей степени вредными для революции мыслями содержится очень много правильного и здравого, что дает ему право на бессмертие. Несомненно, то, что он говорил о «разнуздании» народной жизни, «дурных страстей» («дурных страстей» он говорил иронически, это по-буржуазному дурные страсти: бунт, восстание, разрушение), то, что он понимал под разнузданием самочинных народных действий, играло огромную роль во всех революциях, особенно же социалистических. Конечно, и наша революция началась с того, что повсюду самочинно выступали рабочие и крестьяне, выгоняли помещиков, организовывали отряды, советы и т. д. Этим наша революция и отличается от других, буржуазных революций. Но даже и серьезные буржуазные революции дают картину таких же самочинных действий масс. Так, французская революция конца XVIII века отличалась тем, что на сцену выступил сам народ, что разнуздались его страсти и т. д. Это верно, но вопрос не только в этом. Вопрос в том, как гарантировать революцию от возвратных приступов реакции. Как координировать народные выступления? Об этом Бакунин как будто тоже говорит, но то, что он говорит об этом, разрушает его анархическую тактику в корне.

Бакунин не мог не понимать, что социальная революция трудящихся, как он ее себе рисовал, натолкнется на неслыханное еще сопротивление буржуазии, прекрасно организованной и даже гораздо более сильной и располагающей технически более мощными средствами, чем

пролетариат, особенно в первый момент революции. Это он хорошо понимал. Поэтому в знаменитом письме к Альберу Ришару и в своей программе Интернационального Братства он рисовал картину будущего переходного революционного режима, который он иногда даже называл «революционным государством». Вот что он говорит в пункте 6 программы: «Для организации коммуны (необходима) перманентная федерация баррикад и функционирование Совета Революционной Коммуны, составленного путем делегирования по одному или по два депутата от каждой баррикады, по одному от улицы или квартала, депутатов, снабженных императивными мандатами, всегда ответственных и всегда могущих быть отозванными. Организованный таким путем Коммунальный Совет сможет выбрать из своей среды исполнительные комитеты, выделенные для каждой отрасли революционного управления Коммуны (курсив мой). Обращение ко всем провинциям, коммуна и ассоциациям с предложением им всем последовать примеру столицы, сначала революционно реорганизоваться, а затем делегировать в условленный пункт своих депутатов, также снабженных императивными мандатами, ответственных и могущих быть отозванными, с целью образовать федерацию ассоциаций, коммун и провинций, восставших во имя тех же принципов, и организовать революционную силу, способную восторжествовать над реакцией (курсив мой). Посылка не официальных революционных комиссаров с какими-нибудь нагрудными шарфами, а революционных пропагандистов во все провинции и коммуны — в особенности к крестьянам, которые не могут быть революционизированы посредством принципов и декретов какой-либо диктатуры, а лишь одними революционными фактами, т.-е. последствиями, которые неминуемо вызовут во всех коммунах полнейшее прекращение юридической, официальной жизни государства еще в том смысле, что всякая иноземная страна, провинция, коммуна, ассоциация и даже отдельная личность, поднявшиеся во имя тех же принципов, будут приняты в революционную федерацию, не считаясь с существующими границами государств и несмотря на принадлежность их к иным политическим и национальным системам; собственные же провинции, коммуны, ассоциации и индивидуумы, которые примут сторону реакции, будут из нее исключены. Таким образом, благодаря самому факту расширения и организации революции в видах взаимной защиты восставших стран, победит всеобщий характер революции, основанной на уничтожении границ и на разрушении государств. Новое революционное государство, организующееся снизу вверх посредством революционных делегаций и обнимающее все восставшие во имя одинаковых принципов страны, не считаясь со старыми границами и национальными различиями, будет иметь задачей заведывание публичными службами, а не (?) управление народами. Оно образует новое отечество, Союз Мировой Революции против Союза всех видов реакции».

Что же это за вооруженная сила, и что это за отдельные отрасли управления? В другом месте Бакунин определенно говорит, что это будут различные комитеты, комиссии продовольствия, народного обра-

зования, народного вооружения и т. д. Но совершенно очевидно, особенно в революционный период, что такая организация из депутатов, как вы ее ни назовите, располагающая вооруженною силою, имеющая ряд исполнительных комитетов и отраслей управления, представляет воссоздание революционного государства, это есть диктатура пролетариата и крестьянства, разумеется (С места: «Но не партии!»). В этом-то и было его несчастье. Без партии, без коммунистической партии, не было бы ни диктатуры пролетариата, ни крестьянства, ни кого бы то ни было, а была бы диктатура буржуазии в буржуазных странах. Это слишком общеизвестно, чтобы нужно было на эту тему распространяться.

Но я здесь не намерен полемизировать с Бакуниным, а хочу выяснить его позицию. Бакунин прекрасно понимал, что особенно в разгаре самочинной анархии или, с нашей точки зрения, в течение переходного революционного фазиса понадобится какая-нибудь организующая и координирующая сила, без которой революционные массы, какой бы прекрасной целью они ни задавались, неминуемо будут обречены на разгром. В знаменитом письме к А. Ришару, его приятелю и члену Альянса, он излагает свою точку зрения на условия успешности революции. Снова повторив то, что я уже читал, но что за поздним временем я пропускаю, он говорит, переходя к партии, которую он, впрочем, не называет партией, и о ее роли в народной революции, следующее:

«Анархия, вспышка всех местных страстей, пробуждение самочинной жизни во всех пунктах должны достигнуть максимальных размеров для того, чтобы революция была и осталась живою, реальною, могучею. Политические революционеры, партизаны открытой диктатуры, после первой же победы революции рекомендуют умиротворение страстей, порядок, доверие и подчинение установленным революционным властям. Таким путем они восстанавливают государство. Мы же, напротив, должны будоражить, разнуздывать все страсти, мы должны создавать анархию, и в качестве незримых лоцманов посреди народной бури мы должны будем ею руководить не посредством какой-либо открытой власти, а посредством коллективной диктатуры всех альянсистов, — диктатуры без шарфов, без титулов, без официального права, но тем более могучей, что она не будет иметь никаких внешних отличий власти. Вот единственная диктатура, которую я допускаю. Но для того, чтобы она могла действовать, необходимо, чтобы она существовала, а потому ее нужно заранее подготовить и организовать; ибо сама по себе она не делается ни речами, ни изложением и обсуждением принципов, ни народными собраниями.

«Альянсистов не должно быть много, но они должны быть хорошие, энергичные, выдержанные, верные, а в особенности — свободные от личного тщеславия и честолюбия люди, сильные, достаточно серьезные, люди с сердцем и умом, достаточно возвышенными для того, чтобы предпочесть реальность силы ее внешней мишуре»...

Это он, товарищи, наше Политбюро характеризует. (Аплодисменты). «Если вы создадите такую коллективную и незримую

диктатуру, вы победите, а революция, хорошо руководимая, восторжествует. Если нет, то нет».

И дальше он говорит:

«Отныне существует одна только власть, одна только диктатура, организация которой может быть благодетельна и осуществима. Это — коллективная и незримая диктатура альянсистов во имя нашего принципа, а эта диктатура будет тем более благодетельной и сильной, чем меньше она будет облечена официальной властью или бросаться в глаза.

«Но для ее образования требуются люди, действительно сильные, стоящие по уму и сердцу выше вульгарного честолюбия и обладающие честолюбием настолько серьезным, чтобы стремиться к торжеству своей идеи, а не своих особ, и чтобы предпочесть реальную силу видимостям силы, наконец, чтобы понять, что наш век — это век коллективной силы, а не индивидуальных сил, и что коллектив сокрушит всех индивидуумов, желающих себя навязать ему».

Прекрасно. За исключением антигосударственного фетишизма этих положений, основные их мысли можно принять к руководству. Недостаток бакунинской конструкции как раз и заключался в том, что он не доводил своей мысли до логического конца. Самым развитием своей мысли он был приведен к той идее, что, даже признавая народную анархию неизбежной в первый момент революции, каковая невозможна без такой «анархии», для успеха этой революции необходима диктатура, проникнутая единством мысли и действия, сплоченная в единый организм. Но вместо диктатуры, выросшей из массового рабочего движения, вместо диктатуры политической партии пролетариата, существующей и действующей задолго до рокового момента революции, участвующей во всех движениях пролетариата, заслужившей доверие этого пролетариата, имеющей определенную программу, связанную строгою дисциплиной, знающей, чего хочет, вместо этой диктатуры рабочей партии Бакунин выдвинул диктатуру заговорщической группы, пусть самых прекрасных людей, но состоящей из выходцев из буржуазно-интеллигентской среды, оторванных от рабочего движения своих стран и потому, разумеется, совершенно неспособных к осуществлению той спасительной диктатуры, о которой мечтал Бакунин. А что он считал диктатуру необходимой, это совершенно ясно. Я пропускаю характеристику альянсистов, от которых Бакунин действительно требовал особых качеств. Но в развитой политической партии эти качества проверяются фактической классовой борьбой, из рядов борющейся за свои интересы массы естественно выдвигаются нужные люди, на нужное место и в нужный момент. У Бакунина же роль этих спасительных диктаторов отводится узкой группе заговорщиков, о которой в 11 пункте бакунинской конституции говорится: «Число этих лиц не должно быть очень большим. Для международной организации во всей Европе достаточно ста крепко и серьезно связанных революционеров. Двух — трех сотен революционеров достаточно для организации самой большой страны».

Вот, если вы находите, что такая «партия» больше обеспечивает успех социальной революции в мировом масштабе, чем коммунистиче-

ская партия, это, конечно, ваше дело, но что рабочие не доверят ей руководства своей революцией, я в этом уверен.

Но вот что характерно: чем больше Бакунин настаивал на строгом единстве мысли и действия в среде тесной заговорщицкой группы, тем меньше единства и дисциплины он признавал за массовым рабочим движением, даже за теми передовыми группами пролетариата, которые были организованы в Международное Товарищество Рабочих. Попытку установить это идейное единство и дисциплину в рядах Интернационала (а без идейного единства и дисциплины какая может быть революция?) Бакунин называет абсурдом, смешивая ее с навязыванием идей кучки массе отсталых рабочих. В одной рукописи, относящейся к январю 1872 г. и представляющей набросок письма в итальянскую газету, он высказывается против идейного единства и дисциплины в Интернационале, которого добивались коммунисты, и противопоставляет этому требованию взгляд своей школы. Вот что он там говорит: «Одни, не допуская, чтобы единство могло существовать без авторитета, или чтобы действительная организация социальных сил, могла иметь место без руководящего правительства, хотели бы обратить Интернационал в своего рода чудовищно-колоссальное государство, повинующееся одной официальной мысли, представляемой сильно центральной властью. Другие, т.-е. анархисты, к которым мы принадлежим, полагают, напротив, что введение подобной дисциплины в ряды Интернационала не только не увеличит его мощи, но даже неизбежно принизит, ополхит и убьет его; что оно задушит в зародыше свободную и стихийную мысль пролетариата и сделает невозможным всякое дальнейшее развитие этой великой Ассоциации, призванной освободить человеческий мир. Мы полагаем, что единство, действительная сила и мысль Интернационала заложены не вверху, а внизу, не в Генеральном Совете, превращенном в правительство, а в автономии всех секций и их вольной федерации».

Эту же автономию секций, как общеизвестно, Бакунин намеревался провести в жизнь до социальной революции, в момент ее подготовки. Он добивался федерации автономных секций в самом Интернационале, а, разумеется, идти в бой с такой несвязанной и распыленной организацией значило идти на верное поражение. Это понятно. Вот почему до сих пор остается в силе все то, что в свое время, хотя и в резкой форме, было сказано против тактических и организационных идей Бакунина. В брошюре Энгельса-Лафарга «L' Alliance de la Démocratie Socialiste», 1873 г., по поводу противоречий бакунинских построений сказано:

«Итак, первым актом революции должен быть декрет об отмене государства, как Бакунин и сделал 28 сентября (1870 года) в Лионе, хотя эта отмена государства является по необходимости авторитарным актом (верно, это вполне авторитарный акт. — Ю. С.). Под государством он понимает всякую политическую власть, революционную или реакционную... И он заявляет, что все революционеры, которые на следующий день после революции хотят «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств, и что «мы, интернациональные братья, являемся естественными врагами этих рево-

люционером», ибо дезорганизация революции есть первый долг интернациональных братьев.

«Ответ на эти фанфаронады о безотлагательной отмене государства и установлении анархии дан уже в частном циркуляре последнего Генерального Совета «Les prétendues scissions dans l'Internationale», март 1872, стр. 37: «Анархия—вот конек их учителя Бакунина, который из социалистических систем заимствовал лишь этикетки. Все социалисты понимают под анархией следующее: раз достигнута цель пролетарского движения—уничтожение классов, то государственная власть, служащая к удержанию подавляющего производительного большинства под игом малочисленного эксплуататорского меньшинства, исчезает, а правительственные функции превращаются в простые административные функции, Альянс ставит вещи вверх ногами. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как вернейшее средство разбить мощное сосредоточие социально-политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы тот в момент, когда старый мир стремится его уничтожить, заменил свою организацию анархией».

«Последуем, однако, за анархическим евангелием до его логических выводов; предположим, что государство отменено декретом.

«Согласно статье 6-й (программы Интернационального Братства) последствиями этого акта явятся: государственное банкротство, прекращение государственного взыскания частных долгов, прекращение уплаты всяких налогов и податей, роспуск армии, магистратуры, чиновничества, полиции и духовенства (?); отмена официальной юстиции, сопровождаемая сожжением всех собственнических грамот и всех юридических и гражданских бумаг, конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих ассоциаций и объединение этих ассоциаций, которые «образуют Коммуну».

«Лионские события (т.-е. попытка восстания в Лионе 28 сентября 1870 г.—Ю. С.) показали, что простого декрета об отмене государства далеко недостаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Напротив, двух рот буржуазной национальной гвардии оказалось достаточно для того, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина поспешно возвратиться в Женеву с чудотворным декретом в кармане. Вот почему он не мог предположить в своих последователях такой глупости, чтобы не видеть необходимости дать им какой-либо организационный план в целях практического осуществления своего декрета. Вот этот план».

Дальше авторы брошюры излагают план, содержащий во второй части 6-й статьи программы Интернационального Братства. Пошутив над «оригинальными баррикадами Альянса, где сочиняют мандаты вместо того, чтобы сражаться», авторы брошюры замечают: «Таким образом в этой анархической организации баррикад-трибун мы имеем сначала коммунальный совет, затем исполнительные комитеты, которые для того, чтобы исполнять что бы то ни было, должны обладать какой-либо властью и спираться на вооруженную силу; далее мы имеем целый федеральный парламент, главною задачею которого будет организация

этой вооруженной силы (*force publique*). Этот парламент, равно как и коммунальный совет, должен будет облечь исполнительной властью один или несколько комитетов, в силу этого самого факта приобретающие авторитарный характер, который потребностями борьбы будет все больше заостряться. Таким образом, мы просто-напросто восстановили все элементы «авторитарного государства»; а назовем ли мы эту машину «революционной коммуной, организованной снизу вверх», это не имеет никакого значения. Название ничего не изменяет в предмете; организация снизу существует во всякой буржуазной республике, а императивные мандаты существуют со времен средневековья. Впрочем, Бакунин и сам это признает, когда (в ст. 8) дает своей организации название «нового революционного государства».

«Что касается практической ценности этого революционного плана, где рассуждают вместо того, чтобы драться, мы об этом не скажем ни слова».

Повидимому, Бакунин сам это сознавал, когда давал проектируемой организации название «нового революционного государства». Это противоречие, конечно, коренное, и это самый слабый пункт у Бакунина, полностью упрядняющий всю данную им критику революционной диктатуры пролетариата.

Товарищи, мы видели, что Бакунин неправильно оценивал роль пролетариата, его задачи и его тактику. Но была другая социальная группа, которую он особенно возлюбил, к которой сам принадлежал: эта так называемая интеллигенция, революционная интеллигенция. Нужно сказать, что так называемый крестьянский социализм, — а в общей форме к системе Бакунина можно применить это выражение, — имеет своим неизбежным, естественным дополнением апологию интеллигенции. С одной стороны, это кажется странным. Народничество, говорящее о важнейшей роли масс, о революции через народ, с помощью народа, в частности крестьянства, отрицающее вообще высшие классы, роль личности в истории и т. д., в то же время стоит на почве превознесения роли личности, в частности личностей из интеллигенции. Почему? Это неизбежно, товарищи. Поскольку в основу революции кладется пролетариат, который худо ли, хорошо ли, сам из себя выдвигает свою рабочую интеллигенцию, который из всех классов является наиболее склонным к организации, постольку нет оснований для придания интеллигенции какой-то специфической миссии, для приписывания ей роли главной силы, без которой движение масс не может притти к высшей стадии, не может собрать сил для революции и победить. Наоборот, поскольку речь идет о крестьянских революциях в аграрных странах, где масса распылена, политически безграмотна, политически отстала, к организации неспособна, — приходится искать такой силы, которая могла бы объединить стихийное недовольство масс, просветить их какими-нибудь сознательными политическими идеями, связать какими-нибудь организационными формами и т. д. Тогда неизбежно выступает на первый план роль интеллигенции, о которой говорится и у Бакунина. Я полагаю, что взгляды Бакунина по этому вопросу общеизвестны, а так как за неимением времени я должен пропускать относящиеся

сюда доказательства, то вам приходится верить мне на слово. Я мог бы привести ряд цитат, в которых Бакунин определенно говорит, что наряду с народными массами основной революционной силой является революционная интеллигенция. Правда, он прибавляет, что сама по себе эта революционная молодежь слаба, беспомощна, но она может сыграть колоссальную роль в революционном движении, придав ему сознательность и организованность.

«Несколько сот молодых людей с добрыми намерениями, конечно, недостаточно для образования революционной силы вне народа, но этих нескольких сотен будет достаточно для организации революционной силы народа»¹⁾. Говоря о русской и итальянской молодежи, Бакунин следующим образом определяет ее значение: «Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву, но взамен они приносят ему положительные знания, привычку отвлечения и разобщения (т.-е. обобщения.—Ю. С.) и умение организовываться и создавать союзы, которые в свою очередь создают ту сознательную боевую силу, без которой немыслима победа»²⁾.

И это понятно. Для отсталой аграрной страны именно так и нужно было представлять себе роль интеллигенции. Тем более, что Бакунину, как выходящу из буржуазной среды, эта деклассированная интеллигенция была в высшей степени близка по настроению, по анархическим воззрениям и стремлениям. Бакунин был сам законченным образчиком именно этой породы.

Товарищи, я пропускаю остальное, что нас отделяет от Бакунина. Вы видите, что нас отделяет от него в основном и целом непонимание им роли и значения пролетариата в развивающемся капиталистическом обществе, значение его политической организации, участия во всех проявлениях жизни, непонимание им необходимости завоевания политической власти, как орудия для торжества социальной революции и для уничтожения классов. Это основное, что нас с ним разделяет.

Но, товарищи, есть много такого, что нас с ним сближает. И это понятно, ибо Бакунин, как и Маркс, является представителем так называемого революционного социализма — в отличие от социализма оппортунистического, блестящим образчиком которого является II Интернационал. В этом отношении Бакунин был учеником Маркса. Я бы хотел еще обрисовать Бакунина как демократа, это тема в высшей степени интересная. Вы знаете, что его деятельность протекала вначале в форме участия в национально-демократических движениях. И вот нужно сказать, что Бакунин был первым, пожалуй, даже не русским, а мировым социалистом, который правильно, во всю ширь поставил национальный вопрос и который в этом отношении явился предшественником Ленина. Разрешите мне прочесть пару цитат, чтобы показать вам, как широко и правильно он ставил этот вопрос, и насколько он стоял выше современных анархистов, которые во время империалистической войны пошли на службу буржуазии, выше даже такого, как

¹⁾ „Oeuvres“, том VI, стр. 419.

²⁾ „Государственность и Анархия“, стр. 5.

Кропоткин, который в сравнении с Бакуниным оказался карликом, когда дело дошло до социальной революции. Вот что Бакунин говорил на Женевском конгрессе Лиги Мира и Свободы по поводу национального вопроса:

«Не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что ее успехи, ее слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и нерусских, ее нынешних жертв и рабов...»

«В положении, созданном для империи последним польским восстанием (1863 г.), ей остается только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьева, или распасться. Середины нет, а желать цели и не желать средств, значит только обнаружить умышленную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или идти путем и средствами Муравьева к усилению могущества империи, или заодно с нами откровенно желать ей разрушения. Кто желает ее величия, должен поклоняться, подражать Муравьеву и, подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротив, любит свободу и желает ее, должен понять, что осуществить ее может только свободная федерация провинций и народов, т.е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин—пустые слова. Право федерации и отделение, т.е. отступление от союза есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов». (Подчеркиваем этот пункт, на котором не раз спотыкались даже крайне революционные социалисты.—Ю. С.).

«Я довожу до конца логику постановленных мной принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. (На Кропоткина это похоже?—Ю. С.). Этого требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластья. Между империей и нами, патриотами, революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности».

Перейдя к общеевропейским вопросам, Бакунин, продолжает: «То, что... справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной, бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной, более или менее лживой, личиной в цивилизованных странах Запада, но принцип ее все один и тот же—насилие... Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей битв! Лавры и ореолы превратятся в цепи и ковы для народов, которые вообразят себя победителями».

И далее: «Национальность—не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей собственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.»

«Всякий, искренне желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней... Международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.»

«Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиться единства свободные, организованные снизу вверх свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы».

Вот резкая постановка национального вопроса в 1867 г. В 1868 году Бакунин повторяет это и идет дальше. Он безоговорочно признает право на отделение за Финляндией, Балтийскими провинциями, Польшей, Украиной и высказывает даже предположение, что и Великороссия откажется от насильственной централизации и организуется на основе федерации (т.е. предсказывает РСФСР). Он бросает призыв германским с.-д. повторить то же самое по отношению к германскому империализму. Они не повторили, конечно.

Итак, национальный вопрос, вопрос о пораженчестве вообще и о поражении русского империализма в частности—это одно; что обличает нас с Бакуниным, который был в этом смысле настоящим революционером не на словах, а на деле. Так же объединяет нас критика религии. Он считал нужным включить в свою программу пункт о необходимости вести антирелигиозную пропаганду, борьбу с религией. Вы знаете, однако, что до основания Коминтерна этот вопрос с.-д. ставился совершенно иначе. Бакунин был одним из первых, который этот вопрос поставил совершенно правильно.

Чрезвычайно характерно для Бакунина, особенно для него, прошедшего школу революционной демократии, то, что он отрицает всякую национальную ограниченность. Я уже не говорю о последнем периоде его жизни, когда он освободился от своих былых национально-демократических увлечений, но даже в момент революции 1848—1849 г.г., участником которой он был, он ни на минуту не забывал интересов мировой революции и понимал их теснейшую связь с интересами всякого народа в отдельности, в частности народа русского. Бакунин

всегда связывал дело революции в России с делом мировой революции. В этом отношении интересна одна цитата из его письма к Тхоржевскому 1864 г. Он рассказывает там о том, что встретил поляков, готовых отказаться от национальной ограниченности, понявших, что будущность Польши, как и всех славянских народов, заключается в крестьянине, в хлопе, и что для всех есть одно лишь средство спасения—социальная революция. И он прибавляет:

«Я уж встретил таких людей и уверен, что встречу их еще более. С ними возможен и необходим союз. Они же могут нам найти и настоящих великоросских и малоросских людей. На Западе также кончился прилив реакции, начался снова прилив революции. И отбросив китайскую мысль, достойную аксаковского «Дня», мысль раз'единения русского и славянского движения от европейского движения, будто бы умершего, в действительности же только примершего, теперь же вновь воскресающего (это он в 1864 году писал.—Ю. С.), мы должны же, наконец, понять, что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контр-революцией».

Эта молодая вера Бакунина во всероссийскую, всеевропейскую, мировую революцию, эта вера никогда его не оставляла. Он проявлял ее в полемике не только с аксаковским «Днем»—об этом не приходится говорить,—не только с реакционером, но и с такими близкими ему людьми, как Герцен, который совершенно утратил веру в революцию и в значительной мере на этой почве с Бакуниным разошелся. Разрешите, товарищи, процитировать в этом отношении чрезвычайно интересное место из письма Бакунина к управителю Устьронского департамента, А. Эскиросу, написанного в октябре 1870 года, когда Бакунин скрывался в окрестностях Марселя от французской полиции, искавшей его после Лионского восстания. Там он говорил: «Если Пруссия победит, то с европейским человечеством будет покончено, по крайней мере, на пятьдесят лет; нам же, старикам, останется только умереть. Увы, я должен буду признать, что прав был мой покойный друг Александр Герцен, когда после июньских дней 1848 года... он заявил, что Западная Европа отныне умерла и что для возобновления и продолжения истории остаются только два источника: с одной стороны, Америка, а с другой—восточное варварство. Я—защитник не вашего официального буржуазного мира, который я ненавижу и презираю от всей души, а западной революции,—всегда отстаивал эту революцию против него. Он, некогда бывший одним из пылких ее сторонников, больше в нее уже не верил. Я же продолжал в нее верить, несмотря на преступление, совершенное буржуазией в июне. Он говорил, что Западная Европа сгнила, что она стала резонерской и трусливой, без веры, без страсти, без творческой энергии, как некогда Низменная (Византийская) Империя. Я соглашался с ним во всем этом относительно вашей буржуазной цивилизации, но указывал ему, что в Западной Европе под буржуазией имеется своего рода варварский мир—городской и сельский пролетариат, который, не имея возможности злоупотреблять и даже пользоваться жизнью, не будучи возвращен и софи-

стицирован этой упадочной цивилизацией, а, напротив, беспрерывно морализуемый трудом, являющимся при всем своем подавленном и рабском характере живым источником ума и силы, имеет перед собою богатое будущее, а потому для обновления европейского Запада нет никакой нужды в варварском нашествии, так как Запад имеет в своем подполье свое собственное варварство, которое в свое время обновит его. Герцен абсолютно не верил в это и был убит своим скептицизмом в гораздо большей мере, чем болезнью. Я же, наоборот, я был полон веры, я был социал-революционером не только в теории, но и на практике; это значит, что я верил в осуществление социалистической теории, и именно потому я его пережил... Так вот то, что я ныне наблюдаю во Франции, повергает меня в состояние, близкое к отчаянию. Я начинаю опасаться вместе с Герценом, что крестьяне и пролетариат во Франции и в Европе также мертвы. А тогда что? Тогда Франция погибла, и Европа погибла. Но нет! В продолжение моего кратковременного пребывания в Лионе и в окрестностях Марселя я увидел, я почувствовал, что народ не умер. Он обладает всеми великими инстинктами и всю мощную энергию великого народа. Ему не хватает только организации и правильного руководства» (Bakounine—«Oeuvres», т. IV, стр. 233—235).

Да, это совершенно верно, и дальнейший ход всемирной истории показал, насколько Бакунин в своем пророчестве был глубоко прав.

Бакунин понимал социализм в революционном смысле. Это то, что сближает его теснейшим образом с нами. Но и тактику социалистов, тактику трудящихся он также понимал в боевом смысле. Бакунин говорил и понимал, пропагандировал и старался вбить в голову каждого из своих последователей ту мысль, что никакое вживание социализма в буржуазный мир невозможно, что это два мира абсолютно противоположные, которые должны встретиться на поле брани, что только вооруженной рукой, путем восстания трудящихся масс можно низвергнуть существующий строй. И, между прочим, с этой точки зрения он подходил,—ошибаясь, правда, в понимании коммунистической тактики,—к критике тогдашнего Интернационала.

«Тем, кто спросит нас, какой смысл имеет существование Альянса, раз существует Интернационал, мы ответим: Интернационал, несомненно, превосходное учреждение, он, бесспорно, представляет лучшее, самое полезное, самое благотворительное создание нынешнего века. Он положил основу солидарности рабочих всего мира. Он дал им начатки организации поверх всех государственных границ и в стороне от мира эксплуататоров и привилегированных. Он сделал больше; он содержит уже теперь первые зародыши организации грядущего единства, и вместе с тем он внушил пролетариату всего мира сознание своей собственной силы. Но Интернационал не является учреждением, достаточным для организации и руководства этой революцией¹⁾».

1) Разрядка моя.

«Интернационал подготавливает элементы революционной организации, но не доводит их до завершения. Он подготавливает их, организуя открытую и легальную борьбу объединенных рабочих во всех странах против эксплуататоров труда, капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но он никогда не идет дальше этого. Единственное, что он делает сверх этого, уже самого по себе полезного дела, это теоретическая пропаганда социалистических идей в рабочих массах, вещь также очень полезная и необходимая для подготовки массовой революции, но это еще далеко от революционной организации масс.

«Одним словом, Интернационал представляет широкую среду, благоприятную и необходимую для этой организации, но он не есть еще эта организация»...

Необходима особая, боевая организация, способная руководить активными выступлениями тех масс, которые Интернационал группирует на почве экономической солидарности. Указывая на то, что буржуазия, несмотря на свое моральное банкротство, еще очень сильна и организована, Бакунин продолжает:

«Перед лицом этой колоссальной организации пролетариат, даже объединенный, сгруппированный и солидаризированный в Интернационале и Интернационалом, остается дезорганизованным. Какая польза от его многочисленности? Пусть народ считается миллионами и многими миллионами, его будут держать под угрозой нескольких десятков тысяч солдат, содержимых и дисциплинируемых на его счет, против него, на буржуазные деньги, добытые его собственным трудом.

«Возьмите самую многочисленную секцию Интернационала, самую передовую и наилучше организованную. Разве она организована для боя? Вы знаете хорошо, что нет. (Правильно! Тогдашний Интернационал не был так организован.—Ю. С.). На тысячу рабочих вы в день боя наберете самое большее одну или две сотни бойцов. Дело в том, что для того, чтобы организовать силу, недостаточно объединить интересы, чувства и мысли. Необходимо объединить воли и характеры. Наши враги организуют свои силы с помощью денег и государственного авторитета. Мы можем организовать наши силы только на основе убеждения и страсти».

Это совершенно правильная точка зрения революционного социалиста, не доведенная до логического конца только потому, что тактические взгляды Бакунина этому, к сожалению, препятствовали. Точно также его знаменитый план организации, в котором он рисует партию, не желая партии, этот план организации Союза Интернациональных Братьев, заговорщиков, оторванных от масс. Он нелеп, и теперешние анархисты его отвергают. Это верно; но по существу мысль, положенная в его основу, является отчасти предвосхищением грядущего.

Вспомните, чем был Первый Интернационал. Он был собранием всевозможного рода организаций (в первое время даже буржуазные демократы в нем участвовали, но потом вышли), свободным объединением просветительных союзов, профессиональных союзов, временных

класс сопротивления, политических союзов и т. д. Если вы вспомните, что в нем не только не было единства дисциплины, воли и действия, но не было и единства мысли, программы, что он желал этого добиться, с большим трудом делал первые шаги в этом направлении, но так и не успел дойти до конца; если вы вспомните все это, то вам станет понятно, что идея Бакунина о необходимости создать организацию, проникнутую единой мыслью и волей, стоящую на почве единой социальной программы, дисциплинированную, долженствующую повести за собой распыленную массу в момент социальной революции и обеспечить ей успех, эта мысль есть не что иное, как идея, лежащая в основе и нашей точки зрения на партию—с одним, впрочем, существенным различием, основным и центральным по содержанию. Ибо, как я уже говорил, бакунинское Интернациональное Братство состояло из нескольких десятков, пусть даже прекраснейших интеллигентов, но оторванных от массового движения, не участвовавших в повседневной борьбе пролетарских масс и с ними органически не связанных. Конечно, они не могли быть той партией, которая способна была бы повести за собой пролетариат, возглавить социальную революцию и обеспечить ее победу. Такую роль может сыграть только коммунистическая партия, выросшая из фабрично-заводских ячеек, из гущи рабочей массы, вместе с ней борющаяся при самодержавии, во время буржуазного правительства, во время социального переворота, в течение долгих лет пролетарской диктатуры,—такая партия, действительно проникнутая идейным единством и энергией, которых требовал Бакунин от своих приверженцев. Но в основном такая партия предносилась умственному взору Бакунина, когда он мечтал о будущей форме организации, обеспечивающей успех революции при огромной организованности буржуазии и сравнительной слабости рабочей массы. В этом смысле он был, если угодно, пророком.

Я пропускаю за недостатком времени то, что Бакунин говорил о стихийных движениях масс. И здесь он во многом также был прав, он правильно понял задания и обстановку народной революции. Можно поражаться, как этот бывший помещик, выходец не только из буржуазной, но даже из барской среды, глубоким нюхом революционера,—он сам называл себя буревестником,—схватил значение народных движений. Это—нечто изумительное. Я хочу коснуться вкратце только вопроса о крестьянстве.

В самом начале я говорил, что власть крестьянской идеологии над Бакуниным вредила ему. Но здесь было две стороны. Был огромный плюс в том систематическом подчеркивании важности участия крестьянства в революционном движении, которое Бакунин все время проводил в Интернационале и в своей пропаганде в России. Бакунин всячески предостерегал промышленных рабочих от пренебрежительного и враждебного отношения к крестьянской массе. Он подчеркивал, что на недоразумениях между пролетариатом и крестьянством и держатся все правительства, все эксплуататоры, все угнетатели. Без поддержки крестьянства пролетариат никогда не завоеует и не удержит власти, говорил Бакунин. И он подчеркивал, что крестьянство является трудо-

вым элементом, который может идти за буржуазией и высшими классами лишь в силу недоразумений, в силу своего положения, но который революционеры умелыми действиями могут привлечь в ряды борцов за социальную революцию. Напр., про французское крестьянство Бакунин в 1870 году говорил: «Крестьяне, по крайней мере, огромное большинство крестьян, не будем этого никогда забывать, хотя они и стали во Франции собственниками, все же попрежнему живут трудом своих рук. Вот что глубоко отделяет их от буржуазного класса; громадное большинство которого живет доходной эксплуатацией труда народных масс; вот что объединяет их, с другой стороны, с городскими рабочими, несмотря на разницу в их положении, при чем положение последних гораздо хуже, на различие в понятиях, на согласованность в принципах». И в другом месте, убеждая городских рабочих не относиться презрительно и враждебно к крестьянам, он говорит: «Крестьяне не лентяи, это такие же суровые работники, как они сами, только работают они в различных условиях. Вот и все. Перед буржуа-эксплуататором рабочих должен сознавать себя братом крестьянина»¹⁾.

Воодушевить крестьян и привлечь их на свою сторону, хотя и трудно, но возможно. Сделать это нужно умело, и сделать это могут только рабочие²⁾.

Но как же привлечь крестьян на сторону революции? Бакунин отвечает: нужно использовать в интересах революции те самые недостатки, которые завещаны им буржуазией, старым миром. «Говорят, что французский крестьянин жаждет; пусть так; надо чтобы эта самая жадность была заинтересована в революции. Надо предложить ему и дать немедленно большие материальные выгоды». Крестьянин мечтает о земле; надо отдать крестьянам всю землю, принадлежащую дворянству и буржуазии. Но ни в коем случае нельзя навязывать им коммунизм, так как это вызовет всеобщее крестьянское восстание против революционеров. «Рабочие, подавляющее большинство которых ничем не владеет, гораздо более склонны к коммунизму, чем крестьяне; это совершенно естественно: коммунизм одних столь же натурален, как индивидуализм других,—здесь нечем хвалиться и не за что презирать других, так как те и другие со всеми своими идеями и страстями являются продуктом различной среды, их создавшей. Да и все ли еще рабочие коммунисты? Поэтому не приходится сердиться на крестьян или унижать их, а нужно выработать такую революционную тактику, которая обходит затруднения, и которая не только помешает индивидуализму крестьян толкнуть их в лагерь реакции, но, напротив, использует его в интересах торжества революции»³⁾.

Вот совет, который он дал в письмах к своим французским единомышленникам. Там же Бакунин развивает целый план, каким образом передовой пролетариат городов может вовлечь крестьян в рево-

¹⁾ Письма к французам („Oeuvres“, II, стр. 106); повторено в „Кнуто-Герм. Империи“, стр. 56.

²⁾ „Кнуто-Герм. Империи“, стр. 41—49.

³⁾ Письма к французам, стр. 100 и сл.; „Кнуто-Герм. Империи“, стр. 51 и сл.

люцию: захват земли, изгнание представителей правительства и т. д. Это я должен пропустить. Бакунин не обольщает себя, он вовсе не говорит, что в результате такой революции крестьянство сразу придет к идеальной социальной организации. Ничего подобного. Он разумно и правильно намечает такое состояние, какое приблизительно создается у нас после Октябрьской революции. «Заметьте хорошенько,—говорит он,—я не утверждаю, что деревни, которые реорганизуются таким образом снизу вверх, сразу создадут идеальную организацию, во всех отношениях согласную с той, о которой мы мечтаем. Но я убежден, что это будет живая организация, которая будет стоять гораздо выше существующей ныне, и которая при этом, будучи открыта, с одной стороны, активной пропаганде городов, а, с другой, не будучи в состоянии затвердеть и, так сказать, окаменеть благодаря покровительству государства и закона, будет свободно прогрессировать и сможет до бесконечности развиваться и совершенствоваться, но это всегда будет организация живая и вольная, ни в коем случае не провозглашаемая декретами и не скованная законами, пока она, наконец, не дойдет до такой рациональной высоты, какая только мыслима в наше время»¹⁾.

Отбросив этот фетишистский ужас перед революционными декретами и законами, которые как раз и помогают развиваться этой вольной организации, мы получим совершенно правильную позицию, на которой стоим теперь мы, говоря о смычке города с деревней, о роли кооперации в деревне и т. п. Но, конечно, осуществить такие крестьянские организации, которые, не будучи идеальными, способны однако, бесконечно совершенствоваться, можно только при условии захвата власти пролетариатом, при создании рабочего государства, только исключительно при таком условии, ибо тогда создается почва для такого вольного, постепенного развития деревни.

Я дальше пропускаю все остальное потому, что слишком затянул свой доклад. Должен, впрочем, сказать, что из того, что я успел изложить, достаточно видно, что нас с Бакуниным связывает, чтобы не сказать—объединяет. Но в Бакунине, кроме того, было много черт, которые независимо от его воззрения создали из него такую симпатичную, героическую фигуру, которая нас очаровывает и пленяет, совершенно независимо от отдельных ее проявлений, взлетов или падений. В самом деле, товарищи, представьте себе этого молодого прапорщика, вышедшего из богатой помещичьей семьи, который с первых лет своей жизни, отражая, конечно, политическое и социальное положение части своего класса, не удовлетворяется избитыми дорожками, чего-то ищет, хочет понять смысл призвания человека, к чему-то стремится, не удовлетворяется окружающей обстановкой, который повсюду, начиная с юных лет вплоть до гробовой доски, не перестает искать, бороться и, добившись мысли, стремится воплотить ее в дело, человек, который не застывает на догматизме, вырабатывается постепенно от довольно ограниченного вначале консервативного мыслителя, через буржуазного демократа к самому крайнему левому социалисту, чело-

¹⁾ Письма к французам („Oeuvres“, т. II, стр. 113).

век, который безостановочно идет вперед, человек, который ни на минуту не слагает оружия, несмотря на самые тяжелые условия, в которые он попадает, человек, личная и общественная жизнь которого, как выразился один из его последователей, является целой эпопеей (совершенно независимо от ее политической окраски),—такая личность есть историческое явление, которое невольно к себе приковывает, которое невольно прельщает, вызывает желание подражания. И можно сказать, что личный пример Бакунина, его неустанная революционная работа это—лучшее, что он завещал грядущим поколениям.

Может быть, наступит время, когда история перестанет интересоваться деталями, это будет в те счастливые коммунистические времена, когда создастся вольное, может быть, анархическое общество, это возможно, но тем не менее, если деталями перестанут интересоваться, то отдельные представители породы «homo sapiens», отдельные блестящие экземпляры этого рода, которых выработала история, останутся бессмертными. И когда отойдет на задний план то, что нас с ним разделяет,—а сегодня еще многое разделяет нас с Бакуниным и с его последователями, и недавно дело доходило до столкновений вооруженной рукой, а идейная борьба с анархистами будет вестись еще долго,—когда все это забудется,—образ Бакунина уцелеет в Пантеоне человечества, который создается его общими усилиями, воздвигаясь камень за камнем.

В самом деле, возьмите его молодым гегельянцем, юношей, еще мало образованным, но полным бурных порывов и умеющим пробуждать вокруг себя жизнь; возьмите этого человека, который, будучи зеленым юнцом, влияет на крупнейшую фигуру русской литературы, на Белинского, и помогает ему политически самоопределиться; возьмите этого юношу, который поаает в Берлин и после года пребывания начинает поражать своих вчерашних учителей и друзей своим глубоким подходом к вопросам философии, своей глубоко-революционной постановкой вопросов. Возьмите этого молодого человека, когда он под псевдонимом Жюль Элизара пишет чуть ли не первую боевую революционную статью в Германии. Затем мы видим его в Цюрихе, среди коммунистов Вейтлинга, где он заражается новым духом, узнает о существовании и назначении пролетариата, которому с тех пор решает посвятить свои силы. Мы видим его потом в Париже, когда он первый из русских открыто выступает на польском собрании с провозглашением смерти царской монархии, признает право поляков на революцию и всех наций на самоопределение. Мы видим в 1848—1849 г.г. в Германии, где он, как будто оторванный от почвы, никому неизвестный русский, за которым ничего не стоит, занимает однако видное положение среди германских революционеров-демократов. Попадая в Прагу, он становится в число руководителей восстания. Попадает он в Дрезден—он становится одним из членов революционного штаба, руководящего обороной города от прусских полчищ. Даже попав в беспощадные лапы царских жандармов, написав «Исповедь», в которой он вовсе не каялся, а притворялся раскаявшимся только для того, чтобы выйти на свободу и продолжать начатую борьбу, он

и там ни на минуту не пал духом. Вырвавшись из лап самодержавия, с первого же дня появления в Лондоне, войдя в комнату Герцена, он говорит о революции, о необходимости поднять народ. Он делает тысячи ошибок, старается из тех жалких элементов, которые вокруг него вертятся, создать что-то, похожее на силу. Затем он единственный из герценовского окружения идет в польскую революцию и, несмотря на свою старость, только что выйдя из Сибири, одинокий, опять едет в Польшу, чтобы стать во главе русских крестьян и понести в Россию красное знамя с надписью «Земля и Воля», хорошо зная, что его ожидает, если он попадется. Не удается это, он едет в Италию, начинает образовывать Тайный Союз Интернациональных Братьев. Всюду—в Италии, в Испании, во Франции, в Швейцарии, в России, он всюду будит, будоражит. И в 1873 году, когда в Испании начинается революция, из всех альянсистов, кто вызывается ехать в Испанию, чтобы стать во главе движения? Самый старый, уже тогда тяжело больной Бакунин, а не другие молодые, вроде Гильома, двадцатисемилетние, писавшие революционные статьи. В 1874 г., когда в Италии назревает движение, кто едет туда, чтобы умереть на баррикадах? Задыхающийся, не могущий передвигаться, страдающий водяжкой и расширением сердца, Бакунин, старик 60 лет. И после этого через два года он закрывает глаза, жалея только об одном, что человечество забыло бунтарский дух.

Этот бунтарский дух, который (часто с пересолом) был свойственен Бакунину, он неустанно пытался пробудить в человечестве. И когда мы видим современное человечество, в котором этот старый бунтарский дух убит, когда видим измену с.-д., мы можем сказать, что человек, который с первых до последних дней проповедывал бунтарство, бунт, восстание против угнетателей, этот человек заслужил место в Пантеоне истории и останется там навсегда!

Ю. Стежков.

БАКУНИН — ЯКОБИНЕЦ ¹⁾

С Бакуниным, как с деятелем прошлого, у нас, марксистов, споров нет. Борьба, которую вели марксисты с Бакуниным, сделалась достоянием истории, и задача наша заключается в том, чтобы историческое столкновение, главными участниками которого были Маркс и Бакунин, было нами изучено и восстановлено так, как оно было. А в этой области, следует заметить, объективная картина далеко еще не выяснена. К сожалению, мы не располагаем даже достаточным количеством документальных материалов, на основании которых можно было бы эту картину с полной точностью восстановить. Но и того, что мы имеем, совершенно достаточно, чтобы заключить, что общее представление о Бакунине так называемой «широкой публики», даже читателей, знакомых с историей I Интернационала, что это общее представление о Бакунине не в полной мере соответствует действительности. Прежде всего мы имеем дело с Бакуниным — теоретиком анархизма. И вот, если мы станем изучать его, как анархиста, как основоположника и главнейшего из теоретиков анархистского движения, то найдем в нем много такого, что пойдет в разрез с общим представлением о Бакунине, как об анархисте. Движение, которое возглавлялось Бакуниным в эпоху I Интернационала, с которым вел борьбу Маркс и марксисты, называлось «свободническим», «анти-авторитарным». Сам Бакунин в своих трудах нападал на Маркса именно как на представителя направления авторитарного, властного, диктаторского. Отрицательное отношение Бакунина к власти, к диктатуре, к централизму, к авторитаризму общеизвестно. Борьба с этими началами и составляла ведь самую суть бакунизма, в общепринятом смысле. И нет такой работы о Бакунине, все равно — написана ли она анархистом, или марксистом, которая не трактовала бы Бакунина, как апологета свободы личности, апологета свободы, вообще как борца против всякой власти, всякого авторитета, всякого централизма. Макс Неттлау, напр., в своих работах последнего времени подчеркивает, что самое характерное в Бакунине — это именно его пристрастие к свободе, которую он ставил во главу угла всей своей революционной, теоретической и практической деятельности. И вот тут-то мы наталкиваемся в деятельности Бакунина на явления, противоречащие его общеизвестному, обычному, так сказать, облику.

¹⁾ Доклад, прочитанный на объединенном заседании Комм. Академии и Об-ва Историков-Марксистов.

Я не хочу вспоминать здесь тот его план революции в Богемии, о котором он писал в «Исповеди»: в плане этом была железная диктатура, с террором, с разрушением всяческих свобод и т. п. Это — дела далекой юности, буйного 1848 года. Я не стану приводить также его мечты о диктатуре, которым он предавался в Сибири с Муравьевым-Амурским и о которых сам он рассказывал в одном из иркутских своих писем Герцену. Все это относится к доанархическому периоду деятельности Бакунина. Ведь только после 1864 г., т.-е. уже в анархическую пору своей деятельности, Бакунин выступал как принципиальный противник всякой власти, всякого авторитета.

Но вот, в 1870 году, во время франко-прусской войны, Бакунин в письме Альберу Ришару от 4 сентября, после первых известий о поражении Базена, так излагает свое мнение о том, что должно быть сделано во Франции:

«Призыв ко всем коммуна: пусть они организуются и вооружаются, вырвав оружие из рук тех, которые его теперь удерживают и скрывают. Пусть они пошлют своих делегатов в любое место за чертой Парижа для образования временного правительства, действительного правительства спасения Франции».

В устах яростного противника всякого правительства такой призыв звучит несколько странно, не так ли? И это не единственный случай, когда налицо перед нами такая странность. Годом раньше, в 1869 г., на конгрессе Интернационала в Базеле, прошло постановление о расширении власти Генерального Совета. В этом нет еще, конечно, ничего удивительного. Удивительно здесь то, что мотивировка предложения и самое предложение принадлежат Бакунину. Быть может, это была обмолвка? Быть может, здесь была совершена «ошибка», как пытался объяснить это позднее сам Бакунин? Мы увидим ниже, что «ошибка» эта не была случайной и что «обмолвки» тут не было никакой. Но это предложение о расширении «власти» Ген. Совета в самом деле не вяжется, да и в то время не вязалось, с обликом яростного противника «всякой» власти. Как в этом смысле расценивали Бакунина его противники, можно заключить хотя бы по письмам Энгельса. Энгельс был человеком достаточно внимательным для того, чтобы знать, с кем имеет дело. Упрекнуть друга и соратника Маркса в верхоглядстве, да еще по отношению к такому противнику, как Бакунин, — невозможно. А между тем у Энгельса о Бакунине было, как увидим, самое превратное представление. В одном из своих писем, недавно опубликованных, Энгельс писал про Бакунина вещи, которые сейчас нам, знающим Бакунина по документам, кажутся наивными. Энгельс писал о бакунинском идеале будущего общества очень иронически. «В этом обществе, — пишет Энгельс, — прежде всего не существует власти, так как власть = государству = абсолютному злу. Они, конечно, не говорят нам, как они будут вести фабрику, пользоваться железной дорогой, управлять кораблем без твердой воли в последней инстанции, без единого руководства. Не существует также власти Солнца над меньшинством. Каждая личность, каждая община автономны, но как возможно

общество, хотя бы только из двух человек, без того, чтобы каждый до некоторой степени не отказался от своей автономии, об этом Бакунин опять-таки умалчивает. Интернационал должен, таким образом, быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, а внутри каждой секции автономна также каждая личность. Долой базельские постановления, которые предоставляют Генеральному Совету опасную и деморализующую его власть. Даже если эта власть добровольно ему предоставлена, она должна быть уничтожена, именно потому, что она власти!» (Письмо Теодору Куно от 24 января 1872 г., см. «Печать и Революция» 1926, кн. 3).

То, что здесь Энгельс пишет, и является тем общим представлением о Бакунине, как противнике власти, как апологете свободы личности, которое не соответствовало действительности. На этом несоответствии я и хочу остановить внимание сегодняшнего нашего собрания.

Дело в том, что представление о Бакунине может быть двоякого рода. Если вы будете изучать Бакунина по тем его работам, которые он предназначал для распространения в широких массах, для публичного, так сказать, употребления, вы получите одно представление о Бакунине. А если вы будете изучать Бакунина по документам, которые Бакунин предназначал для конспиративного распространения в узком круге осведомленных лиц, вы получите другое представление о Бакунине. Ибо у него были две мерки, две тактики: одна—явная, другая—тайная, истинно-революционная, конспиративная, которую он стремился сохранить в глубочайшем секрете, ибо Бакунин был великим конспиратором. В одном из писем он говорит, что не все следует предавать гласности. О многом, наиболее важном, о чем можно говорить в дружеских беседах и в интимной переписке, следует умалчивать, поскольку эти беседы и переписка могут выйти за пределы интимного круга (письмо к Л. Набруцци от 23/1 1873 г.). Конспиративная переписка Бакунина (а она почти что неизвестна русскому читателю) чаще всего имела заключительную просьбу: «Обязательно сожгите». Я не говорю уже о том, что переписка эта была тщательно зашифрована. Марксу и Энгельсу, противникам Бакунина, не были известны эти конспиративные документы. Правда, исключение составляют устав тайного Альянса, затем письмо к Франческо Мора, которые были опубликованы в брошюре об Альянсе. На основании этих именно документов Маркс и Энгельс составили ту оценку деятельности Бакунина и всех его ошибок, которые т. Стеклов цитировал из брошюры об Альянсе. На основании крайне недостаточных данных, почти по догадке, Маркс и Энгельс по существу правильно подчеркнули основные противоречия системы Бакунина. Мы находимся в более счастливом положении, потому что в нашем распоряжении имеется материал, который раскрывает перед нами интереснейшую картину будущего общества, как его представлял себе Бакунин. Бакунин не любил говорить о «будущем». Он вообще не хотел много думать над разрешением задач, которые возникнут «на другой день»

после социальной революции. Об этом, по его мнению, должны будут позаботиться другие, которые придут «завтра». И все-таки в его литературном наследстве имеется проект, одно из замечательнейших произведений Бакунина, в котором он подробнейшим и детальнейшим образом обсуждает структуру и особенности того нового общества, которое должно самочинно возникнуть «снизу вверх», на основе вольной федерации, на развалинах разрушенного старого общества и государства. На русском языке этот проект Бакунина еще не опубликован. Извлечения из него были мною приведены в 5-й книге журнала «Каторга и Ссылка» в статье «Тайный интернационал Бакунина». Документ этот представляет собой обширный (около 5 печатных листов) проект тайного общества, составленный Бакуниным в Италии в 1866 году. С этого проекта и начинается, собственно, период деятельности Бакунина, который можно считать анархическим.

Здесь в общих чертах и довольно систематически излагаются основы анархического учения, каким мыслил его Бакунин, основы организационной деятельности, цель общества, уставом которого и являлся проект. В первой же части проекта, в разделе «революционный катехизис», была дана характеристика той общественной постройки, которая должна была заменить, по мнению Бакунина, подлежащий разрушению старый строй. Правда, этот устав был написан в 1866 г. Правда, в позднейших вариантах имелись некоторые, иногда существенные, отличия от него, но все, что было написано Бакуниным в 1866 г., остается основной работой, где Бакунин изложил свои организационные принципы и воззрения на будущее общество. Общество, которое Бакунин рисовал в этом уставе, было той системой федерализма, которую противопоставлял он централизму. В позднейших работах—«Государство и анархия», в «Мотивированном предложении Центральному Комитету Лиги Мира и Свободы» и в позднейших уставах тайного общества—он противопоставлял централистскому государству федералистическую организацию, такую комбинацию автономных общественных учреждений, которая строится снизу вверх на основе вольной федерации в противовес централистскому государству, которое создается сверху вниз. Как же представляет Бакунин организацию этого будущего общества? В «уставе», о котором идет речь, он подробно характеризовал идеал абсолютной свободы личности и свободы ассоциаций, также абсолютной, не ограниченной. Неограниченность эта простиралась так далеко, что за личностью признавалась свобода быть моральной или неморальной; могли даже существовать ассоциации, которые ставили себе неморальные цели и даже разрушение индивидуальной и общественной свободы. Казалось бы, в области осуществления «абсолютной», «неограниченной» свободы дальше идти некуда. В этом обществе отменены монархия и все учреждения государства: отменен суд, отменены армия, полиция, церковь, отменены казенные школы и университеты. Создано новое свободное общество. Но вот, странным образом, изучая это общество, мы видим, что в тех параграфах, в которых Бакунин пытался

охарактеризовать его не со стороны того, что уничтожается из учреждений старого общества, а со стороны того, что существует в новом, сохранены крайне занимательные черты. В этом неограниченно свободном обществе за человеком признавалось «абсолютное» право проповедывать неморальные мысли, но это, оказывается, вовсе не означало, что «абсолютно» свободный человек в «абсолютно» свободном обществе такое «право» сможет осуществить. Ничего подобного! Это великое заблуждение—ибо «абсолютно» свободное общество, по проекту анти-авторитариста Бакунина, вовсе не будет равнодушно созерцать, как его член станет совершать неморальные (с точки зрения «общества») поступки. Общество не позволит этого оно выступит против своего сочлена, который вздумает воспользоваться своей «абсолютной» свободой против интересов целого, ибо общество «не должно оставаться совершенно безоружным перед лицом паразитирующих, злостных и вредных субъектов». Какими же мерами воздействия располагает это «абсолютно» свободное общество, чтобы принудить к повиновению неповивающегося, хотя и «абсолютно» свободного гражданина? А вот какими: оно может лишить некоторых лиц политических прав. Как?? В абсолютно свободном обществе анархистов будут политически бесправные? Выходит, что так. Но какими лишениями грозит гражданину потеря этих прав? Вот какими: «Все лица, утратившие политические права, теряют равным образом право воспитывать своих детей и иметь их при себе». Но ведь это чудовищное нарушение прав «абсолютно» свободного человека? Выходит, что так. Все это очень удивительно для анархического «безвластного» общества. И удивление наше возрастет, когда мы, тотчас за приведенным только что пунктом, прочтем следующее: «В случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца, общество налагает на местного или чужого гражданина, совершившего проступок, наказание, положенное по местным законам». Как?? В абсолютно свободном безвластном обществе будет наказание и законы?? Выходит, что так. Значит, будет и суд? Да, будет и суд. Значит, и ассоциаций могут быть узаконенные и не узаконенные, бесправные? Да, об этом ясно говорит один из пунктов «устава». И все это будет называться абсолютно-свободным, безвластным обществом? Выходит, что так.

Перед нами крайне любопытное происшествие: враг всякой власти, отрицатель государственного принуждения, апологет неограниченной свободы личности—он отверг одни за другими все органы и учреждения государства, как организации насилия. Он мысленно разрушил его до основания, не оставил от него камня на камне и мысленно же на его развалинах стал строить свой новый, свободный, безгосударственный, федералистический строй. И по мере того, как возникала и росла эта новая его постройка, в ней, под теми же самыми именами и с той же самой принудительной силой, возродились все «властные» органы старой, отвергнутой, уничтоженной, авторитарной орга-

низации: исполнительные органы, парламент, милиция, суд, наказания и даже учреждение древнего мира: остракизм. Если какой-нибудь гражданин, желая проявить свою абсолютную свободу, захочет паразитировать, он этим своим намерением поставит себя вне общества, основа которого заключается в труде. А поскольку абсолютно свободная личность не желает добровольно подчиниться обществу, последнее изгоняет его из своей среды. Если же личность не только не пожелает удалиться, но будет продолжать свое неморальное и антиобщественное поведение, строптивая личность объявляется вне закона, и всякий гражданин имеет право убить ее, как бешеное животное, при чем обществу не будет до этого никакого дела. Если проанализировать такую систему свободного общества с точки зрения наличности в нем какого бы то ни было авторитаризма, можно ли отрицать в нем наличность авторитаризма, власти, насилия? Принцип власти, отрицавшийся Бакуниным, с какой-то фатальной неизбежностью возрождался в его федералистическом проекте.

Вот как строил мысленно Бакунин свою систему федерального государства: общины свободных людей, на основе добровольных соглашений, объединяются в провинции, провинции в нации, нации могут объединиться в соединенные штаты Европы, или интернациональное союзное объединение. Как управляется, как живет союз федеральных общин и провинций? Общины устраивают свои общественные дела через посредство представителей, которые создают провинциальный парламент, издающий законы, обязательные для всех общин, составляющих данную провинцию. Объединение провинций в федерацию составляет национальную федерацию; эта национальная федерация руководит жизнью всех провинций и общин через посредство национального парламента, который может состоять из одной или двух палат. Национальный парламент, с одной стороны, издает законы, обязательные для всех входящих в нацию провинций и общин и, кроме того, контролирует национальное правительство и суд. Национальные и провинциальные суды выносят безапелляционные решения, и только в том случае, когда решение касается спора наций между собой, они могут апеллировать к интернациональному суду, который, предположительно, может быть создан. Бакунин мыслил свою федерацию, как федерацию революционных народов, совершивших победоносную революцию, разрушивших старое государство до тла. В этих революционных федерациях не должно существовать армий, но останется милиция. Бакунин говорит о всеобщем вооружении, всеобщем участии граждан в защите государства. Если какой-нибудь из частей революционной федерации придется вести настоящую войну с государством, стоящим вне федерации, должна быть создана настоящая армия, и эта армия будет, разумеется, управляться так, как должна управляться армия для того, чтобы победить нападающего врага.

Наш беглый и поверхностный анализ особенностей бакунинской федерации (а у нас сейчас нет времени задерживаться на проекте более подробно) говорит о том, что, когда Бакунин от абстрактного

провозглашения индивидуальной свободы, свободы личности и абстрактного отрицания принципа власти, пытался строить свою «свободническую» федерацию, он приходил к авторитаризму, к власти, к законам, к правительству, суду; он сжимал личность всеми теми ограничениями, которые он отрицал в государстве, обвиняя государство в том, что оно уничтожило свободу человека.

Если анархисты могут нам сказать, что пред нами только проект и что «проекту», не проведенному в жизнь, не следует придавать большого значения, мы ответим, что мы относимся к этой работе именно, как к «проекту», к созданию теоретической мысли Бакунина. Но ведь это все-таки была теоретическая мысль и именно мысль Бакунина, — а ведь в этом все дело! Бакунин почитается апологетом свободы личности, борцом за свободу личности против какого бы то ни было стеснения ее государством, отрицателем всякого государственного насилия, насилия, как принципа. Но я спрашиваю: если изгнание из общества, — не авторитаризм, создание суда, выносящего безапелляционное решение — не авторитаризм, если отнятие детей у родителей — не авторитаризм, лишение политических прав — не авторитаризм, если все это нельзя назвать авторитаризмом, то я не знаю, что в таком случае следует и можно назвать авторитаризмом. Совершенно ясно, что федералистическое государство Бакунина, когда мы анализируем его с точки зрения нахождения в нем насильственных «властных» тенденций, обладает всеми свойствами государства, того самого, с которым боролся Бакунин, когда имел перед собой государство капиталистическое, централистическое, буржуазное. Это одно из самых крупных противоречий бакунинской системы. Но, подчеркивая это противоречие, я делаю это не в хулу Бакунину, я не говорю, что это плохо. Наоборот. Мне представляется, что это именно и хорошо. Эти противоречия и спасали Бакунина-революционера. Его выручала здесь революционная интуиция. Если бы Бакунин строил свое анархическое, безвластное общество совершенно независимо от конкретных возможностей, не реальное, маниловское, прекрасодушное общество, где все свободны и все обстоит благополучно, облик Бакунина должен был бы потускнеть. В своем проекте Бакунин противоречит себе, но ведь это противоречие говорит о том, что Бакунину было ясно, что вопрос о свободе личности, вопрос об обществе и личности, вопрос об организации идеального человеческого общежития не так элементарно прост, как он может казаться мечтателям в абстрактных идеалистических мечтах. И когда от анархических мечтаний он обращался к земле, с ее кровью и железом, он начинал видеть, что в этом мире борьбы и необходимости одними благами пожеланиями и прекрасными мечтами не обойдешься. И, отрицая насилие и власть в современном ему буржуазном, капиталистическом государстве, не признавая за этим государством права на власть и силу, он и власть и силу признавал, поскольку они становились орудиями большинства человечества против эксплуатирующего или пытающегося это делать меньшинства. Особенно ярко и выразительно сказались это основное противоречие

в тайной организационной деятельности Бакунина, на которой мы кратко остановимся. Деятельность эта по сие время еще очень мало исследована. И нам опять поможет здесь тот самый проект, которым мы пользовались выше. Прежде всего, говоря о конспиративной деятельности Бакунина, надо различать два вопроса, две части этой деятельности. Принципы организации тайного общества — во-первых, и роль тайного общества в социальной революции — во-вторых. Это — два различных вопроса, которые следует рассмотреть порознь. Мы скажем наперед, что и в своей тайной деятельности Бакунин шел по тому пути, который он отрицал у своих противников. Ведь Бакунин — дезорганизатор I Интернационала, Бакунин — противник Маркса и Генерального Совета, — Бакунин: в своей борьбе напирал именно на централистические, авторитарные, несвободнические тенденции Генерального Совета. Вся борьба Бакунина была заострена именно против этих тенденций; он ведь был вождем и знаменем групп, не желавших принять те организационные формы, которые волей-неволей революционная работа выдвигала, как необходимые. В этом был свой смысл анархистской теории Бакунина и его анархистского наследия, которым по сие время питается еще кое-кто, извлекая из Бакунина антиавторитарные, антицентралистические, свободнические начала. Но посмотрите, как строил Бакунин свою тайную организацию. В кратких организационных проектах Бакунина о роли отдельного члена организации, о положении человека в тайном обществе почти ничего не сказано. Но в основном уставе, написанном в 1866 г., о котором мы говорили выше, чрезвычайно подробно и детально характеризуется самый механизм тайного общества, система его управления, связь его разветвлений и влияние на каждого отдельного члена. Развертывание этой организации происходило по принципу сверху вниз, а не снизу вверх, вопреки общим декларациям Бакунина, провозглашавшим вредность такого централистического принципа. Если мы вспомним, что один из самых серьезных упреков, который бросал Марксу Бакунин, заключался в том, что Маркс был централистом, что Интернационал строился централистически, что Генеральный Совет стремился к централизованному руководству своими секциями, то нас должно удивить это обстоятельство; организация самого Бакунина строилась именно централистически, сверху вниз. Центральная директория во главе мировой тайной организации, затем национальные юнты, назначаемые центральной директорией в отдельных странах. Каждая национальная юнта создает областные комитеты в соответственных частях страны; областные комитеты создают провинциальные комитеты, каждый провинциальный — общинные комитеты, каждый общинный комитет, с помощью отдельных шупалец, подбирает вокруг себя людей. Вся система разветвляющихся подразделений строилась таким образом, чтобы соседние части организации не знали друг друга, чтобы сношения происходили через доверенных людей, с помощью паролей и условных знаков. Члены организации разобщены; они знают только ближайших соседей и своих нисходящих агентов. Этого требует конспирация, которая должна соблюдаться строжайшим образом. Нельзя

сомневаться в том, что принцип, по которому строилась эта организация, был принцип централистический. Но мало этого. Кроме централизма, в основу организации была положена строжайшая дисциплина; по уставу красной нитью проходит положение: все учреждения низшие подчинены безусловному, совершенно неопровержимому авторитету учреждений высших. Никаких несогласий с решениями, принятыми высшей инстанцией, быть не может: этим решениям можно только подчиняться, не прекословя, не возражая. Когда в организацию принимается новый член, этому новому члену предъявляется революционный катехизис, система воззрений, которую он может принять или отвергнуть, но критиковать которую ему не дано. Если он катехизис принимал беспрекословно, организация принимает его в свои ряды; иначе — он принят в нее быть не может. А если он в организацию вошел, то никакой речи о невыполнении директив, идущих сверху, быть не может. При приеме нового члена в организацию (здесь сказались связь конспираторских проектов Бакунина с уставами масонских лож, с уставами тайных обществ начала XIX века) от него отбиралась клятва, суровое отречение от своей личной воли, торжественное обещание всего себя без остатка отдать в распоряжение организации. Эта клятва представляет большой интерес. Позвольте поэтому прочесть из нее несколько выдержек, которые вам покажут, в какое положение попадала человеческая личность, делаясь членом тайной организации, проектированной вождем «свободнического» направления в I Интернационале. Я буду читать не весь текст; он занимает более двух страниц, я прочту только наиболее характерные места. Вот они:

«Клянусь честью и совестью, что я с полным убеждением принял все философские, политические, экономические и социальные, теоретические и практические начала вашего революционного катехизиса. Я приемлю, равным образом, все постановления, правила и законы вашего руководящего регламента. Я предварительно безусловно подчиняюсь ему, оставляя при этом за собой мою обязанность и мое право оспаривать все второстепенные пункты такового, по которым я могу быть иного мнения, в предстоящем учредительном собрании, окончательно и верховное решение которого я вперед принимаю.

«Я посвящаю отныне все мои силы, всю мою работу и всю мою жизнь на службу федералистической и социальной мировой революции, которая не может иметь никакой другой основы, кроме этих начал; и так как я убежден, что ничем не могу лучше послужить ей, как моим участием в открытой и тайной деятельности интернационального революционного общества, то и желаю быть принятым в вашу среду.

«Клянусь быть преданным интернациональному обществу и оказывать ему безусловное послушание и обещаю ему быть усердным, осторожным, скромным, хранить молчание о всех тайнах, принести в жертву ему мое себялюбие, мое честолюбие и мои личные интересы, почему и отдаю в его распоряжение всецело и безраздельно мой ум, мою деятельность, все мои силы, всю мою власть, мое общественное положение, мое влияние, мое имущество и мою жизнь.

«Я вперед подчиняюсь всем жертвам и служениям, которые оно возложит на меня, в уверенности, что оно не возложит на меня ничего такого, что шло бы вразрез с моими убеждениями и противоречило бы моему достоинству или превосходило мои личные средства. И все время, пока на мне будет лежать возложенная на меня служба или поручение, я буду безусловно подчиняться приказаниям непосредственных начальников, доверивших мне это дело, и клянусь выполнить его со всей возможной для меня быстротой, точностью, энергией и осторожностью и останавливаться только перед действительно непреодолимыми, по крайней мере, на мой взгляд, препятствиями.

«Я подчиняю отныне всю мою общественную и частную, литературную, политическую, бюрократическую, профессиональную и социальную деятельность верховному водительству советов этого общества»... и так далее.

Если я спрошу вас, когда и кто из самых отъявленных врагов централиста и авторитариста — Маркса мог упрекнуть его в создании такой системы повиновения, какая создавалась Бакуниным, то, разумеется, вы такого человека не найдете. Авторитарист и централист Маркс пришел бы в ужас, если бы читал эту клятву, которую отбирали от членов тайной организации. Я опять-таки говорю это, не желая корить Бакунина. Я полагаю, что и здесь Бакунина спасала революционная интуиция, ибо организацию тайную, верхушечную, интеллигентскую, оторванную от масс, заговорщицкую организацию, которую он строил, нельзя было строить иначе. Я думаю, что по размаху и последовательности, с какой личность подчинялась дисциплине и лишалась вместе с тем своей воли и самостоятельности, рядом с бакунинским проектом может быть поставлена только одна организация. Это — орден иезуитов (смех). Товарищи, вы напрасно смеетесь. Бакунин был знаком с уставом ордена иезуитов, относился положительно к системе управления этим орденом, и можно утверждать, что в его проекте устава отразилась эта система ордена иезуитов. Об этом сам Бакунин говорит весьма ясно. Чтобы рассеять в вас подозрения на этот счет, я позволю себе процитировать одно место из письма Бакунина Альберу Ришару от 6 февраля 1870 г. Вот что читаем мы в этом письме: «Коллективное действие невидимой организации, раскинутой по всей стране. Если мы не создадим этой организации, мы никогда не выйдем из состояния бессилия. Ты, который любишь размышлять, неужели ты не задумывался над главной причиной могущества и живучести иезуитского ордена? Хочешь ли тебе ее назвать? Так вот, мой милый: она заключается в полном растворении личности в воле, в организации и действии коллектива».

Это писал анархист Бакунин, превыше всего ставивший свободу человеческой личности. Вы скажете: противоречие. Я также нахожу здесь противоречие, но такое, которое освещает революционную природу бакунинских конспираций и всю последовательность заговорщика, с какой он шел до конца, создавая тайную революционную организацию. Вообще представление о Бакунине, как о враге всякой организации, о противнике всяких уставов, всякой регламентации, это предстает

вление надо сдать в архив, это представление совершенно не соответствует действительности. Это ложное, обманчивое, поверхностное представление. Самый устав, которого я сейчас из-за недостатка времени касаюсь лишь бегло и поверхностно, говорит о том, что Бакунин был апологетом хорошей, крепкой регламентации, сторонником организованной работы. То, что я говорил выше, дает достаточный материал для такого суждения. Здесь, чтобы не быть голословным, я позволю себе привести еще слова Бакунина относительно того, следует или не следует отрицательно относиться к уставу, к регламенту. Он пишет Альберу Ришару 4 декабря 1868 г.: «Вы пишете мне, дорогой друг, что «вы враг всяких уставов и утверждаете, что они годятся только для забавы детей». Я не вполне разделяю ваше мнение по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, но я думаю, как и вы, что «серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться». Однако условимся. Чтобы установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самыми серьезными людьми, стремящимися к одной и той же цели, требуются известные условия, известные установленные правила, одинаково обязательные для всех: требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди в конце концов могут, должны будут, притти к тому, что при всей доброй воле станут мешать друг другу, парализовать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться, чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Мы не богаты и, только объединив и упорядочив наши средства и наши совместные действия, мы достигнем создания капитала, способного конкурировать с объединенными капиталами наших противников. Небольшой капитал, хорошо организованный, имеет большую ценность, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо примененный» и дальше: «... нужна реальная организация, а организация не бывает без известной регламентации, которая в конце концов не что иное, как продукт взаимного соглашения или договора».

Но ведь такое понимание организации есть бланкистское понимание. В бакунизме оказываются существенные элементы бланкизма. Где же Бакунин анархист, который говорит об анархии, о вспышководстве, о бунтах? В конспиративной переписке Бакунина все это принимает весьма организованный характер. Когда Бакунин выступает как организатор, он выступает как якобинец, бланкист. Прекрасно понимающий необходимость и силу организованности. Представление о Бакунине, как о человеке, который всюду вносил беспорядок, всюду стремился все дезорганизовать, свалить в кучу, разнести в прах, выйти на вольную волюшку и просто дать людям по своей воле пожить,—это представление превратное. Самое понятие «анархия», оказывается, нуждается в серьезных коррективах. «Мы понимаем революцию,—писал он в уставе «Альянса»,—в смысле разнуздания того,

что теперь называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

«Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т.-е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти- свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции»...

Но почему Бакунин не боялся «анархии», не опасался «разнуздания дурных страстей»? Да просто потому, что в его понимании анархия была лишь освобожденным народным морем, вышедшим из берегов и разрушающим все вредные преграды. Но эта «анархия» не была слепой, ничем не руководимой, неорганизованной силой. В том-то и дело, что «анархия» обязательно нуждалась в некотором «дополнении», и дополнением этим было железное руководство этой самой анархией. Если слово «анархия» понимать в том смысле, что это вообще беспорядок, разрушение, вспышководство и проч., тогда Бакунин никогда анархистом не был. Но в том-то и дело, что Бакунин, когда говорит об анархии, добавляет, что анархия нуждается в руководстве; под анархией он понимал вовлечение широчайших народных масс в революционное движение, под анархической понимал такую революцию, которая подняла бы и увлекла за собой всех без исключения, подняла бы восстание в широчайших пределах, до самых отдаленных углов страны, чтобы ее главным деятелем были широкие народные массы, но эти народные массы, слепые в своих стихийных, революционных порывах, не должны разрушать без руководства. В эту мысль о руководстве «анархией» упирался Бакунин. Ведь то самое тайное общество, устав которого я цитировал, это замечательное произведение, одно из самых выдающихся утопических созданий, которые знает XIX век,—оно ведь и ставило своей целью руководить анархической революцией, поднять народное море, вызвать социальную мировую революцию и руководить ею. По его проектам анархия, вообще народное восстание будут разрушать старое государство со всеми его учреждениями, но в этом море анархии будет железная организация, сеть преданных революции людей, повинующихся голу, идущей из центральной, руководящей верхушки, и только при наличии такой организации Бакунин мыслил победу анархической социальной революции. Планы Бакунина, его замыслы были грандиозны: ведь это был замысел тайного Интернационала, рядом с Интернационалом явным, с Интернационалом Маркса, с Интернационалом, который, по мнению Бакунина, не мог выполнить ту революционную задачу, которую он себе поставил. Вот в этом отрицательном отношении Бакунина к Интернационалу явному, в неверии Бакунина в способность этого Интернационала организовать революцию и лежит причина того странного поведения Бакунина, которое до сих пор не нашло еще объяснения. Бакунин в 1864 г. во время свидания с Марксом в Лондоне был принят в Интернационал, получил от Маркса устав Интернационала, обещал работать в пользу Интернационала, уехал в Италию и как в воду канул. Два письма Маркса остались без ответа, и только на третье

вление надо сдать в архив, это представление совершенно не соответствует действительности. Это ложное, обманчивое, поверхностное представление. Самый устав, которого я сейчас из-за недостатка времени касаюсь лишь бегло и поверхностно, говорит о том, что Бакунин был апологетом хорошей, крепкой регламентации, сторонником организованной работы. То, что я говорил выше, дает достаточный материал для такого суждения. Здесь, чтобы не быть голословным, я позволю себе привести еще слова Бакунина относительно того, следует или не следует отрицательно относиться к уставу, к регламенту. Он пишет Альберу Ришару 4 декабря 1868 г.: «Вы пишете мне, дорогой друг, что «вы враг всяких Уставов и утверждаете, что они годятся только для забавы детей». Я не вполне разделяю ваше мнение по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, но я думаю, как и вы, что «серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться». Однако условимся. Чтобы установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самыми серьезными людьми, стремящимися к одной и той же цели, требуются известные условия, известные установленные правила, одинаково обязательные для всех: требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди в конце концов могут, должны будут, притти к тому, что при всей доброй воле станут мешать друг другу, парализовать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться. чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Мы не богаты и, только объединив и упорядочив наши средства и наши совместные действия, мы достигнем создания капитала, способного конкурировать с объединенными капиталами наших противников. Небольшой капитал, хорошо организованный, имеет большую ценность, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо примененный» и дальше: «... нужна реальная организация, а организация не бывает без известной регламентации, которая в конце концов не что иное, как продукт взаимного соглашения или договора».

Но ведь такое понимание организации есть бланкистское понимание. В бакунизме оказываются существенные элементы бланкизма. Где же Бакунин анархист, который говорит об анархии, о вспышководстве, о бунтах? В конспиративной переписке Бакунина все это принимает весьма организованный характер. Когда Бакунин выступает как организатор, он выступает как якобинец, бланкист. Прекрасно понимающий необходимость и силу организованности. Представление о Бакунине, как о человеке, который всюду вносил беспорядок, всюду стремился все дезорганизовать, свалить в кучу, разнести в прах, выйти на вольную волюшку и просто дать людям по своей воле пожить,—это представление превратное. Самое понятие «анархия», оказывается, нуждается в серьезных коррективах. «Мы понимаем революцию,—писал он в уставе «Альянса»,—в смысле разнуздания того,

что теперь называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

«Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т.-е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти- свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции»...

Но почему Бакунин не боялся «анархии», не опасался «разнуздания дурных страстей»? Да просто потому, что в его понимании анархия была лишь освобожденным народным морем, вышедшим из берегов и разрушающим все вредные преграды. Но эта «анархия» не была слепой, ничем не руководимой, неорганизованной силой. В том-то и дело, что «анархия» обязательно нуждалась в некотором «дополнении», и дополнением этим было железное руководство этой самой анархией. Если слово «анархия» понимать в том смысле, что это вообще беспорядок, разрушение, вспышководство и проч., тогда Бакунин никогда анархистом не был. Но в том-то и дело, что Бакунин, когда говорит об анархии, добавляет, что анархия нуждается в руководстве; под анархией он понимал вовлечение широчайших народных масс в революционное движение, под анархической понимал такую революцию, которая подняла бы и увлекла за собой всех без исключения, подняла бы восстание в широчайших пределах, до самых отдаленных углов страны, чтобы ее главным деятелем были широкие народные массы, но эти народные массы, слепые в своих стихийных, революционных порывах, не должны разрушать без руководства. В эту мысль о руководстве «анархией» упирался Бакунин. Ведь то самое тайное общество, устав которого я цитировал, это замечательное произведение, одно из самых выдающихся утопических созданий, которые знает XIX век,—оно ведь и ставило своей целью руководить анархической революцией, поднять народное море, вызвать социальную мировую революцию и руководить ею. По его проектам анархия, вообще народное восстание будут разрушать старое государство со всеми его учреждениями, но в этом море анархии будет железная организация, сеть преданных революции людей, повинующихся голу, идущей из центральной, руководящей верхушки, и только при наличии такой организации Бакунин мыслил победу анархической социальной революции. Планы Бакунина, его замыслы были грандиозны: ведь это был замысел тайного Интернационала, рядом с Интернационалом явным, с Интернационалом Маркса, с Интернационалом, который, по мнению Бакунина, не мог выполнить ту революционную задачу, которую он себе поставил. Вот в этом отрицательном отношении Бакунина к Интернационалу явному, в неверии Бакунина в способность этого Интернационала организовать революцию и лежит причина того странного поведения Бакунина, которое до сих пор не нашло еще объяснения. Бакунин в 1864 г. во время свидания с Марксом в Лондоне был принят в Интернационал, получил от Маркса устав Интернационала, обещал работать в пользу Интернационала, уехал в Италию и как в воду канул. Два письма Маркса остались без ответа, и только на третье

Бакунин ответил любезным письмом, в котором ссылаясь на непредвиденные случайности, помешавшие ему выполнить обещание перевести и распространить устав Интернационала. И когда Бакунин в 1867 г. вышел из итальянского уединения, он появился не в Интернационале, а в Лиге Мира и Свободы, и только в 1868 г. в июле вошел в Женевскую секцию Интернационала. Поскольку у Бакунина не было веры в Интернационал, поскольку он был увлечен своим планом создать тайный Интернационал, сильный именно тем, что был «тайным», постольку у Бакунина не было никакой охоты вступить в Интернационал явный, чтобы связывать себя дисциплиной, чтобы работать так, как требовал Генеральный Совет. И вот, создавая тайную организацию и перенося ее в недра Интернационала, Бакунин ставил своей организации определенные задачи. Нужно заметить, товарищи, что эта история еще не выяснена досконально. Я знаю, что присутствующий здесь друг и ученик Бакунина, М. П. Сажин, которого я очень люблю и уважаю, не согласен с тем, что я буду говорить о борьбе Бакунина с Марксом в Интернационале, он неоднократно высказывал мне свое несогласие. Точно так же несогласен со мною и М. Нетлау, который заявляет, что я ошибаюсь, что мое исследование идет в сторону от исторической правды. На самом деле, говорят анархисты, тайного Интернационала не было, не было тайного «Альянса» в пределах Интернационала, но когда Интернационал отказался принять «Альянс» в свою среду, он был ликвидирован в январе 1869 года, и лишь после исклечения своего из Интернационала Бакунин вновь принялся за организацию тайного «Альянса». Но я полагаю, что те документы, которыми мы располагаем, достаточно убедительно говорят о том, что «Альянс» и его ответвления в Швейцарии, в Испании, в Италии действительно существовали. Позвольте процитировать документ,—а процитировать его необходимо, потому что иначе, в самом деле, может показаться, что я с-пристрастием вычитываю то, о чем нельзя еще говорить с достаточной убедительностью. Когда Бакунин строил свою тайную организацию, для него было ясно, что без такой организации немислима победа революции. Некоторые цитаты, освещающие этот вопрос, из писем Бакунина приводил т. Стеклов. Мне приходится только дополнить для полной ясности. Вот что читаем мы в письме Бакунина Альберу Ришару от 12 марта 1870 г.:

«А когда час революции пробьет—ликвидация буржуазного государства и общества вместе с его юридическими отношениями. Анархия, т.-е. подлинная, открытая народная революция: анархия юридическая и политическая и экономическая организация снизу доверху и от периферии к центру торжествующего мира трудящихся.

«А для того, чтобы спасти революцию, чтобы привести ее к благополучному завершению—в самой среде этой анархии действие коллективной диктатуры, невидимой, не облеченной никакой властью, но тем более действенной и могущественной—естественное действие всех революционеров-социалистов, энергичных и искренних, рассеянных

по всей поверхности страны, по всем странам, но крепко спаянных единой мыслью, единой общей волей».

Как видим, здесь «анархия» является перед нами в виде не совсем обычном: «анархия», в самой среде которой обитает «коллективная диктатура», которую никто не облакал властью, которая эту власть захватывает сама, революционным почином. В следующем письме от 1 апреля 1870 г. Бакунин еще яснее выражает свои сокровенные мысли: «...Я вижу спасение только в революционной анархии, читаем мы, руководимой-всецело незримыми коллективными силами, в единственной диктатуре, которую я приемлю, ибо только она совместима со свободным и целостным ходом революционного движения».

И дальше: «Революционеры — политики, приверженцы диктатуры,—желают после первых побед успокоения страстей, хотят порядка, доверия масс, подчинения созданным на пути революции властям. Таким образом, провозглашают новое государство. Мы же, напротив, будем питать, побуждать, разнуздывать страсти, вызывать анархию к жизни, как незримые кормчие будем руководить ею в народной буре, руководить не конкретно, видимой властью, но коллективную диктатурой всех союзников (Alliirte). Диктатурой без титулов и знаков отличий, без официальных прав, диктатурой тем более мощной, что она лишена будет внешней видимости власти. Это единственная диктатура, какую я приемлю. Но для того, чтобы она возымела свое действие, она должна быть, налицо. А для сего надобно подготовить ее и организовать наперед, ибо она не возникнет сама собой ни из дискуссий, ни из разногласий и принципиальных споров, ни из народных собраний.

«Пусть—немного союзников (Alliirte), но твердых, деятельных, выдержанных, верных, и, прежде всего, свободных от тщеславия и личного честолюбия, сильных людей, достаточно серьезных и возвышенных душою и сердцем для того, чтобы предпочесть истинное могущество тщеславным его атрибутам. Создайте вы эту коллективную и незримую диктатуру—и победа за вами. Революция будет иметь хорошего кормчего и победит. Но если нет—то нет. Если вас прельстит игра в комитет народного спасения, зримая диктатура, вы падете под ударами вами же созданной реакции».

Здесь «незримая» тайная диктатура союзников Бакунина, организованных в тайный Альянс, противопоставляется всякой иной диктатуре, зримой, «политической» и т. д. Но речь идет все-таки о диктатуре. Ее «незримый» характер лишь подчеркивает своеобразие бакунинского «анархизма». В том же письме он еще раз возвращается к «диктатуре», к «власти», страстным врагом которых он был в своих публичных выступлениях:

«Существует одна лишь единственная власть, единственная диктатура, коей организация благотворна и возможна,—незримая диктатура союзников (Alliirte) во имя нашего принципа; и тем полезней и могущественней будет она, что лишена будет всякой официальной, видимой власти»¹⁾.

¹⁾ Письма Бакунина А. Ришару опубликованы нами в журнале «Печать и Революция». См. кн. 1 и 5 за 1926 год.

Из сказанного можно заключить, что, когда Бакунин боролся против диктатуры Генерального Совета, он боролся не против диктатуры, вообще, а только против диктатуры Генерального Совета, имея про запас диктатуру, которую считал более мощной, более сильной потому, что она была незримой, невидимой, так как, по его мнению, диктатура явная, видимая была бессильна. Бакунин таким образом не был врагом диктатуры вообще, в его учении, безвластном, анархическом, антиавторитарном, были скрыты, тщательно законспирированы элементы самой доподлинной революционной диктатуры, невидимой, тайной, которую Бакунин имел в виду, когда создавал свой Альянс и когда пареносил его в недра Интернационала. Макс Неттлау и другие анархистские историки вместе с тов. Сажиным утверждают, что после роспуска тайного Альянса в Женеве в 1869 г. он более не возродился. Я полагаю, что это неверно. В январе 1869 г. в Женеве была произведена лишь чистка Альянса: из него под предлогом ликвидации организации были изгнаны лица, которым Бакунин перестал верить и которые ему перестали верить. Альянс был затем восстановлен, попрежнему в виде тайной организации. К чему стремился Бакунин? Почему вводил он в Интернационал свою тайную организацию? Бакунин ведь считал Международное Товарищество Рабочих чрезвычайно полезной и чрезвычайно важной организацией. Вот как характеризовал он задачи и роль Интернационала в письме к Мораго от 21/V 1872 г. ¹⁾:

«Тем, кто спросит нас, какая польза от Альянса теперь, когда ведь существует Интернационал, мы ответим: конечно, Интернационал — великолепное учреждение, он, несомненно, прекраснейшее, самое полезное, самое благодетельное создание нашего столетия. Он создал основу солидарности трудящихся всего мира. Он дал им начатки организации, выходящей за границы всех государств, вне мира эксплуататоров и привилегированных. Он сделал больше: он уже ныне содержит первые семена организации будущего единства и в то же время пробуждает в пролетариате всего мира сознание собственной силы». Все это, конечно, огромные услуги, оказанные великому делу всемирной социальной революции. Но этого учреждения недостаточно для организации и руководства революцией.

«Интернационал подготавливает элементы революционной организации, но он не осуществляет ее. Он подготавливает их путем открытой и легальной борьбы солидарно объединенных рабочих трудящихся всех стран против эксплуатирующих труд капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но дальше этого он не идет. Единственное, чем он занимается, кроме этой весьма полезной работы, это — теоретическая пропаганда социалистических идей среди рабочих масс, также очень полезная работа, необходимая для подготовки массовой революции, но еще очень далекая от революционной организации масс.

«Одним словом, Интернационал является огромной средой, благоприятной и необходимой для этой организации, но он еще не самая

¹⁾ См. „Историк-Марксист“, том 2, 1926 г.

организация. Интернационал принимает в свое лоно всех честных работников без различия политических и религиозных убеждений, при единственном условии признания солидарности борьбы трудящихся против эксплуатирующего труд буржуазного капитала, со всеми вытекающими из этого последствиями. Это единственное положительное условие, которое достаточно для того, чтобы отделить мир трудящихся от мира привилегированных классов, но оно недостаточно, чтобы дать первым революционное направление. Программа Интернационала так широка, что в него могут вступать даже монархисты и католики. И эта ширина программы безусловно необходима для того, чтобы Интернационал мог охватить сотни тысяч трудящихся — только при таком количестве членов он делается реальной силой. Если бы Интернационал выработал себе более подробную программу и более определенную в политических, религиозных и социальных вопросах; если бы он признал обязательную и, так сказать, официальную доктрину; если бы он, например, требовал для вступления в него принятия атеистических принципов в религии или коммунизма в политике, — он собрал бы каких-нибудь несколько тысяч членов и оттолкнул бы от себя миллионы промышленных и земледельческих рабочих, которые по своему положению и инстинктам являются революционерами, атеистами, социалистами, но которые еще не избавились от долгой привычки к реакционному мышлению. Он образовал бы довольно посредственную партию; которая насчитывала бы во всей Европе едва несколько тысяч членов». В силу того, что, по мнению Бакунина, Интернационал еще не был организацией, достаточной для революционной борьбы, Бакунин и считал необходимым существование тайного Альянса, который руководил бы Интернационалом. Чтобы показать, что здесь нет никаких измышлений, я позволю себе привести несколько строк из письма Бакунина, где он совершенно четко и ясно это высказывал: «Интернационал и Альянс, — писал Бакунин 21 января 1872 года испанскому альянсисту Мораго, — отнюдь не враги, как старается доказать всему миру лондонская синагога Маркса. Напротив, Альянс является необходимым дополнением к Интернационалу, дополнением, без которого последний, превратился бы в своего рода чудовищное международное государство, под диктатурой Маркса, — чего, по видимому, и добивается ныне клика Маркса — и сделался бы послушным орудием для проведения планов честолюбивых и потому противоречащих истинному освобождению народных масс. Но при единой конечной цели, ближайшие цели обеих организаций различны. Интернационал имеет целью объединить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный, компактный организм; назначение Альянса — придать этим массам действительно революционное направление. Программы обеих организаций, отнюдь не противоречащие друг другу, различаются степенью развития. Программа Интернационала, если рассмотреть ее серьезно, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса — это конечное объяснение программы Интернационала».

Вспомните, что Бакунин от участников своего тайного общества требовал принятия наперед определенной доктрины. В Интернационале, который, по мнению Бакунина, должен вовлечь в себя как можно больше рабочих масс, Бакунин, наоборот, исключал необходимость единой доктрины. Интернационал не должен иметь никакого единого учения потому, что Интернационал, по мнению Бакунина, является массовой организацией, которая должна вместить в себя людей самых различных воззрений. Это именно и отличает Интернационал от Альянса, который, напротив, строился на основе единого революционного катехизиса.

«Усвойте, любезный друг, убеждение, — писал он Людовику Набруцци 23/1—1872 г., — что у Интернационала нет обязательного учения, какое имеется, например, у республиканского альянса Мадзини, где каждый член должен безусловно разделять религиозную, метафизическую, политическую и буржуазно-социалистическую программу мэтра.

«Интернационал предоставляет всем своим секциям свободу, самую широкую как в отношении теорий, так и в отношении практической организации. Мадзинисты, авторитарные с ног до головы, не понимающие, что возможно жить и организовываться без диктуемых сверху вниз мыслей и тактики, считают это отсутствие официального учения в Интернационале величайшим преступлением или, по меньшей мере, явною глупостью; они не хотят понять, что навязанные сверху вниз теории создают лишь беспомощные, бесплодные секты, подобные республиканскому альянсу Мадзини, но никак не могут создать мощной ассоциации пролетариата всех стран по типу Интернационала».

Отсюда становится понятным различие, которое проводил Бакунин между своим Альянсом и Интернационалом. Делается также ясной причина, заставлявшая его стремиться к превращению Генерального Совета из боевого штаба международной революционной организации в простое статистическо-справочное бюро. Интернационалу, с его секциями, с огромным количеством организованных членов, он предоставлял роль тела, роль же головы и всей центральной нервной системы оставлял за своим Альянсом. Вот как характеризовал цель своего Альянса Бакунин в письме к Мораго, выше уже цитированном:

«Наша цель — создание мощного, но всегда невидимого революционного сообщества, которое должно готовить революцию и руководить ею; но даже во время открытой революции оно, ни в совокупности, ни в лице отдельных своих членов, не займет официального общественного правящего положения, так как в действительности не имеет иной цели, как уничтожить все правительства и повсеместно, навсегда сделать их существование невозможным; оно представляет полную свободу революционному движению масс и их социальной организации снизу доверху на основах добровольной федерации и безусловнейшей свободы, но оно следит за тем, чтобы при этом никогда не могли вновь возникнуть власти, правительства и государства; со всяким проявлением честолюбия, коллективного (как

у клики Маркса) или индивидуального, оно борется путем естественного, никогда не принимающего официальную форму, влияния всех членов нашего Альянса, рассеянных по всем странам и сильных только той солидарностью своей работы и тем единством принципов и целей, которые всегда должны существовать среди них».

И дальше Бакунин отчетливо определяет задачи, какие ставил он Альянсу, замечая при этом, что речь идет об Альянсе, существовавшем «в самом лоне Интернационала». Я обращаю внимание на эти строки; они имеют чрезвычайно большое значение для понимания деятельности и роли Бакунина в Интернационале.

«Таковы идея и цель Альянса. Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную организацию, чтобы превратить его и все неходящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические, религиозные и политические установления государств».

Это было написано 21 мая 1872 года, т.-е. до того, как Бакунин был исключен из Интернационала. Во всяком случае, эти письма Бакунина говорят о существовании Альянса, о том, что он был создан в лоне Интернационала, и именно этому Альянсу Бакунин предназначал роль незримого центра мирового революционного движения. Для того, чтобы не было никакой помехи, для того, чтобы эту роль не пытался взять на себя Генеральный Совет, Бакунин должен был разрушить Генеральный Совет, как централизованную организацию.

Это намерение его подогревалось еще и тем ошибочным представлением, какое Бакунин составил себе относительно роли Маркса в Интернационале. Как заговорщик, любитель конспираций, не понимавший необходимости организации в ту эпоху широкого, открытого, массового рабочего движения, находящийся в плену старых заговорщических традиций, Бакунин и в Марксе и в Энгельсе видел таких же, как и он сам, заговорщиков, подозревая их в том, что в лоне Интернационала они создали тайную организацию, послушно выполнявшую их поручения. Об этом он с уверенностью сообщал Мораго в письме от 21 мая 1872 г. «Тайный заговор», душою которого был Маркс, по словам Бакунина, существовал с самого 1848 года.

Я не знаю, достаточно ли ясно мне удалось показать, что обычное представление об анархизме Бакунина, об отрицании им твердой организации, железной дисциплины, иерархии, диктатуры, что общее представление об анархизме Бакунина несколько превратно. Бакунин отрицал авторитаризм, а в своем организационном учении был авторитаристом; отрицал централизм — и создавал централистическую организацию. Отрицал иерархию — и создавал иерархию. Призывал к абсолютной, неограниченной свободе личности — и был сторонником железной дисциплины; борясь как будто против регламентированной организации — сам создавал железную организацию с твердым регламентом. Выступая ярким противником и врагом диктатуры —

на деле стремился к незримой диктатуре в мировой социальной революции. Все это очень противоречиво, но в том-то и дело, что, если бы этих противоречивых черт не было в тайной деятельности Бакунина, перед нами не было бы и величайшего из мелкобуржуазных революционеров. Если бы не было в Бакунине этих противоречий, если бы он на деле не отрицал общих, идеалистических, маниловских формулировок анархистского учения, то тогда, конечно, не было бы Бакунина — организатора революционной организации, не было бы идеолога и вождя мелкобуржуазных революционных масс. В смысле внутренних противоречий Бакунин представляет собой одновременно великую и трагическую фигуру. В судьбе его есть какой-то параллелизм с Марксом. Они почти ровесники, разница в 4 года; в юности они шли по одному и тому же философскому пути, и даже в руках Маркса случайно оказался тот самый экземпляр Гегеля, по которому его изучал Бакунин. Оба они пили из великого источника французской революции, оба были одержимы революционной страстью, оба хотели социальной революции, но вместе с тем эти два человека исторически были представителями двух враждебных стихий, двух разных эпох и разных, непримиримых методов. Учение Маркса выросло на почве немецкой идеалистической философии, французского социализма и английской политической экономии. Немецкая философия, французская революция, английское рабочее движение, рабочее движение капиталистической Европы — вот те три элемента, которые были синтезированы в учении Маркса. Учение Бакунина выросло на почве той же немецкой философии, того же французского социализма, но ему не хватало английской политической экономии, не хватало третьего элемента, опыта европейского рабочего движения капиталистической эпохи. Вместо этого опыта, вместо этого третьего элемента у него за плечами были эпоха панславянской борьбы, славянский национализм, идеология угнетенных крестьянских масс, закабаленных славянских народностей. Ему не хватало опыта рабочего движения капиталистической эпохи — вот где была Ахиллесова пята Михаила Бакунина, вот почему он не сумел вырваться из цепких лап мелкобуржуазного прошлого. А этот опыт капиталистической эпохи был краеугольным камнем в марксизме. Совершенно очевидно, что, имея вместо этого опыта долгие годы славянской национальной борьбы, Бакунин не мог, не умел, хотя и хотел, правильно понять потребности рабочего движения той эпохи. И вся деятельность его, преданное идее социальной революции, отдавшее ей всю свою жизнь, вся деятельность его шла по пути, который отвергался, не принимался историей. Во всех организационных предприятиях Бакунина чувствуется тяжелый хвост прошлого, который мешал ему идти вперед. Все его проекты, все организационные замыслы имели свои корни в тайных обществах первой половины XIX века, в уставах масонских лож, в уставах итальянских угольщиков и даже в ордене иезуитов. Бакунин в европейское рабочее движение пытался перенести последнее слово мелкобуржуазной революционности до капиталистической эпохи. В эпоху развития капитализма, в эпоху,

когда выступил на сцену индустриальный пролетариат, как организованный класс, как определенный угнетенный слой общества, организующий себя для борьбы за свои классовые интересы, Бакунин пытался этому рабочему классу навязать методы, организационные приемы и навыки старой эпохи, эпохи, когда рабочего класса в организованном виде не было и революционная интеллигенция искала средств для борьбы в индивидуализированных, оторванных от масс, верхушечных, заговорщических организациях. Ведь Бакунин потому-то и создавал свой верхушечный оторванный от масс, тайный заговор, что не верил в силу класса, не видел класса, как организованного целого, как мощного деятеля социальной революции. Тов. Стеклов цитировал соответственное место из итальянской рукописи, в которой Бакунин открыто говорил, что не верит в рабочий класс, не верит в его способность к организации для революционной борьбы и видит спасительную силу лишь в тайной революционной организации. В этом и сказывалось его мелкобуржуазное наследство, тот хвост прошлого, о котором я говорил. В 1864 г., когда Бакунин впервые закладывал основы своего анархического мировоззрения, в 1864 г. Бакунину шел шестой десяток, это был старый уже человек, и только под 50 лет с трудом ему удалось преодолеть наследство, которое вынес он из своей отсталой страны. Этот человек, в котором сила революционного напряжения была огромна, который нес в себе гениальные возможности, этот человек своим примером показывает, что и на такие исключительные фигуры, как Бакунин, условия времени и места оказывают огромное влияние. Столкнувшись с Марксом, он был обречен на поражение, ибо не верил в силу рабочего класса. В этом была трагедия Бакунина. В письмах к Марксу он неоднократно высказывал почтение перед Марксом, признавая правильность его экономического учения. Но Бакунин не мог понять того, что в основе марксистского учения лежала железная закономерность исторического развития, неизбежность падения буржуазии как класса, неизбежность роста мощи рабочего класса. Этого понимания не было в учении Бакунина и не могло быть, потому что Бакунин был величайшим представителем мелкобуржуазной революционности докапиталистической эпохи, и механизм развития капиталистической эпохи, ее движущие силы, ее внутренние пружины, закономерности ее развития оставались для него нераскрытыми до конца. Оценивая деятельность Бакунина, мы должны признать, что он в русской истории прошлого века является самой крупной революционной фигурой, оставившей яркий след не только в истории русской, но международной. Он делал великие ошибки, и крупны были его заблуждения, но его вырвала замечательная революционная интуиция, особенно ярко сказавшаяся в том, что, будучи основоположником анархизма, отрицая на словах и власть, и дисциплину, и диктатуру, Бакунин на деле фактически, в настоящей, в практической революционной борьбе вводил в свою организационную работу все те основные положения, которые вошли в железный инвентарь революционной борьбы всякой подлинно революционной партии, в том числе и партии комму-

нистической. В этом смысле Бакунин представляет собой одного из величайших революционеров прошлого, и мы, коммунисты, другими путями и другими средствами осуществляем неосуществившиеся мечты Бакунина. Бакунин мечтал, что будет время, когда над Зимним дворцом и Петропавловской крепостью будет развеяться красное знамя, и это знамя водрузили именно коммунисты и никто другой. Бакунин стремился к разрушению царской империи и эта царская империя была разрушена нами, и никем другим. Мы чтим в Бакунине своего предтечу, своего предшественника, и та борьба, которая когда-то страстно велась в I Интернационале, для нас является историей, в которой мы пытаемся разобраться хладнокровно. Потому-то, когда мы думаем о Бакунине, нам ясно представляется величие и обаяние этого гиганта революции, этого человека-бури, которого при всех чертах, раз'единявших его с Марксом, роднила с Марксом одна большая страсть — ненависть к поганому капиталистическому строю, мечта об его уничтожении, революционная страсть, сжигавшая все его существо. Эта революционная страсть, горевшая в Бакунине, сближает его с Марксом и с нашей эпохой. Оттого-то, несмотря на все наши разногласия с нынешними бакунистами, мы чтим в Бакунине величайшего предтечу Октябрьской революции.

В. Полонский

И.—СТАТЬИ

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ ПРИ КОНКРЕТНОМ КАПИТАЛИЗМЕ И В СИСТЕМЕ СССР

Снижающееся воспроизводство¹⁾

Исследование проблемы пропорциональности при снижающемся капиталистическом воспроизводстве имеет не только теоретический интерес. Мы предпринимаем это исследование отнюдь не затем, чтобы педантически пополнить анализ простого и расширенного капиталистического воспроизводства и рассмотреть так называемые «все случаи». С тех пор, как капитализм вступил в полосу спада, с тех пор, как ряд капиталистических стран годами жил (после начала империалистической войны) в обстановке снижающегося воспроизводства, а некоторые, как Англия, и до сих пор находятся в этой экономической ситуации, с тех пор когда та или иная часть мирового капиталистического хозяйства может в любой момент пойти по пути быстрого экономического регресса, анализ условий снижающегося воспроизводства и его последствий приобретает огромный практический интерес. В частности, в виду растущих связей нашей экономики с мировым хозяйством, такое исследование необходимо также и для понимания некоторых специфических условий нашего существования, нашего хозяйственного развития. Я должен только, к сожалению, ограничить исследование этой проблемы самым существенным, чтобы не отклоняться далеко от моей основной темы.

Теоретически мыслимы следующие наиболее характерные случаи снижающегося воспроизводства: 1) когда при данном и неизменном размере непроизводительного потребления капиталистического общества происходит или неуклонное сокращение производительности занятого рабочего населения, или падение производительности труда той же массы рабочих сил при старом уровне зарплаты, или сокращение производительности занятых рабочих сил одновременно с падением производительности труда; 2) когда при тех же, и даже растущих размерах занятого рабочего населения и при том же, и даже растущем, уровне производительности труда непроизводительные расходы капиталистического общества растут с такой огромной быстротой, что они поглощают не только идущую в накопление часть годовой прибавочной ценности, но и съедают ежегодно часть основного и оборотного капитала производства, Это неизбежно приводит в дальнейшем к уменьшению из года в год размеров переменного капитала, а тем самым и к сокращению из года в год создаваемой прибавочной ценности.

¹⁾ См. „В. К. А.“ кн. 17.

Разница между первым и вторым случаем заключается в том, что в первом случае прибавочная ценность сокращается вследствие сокращения v при том же уровне эксплуатации. При тех же размерах непроизводительного потребления наступает момент, когда непроизводительное потребление оказывается выше, всего количества m и начинается проедание основного капитала страны. Во втором случае непроизводительное потребление растёт быстрее роста r и роста вновь создаваемой прибавочной ценности, и через некоторое время страна, пройдя период сокращения темпа накопления, приходит к тому же результату, т.е. проеданию основного капитала, к сокращению оборотного, к уменьшению r и к растущему превышению добавочного потребления в сравнении с накоплением.

И в том и другом случае может наступить момент такого распада хозяйства, когда «нормальные» размеры непроизводительного потребления, существовавшие до начала упадка, будут превышать размеры годовой прибавочной ценности, создаваемой в условиях «нормальной» эксплуатации данного количества рабочих, и распад автоматически будет идти дальше. Тогда без резкого сокращения непроизводительного потребления и без резкого увеличения уровня эксплуатации возвращение к условиям расширенного капиталистического воспроизводства вообще уже будет невозможно.

С начала мировой войны в экономике воевавших стран Европы мы видим комбинацию обоих этих случаев, а именно: 1) общее сокращение занятых в производстве рабочих сил вследствие повторных мобилизаций; 2) падение производительности труда вследствие замены части мобилизованных квалифицированных рабочих необученными, женщинами, детьми и т. д. 3) падение производительности труда вследствие ухудшения качества сырья и сокращения капитальных затрат на переоборудование, т.е. вследствие ухудшения орудий производства; 4) проедание без возмещения *in natura*, во-первых, основного капитала и затем оборотного, в том числе недостаточное снабжение сырьем, ликвидация нормальных запасов и т. д.

В нашем анализе, в интересах упрощения исследования, мы рассмотрим ценностное равновесие воспроизводства в условиях, когда происходит огромный рост непроизводительного потребления, съедающий всю прибавочную ценность общества и приводящий к необходимости систематического проедания основного и оборотного капиталов. Мы исходим из предположения, что обычное непроизводительное потребление остается в абсолютных цифрах тем же, каким было до начала экономического регресса; уровень эксплуатации, производительность труда остаются прежними: все же изменения в экономике связаны с резким возрастанием непроизводительного потребления за обычные для данного общества пределы. Этот случай не вполне характерен для экономики Европы во время войны, потому что упрощает обстановку, но в основном дает канву для понимания тех процессов, которые имели место в европейском хозяйстве во время войны и которые создали послевоенную обстановку на Западе. Мы имели в Европе сокращение r , но не столько вследствие сокраще-

ния капитала производства, сколько вследствие мобилизаций. Однако результаты это давало те же; в том же направлении влияло сокращение v и m вследствие ухудшения качества рабочих сил при уменьшении оплаты ухудшенной рабочей силы. Проедание основного и оборотного капиталов, вследствие резкого превышения непроизводительных расходов над размерами ежегодно создаваемого m , также имело место в огромном размере. Однако своеобразие этого проедания заключалось в том, что непроизводительное потребление не только носило характер растраты созданных ценностей, но и увеличение производства и аппарата производства ценностей только для непроизводительной растраты: мы имеем в виду здесь военную промышленность. Не составило бы большого труда на ряду с двумя обычными подразделениями Маркса ввести для экономики воевавшей Европы сектор военной промышленности, т.е. той специфической формы, в которой происходила преимущественно растрата производительных сил общества. Однако в этом вряд ли есть необходимость, если только мы сделаем заранее поправку насчет судьбы основного капитала военной промышленности, когда будем говорить об условиях послевоенного восстановления европейского хозяйства. В самом деле. Если, допустим, сверх обычного непроизводительного потребления обществу приходится покрыть новую, чрезвычайную сумму непроизводительного потребления, вызванную войной, то возникает вопрос: 1) откуда эта сумма может быть взята? 2) в какой форме она будет растрчена? Первым источником покрытия этого чрезвычайного расхода общества в условиях сохранения обычного уровня непроизводительного потребления и уровня эксплуатации будет та часть прибавочной ценности, которая раньше накапливалась и шла на расширенное воспроизводство. Вторым источником, если не считать сокращения запасов, является растрата без возмещения постоянного капитала производства. Конкретно, если на 1 миллион стоимости продукции какой-либо отрасли производства амортизация основного капитала составляет 300 тысяч, а стоимость сырья 500 тысяч, то прекращение амортизации основного капитала высвобождает полностью, или большей частью, эти 300 тысяч и делает их добычей непроизводительного потребления. Если в условиях снижающегося воспроизводства сокращается и оборотный капитал промышленности, то и некоторая часть 500 тысяч также может быть переведена в фонд непроизводительного потребления. При реальном снижении воспроизводства освобождается также часть капитала, служившего фондом авансирования зарплаты. Вот почему, строя схему снижающегося воспроизводства, мы можем просто из ценности годового производства вычитать суммы, превышающие фонд накопления, и на всю сумму, превышающую этот фонд, уменьшать размеры постоянного и переменного капитала обоих подразделений капиталистической экономики.

Здесь возникает только крайне сложный вопрос о взаимоотношении между всем основным капиталом страны и ежегодно снашивающейся его частью. Если, допустим, из 1.000 e ежегодно возмещаемого в условиях простого или расширенного воспроизводства в обстановке

снижающегося воспроизводства возмещается только 900 с, то это не всегда значит, что новый цикл должен начаться с уменьшения на 10% и всего (большого, т.-е. всего фактически функционирующего основного капитала. В действительности дело обстоит много сложнее. Если на машину, которой осталось еще 6 лет работы, год—два не производится амортизационного отчисления не с бухгалтерской, а с экономической точки зрения, т.-е. она не возмещается соответствующим уровнем машиностроения страны, а машина, которая была бы сменена в нормальных условиях, теперь служит лишние год, два, три, то все это дает возможность функционирования временно несколько большего основного капитала, чем это может быть уловлено в числовых схемах фактического восстановления основного капитала. Мы будем иметь перед собой своеобразный заем из всего запаса основного капитала общества. Однако, все это имеет значение не на очень длительный промежуток времени; во всяком случае меньший, чем средний срок снашивания основного капитала страны. Вот почему, игнорируя весь этот факт, имеющий важное практическое значение, мы при теоретическом анализе условий снижающегося воспроизводства сознательно упрощаем проблему и всю невосстанавливаемую в данном году часть функционирующего капитала вычитаем из активного капитала производства. Для понимания тенденций на протяжении длительного срока действия изучаемого процесса это будет правильно. Но к этому мы еще вернемся ниже, потому что вся эта проблема будет ясней, когда мы будем иметь перед собой иллюстрирующие изложение арифметические схемы снижающегося воспроизводства.

Теперь возникает другой вопрос: что же происходит в сфере распределения труда общества, когда из общей массы функционирующего раньше капитала определенная часть не возмещается каждый следующий год?

Если в нашем примере из 1.000 с не возмещается 100 с, а из этих 100 70 занимает основной капитал, а 30 оборотный в его вещественной форме, т.-е. сырье, топливо и т. д., то это значит, что то количество рабочих, которое восстанавливало 70 с в сфере производства машин, постройки зданий и т. д., теперь не занято в первом подразделении, а также сокращено количество рабочих, возмещавших на 30 с сырья, топлива и т. д.¹⁾ Иными словами, рост непроизводительного потребления за счет проедания капитала общества означает, в данном случае, сокращение производительно занятых рабочих кадров и рост непроизводительной армии труда. В данном случае это может быть: рост числа безработных, а в период войны, главным образом, увеличение числа мобилизованных на фронт и, наконец, увеличение числа рабочих военной промышленности, производящих орудия войны.

Это последнее обстоятельство необходимо осветить несколько подробнее. Может показаться странным приравнение рабочих военной

¹⁾ Если дело идет об экономике отдельной страны, то тогда дело обстоит сложнее. В частности невосстановление на 30 оборотного капитала в натуральной форме может частично означать сокращение импорта, либо вызываться сокращением импорта вследствие падения экспорта.

промышленности к армии безработных или к мобилизованным на фронт, поскольку эти рабочие заняты в производстве, хотя бы это было, употребляя термин тов. Бухарина, «отрицательное расширенное воспроизводство». Тем не менее это так. Рабочие военной промышленности производят ценности, но ценности, идущие на уничтожение. Они не производят ни предметов индивидуального потребления, ни предметов производительного потребления, ни средств производства для производства предметов потребления. Рабочие военной промышленности производят и прибавочную ценность, но эта прибавочная ценность в своей вещественной форме есть те же орудия войны, т.-е. ценности, непосредственно идущие на уничтожение. Прибавочная ценность капиталистов до ее реализации имеет натуральную форму пушек, пулеметов, ружей, снарядов, инженерного имущества, амуниции и т. д., а реализация ее состоит в обмене всего этого на деньги или обязательства разных видов и сроков, получаемые от государства, т.-е. на деньги или титулы на доход. При закупках средств производства для военной промышленности и средств потребления для ее рабочих и капиталистов происходит одностороннее изъятие из ресурсов страны ценностей, которые в натуральной форме не замещаются ни средствами производства, ни средствами потребления для других областей общественного воспроизводства и потребления. При таких условиях прибавочная ценность рабочих военной промышленности играет такую роль: предназначенные для военной промышленности машины, металл, топливо, средства потребления рабочих не просто уничтожаются, а уничтожаются после прибавления к ним стоимости прибавочного труда рабочих. Учет этой прибавочной ценности очень важен для бухгалтерии расходов войны, но не имеет никакого значения при анализе условий пропорциональности всего общественного воспроизводства, потому что в этом воспроизводстве прибавочная ценность военной промышленности никак не участвует, а все расходы сырья, снашивания основного капитала и потребления рабочих идут по графе непроизводительных расходов общества.

После сказанного нам остается упомянуть еще о том, куда идут материальные ценности, снимаемые при снижающемся воспроизводстве с капитала общества, плюс прибавочная ценность всех отраслей, кроме военной промышленности. Ценности, имеющие натуральную форму средств потребления, идут на содержание армий всех видов и в потребительский фонд рабочих и капиталистов военной промышленности. Ценности, имеющие натуральную форму средств производства, будь то машины для производства оружия и амуниции, будь то металл или топливо, участвуют как постоянный капитал в воспроизводстве орудий войны и военных припасов и подвергаются уничтожению, пройдя эту стадию переработки. В тех случаях, когда в самой военной промышленности создают средства производства, могущие служить, по своей натуральной форме, для производства, нормального периода, эти средства производства фигурируют в расходе общества в меру своего фактического износа или потребления.

Из всего вышеизложенного читатель может видеть, почему мы при изучении условий равновесия снижающегося воспроизводства и для фактически нам знакомого случая такого воспроизводства, периода мировой войны, не считаем нужным, кроме обычных двух Марксовых схем общественного воспроизводства, строить третью схему: схему военной промышленности. Этот вид непроизводительного потребления, имеющий форму непроизводительного воспроизводства, в схемах воспроизводства всего общества может быть учтен лишь как прямая растрата средств производства и средств потребления. Другое дело, если бы мы изучали экономику войны для какой-либо конкретной страны; тогда ценностный анализ был бы совершенно недостаточен, тогда нужно было бы изучать пропорциональность и вещественных элементов обмена. Тогда и снижение воспроизводства в первом и втором подразделениях никогда не оказалось бы даже приблизительно равномерным.

Обратимся теперь к арифметическим схемам, которые должны будут наиболее наглядно иллюстрировать процесс снижающегося воспроизводства в его ценностном выражении.

В качестве исходной схемы возьмем производственный итог нормального года, предшествовавшего войне и давшего, допустим, следующий результат по первому и второму подразделению:

$$\begin{aligned} \text{I} \dots & 5.000 c + 1.000 v + 1.000 m = 7.000 \\ \text{II} \dots & 1.500 c + \underline{375 v + 375 m} = 2.250 \end{aligned}$$

Итого . . . 9.250

Из этой суммы валового дохода общества чистый доход его (с точки зрения общества, а не класса капиталистов) равняется $v + m$ обоих подразделений, т.-е. 2.750. Органический состав капитала в первом подразделении выше, чем во втором, и характеризуется отношением 5:1, во втором же 4:1. На весь период снижающегося воспроизводства органический состав капитала остается у нас без изменения. Далее мы принимаем, что абсолютная цифра потребления класса капиталистов остается неизменной на весь период снижающегося воспроизводства, т.-е. для первого подразделения она равна 500,

а для второго $\frac{375}{2}$, т.-е. 187,5. Мы делаем это предположение не только с целью упрощения, но и потому, что, как показывает опыт Европы периода войны и после войны, непроизводительные расходы капиталистических стран очень туго поддаются снижению. Сокращаясь вследствие уменьшения зарплаты государственных служащих, они увеличиваются вследствие других причин, прямо или косвенно связанных с войной, например, благодаря росту государственного аппарата, дроблению территорий бывших больших государств и т. д. Кроме того мы оставляем без изменения уровень эксплуатации рабочего класса, принимая его равным 100%, как и в Марксовых схемах. Это значит экономически, что в том варианте снижающегося воспроизводства, который мы в первую голову исследуем, снижение производ-

ства происходит не вследствие падения производительности труда и уменьшения накопления на каждого занятого в производстве рабочего, а по другой причине, т.-е. в данном случае по причине уменьшения производительности занятых рабочих сил (отвлекаемых на фронт и на военную промышленность) и вследствие одновременно происходящего снятия с производства каждый год определенной части капитала, функционировавшего в производстве в довоенный период.

Теперь предположим, что из общей суммы национального дохода общества, равной в нашей исходной довоенной схеме 2.750, первый год снимается 40%, т.-е. 1.100. Предположим, что эта сумма снимается пропорционально чистому доходу каждого подразделения, что означает снятие с дохода первого подразделения 800, а со второго — 300. И та и другая сумма больше прибавочной ценности каждого из подразделений, следовательно, снятие с национального дохода указанной суммы неизбежно требует снятия части средств с функционирующего капитала обоих подразделений. В самом деле, из 1.000 прибавочной ценности первого подразделения 500 идет на обычные расходы класса капиталистов и всех тех, кого они содержат за счет своего потребительского фонда, при чем, как мы уже условились, эта сумма остается неизменной на весь период снижающегося воспроизводства. Остающиеся 500, которые раньше, т.-е. в период расширенного воспроизводства, служили фондом накопления, теперь также целиком поглощаются непроизводительным потреблением, и, кроме того, еще остается покрыть 800—500, т.-е. 300. Эти 300 снимаются с капитала первого подразделения, пропорционально распределению постоянного и переменного капитала, при чем снятие части переменного капитала, с точки зрения распределения труда в обществе, означает соответствующий перевод части рабочих в армию непроизводительных. Таким образом, v I, равное в исходной схеме 1.000, уменьшается на 50 и равно теперь 950, а c снижается пропорционально с 5.000 до 4.750.

Совершенно то же происходит и со вторым подразделением, где снимаемая с дохода сумма равна соответственно не 800, а 300, а снимаемая с капитала сумма равна 300 минус 187,5, т.-е. минус прибавочная ценность, которая шла раньше в накопление, а теперь создается чрезвычайным непроизводительным потреблением эпохи войны. С капитала снимается, таким образом, 112,5, что дает снижение v II на 22,5 v , после чего он равен 352,5 v ; 90 снимается с c II, после чего постоянный капитал второго подразделения уже равен 1.410 c .

После всех этих изъятий распределение общественного капитала в первый год снижающегося воспроизводства будет таково:

$$\begin{aligned} \text{I} \dots & 4.750 c + 950 v + 500 \text{ фонд потребления класса капиталистов.} \\ \text{II} \dots & 1.410 c + 352,5 v + 187,5 \text{ фонд потребления класса капиталистов.} \end{aligned}$$

Сравнивая размеры переменного капитала, плюс фонд потребления первого подразделения с постоянным капиталом второго, т.-е. ценностные величины, которые при сохранении пропорциональности в хозяйстве должны быть равны друг другу, мы видим здесь диспро-

порцию. А именно, $950 + 500 = 1.450 > 1.410$, разница равна 40. Совершенно очевидно, что именно является причиной диспропорции при данных условиях снижения воспроизводства. Второе подразделение имеет более низкий органический состав капитала, следовательно, постоянный капитал у него относительно меньше в сравнении с переменным, чем в первом подразделении, и чистый доход относительно больше, а тем самым, при одинаковом проценте «военного налога» на доход, изъятие, падающее на капитал второго подразделения, чувствительней для него и задевает больше и его постоянный капитал, в то время как «нормальный» фонд потребления класса капиталистов первого подразделения остается без изменения, равняясь все время сумме 500. Ниже мы увидим, что здесь перед нами не случайная диспропорция одного года, а постоянный процесс, характеризующий постепенный переход к пропорциям простого воспроизводства. Следовательно, в тех условиях, которые являются у нас, в рассматриваемом варианте, предпосылками снижающегося воспроизводства, диспропорция заложена в самой основе процесса. Мы имеем здесь нечто, как раз обратное тому закону, который мы установили для расширенного воспроизводства в условиях роста органического состава капитала, если только второе подразделение имеет более низкий органический состав капитала и, следовательно, накопление в нем растет быстрее, чем в первом подразделении. В этом последнем случае равновесие устанавливается путем переброски капитала из II в I, тогда как теперь оно может быть достигнуто обратной операцией, т.е. более быстрым снятием капитала с I, более медленным с II, если вся снимаемая сумма является величиной данной.

Вернемся теперь к вопросу о том, что означает для экономики общества весь только что описанный процесс. Уменьшение с I на сумму 250 означает, что, во-первых, эти 250 в их материальной форме машин, металла, топлива, сырья и т. д. изъяты из функционирующего капитала первого подразделения и поступили на непроизводительное потребление, т.е. закопаны в землю, как снаряды, обращены в постоянный капитал военной промышленности, сожжены в виде топлива на транспорте при перевозке войск и т. д. Во-вторых, это означает, что эти 250 не воспроизводятся в экономике общества и на будущее время, чему соответствует уменьшение переменного капитала I на 50, или 5%. Эти 5% в форме денежного капитала, авансировавшегося на соответственные 5% v , теперь высвобождаются, а взятые в их натуральной форме средства производства также брошены в яму войны. Сами же рабочие в количестве 5% или мобилизованы на фронт, или же работают в военной промышленности. Если даже они производят не непосредственно оружия войны, а средства производства для военной промышленности, все равно они как бы отсечены от производственного аппарата общества и для него уже не существуют на определенный срок. Само собой разумеется, что бухгалтерски, с точки зрения амортизации, например, основного капитала в отдельных предприятиях I все это может выглядеть совсем иначе. Да и фактически, как мы

уже указали выше, снятие 250 с c малого первого подразделения может не означать уменьшения функционирующего фактически основного капитала на весь процент этих 250, приходящихся на основной капитал, а меньшую сумму, потому что восполнение может идти из резервов C большого, т.е., поскольку дело идет об основном капитале, из основного капитала всего общества, при чем невозстановление основного капитала может носить форму временного займа из основных фондов страны.

Что касается второго подразделения, то снятие с II на 90 может экономически означать следующее. Эти 90 имеют натуральную форму средств потребления (мануфактура, предметы питания и т. д.). Нормально они пошли бы в I подразделение и обменялись на равноценное количество средств производства, необходимых II, т.е. на машины, сырье, топливо. Теперь они в форме средств потребления идут в распоряжение воюющего государства и непроизводительно потребляются фронтом. С другой стороны, они не могут быть обменены на средства производства из I еще и потому, что I сокращает свой обменный фонд, поскольку сокращает количество рабочих, и часть фонда v I в ее натуральной форме средств производства теперь не воспроизводится. Но и здесь возможно фактическое сокращение функционирующего капитала не на все 90, хотя все 90 уже непроизводительно съедены. В самом деле. Часть с II, которая состоит из сырья и топлива, не может быть уже возмещена из I, тогда как основной капитал с II еще может дать резервы для его использования без возмещения некоторое время. Тем сильней наступит кризис основного капитала после, т.е. наступит в размерах, далеко превышающих размеры его невозстановленного снашивания за данный год. Сокращение v II означает сокращение производства новых ценностей в форме средств потребления, соответственно растрату части переменного капитала и соответственный перевод части рабочих в армию непроизводительных. Однако, если б производство средств потребления нельзя было бы сокращать в таком размере, как это диктуется изъятием капитала из II, то задержать свертывание производства, при сохранении того же общего размера изъятия, можно было бы путем такой перегруппировки внутри II, когда v уменьшилось бы на меньшую сумму, зато увеличилась бы растрата основного капитала II из его резервов и, таким образом, без нажима на обмен $v + \frac{m}{x}$ I на с II удалось бы уменьшить

размеры неизбежного снижения всей валовой суммы производства средств потребления, что как раз для экономики войны имеет огромное значение. Европейский капитализм, вопреки тому, что ожидалось в начале войны, оказался в высокой степени гибким и эластичным для преодоления трудностей войны именно потому, что он чрезвычайно много черпал из невозстанавливаемых резервов своего основного капитала и тем, например, превращал машины, здания и т. д. в средства производства и средства потребления в гораздо большем размере, чем это было бы возможно в условиях нормальной аморти-

зации. Этим он высвобождал для фронта и военной промышленности и соответствующие массы рабочих сил.

Вернемся теперь к нашей схеме. В конце первого года сниженного воспроизводства мы будем иметь в результате сжатия производства, но при прежнем уровне эксплуатации, такой результат:

$$I \dots 4.750 c + 950 v + 950 m = 6.650$$

$$II \dots 1.410 c + 352,5 v + 352,5 m = 2.115$$

Итого ... 8.765

Размеры валового производства уменьшились по сравнению с исходной схемой, но уменьшились значительно меньше, если сравнивать итог с тем, который получился бы при той же исходной схеме, но в условиях расширенного воспроизводства.

Предположим теперь далее, что новый год начинается после повторного изъятия из национального дохода еще большей суммы, чем раньше, т.е. не 40%, а 50% от чистого дохода исходной довоенной схемы, т.е. после изъятия 1.375 (как известно, расходы воюющей Европы повышались из года в год). Произведя вычисления, подобные тем, которые мы уже приводили выше, и сделав изъятия из второго подразделения на 105 меньше, чем это следовало бы по размерам чистого дохода, II, с тем, чтобы ликвидировать не только диспропорцию первого года, но и предупредить диспропорцию для второго года, мы будем иметь такое распределение капитала на второй операционный год снижающегося воспроизводства:

$$I \dots 4.200 c + 840 v + 500 \text{ фонд потребления}$$

$$II \dots 1.248 c + 337 v + 187,5 \text{ фонд потребления}$$

В конце года при таких размерах общественного капитала мы будем иметь:

$$I \dots 4.200 c + 840 v + 840 m = 5.880$$

$$II \dots 1.348 c + 337 v + 337 m = 1.922$$

Итого ... 7.802

Если бы продолжалось и на следующие годы изъятие из валового дохода количества ценностей, равное изъятию данного года или несколько больше, мы очень скоро, т.е. через 3—4 года, имели бы такое уменьшение v обоих подразделений, что создаваемая всеми рабочими страны масса прибавочной ценности, при той же норме эксплуатации, стала бы приближаться, приблизилась, а затем сделалась бы меньше нормального фонда потребления капиталистического класса, т.е. в первом подразделении ниже 500, во втором — ниже 187,5. Тогда даже в случае полного прекращения чрезвычайных военных расходов и связанной с войной растраты общественного капитала и уменьшения производительности занятых рабочих капиталистическое общество должно было бы автоматически пойти ко дну. Тогда, если бы не было сокращено непроизводительное потребление класса капиталистов или не увеличен уровень эксплуатации, производительные силы разрушались бы без всякой войны, только на основании

несоответствия между «нормальным» непроизводительным потреблением и размерами создаваемой прибавочной ценности. Капиталистическое общество автоматически шло бы ко дну.

Изображенный нами процесс снижающегося воспроизводства имеет две важных критических точки, которые должны быть отмечены: точка простого воспроизводства на довоенном уровне производительных сил и точка простого воспроизводства на значительно более низком уровне. Условия равновесия меняются на протяжении всего этого процесса следующим образом: 1) сначала равновесие расширенного воспроизводства — это исходная схема; 2) затем начинается рост непроизводительного потребления, и на определенной стадии приводит к простому воспроизводству на уровне последнего года расширенного воспроизводства. В нашей схеме мы прямо начали с таких размеров снижающегося воспроизводства, что не только создался уже в первый год весь фонд накопления, но и началась растрата капитала общества. Но если мы вернемся к нашей исходной схеме, то можем восстановить эту первую критическую точку, меняющую условие равновесия. В самом деле.

Мы имеем вначале:

$$I \dots 5.000 c + 1.000 v + 1.000 m$$

$$II \dots 1.500 c + 375 v + 375 m$$

Допустим, непроизводительное потребление, равнявшееся в нормальный предвоенный год в условиях расширенного воспроизводства $\frac{1.000}{2} + \frac{375}{2}$, т.е. 687,5, теперь возрастает вдвое, по причинам ли,

связанным с военными расходами, или по каким-либо другим. Тогда этим непроизводительным потреблением будет съедена вся прибавочная ценность общества в размере 1.375, и накопление прекратится. Но в этом случае не только прекратится расширенное воспроизводство, но должно резко измениться распределение капитала между первым и вторым подразделением. При простом воспроизводстве $m + v I$ должно равняться $c II$, а в нашем примере, наоборот, $1.000 v + 1.000 m I > 1.500 c$. Если экономика общества задержится на известный срок на уровне простого воспроизводства или близко к этому уровню, то это неизбежно должно вызвать очень существенную перегруппировку производительных сил. При том же размере капитала, который мы имеем в нашей схеме, прекращение накопления и переход к простому воспроизводству должны привести к уменьшению прилагаемого капитала в первом подразделении и к увеличению его во втором.

Фактически весь капитал обоих подразделений, равный 7.875, будет распределен теперь следующим образом:

$$I \dots 4.632,6 c + 926,4 v$$

$$II \dots 1.852,8 c + 463,2 v,$$

а итог года при простом воспроизводстве даст такой результат:

$$I \dots 4.632,6 c + 926,4 v + 926,4 m$$

$$II \dots 1.852,8 c + 463,2 v + 463,2 m$$

Прибавочная ценность, целиком теперь потребляемая капиталистическим обществом, будет равна 1.389,6 вместо 1.375, вследствие более низкого строения капитала и более быстрого накопления в II, потому что прирост v II и накопление здесь перевешивают уменьшение накопления от уменьшения v I.

Из этого примера можно сделать два вывода. Первый вывод: если общество переходит вследствие роста непроизводительного потребления от расширенного воспроизводства к простому, то это меняет условия равновесия во всей экономике, неизбежно ослабляя удельный вес сектора производства средств производства. Вывод второй: при переходе от расширенного воспроизводства к простому (т.-е. при переходе от условий, когда то перенакопление в сфере производства средств потребления, то разбухание производственного аппарата и перепроизводство в первом подразделении вследствие периодической смены, особенно в результате массовых технических улучшений основного капитала остро выдвигают проблему новых рынков) проблема рынка теряет свою остроту и приобретает совсем иной смысл и значение. Для отдельной страны вопрос о рынках может, впрочем, стоять иначе вследствие зависимости процесса воспроизводства в ней от мирового разделения труда, конкретно, вследствие необходимости для нее известного импорта, что означает необходимость соответствующего экспорта на иностранные рынки.

Итак, переход от расширенного воспроизводства к простому вследствие роста непроизводительного потребления и при сохранении размеров капитала последнего года расширенного воспроизводства есть первая критическая точка в том процессе попятного движения капиталистического воспроизводства, которое мы здесь рассматриваем. За этой точкой идет такой рост непроизводительного потребления, когда начинается проедание капитала общества. И в этой стадии, как мы установили, при одинаковых вычетах из чистого дохода обоих подразделений, условия равновесия в этой обстановке также вызывают более быстрое проедание капитала первого подразделения, если только органический состав капитала во втором подразделении ниже, чем в первом, и обычное непроизводительное потребление в первом остается неизменным.

Если рост непроизводительного потребления носит чрезвычайный и временный характер, но продолжается, однако, настолько долго, что разрушает производительные силы общества до предела, когда вновь создаваемая прибавочная стоимость лишь в состоянии покрыть обычные непроизводительные расходы общества, то экономика общества подходит к новой критической точке. Раз эта точка будет перейдена, то даже прекращение чрезвычайного непроизводительного потребления не может уже спасти производительные силы от дальнейшего разрушения, если не произойдет сокращения обычного непроизводительного потребления буржуазного общества, либо усиления эксплуатации рабочего класса, либо того и другого вместе.

Мы рассмотрели один возможный вариант снижающегося воспроизводства, когда имеют место увеличение непроизводительного

потребления вследствие огромных военных расходов, проедание капитала общества и, одновременно с этим, сокращение производительности занятых рабочих сил.

Теперь мы кратко рассмотрим, как те же результаты могут получиться вследствие действия других причин, взятых в отдельности или вместе.

Вернемся к нашей исходной схеме.

Прибавочная ценность, производимая за год в обоих подразделениях, равна у нас 1.375 m при 1.375 переменного капитала v . Если мы предположим, что все условия, влекущие за собой прекращение накопления и снижение воспроизводства, будут действовать, то мы можем получить обстановку снижающегося воспроизводства и без того резкого и внезапного возрастания непроизводительного потребления военного происхождения и характера, о котором у нас была речь.

Во-первых, пусть обычное непроизводительное потребление возросло, но всего, допустим, на 10% в сравнении с «нормальным». Такое возрастание может быть связано, как это мы видим на примере послевоенной Европы, с увеличением расходов на армии, после войны с увеличением количества государств и государственных аппаратов, с увеличением нетрудоспособных, с уплатой военных долгов и репараций и т. д. Это даст увеличение фонда потребления класса капиталистов с 687,5 до 824, т.-е. на 135,5.

Допустим, далее мы имеем вследствие падения производительности труда, связанной с нерациональным использованием промышленности в новых национальных границах, вследствие ухудшения сырья, износа оборудования, вследствие ухудшения качества рабочей силы, уменьшения интенсивности труда и т. д., имеем падение выработки на 15%, что даст 412,5. Если кроме того произойдет сокращение производительности занятого населения процентов на 15, т.-е. в размерах, не очень далеких от размеров фактической хронической безработицы в Европе, то мы будем иметь ситуацию, когда общество будет стоять на грани, либо перехода от расширенного воспроизводства к простому, либо уже вступит в первую стадию снижающегося воспроизводства. Если же прибавить к этому затруднения отдельных стран, связанных с мировым разделением труда, в области снабжения их сырьем не местного происхождения, т.-е. затруднения в области воспроизводства части оборотного капитала, особенно при неблагоприятном расчетном балансе со странами производительницами сырья, то мы будем иметь на отдельных участках мирового хозяйства еще добавочные условия, толкающие на путь простого или даже снижающегося воспроизводства.

Сделанный нами краткий теоретический набросок условий снижающегося воспроизводства, а также новых условий равновесия хозяйственной системы при таком воспроизводстве может иметь и практическое значение. Он может быть применен в той или иной степени к анализу европейского хозяйства периода войны и послевоенных лет. С другой стороны, поскольку мировой капитализм вообще находится в стадии упадка, он неизбежно будет переходить

на тех или иных своих участках от замедленного процесса расширенного воспроизводства к простому и к снижающемуся воспроизводству также и по другим причинам, не связанным непосредственно с последствиями войны. Во всех этих случаях теория снижающегося воспроизводства может служить вспомогательным орудием для изучения конкретной экономики отдельных стран, а также поможет ближе разобраться в такой ситуации мирового хозяйства, когда одни его части находятся в состоянии расширенного воспроизводства, в то время как другие или идут назад, или остановились в своем экономическом развитии. В частности, только на основе теоретического анализа расширенного воспроизводства с неуклонно замедляющимся темпом накопления и из анализа снижающегося воспроизводства на отдельных участках мирового капитализма и в отдельные периоды можно понять тот характер, который приняли в настоящий момент промышленные кризисы.

Попытаемся теперь применить результаты нашего теоретического анализа к пониманию некоторых основных процессов, которые мы наблюдали в экономике Европы во время войны и после войны.

Во-первых, во всех воевавших странах происходило уменьшение производительности занятых рабочих сил вследствие массовых мобилизаций пролетариата на фронт и для обслуживания военной промышленности, при уменьшении производительности труда со стороны женщин, подростков и недостаточно квалифицированных рабочих, замещавших частично мобилизованных. Это всюду приводило к уменьшению переменного капитала, к уменьшению общей массы прибавочной ценности, создававшейся в воевавших странах.

Во всех воевавших странах происходили огромные растраты валового дохода, далеко превосходившие размеры прибавочной ценности, что неизбежно приводило к уничтожению резервов производства, существовавших в нормальных условиях, а также к растрате без восстановления основного и отчасти оборотного капитала. В сущности каждая из этих причин, взятая сама по себе, была бы способна привести к снижающемуся воспроизводству. Уменьшение производительности занятых рабочих сил на известной стадии может сделать часть общественного капитала бездействующей и довести до стадии снижающегося воспроизводства. И наоборот, быстрое проедание основного капитала, превращаемого в средства потребления для армии, в орудия войны или в средства производства для военной промышленности, в состоянии, на известной стадии развития этого процесса, сделать бездействующей часть рабочих сил, хотя использование до отказа резервов основного капитала способно, вообще говоря, сильно задержать и ограничить этот последний результат. Во время войны то и другое происходило параллельно. С одной стороны, отвлечение рабочих сил от производства шло своим чередом и в тех случаях, когда наличные размеры капитала позволяли их использование в производственном процессе. А одновременно с сокращением числа производственно занятых шло и проедание основного и оборотного капитала воевавших стран.

Что касается размеров производства угля, чугуна и стали, то надо иметь в виду одновременно размеры потребления этих средств производства военной промышленностью. Здесь производство в значительной степени было лишь первой фазой непроизводительного потребления. Производство угля, чугуна, железа и т. д. непосредственно для военных нужд можно было бы с известным правом выключить из общего производства страны, как одну из форм непроизводительного потребления, если б не тот факт, что частично в таком же положении был и ряд других отраслей производства и что весь производственный аппарат этих отраслей с окончанием войны автоматически включался в производственный аппарат хозяйства мирного периода.

Наши схемы снижающегося воспроизводства на основе резкого роста непроизводительного потребления дают общее представление о том реальном процессе разрушения производительных сил, который мы видели в воевавших странах Европы. Но эта картина является слишком общей и не улавливает ряда специфических особенностей военной экономики Европы. Здесь, впрочем, мы сталкиваемся с фактом, который имеет место всюду, где от общетеоретического анализа воспроизводства приходится переходить к изучению воспроизводства конкретной страны или группы стран за определенный исторический срок. Ценностный теоретический анализ равновесия дает лишь канву для такого исследования, тогда как теперь уже необходимо изучение равновесия и с точки зрения натурального состава воспроизводства, и с точки зрения платежного баланса с другими странами, и с точки зрения валютных отношений, и с точки зрения кредита и задолженности и т. д.

В частности наша схема, если б даже она верно изображала по годам движение валового производства, требовала бы изучения ряда важных добавочных процессов: 1) размеров использования резервов основного капитала; 2) изменения условий снабжения воевавших стран сырьем, что означало не только перебои в снабжении, не только резкий скачок цен на сырье, но и прекращение снабжения некоторыми видами сырья и переход на выработку сходных видов сырья или суррогатов. А это последнее обстоятельство неизбежно меняло распределение производительных сил внутри страны по сравнению с довоенным положением; 3) сокращение экспорта или почти полное прекращение его для некоторых стран, что, при заключении военных и коммерческих внешних займов, означало односторонний поток ценностей извне внутрь в счет будущих доходов наций. Все это вместе взятое изменяло сильнее всего условия равновесия, существовавшие до войны, создавая особый экономический режим, изучение которого на основе закона ценности сделалось крайне затруднительным, поскольку действие самого этого регулятора хозяйства искажалось до чрезвычайности вследствие усиления тенденций государственного капитализма и вследствие глубочайшей дезорганизации мирового рынка.

Но, допустим, мы имеем идеальное исследование европейской экономики за период мировой войны, где ценностный анализ, в тех пределах, в каких он мог быть действительным, сопровождался также анализом натурального состава обмена, а также всеми коррективами, вызванными существованием тенденций государственно-капиталистического характера. Допустим, исследование дает нам исчерпывающее описание всего производственного аппарата европейского капитализма, каким он вышел из войны; устанавливает связь европейского капитализма с мировым с точки зрения рынков и снабжения сырьем, с точки зрения учета новых обязательств, вытекающих из военных долгов, репараций и т. д. Спрашивается, можем ли мы исследовать европейское хозяйство, начиная с 1919 г., как экономику расширенного капиталистического воспроизводства? Или поставим вопрос более конкретно. Если мы возьмем количественные размеры европейского производства 1919 г. и сравним с соответствующим голом в прошлом, наиболее близким по размерам валового производства к 1919 г., будем ли мы иметь перед собой процесс воспроизводства, сколько-нибудь похожий на расширенное воспроизводство, допустим, 1890 или 1900 годов?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Европейское хозяйство, начиная с 1919 г., его неустойчивое равновесие, его судороги в условиях развала валют, необеспеченности рынками, перебоями в снабжении сырьем, в условиях глубочайшей диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью, в условиях резкого роста непроемкого потребления в сравнении с довоенным положением и т. д. ни в коем случае нельзя исследовать, исходя из условий равновесия капиталистического расширенного воспроизводства. В тех случаях, когда перед нами восстановительный процесс, это отнюдь не расширенное воспроизводство нормального типа. В других случаях перед нами простое воспроизводство на основе сокращенного производства прибавочной ценности и огромного роста непроемкого потребления, с колебаниями в сторону снижающегося воспроизводства. Когда восстановительный процесс берет верх и кривая валового производства начинает подниматься к довоенному уровню, превышая его даже в отдельных странах, как Франция, Италия, Бельгия, достигнутые успехи оказываются крайне непрочными, связанными с повышенной эксплуатацией рабочей силы, с разорением мелкой буржуазии, и стоят под вопросом в случае стабилизации валюты.

Остановимся сначала на восстановительном процессе. Равновесие восстановительного процесса весьма отлично от равновесия расширенного воспроизводства, и вот почему. Благодаря огромному развитию военной промышленности производственный аппарат тяжелой промышленности в Европе, главным образом металлургии и машиностроения, сильно разбух. Когда начался восстановительный процесс, то развитие тяжелой и развитие легкой промышленности были поставлены с точки зрения хозяйственного равновесия целого в различные условия. Поясним это на такой произвольно взятой схеме. Допустим, производство капиталистических стран Европы, вместо исходной схемы, которую мы взяли выше, характеризуется для периода начала восста-

новительного процесса такими величинами, сохраняя довоенные размеры фонда потребления капиталистов:

$$\begin{array}{l} \text{I. . } 3.000 c + 600 v + 500 \text{ фонд потребления} \\ \text{II. . } 1.100 c + 275 v + 187,5 \text{ фонд потребления} \end{array}$$

Уже из этой схемы видно, что приближение всей экономики общества к простому воспроизводству, вследствие сокращения v и сохранения потребляемой части m в довоенных размерах, потребовало увеличения удельного веса всего второго подразделения. Далее, если начинается восстановительный процесс, то первое подразделение, имея прибавочной ценности, идущей в накопление, всего 100 вместо довоенных 500, в состоянии, однако, развернуть воспроизводство в гораздо большем размере, потому что оно имеет большие резервы основного капитала. Если б перед нами был обычный процесс расширенного воспроизводства и в то же время каждое подразделение разворачивалось бы только на основе своего фонда накопления, в виду того, что разворачивание требовало бы создания нового постоянного капитала, 100 нового капитала I распределилось бы между c и v в пропорции 5:1, и мы имели бы на новый год $3.083,6 c + 616,4 v$, т.-е. очень небольшое увеличение v . Теперь же, если добавочное c берется в большей своей части из резервов основного капитала, т.-е. пускаются в ход потушенные домы, бездействовавшее оборудование машиностроительных заводов и т. д., то новый капитал 100 идет теперь на увеличение той части c , которая составляет оборотный капитал, и в гораздо большей степени на увеличение v . Если на v идет в данном году 80 из 100, то уже в данном году мы будем иметь небольшую диспропорцию с II, а в следующем гораздо большую. Между тем в легкой промышленности резервы основного капитала уменьшились за время войны, и часть прибавочной ценности, которая раньше пошла бы на увеличение v II, теперь должна отливать на затыкание военных дыр с II при отсутствии капитала для этого в денежной форме. А это должно еще больше увеличить диспропорцию между первым и вторым подразделением.

Неблагоприятное положение для легкой промышленности усугубляется еще и тем, что часть сырья она должна покупать за пределами Европы, если дело идет о капиталистической Европе в целом, за границей—если дело идет об отдельной европейской капиталистической стране. Вследствие этого, если б даже разворачивание производства в I целиком поглощало добавочную продукцию второго подразделения в той ее части, которая идет на возмещение добавочного с II, вопрос воспроизводства этим отнюдь еще не решался бы для второго подразделения. Ему не просто нужно продать, а продать так, чтобы выручить валюту стран, снабжающих легкую промышленность сырьем. В условиях, когда тяжелая промышленность продает в те же страны, эта проблема решается с двух концов одновременно. Наоборот, когда легкая промышленность сама встречается с затруднениями при реализации за границей своей продукции, и в то же время и тяжелая

промышленность не имеет там же достаточных рынков, то и внутренний обмен между первым и вторым подразделением, обеспеченный определенными пропорциями c и $v + \frac{m}{x}I$, не может состояться

в полной мере. Здесь даже в случае ценностного соответствия в величинах обмена, возможного в условиях нормальной связи обоих подразделений с мировым хозяйством, размен ценностей будет сорван вмешательством нового фактора: несоответствием в вещественных элементах обмена. В результате всего этого получается такое положение, что легкая промышленность не может восстановить своего c пропорционально размерам возможного для нее

в данных условиях (при данном v и $\frac{m}{x}I$) накопления, т.-е. не может

продать продуктов потребления в I и за границу на сумму возрастания c . Первое же подразделение имеет тогда перепроизводство по двум причинам. Во-первых, потому, что благодаря включению в производственный процесс резервного основного капитала оно и без того имеет перепроизводство вследствие превышения разменного фонда

$v + \frac{m}{x}I$ над c и II . А кроме того, оно не может продать во второе подразделение средств производства даже в размерах необходимого роста c и II , потому что возмещение c и II связано с определенным натуральным составом средств производства, часть которых при всяких условиях должна быть куплена за пределами Европы (хлопок, каучук, шерсть и т. д.).

Отсюда тот хронический кризис восстановительного процесса в Европе, который характерен для всего периода ее хозяйственной жизни после окончания войны. Этот кризис тяжелой промышленности, не дающий развернуться также и легкой промышленности вследствие связности движения обоих подразделений общественного производства, нашел, между прочим, свое ценностное выражение в постоянном, более высоком, индексе цен на предметы легкой промышленности. Достаточно взять цены на текстильные изделия: относительный рост их не может быть объяснен только ростом цен на сырье. В результате Европа вот уже семь лет представляет из себя, в области хозяйственной, целый клубок вопиющих противоречий. Несмотря на огромное истощение основного капитала легкой промышленности во время войны, машиностроение, за временным исключением Франции и Бельгии, не выходит из состояния перманентного кризиса. Несмотря на уменьшение душевого потребления предметов легкой промышленности, последняя поднималась все время крайне медленно и болезненно. Хроническая безработица вытряхнула из производства несколько миллионов рабочих. Экспорт развивался только в странах, находившихся в условиях падающей валюты, а в стране, перешедшей к условно золотому обращению — в Англии, внешняя торговля падает из года в год. И все это при наличии оборудования тяжелой промышленности, загруженного немалым больше, чем на половину.

Интересно в то же время проследить, в каких специфических формах протекал восстановительный процесс в тех странах, которые переживали период падающей валюты. Вообще падение валют в Европе было военного происхождения. Но раз даны условия падающей валюты, восстановительный процесс идет весьма своеобразными путями, превращаясь сам в одно из условий, задерживавших состояние валютного хаоса.

Чем отличается воспроизводство в условиях инфляции от воспроизводства при твердой валюте?

Прежде всего тем, что мы не имеем здесь воспроизводства в собственном смысле, а распродажу ниже стоимости рабочей силы страны и основного капитала производства. Что здесь происходит, мы лучше всего увидим, если возьмем только что приведенную схему восстановительного процесса в Европе в условиях инфляции. Если обмен будет происходить на основе ценности, мы будем иметь для реализации по обоим подразделениям вместе валовой продукции

$$4.100c + 875v + 875m = 5.850.$$

Если же мы предположим, что вся валовая продукция продается не по ценности, а на 10% ниже, то за нее будет получено не 5.850, а только 5.265. Если недовыручка равномерно задевает c , v и m , то это будет означать: невосстановление постоянного капитала на 410, снижение фонда заработной платы на 87,5 и прибавочной ценности на ту же сумму. Если прибавочная ценность не страдает, а постоянный капитал невосстанавливается на 410, то тот же результат потребует снижения реальной заработной платы не на 10%, а на 20%. С другой стороны, если в условиях инфляции происходит не снижение воспроизводства, а идет процесс восстановления, то 410 проедания постоянного капитала падут не на ту его часть, которая образует оборотный капитал (топливо, сырье и т. д.), а исключительно на основной капитал. Что инфляционная распродажа рабочей силы страны принимает размеры гораздо большие, чем продажа ее ниже ценности на 20%, мы можем видеть на примере Германии, где в 1919 г. реальная заработная плата квалифицированных рабочих, по сравнению с довоенной, принимаемой за 100, равнялась 75,4; а в 1922 и 1923 годах 62,2. Иными словами, в годы наибольшей инфляции, т.-е. в 1922 и 1923 г.г., фонд заработной платы снижался на 37,8% по сравнению с довоенным. В это время происходила в ряде отраслей и растрата основного капитала (вместе с его накоплением в других¹⁾). В Италии падение зарплаты, наоборот, равнялось

¹⁾ Растрачивала ли или же накапливала Германия основной капитал в период инфляции в целом, решается таким расчетом. Берется валовая продукция по золотым мировым ценам, из нее вычитается валовая продукция по внутренним золотым ценам. Берется доля зарплаты в валовой продукции, высчитывается недоплата по фонду зарплаты. Высчитываются размеры внутреннего индивидуального потребления и экспорта. Если недоплата по зарплате оказывается выше, это значит, что на сумму разницы возрос постоянный капитал. В обратном случае на сумму разницы он был растрочен.

к 1925 г. лишь несколько более 10%. Во Франции за этот год еще меньше, но здесь надо принять во внимание рост относительной прибавочной ценности вследствие радикального переоборудования промышленности, вследствие чего сравнение с довоенным уровнем вообще неправильно. Это отчасти относится и к Италии.

Теперь поставим себе вопрос, какое экономическое значение имела и имеет распродажа ниже себестоимости рабочей силы и основного капитала в инфляционный период?

Если мы берем воспроизводство в той его части, которая ограничивается обменом ценностей внутри страны, то здесь одни отрасли, теряя как продавцы, выигрывают как покупатели, и только рабочие теряют во всех случаях. Баланс потерь и выигрышей может быть весьма различен для отдельных отраслей производства, но с точки зрения национального хозяйства, как целого, инфляционное снижение цен ведет лишь к общему падению золотого индекса внутренних цен в сравнении с мировыми (при росте, разумеется, цен в бумажных деньгах). Наоборот, в той части экономики, где она соприкасается с мировым рынком, образуется дыра, через которую утекают на мировой рынок масса товаров ниже стоимости их производства (принимая себестоимость *v* по довоенному индексу) и ниже мировых цен, и происходит разбазаривание продуктов национального производства. Однако после захвата мировых рынков Европы Америкой и после усилившейся индустриализации колоний такое разбазаривание является единственным (не считая коммерческих займов) серьезным средством для Европы пробиться снова к потерянному рынкам, в частности увеличить торговлю с Америкой, чтобы выручить необходимые валютные ресурсы и приступить к расширенному воспроизводству той части оборотного капитала, которая состоит из иностранного сырья. Как мы уже видели, тяжелая промышленность Европы имеет гипертрофированный производственный аппарат. Когда расширение производства наталкивается прежде всего на увеличение оборотного капитала и больше всего на увеличение той его части, которая *in natura* состоит из заграничного сырья, продажа материализованного в товарах избыточного основного капитала по ценам значительно ниже его себестоимости (не говоря о распродаже рабочей силы, которой капиталу никогда не жалко) представляет из себя явно выгодную в данных условиях операцию, раз только этим путем можно расширить оборотный капитал. Таково было значение инфляции для восстановительного процесса в Германии, Франции, Бельгии, Италии.

Но во всем этом процессе есть еще и другая сторона. Распродажа ниже себестоимости основного капитала имеет огромную выгоду для капитализма там, где этот капитал все равно должен подвергнуться моральному снашиванию и где разбазаривание его вместе с рабочей силой дает возможность обновить основной капитал с наименьшими потерями. Вне всякого сомнения, эта причина лежала отчасти в основе инфляционного разбазаривания в Германии, где низкая заработная плата позволяла проделать значительную работу по реконструкции орудий производства и приспособлению их к современным техническим

требованиям. Еще большую роль играл этот процесс во Франции, где после войны, в условиях инфляции, происходило быстрое перевооружение французской промышленности, и распродажа старого основного капитала одновременно достигала двух целей: включение в мировое хозяйство и получение ресурсов на закупки сырья и продажи по дешевке того, что пришлось бы все равно сломать.

Из этой краткой экскурсии в область европейской экономики мы видим, что не только за период войны, что само собой очевидно, но за весь период после войны хозяйственное равновесие Европы нельзя изучать под углом зрения обычного расширенного воспроизводства и на основе закономерностей экономики этого типа. Восстановительный процесс здесь имеет свои законы неустойчивого равновесия, наиболее ярко проявившиеся в инфляционный период и продолжающие находить свое выражение в диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью и в невозможности снова включиться в мировой рынок в соответствии с уровнем индустриализации Европы.

Одной из наиболее характерных черт послевоенного хозяйства Европы является хроническая безработица, представляющая из себя не результат обычного затянувшегося капиталистического кризиса, а результат кризиса всего европейского капитализма вообще. Англия, невозможность включения которой в мировое разделение труда в довоенных пропорциях выяснилась раньше всего, уже 7 лет живет в условиях, когда около 1½ миллиона ее рабочих прочно выброшены в ряды избыточного населения. После инфляционного ажиотажа германской промышленности тот же процесс начался и в Германии. И здесь, после установления пределов связи с мировым рынком германского хозяйства при твердой валюте, количество безработных колеблется около 2 миллионов. Совершенно тот же процесс мы будем иметь во Франции после стабилизации франка, т.-е. после выделения приходящейся на долю Франции «нормальной» доли ее связи с мировым рынком. Процесс выбрасывания в армию непроизводительных, и выбрасывания, по видимому, навсегда, нескольких миллионов рабочих Европы еще больше усиливается в результате происходящего теперь, преимущественно в Германии, процесса рационализации производства. Эта рационализация, вопреки тому, что было в условиях развития капитализма, размещается почти в тех же пределах связи с мировым рынком и приводит прежде всего и больше всего к росту безработицы, а также к соединению американских приемов эксплуатации рабочих с европейской заработной платой. В противоположность предыдущему периоду капиталистической истории, когда прогресс техники и удешевление себестоимости производства и цен соединялись с ростом вовлекаемого в производство количества рабочих, мы имеем при теперешней рационализации сокращение количества занятых рабочих, и без снижения цен. Все большая и большая часть рабочего класса Европы прочно сдается в тираж. Маркс, как бы предвидя теоретически возможность такого тупика для капитализма, писал в третьем томе «Капитала»: «Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы воз-

возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизию с этим развитием»¹⁾. Европейское рабочее население явно сдаётся в тираж, и именно потому, что европейский сектор мирового хозяйства явно уперся «в специфическую границу капиталистического производства» вообще.

Вторая проблема, которая стоит перед европейским капитализмом, заключается в том, чтобы завоевать снова часть рынков, утерянных в период снижающегося воспроизводства и продолжающих уплывать для таких стран, как Англия, уже вступивших, как будто прочной ногой, на базу экономики снижающегося воспроизводства. Но эта задача очень трудно осуществима для старой Европы с ее столь огромным непроизводительным потреблением и сравнительно скромными ресурсами накопления, недостаточными для дорого стоящей реконструкции всего хозяйства, необходимой для победоносной конкуренции на мировом рынке.

Наконец, следует в заключение указать еще на то, что для эпохи снижающегося воспроизводства, либо для экономики, болтающейся около уровня простого воспроизводства, фашистская форма государства в ряде стран оказывается наиболее подходящей, чтобы удержаться от падения, а тем более, чтобы за счет рабочего класса попытаться перейти к расширенному воспроизводству. Фашизм, в его социально-экономической основе, это — новая дисциплина труда, добавочная к тем скорпионам голода и купли-продажи рабочей силы на основе закона ценности, которые гонят рабочий класс на капиталистическую фабрику и ставят его в определенные рамки буржуазной эксплуатации.

В этой связи мы не можем долго останавливаться на этой теме. Мы также вынуждены отказаться от ответа на вопрос, что должно твориться в сфере капиталистической экономики в тот период, когда капиталистическая форма исчерпала себя с точки зрения развития производительных сил, а сменяющая ее и исторически более высокая форма не приходит. Исследование такого рода означало бы уже переход от экономики к социологии и политике, что не входит теперь в нашу задачу.

Е. Преображенский

(Продолжение следует)

¹⁾ „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 245—246, пер. Степанова.

ОРГАНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАПИТАЛА

1. Понятие

Марксистская теоретическая экономия имеет два деления производительного капитала; одно — по признаку, взятому из сферы обращения, по различию «способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт»... Это — деление на основной и оборотный капитал. Оно «возникает из неодинаковых способов обращения различных элементов производительного капитала» (Маркс). Другое деление взято из сферы производства — деление по характеру той роли, какую играют составные части капитала в процессе производства продукта, по различию участия в процессе создания стоимости и прибавочной стоимости. Это — деление на постоянный и переменный капитал.

Исходным моментом понятия «органический состав капитала» является последнее деление на постоянный и переменный капитал.

Постоянным капиталом Маркс называет стоимость машин и оборудования, зданий и сооружений, сырья, вспомогательных материалов и топлива — стоимость всего мертвого материала, который является необходимым фактором капиталистического производства. Переменный капитал — стоимость живых факторов производства, рабочей силы, которая приводит в движение эту мертвую массу. Машины и сырье, топливо и вспомогательные материалы, с одной стороны, рабочая сила, с другой, в сфере производства сбрасывают свою товарную форму, какую они имели на рынке и продолжают свое бытие уже в виде капитальной стоимости, в виде функционирующего производительного капитала.

И в то время, как капитальная стоимость машин, сырья и пр. мертвых факторов производства является лишь необходимым условием для создания продукта стоимости и прибавочной стоимости, предпосылкой для этого, рабочая сила и капитальная стоимость ее, наоборот, есть непосредственный фактор создания стоимости и прибавочной стоимости. Капитальная стоимость, авансированная и функционирующая в виде машин, сырья и проч., проходит через фазис производства в качестве постоянной величины; стоимость рабочей силы в процессе производства подвергается изменению, возрастанию, и в этом смысле является величиной переменной. «Самое существенное для определения переменного капитала ... состоит в том, что капиталист обменивает определенную данную (и в этом смысле постоянную) величину стоимости на силу, творящую стоимость»;

определенное количество стоимости обменивается на производство стоимости, на процесс ее самовозрастания»¹⁾.

С точки зрения процесса труда деление на постоянный и переменный капитал есть деление на средства производства (средства труда и материал труда), с одной стороны, и рабочую силу, с другой.

Под составом капитала Маркс понимает «отношение между его активной и пассивной частью, между переменным и постоянным капиталом»...²⁾ (разрядка наша. А. П.). Пассивность и активность частей капитала определяется ролью их в создании стоимости и прибавочной стоимости.

Маркс различает: 1) технический состав капитала, 2) состав капитала по стоимости и 3) органический состав.

Под техническим составом Маркс разумеет отношение вещественных, материальных факторов капиталистического производства, отношении средств производства в их физической форме к рабочей силе в такой же форме. Это—отношение «между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,—с другой»³⁾.

Технический состав капитала—понятие чисто материальное, технологическое.

Состав капитала по стоимости—отношение стоимости средств производства, или постоянного капитала (C) к стоимости рабочей силы, или переменному капиталу (V) — V .

И, наконец, органическим составом капитала Маркс называет «состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменение технического состава»⁴⁾ (разрядка наша. А. П.), т.-е. по Марксу состав капитала по стоимости не всегда определяется техническим составом, не всегда зависит и служит выражением последнего. Состав по стоимости зависит от двух факторов: 1) высота технического состава капитала и 2) цены на средства производства (орудия производства, материалы). Высота технического состава есть вещественное выражение степени производительности труда, безотносительно к общественной форме производства (разумеется, когда речь идет о техническом составе капитала, то здесь уже вполне определенно указана и общественная форма производства, именно капиталистическая).

Состав капитала по стоимости—ценностное выражение отношения пассивного и активного факторов производства, орудий и материала производства, с одной стороны, и рабочей силы—с другой.

Но ценностное выражение отношения этих величин не всегда может отражать в себе точное отношение тех же величин в их материальной форме. Различие цен на средства производства, главным

¹⁾ Карл Маркс—„Капитал“, том. III, стр. 198 (изд. „Коммунист“, Москва, 1918 г., то же везде)

²⁾ „Капитал“, т. III, стр. 122 (изд. ГИЗ, 1923 года, то же везде).

³⁾ „Капитал“, т. I, стр. 626 (изд. ГИЗ, 1920 г., то же везде).

⁴⁾ Ibid.

образом, на сырье, может отклонить в ту или иную сторону отношение C к V . Если мы имеем 2 предприятия одинаковой техники в двух отраслях промышленности, например, в шелковой и металлической, то состав капитала по стоимости у них будет различный: пуд сырья-шелка дороже во много десятков раз пуда чугуна или железа.

Высота состава по стоимости—функция двух переменных: 1) высоты технического состава и 2) цен на сырье. Высота органического состава—функция одной переменной—высоты технического состава. Состав по стоимости, если он отражает, характеризует степень производительности труда, есть органический состав капитала. Цена пуда сырья, перерабатываемого в данном производстве, не зависит непосредственно от уровня техники этого производства (косвенно она может зависеть), и потому колебание цены сырья может вызвать изменение состава по стоимости при том же техническом составе и, следовательно, органическом составе капитала.

Может случиться обратное—при изменившемся техническом составе и, следовательно, в его ценностном выражении—органическом составе—состав капитала по стоимости может остаться без изменения.

Противопоставляет ли Маркс и можно ли противопоставлять понятия «органический состав» и «состав по стоимости»? Маркс пишет: «Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения (разрядка наша. А. П.). Рассматриваемый со стороны стоимости (разрядка Маркса. А. П.), состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала (разрядка Маркса. А. П.), функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,—с другой. Первый я называю составом капитала по стоимости, второй—техническим составом капитала» (разрядка Маркса. А. П.). И далее: «Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение (разрядка наша. А. П.), я называю органическим составом капитала (разрядка Маркса. А. П.) его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменение технического состава»¹⁾.

Маркс противопоставляет здесь технический состав составу по стоимости, отношение между собой материальных элементов производства—мертвой материи и живой рабочей силы, с одной стороны, отношению частей капитала, общественному выражению, экономической форме отношения этих материальных элементов капиталистиче-

¹⁾ „Капитал“, т. I, стр. 625—626.

ского производства. Маркс противопоставляет здесь техническую категорию (технический состав) категории экономической (составу по стоимости).

Но в самом понятии «состав по стоимости» Маркс различает состав по стоимости, который действительно выражает собой технический состав, уровень производительной силы труда, и состав по стоимости, отражающий влияние других факторов, различие или колебание цен на сырье прежде всего. Из общего понятия «состав капитала по стоимости» Маркс выделяет понятие условное, состав, который служит показателем высоты технического состава, высоты производительности труда. Органический состав — лишь частное, условное, ограниченное понятие того же состава по стоимости; поэтому противопоставлять его последнему никак нельзя.

На том же основании «органический состав» (понятие) можно противопоставить понятию технического состава, как техническую категорию и ее экономическое выражение.

Но «органический состав» можно и нужно отличать от состава по стоимости.

У Маркса в определении понятий «состав капитала» встречаются иногда как будто противоречия: один раз он различает «органический состав» и «состав по стоимости», другой раз — нет. Но это противоречие только кажущееся, происходит от непонимания читателем приема Маркса, непонимания того, над чем Маркс делает в том или ином случае ударение, сосредоточивает внимание свое и читателя. Отдельно выхваченная цитата — определение — легко может ввести в заблуждение, если ее не взять в общей связи с окружающим контекстом и не уяснить вопроса — говорит ли Маркс об отношении материальных элементов производства и экономическом выражении этого отношения или он говорит о той или иной высоте производительности труда и ее выражении.

Когда же нужно иметь дело с понятием органического состава, Маркс четко и резко выделяет его. В III томе «Капитала» Маркс пишет «...Капиталы, которые в технологическом отношении составлены одинаково, т. е. в сравнении с количеством машин и сырого материала приводят в движение одинаковое количество труда, могут тем не менее оказаться составленными различно, вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость. Сырой материал или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом... Но что в технологическом отношении эти капиталы составлены одинаково, это немедленно обнаружилось бы, едва лишь цена более дорогого сырого материала упала бы до уровня более дешевого. Отношения стоимостей переменного и постоянного капитала сделались бы одинаковыми, хотя в техническом отношении затраченного живого труда к массе и природе применяемых условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения состава по стоимости, капитал сравнительно низкого органического состава, вследствие простого повышения стоимости его постоянных частей, может про-

извести такое впечатление, как будто он поднялся на одну ступень с капиталом более высокого органического состава... Следовательно, капиталы одинакового органического состава могут иметь различный состав по стоимости и капиталы одинакового в процентах состава по стоимости могут занимать различные ступени органического состава и потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда» (разрядка наша. А. П.)¹⁾.

В «Теориях прибавочной ценности»: «...Отношение постоянного и переменного капитала само может происходить от весьма различных причин, например, оно может быть лишь формальным, потому что сырой материал, обработанный в одной сфере производства, окажется дороже, нежели обработанный в другой сфере; или же оно может происходить от различной производительности труда и т. д.» (разрядка наша. А. П.)²⁾.

В манускрипте «Теорий прибавочной ценности», намечая план третьего тома «Капитала», Маркс пишет: «1. Различие органического строения капиталов, отчасти, обусловленное различием между переменным и постоянным капиталом, поскольку последнее зависит от ступени производства. Абсолютные, количественные отношения машин, сырого материала и массы труда, который приводит их в движение. Эти различия относятся к процессу труда... 2. Различия в отношении ценностей частей различных капиталов, которые не вытекают из их органического строения. Это вытекает исключительно из различия в value... (цен. А. П.) особенно сырого материала...»³⁾.

Количество подобных определений можно было бы увеличить во много раз, они разбросаны в разных местах «Капитала» и «Теорий прибавочной ценности».

* * *

Надо сказать, что у наших марксистов нет достаточно ясного и точного представления по вопросу о том, что такое состав капитала. О разного рода «критиках» Маркса, «исправителях» и т. д. тут уж и говорить не приходится; у них исходным пунктом многих теоретических ошибок является именно непонимание учения Маркса о составе капитала (об этом ниже).

Самостоятельно вопрос о сущности и значении понятий «технический» и «органический состав капитала» в теоретической экономике не ставился.

И у Маркса, и у позднейших марксистов и анти-марксистов учение об органическом составе капитала имело лишь подсобное значение, в связи с теорией прибыли, проблемой распределения и т. д.

Это обстоятельство имело следствием то, что в марксистской экономической литературе различию понятий «состав по стоимости»

1) «Капитал», т. III, стр. 301 и 302.

2) «Теории прибавочной ценности», Т. II, стр. 124 (изд. «Прибой», 1924 г.)

3) Цитирую по предисловию Каутского к III тому «Теорий прибавочной ценности» стр. 4 (изд. «Прибой» 1924 г. то же же).

и «состав органический» не придается должного значения, или же эти понятия совсем не различаются.

Конкретизируем понятие состава капитала.

Прежде всего, строение какого капитала Маркс называет составом по стоимости?

Капитал, по Марксу, есть «ценность в процессе движения»¹⁾, есть «движение, процесс кругооборота... капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»²⁾, при чем в своем движении промышленный капитал последовательно проходит через три стадии: первая стадия—деньги капиталиста на рынке превращаются в товар; вторая стадия—производительное потребление купленных товаров, и третья—капиталист возвращается на рынок, как продавец, его товар превращается в деньги. Это движение промышленного капитала Маркс выражает формулой: $D - T < \frac{P}{C_n} \dots P \dots T (T + T) - D' (D + d)$ где P —рабочая сила; C_n —средства производства; точки обозначают перерыв обращения капитальной стоимости, но продолжение ее кругооборота, когда она вступает в стадию производства. В процессе движения авансированная капитальная стоимость меняет свою форму—товарный капитал, при чем весь капитал последовательно проходит все три стадии кругооборота, три метаморфозы. Но не все стадии кругооборота капитальной стоимости одинаково влияют на ее величину. В акте денежного обращения ($D - T$) происходит лишь превращение одной формы стоимости в другую, денежной формы в форму вещественных и личных факторов производства (средства производства и рабочая сила). Величина капитальной стоимости при этом не меняется. Точно так же в акте товарного обращения ($T - D'$) происходит лишь перемена формы, авансированной и увеличенной в процессе производства капитальной стоимости, превращение ее в товарную стоимость, которая должна быть превращена в деньги, в эту всеобщую эквивалентную форму стоимости. И только в стадии производства капитальная стоимость подвергается не только формальному превращению, но и количественному изменению, т. к. капитальная стоимость находится здесь «в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость» (Маркс) и т. к. только производительный капитал «имеет свойство функционировать, как создающий стоимость и прибавочную стоимость». В то время, как денежный капитал и товарный капитал суть лишь способы и формы существования и сохранения капитальной стоимости, функционирование производительного капитала «есть единственное функционирование, благодаря которому капитальная стоимость приносит прибавочную стоимость» (Маркс).

¹⁾ Маркс — „Теории“, т. III, стр. 116.

²⁾ Маркс — „Капитал“, т. II, стр. 81.

Денежный капитал, производительный капитал и товарный капитал суть лишь три различные формы существования одного и того же промышленного капитала, формы, которые промышленный капитал принимает в своем кругообороте. Понятие постоянной и переменной части капитала свойственно только производительному капиталу, т. к. лишь в этом капитале может быть различие частей «вследствие различия роли, какую средства производства и рабочая сила играют в производственном процессе при образовании стоимости, а, следовательно, и в создании прибавочной стоимости». Вот почему не может быть и речи о постоянной и переменной части товарного капитала или капитала денежного.

Условием непрерывности производства, условием процесса воспроизводства является необходимость того, чтобы в стадии производства постоянно был занят не весь авансированный промышленный капитал, а лишь часть его. Одна часть капитала может непрерывно функционировать, как производительный капитал лишь при условии, что другая часть остается отвлеченной от производства в собственном смысле слова, являясь в форме товарного и денежного капитала.

Авансированный капитал распадается на доли, из которых одна постоянно функционирует в стадии и форме производительного капитала, другая—товарного и третья—денежного капитала. Соотношение этих долей находится в определенной числовой пропорции, которая диктуется различными условиями, касающимися как самого производства, так и рынка. И хотя каждая часть капитальной стоимости проходит последовательно все три фазы, в каждый данный момент «одна доля капитала, постоянно сменяющаяся, постоянно воспроизводится, существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая существует в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья—производительного капитала, превращающегося в товарный капитал... Капитал, как целое, одновременно находится в своих различных фазах, расположенных последовательно в пространстве»¹⁾.

Таким образом, мы должны иметь в виду, что состав капитала (по стоимости и органический) есть строение не всей авансированной капитальной стоимости, а части ее, фиксированной в форме производительного капитала, и что состав промышленного капитала есть непосредственно состав производительной части этого капитала.

Далее, нам нужно конкретизировать понятия C и V . Их отношение включает наличие общего коэффициента времени. Отношение C к V будет существенно различно, будем ли мы брать стоимость постоянного капитала и переменного капитала. Функционирующих на протяжении года, или месяца, или одного дня. Обозначим через C^1 стоимость (сумму цен) машин, зданий, оборудования, т.-е. стоимость основного капитала; через C^2 —стоимость (сумму цен) сырья, вспомогательных материалов и топлива, т.-е. оборотной части постоянного капитала. С изменением времени величина C^1 и C^2 будет

¹⁾ Маркс—„Капитал“, т. II, стр. 80.

меняться неодинаково. Машины, здания и стоимость их— C^1 —в процессе труда, создания продукта, участвуют целиком, а в создании стоимости—лишь частью. Сырье, топливо и вспомогательный материал и их стоимость— C^2 —целиком (путем переноса) в создании продукта и его стоимости. Стоимость основного капитала, необходимого для производства в определенных одних и тех же размерах, в течение года, или месяца, или одного дня—одна и та же (снашивание физическое или моральное за это время в данном случае дела не меняет). Машины и здания участвуют в процессе производства целиком, на части их не разделишь. Чтобы выступать в качестве условия создания стоимости и прибавочной стоимости, машины и здания всегда должны быть в активном состоянии, исправном виде.

Отношение $\frac{C^1 + C^2}{V}$, взятое за год, и отношение $\frac{C^1 + C^2}{V}$, взятое за один день,—величина не одна и та же. Величина C^1 остается той же, C^2 и V меняются прямо пропорционально, а все отношение—обратно пропорционально величине времени. Пренебрежение этим фактом может вести к неправильному пониманию категории состава капитала.

В отношении времени функционирования промышленного капитала Маркс различает: 1) время производства капитала и 2) время его обращения. Сумма времени производства и времени обращения составляет время оборота всего капитала, при чем под оборотом капитала Маркс разумеет «кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс». Время оборота капитала отмечает периодичность в процессе движения капитала, т. к. это есть «промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме» (Маркс).

Не все части производительного капитала принимают одновременно одинаковое участие в создании стоимости и прибавочной стоимости. В самом времени производства по этому признаку Маркс различает три момента. Первое: находясь в сфере производства, капитал не всегда является возрастающей стоимостью, капиталом в собственном смысле слова. Он может быть в состоянии скрытого, потенциального капитала, наличие которого есть необходимое условие непрерывности процесса производства, в то время как ни непосредственного, ни даже косвенного участия в создании продукта или в создании стоимости и прибавочной стоимости он не принимает. Запас сырья на складе, машины в момент естественных перерывов производства, например, ночью и т. д., функционируют лишь как необходимое материальное условие возобновления процесса производства, но не участвуют активно в создании продукта или его стоимости. Капитал в форме основного капитала в момент перерывов производства, капитал в форме стоимости запасов сырья на складе не противостоит живому труду, и потому не есть производственный, в собственном смысле слова, капитал. Далее Маркс от времени, когда капитал находится вообще в сфере производства,

отличает время производства в более узком смысле, «время производства в активном смысле, в течение которого они, средства производства, участвуют в процессе производства товарного продукта» (Маркс). Время производства в активном смысле есть время, в течение которого протекает весь процесс создания продукта. И, наконец, третий момент—время труда, время непосредственного приложения рабочей силы к продукту. Время создания продукта и время создания его стоимости (и прибавочной стоимости), время производства продукта и время производства его трудом, приложением рабочей силы, не всегда одно и то же. Время непосредственного приложения рабочей силы к продукту Маркс называет рабочим временем или рабочим периодом. Это—«число связанных между собою рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения вполне готового продукта»¹⁾. Рабочее время, рабочий период—всегда вместе с тем есть и время производства. Но не всегда все время производства является рабочим временем, рабочим периодом. Время производства означает то или иное функционирование средств производства, участие в процессе производства со стороны тех или иных элементов постоянного капитала; рабочий период—функционирование рабочей силы, процесс труда. Излишек времени производства над рабочим временем вызывается тем, что производительный капитал может функционировать в процессе производства, не находясь в процессе труда. Предмет труда может более или менее продолжительно подвергаться воздействию не труда, а естественных процессов, в результате которых претерпевает различные физические, химические или физиологические изменения. Процесс труда на это время совершенно или отчасти приостанавливается. Таким образом, время производства производительного капитала составляет из времени, в течение которого капитал находится в процессе труда (рабочий период), и времени, в течение которого капитал, в форме неготового продукта, предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь в процессе труда. Это—излишек времени производства над рабочим периодом. Наиболее яркий пример несоответствия рабочего периода и времени производства—в сельском хозяйстве; в обрабатывающей промышленности—в кожевенной отрасли, в химическом производстве и некоторых других. В кожевенном производстве процесс так называемого красного дубления (выделка подошвы и мостовья) состоит из таких стадий: подготовительная к дублению работа (замочка кожи, удаление мездры и эпидермиса)—около 4 дней труда; так называемая золка, золение кожи (химический процесс)—около 14 дней; мягчение или бучение кожи—около 2 дней труда. Далее следует чисто химический процесс дубления, сначала так называемое предварительное соковое дубление,—около 14 дней, и затем так называемое пересыпное дубление—около 65 дней; перекладка кож и другая работа занимают в это время не

¹⁾ Маркс—«Капитал», т. II, стр. 209.

больше 2 дней. Далее идет сушка и окончательная отделка дубленого товара—около 10 дней. Таким образом, рабочий период здесь равен 18 дням, а время производства—109 дней.

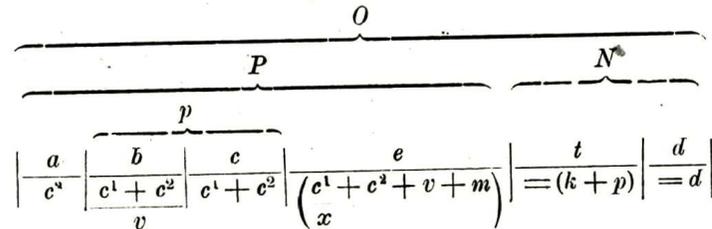
Избыток времени производства над рабочим периодом не дает стоимости и прибавочной стоимости. На готовый продукт переносится лишь часть стоимости чана, аппарата и т. д. за все время их функционирования. Путем технических усовершенствований время производства все более приближается к рабочему периоду (в кожевенном производстве процесс дубления когда-то продолжался 1—1½ года; сейчас применение электрического способа дубления обещает сократить этот процесс всего до нескольких часов). Конечно, где нет естественных к тому препятствий, таких, как в сельском хозяйстве, рабочий период сокращается теми же путями, какими идет повышение производительности труда. Это две стороны одного и того же явления. Рабочий период и время производства (равно, как и все время оборота) капитала различны не только в различных отраслях, но и в пределах одной и той же отрасли. Причины—различия технологического, естественного характера и условий производительности труда.

В сфере производства, но не труда, капитал находится и в виде запаса готового продукта на складе, прежде чем поступить на рынок, превратиться в товарный капитал. Это—неизбежная стадия движения производительного капитала; иногда она совпадает с моментом завершения естественных процессов, которым подвергается продукт (напр., так называемая вулканизация галош, для чего они в течение нескольких месяцев должны лежать на складе).

Какому времени функционирования производительного капитала соответствует отношение C к V в категории состава капитала? Очевидно, им не может быть ни астрономический год, ни все время оборота капитала, ни даже все время производства (так называемый технический оборот) капитала. Ни в форме запаса сырья на складе, ни в форме готового продукта на складе, ни в форме сырья и полупродукта, подвергающегося естественным процессам изменения, производительный капитал не функционирует, как возрастающая стоимость. Последнее происходит с капиталом производительным лишь тогда, когда он проходит через рабочий период технического кругооборота. В стадии—запас сырья на складе—имеется некоторое потенциальное функционирование стоимости сырья— C^1 . Во время естественных процессов изменения полупродукта—функционирование части основного капитала (чаны, аппараты и т. д.— C^1 , и сырья или полупродукта— C^2). Когда продукт лежит на складе, налицо простая сумма амортизированной части основного капитала (C^1 , переработанного сырья— C^2 , стоимости рабочей силы (V) и прибавочной стоимости— m). И только на протяжении рабочего периода имеется реальное противопоставление мертвого, прошлого труда—труду живому, настоящему, и противопоставление стоимостей того и другого вида труда, C и V ($\frac{C}{V}$).

Смена рабочих периодов, периодичность их, не совпадает ни с астрономическим годом, ни с периодом оборота всего капитала; и т. к. рабочий период—лишь часть оборота капитала, он непрерывно повторяется с большей частотой, чем оборот капитала или все время производства. Определенная доля производительного капитала фиксируется в виде постоянно расходуемого и возобновляемого запаса сырья на складе, другая—в виде непосредственно функционирующего производительного капитала, совпадающего со стоимостью и прибавочной стоимостью, третья—в виде запаса готового сырья на складе, четвертая—в виде готового полупродукта, подвергающегося воздействию естественных физико-химических процессов (где это есть).

Вертикальный разрез производительного и всего промышленного капитала можно, в виде схемы, представить так:

При этом отрезок a здесь означает время функционирования капитала в форме запаса сырья на складе, b —рабочий период, c —время естественных процессов изменения полупродукта, e —запас готового продукта на складе, t —время товарного и d —время денежного обращения капитала; p —время производства капитала, P —пробывание капитала в сфере производства или все время его производства, N —время рыночного (товарного и денежного) обращения и O —время оборота капитала. Алгебраические формулы под отрезками означают соответствующее каждому времени соотношение отдельных элементов капитала ($k+p$ —издержки производства плюс прибыль).

Итак, состав капитала есть отношение постоянной и переменной частей производительного капитала, частей, взятых в их количественном выражении на протяжении одного, постоянно повторяющегося, рабочего периода.

Такое понимание категории состава капитала вполне соответствует тому, что вкладывал Маркс в понятие этой категории. И это понимание ничего общего не имеет с тем шаблонным толкованием, какое распространено среди многих наших экономистов. По этому шаблонному толкованию состав капитала есть отношение постоянной и переменной частей вообще всего промышленного капитала (а не производительной его части, как это следует из самого Маркса определение постоянной и переменной капиталов), при чем это есть отношение величин (c и v), взятых на протяжении года. Почему именно года, а не месяца, недели? Объяснить такое понимание можно одним:

год берется только потому, что год является единицей времени оборота капитала. Здесь совершается не что иное, как своего рода логическая абстракция, это есть толкование чисто механическое, ничем не обоснованное и совершенно не соответствующее Марксову понятию категории состава.

II. Значение категории состава капитала для теоретической экономики

Деление капитала на постоянный и переменный и понятие органического состава введено в теоретическую экономию Марксом. До Маркса классическая политическая экономия знала лишь основной и оборотный капиталы.

Меркантилисты не могли различать постоянный капитал и переменный уже по одной той причине, что источник прибавочной стоимости ищали в обмене; физиократы этот источник видели исключительно в земледелии, а самую прибавочную стоимость рассматривали как дар земли. Физиократам, собственно, первым принадлежит различие капиталов основного и оборотного. А. Смит это деление прочно закрепил в политической экономии в качестве решающего. Позднейшие экономисты рассматривали его уже как единственно возможное и нужное.

У Рикардо можно видеть первые намеки на различие постоянного и переменного капиталов. Рикардо обращает внимание на тот факт, что капиталы в разных отраслях могут быть составлены неодинаково, в одних может преобладать основной капитал, в других—оборотный. Он пытается проследить, как это различие отражается на величине стоимости производимых товаров и на высоте нормы прибыли. Но Рикардо такое деление постоянно путает просто с основным капиталом и оборотным. Оборотный капитал у него в одних случаях включает только заработную плату, в других—сырье. К тому же он весь капитал рассматривает как переменный (в Марксовом смысле), сырье же и вспомогательный материал упускается из виду, т.-к. не укладывается вполне ни в одну из его категорий капитала; он абстрагируется от постоянного капитала, хотя последний иногда фигурирует у него в форме первоначальных затрат.

Рикардо не приходит к ясному и последовательному понятию и формулировке постоянного и переменного капиталов¹⁾.

¹⁾ Роль Рикардо в истории развития категорий — постоянный и переменный капитал — достаточно выяснена в литературе, посвященной разбору метода этого наиболее выдающегося предшественника Маркса. Зибер в книге своей „Давид Рикардо и Карл Маркс“ (С.-ПЕТ., 1899 г.), говоря о двух способах деления капитала, пишет, что первый из них (на основной и оборотный) принадлежит А. Смиту, другой (на постоянный и переменный) — Рикардо. В последнем утверждении Зибера заметна переоценка заслуг Рикардо в этом вопросе; в той же главе и сам Зибер пишет о значении классификации Рикардо так: „Она, быть может, оказывается важной не столько в смысле характеристики, какая придана ей самим Рикардо, сколько по некоторым иным крупным различиям между орудиями в собственном смысле и фондом заработной платы, — различиям, которые ускользнули от внимания Рикардо“ (стр. 348).

Для экономической системы Маркса деление капитала на постоянный и переменный, отношение этих частей — органический состав капитала — имеет огромное значение.

Только переменный капитал создает стоимость и прибавочную стоимость. Установив понятие переменного капитала, Маркс раскрыл действительный источник прибавочной стоимости и прибыли; капиталист, а за ним и буржуазная политическая экономия рассматривают прибыль, как результат самовозрастания капитала; тем фактом, что прибавочная стоимость берется по отношению ко всему капиталу, маскируется истинный источник прибыли. Маркс дает нам ясное и точное понятие прибыли и прибавочной стоимости, нормы прибыли и нормы прибавочной стоимости, и вместе с этим объясняет законы движения их. Установив равенство массы прибавочной стоимости и прибыли в общественном размере, Маркс объясняет закон средней нормы прибыли и закон цены производства. Противоречие между стоимостью и средней нормой прибыли, между прибавочной стоимостью и прибылью, противоречие, которое пыталась и не могла разрешить предшествовавшая Марксу политическая экономия, исчезает с той постановкой вопроса, какую дает Маркс. Тенденцию нормы прибыли к падению — явление, которое до Маркса экономисты лишь констатировали, но не в силах были объяснить — Маркс объяснил, исходя из трудовой стоимости, ростом производительности труда, повышением органического состава. Земельная рента, абсолютная, впервые правильно объяснена Марксом, и объяснена различием органического состава капитала в земледелии и промышленности, вместе с наличием частной собственности на землю.

Маркс дает нам монолитную и неразрывную экономическую систему, дает теорию производства и распределения на основе трудовой стоимости. До Маркса (буржуазная экономия и после Маркса) проблема распределения рассматривалась как единственно важная проблема политической экономии; распределение выступает при этом как совершенно самостоятельная, независимая от производства сфера. В произведениях таких экономистов «все встречается в двойном виде: например, в распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время, как в производстве земля, труд, капитал фигурируют как факторы производства»¹⁾. Для Маркса же «отношения и способы распределения являются... лишь оборотной стороной... производства»²⁾, и «система распределения вполне определяется системой производства»³⁾... «Производство, распределение, обмен и потребление... — все они образуют собой часть целого, различия внутри единства»³⁾.

Берем ли Марксову теорию стоимости или его теорию прибавочной стоимости, берем ли теорию цены производства или теорию

¹⁾ К. Маркс — „Введение к критике политической экономии“. Сборник „Основные проблемы политической экономии“. ГИЗ, 1922 г., стр. 17—18.

²⁾ Ibid., стр. 18.

³⁾ Ibid., стр. 23.

прибыли—во всем этом понятие органического состава капитала играет исключительно важную роль.

Введенное понятие органического состава чрезвычайно обогатило, можно сказать оплодотворило, политическую экономию и дало Марксу возможность правильно поставить и решить неразрешимые до него трудности и противоречия.

Понятие производительной силы труда и ее выражение—органический состав капитала—красной нитью проходят через всю экономическую систему Маркса и связывают отдельные части ее—теорию стоимости и цены производства, прибавочной стоимости и прибыли и т. д.—в одно неразрывное целое.

Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала», опровергая выдвинутое немецкими катедер- и государственными социалистами обвинение против Маркса, будто он в своей теории прибавочной стоимости сделал плагиат у Родбертуса, пишет: «Установив разделение капитала на постоянный и переменный, он (Маркс. А. II.) первый достиг того, что до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и, таким образом, объяснил его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем»¹⁾ (разбивка наша. А. II.). Сам Маркс делению капитала на постоянный и переменный и понятию органического состава придавал большое значение.

В исторических экскурсах II тома «Капитала» и в III томе «Теории прибавочной ценности», где изложена история теорий, Маркс разбирает одного за другим представителей классической политической экономии; их ошибки и достижения в деле выяснения проблем стоимости, прибавочной стоимости, нормы прибыли, земельной ренты и т. д. Маркс рассматривает под углом понимания этими экономистами органического состава. Рикардо «не знает различий в органическом строении внутри самого процесса производства. Отсюда его смешение ценности и цены производства, неверная теория ренты, неверные законы относительно причин повышения и понижения нормы прибыли и т. д.»²⁾ (разбивка наша. А. II.).

То же можно сказать и по отношению ко всем предшественникам Маркса. Они не могли решить проблемы стоимости, прибыли и других уже по одному тому, что неправильно их ставили.

«Главная заслуга Рамзея... он действительно делает различие между постоянным и переменным капиталом... различия основного и оборотного капиталов, взятые из процесса обращения, он сохраняет как единственные различия только по названию (разбивка Маркса. А. II.); однако, он так определяет основной капитал, что последний включает все элементы постоянного капитала»³⁾, «...под оборотным

¹⁾ «Капитал», II том. Предисловие, стр. XXVI.

²⁾ «Теория», III том, стр. 68.

³⁾ «Теория», III том, стр. 263.

капиталом он понимает не что иное, как часть капитала, которая состоит из заработной платы...»¹⁾.

«...Торренс... определяет различие (между капиталами) в том смысле, что одинаковые капиталы приводят в движение неодинаковое количество живого труда, но он... портит дело тем, что рассматривает это, как... особый случай»²⁾.

Шербулье—«Важно как у Рамзея, так и у Шербулье только то, что они действительно противопоставляют переменный и постоянный капитал (разбивка Маркса. А. II.) и не останавливаются на взятом из обращения делении на основной и оборотный капитал»³⁾.

* * *

Но и после Маркса напрасно вы стали бы искать у буржуазной политической экономии понятие органического состава. Там можно найти что угодно: и смитовское разделение капитала на основной и оборотный, и «состав» капитала в смысле перечисления всех материальных факторов, какие могут служить капиталом (здесь обычно глубокомысленно перечисляются орудия производства, строения, земля, вложенные в землю удобрения и т. д.), и противопоставление капитала частного капиталу национальному и т. д. Профессорские буржуазные курсы в лучшем случае лишь бегло упоминают об органическом составе капитала, в связи с изложением Марксовой теории нормы прибыли. Причина та же, что и в политической экономии до Маркса. При делении капитала на основной и оборотный «дело идет о перенесении данной авансированной стоимости на продукт и о возмещении ее посредством продажи продукта... Вместе с тем погашается кардинальное различие между переменными и постоянными капиталами, следовательно, вне поля зрения остается вся тайна образования прибавочной стоимости и вся тайна капиталистического производства... (разбивка наша. А. II.). Все составные части капитала различаются тут только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, с уже данными, наличными стоимостями...). Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала смитовское смешение категорий «постоянного и переменного капитала» с категориями «основной и оборотный капитал и без всякой критики в течение целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение»⁴⁾.

Установление понятий постоянного и переменного капитала и органического состава дало Марксу возможность проникнуть в самые сокровенные тайны, в святое святых капиталистического производства, сорвать таинственный покров и обнажить весь секрет капиталистической эксплуатации, секрет накопления и т. д.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.; стр. 62.

³⁾ «Теория», т. III, стр. 293.

⁴⁾ «Капитал», т. 2, стр. 197.

Интересно проследить, как понятие органического состава преломлялось в антимарксистской литературе у всякого рода критиков и «исправителей» Марксовой системы.

Как известно, в конце 90-х и начале 900-х годов в немецкой и русской экономической литературе объявлен был настоящий крестовый поход против системы Маркса. Одни (Струве и проч.) отвергали при этом самую основу системы—Марксову теорию стоимости, или находили возможным «примирить» ее с теорией предельной полезности (Бернштейн, Туган-Барановский и проч.), другие («марксисты») продолжали стоять на почве Марксовой теории стоимости (но больше воображая, что стоят,—Кроче, Филиппов и т. д.). И все наперебой друг другу искали всякого рода «внутренние противоречия» Марксовой системы. Одни видели «противоречие» Марксовой теории стоимости и его теории цены производства, другие «противоречие» теории прибавочной стоимости и теории прибыли и т. д. Марксову систему при этом разрывали на кусочки, проблему распределения противопоставляли проблеме производства (Струве, Туган-Барановский и т. д.). С чрезмерным усердием, заменяющим способность понять Маркса, каждый из критиков по своему «исправлял», «дополнял» и «уничтожал» Маркса.

Здесь нет нужды останавливаться на этой атаке марксизма со стороны русских «легальных марксистов» и их зарубежных коллег. Последующая антикритика ортодоксальных марксистов вскрыла всю беспочвенность, теоретическую пустоту и буржуазную подоплеку ревизионистских наскоков на Марксово учение. В данном случае нас интересует здесь другое, именно, то обстоятельство, что Туган, например, в своем стремлении «очистить марксизм от ненаучных моментов» к отрицанию Марксова закона падения нормы прибыли приходит через отрицание категорий постоянного и переменного капитала. Он просто объявляет «несостоятельность» различия постоянного и переменного капитала ¹⁾, следовательно, несостоятельность понятия органического состава. Иначе, как через отрицание понятий постоянного и переменного капитала, т.-е. возвратившись к уровню политической экономии XVIII века, Туган не мог дойти до отрицания зависимости средней нормы прибыли от органического строения общественного капитала и отрицания независимости нормы прибыли отдельных капиталов от их строения. И только таким путем Туган мог притти к отрыву теории распределения от теории стоимости ²⁾.

В экономической литературе, ортодоксальной и антимарксистской, органический состав фигурирует в качестве бесспорной категории, с ним обращаются как с понятием, в которое Маркс вкладывал определенное, всем известное, содержание. Ревизионисты считают, что действие роста органического состава на прибыль парализуется

1) Туган—„Теоретич. основы марксизма“. Москва, 1918 г. 4 изд. стр. 139 и след.

2) „Истинная теория распределения общественного дохода не может быть следствием какой бы то ни было теории ценности“ („Теоретич. основы“, стр. 166).

ростом нормы прибавочной стоимости или обесценением постоянного капитала, так что закон Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению будто бы отпадает. Они не могут понять различной роли высоты органического строения капитала в производстве прибавочной стоимости и в ее распределении. Под органическим составом при этом понимается просто отношение постоянного и переменного капиталов. Попыток дать более точное и полное определение понятию не было. В этом не было нужды, поскольку обе спорившие стороны вкладывают в понятие органического состава одно и то же содержание. Последнее, однако, случалось не всегда. Наиболее типичным в этом смысле является попытка Харазова ¹⁾ в качестве аргумента против Маркса притянуть то различие, какое Маркс вкладывал в категории «технический состав», «состав по стоимости» и «органический состав». Цель Харазова стара и совсем не оригинальна: доказать «противоречие» Марксовой теории прибыли и Марксовой теории цен производства; но сделать это он хочет «новыми средствами», не истрепанными аргументами. До Харазова всякого рода критики и ревизионисты так или иначе принимали за факт рост органического состава капитала. Харазов считает неправильным утверждение, что у Маркса предпосылкой падения нормы прибыли служит рост органического состава капитала. Он уверяет, что у Маркса такой предпосылкой является рост технического состава. По Харазову в производстве средств производства нет повышения технического состава, нет замещения живого труда мертвым, и потому норма прибыли там не падает. Харазов замечает у Маркса, что последний отмечает изменение отношения постоянного капитала к переменному в результате изменившихся материальных условий производства, т.-е. технического состава, и такое изменение в отношении постоянного к переменному, которое не является результатом изменившихся материальных условий производства. Т.-е., Харазов видит у Маркса различие органического состава и состава по стоимости. Но у Харазова все это переломляется «совсем наоборот», и в результате он приходит к нелепому отрицанию самого факта повышения органического состава ²⁾.

В связи с этим неизбежно может встать вопрос: имеет ли вообще-то какое-либо методологическое значение для Марксовой теоретической системы различие органического состава и состава по стоимости? В частности—имеет ли это значение для Марксовой теории средней нормы прибыли и закона падения нормы прибыли? На это можно сказать следующее: различие органического состава и состава по стоимости для Маркса имеет значение, главным образом, в качестве метода характеристики понятия самого органиче-

1) Charasoff.—„Das System des Marxismus“.

2) Должную оценку работы Харазова, как очередную и неизбежно обреченную на неудачу попытку сокрушить, опровергнуть экономическую систему Маркса, дает т. Леонтьев в своей брошюре: „Проблемы Марксовой теории капитализма“, 1924 г., Изд. „Буревестник“.

ского состава капитала. Методом дополнения, отрицательным признаком Маркс дает точное и ясное понятие органического состава¹⁾.

Для Маркса движение, рост органического состава не есть просто рост отношения постоянного капитала к переменному, а рост именно вследствие повышения производительной силы труда. Для Маркса обесценение постоянного капитала, в результате роста производительности труда, не означает понижения органического состава, а лишь отставание роста состава по стоимости от роста органического состава общественного капитала; речь идет о том, что динамика органического состава не находит своего точного выражения в динамике отношения постоянного и переменного капитала, т.-е. в динамике состава по стоимости.

Точно так же при пространственном сопоставлении капиталов различных отраслей или одной и той же отрасли, отношения постоянных частей к переменным не всегда выражают их органический состав.

Для Маркса равенство органических составов двух одинакового размера капиталов означает равенство занятого в них живого труда.

Наоборот, различие органического состава означает различие масс живого труда, различие производительной силы труда. В то же время равное или неравное отношение постоянной и переменной частей капитала может совсем, или далеко, не выражать равенства или неравенства живого труда, его относительную величину.

И основное здесь—органический состав есть выражение производительной силы труда, ее высоты; состав по стоимости—не всегда.

А. Пашков.

¹⁾ Для некоторых вопросов это различие имеет у Маркса и более непосредственное значение, напр., в вопросе о добавочной прибыли отдельных капиталов, вытекающей не из повышенного уровня производительной силы труда и т. д.

ПОСЛЕВОЕННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА

Подлинные воззрения Маркса и Энгельса насчет роли государства и задач пролетариата в области завоевания государственной власти оставались для социал-демократической теории эпохи II Интернационала книгой за семью печатями; это достаточно красноречиво доказано Лениным в его «Государстве и революции». Пока объективные условия не ставили перед пролетариатом Западной Европы непосредственно революционных задач, это «опошление марксизма» теоретиками II Интернационала имело лишь чрезвычайно, казалось бы, скромные последствия. От этого страдала, в первую голову, борьба «ортодоксов» против ревизионизма. В теоретической полемике немало копий ломалось по чрезвычайно важным, но тем не менее далеким от практической жизни проблемам Марксова учения, как, например, теория ценности. И другие вопросы экономической системы марксизма, как теория концентрации, теория кризисов, теория обнищания стояли в центре теоретической борьбы. Что же касается до основной, важнейшей и конечной проблемы—вопроса о социальной революции, то здесь споры главным образом велись в форме чрезвычайно общего противопоставления революции и эволюции, зачастую не выходя за общефилософские рамки. Конкретной ревизионистской программе постепенных демократических реформ, слабо подкрашенных идеями «социальной справедливости», программе полукрытого отказа от социализма, от знаменитой «конечной цели» «ортодоксальный марксизм» II Интернационала и его руководящей партии, германской социал-демократии, не смог противопоставить столь же конкретной революционной программы. Руководящие социал-демократические теоретики «опошленного марксизма» вместо ясного и четкого указания пути, по которому пролетариат должен пойти в своей борьбе за диктатуру, предпочли разбавить самое понятие пролетарской диктатуры неопределенными рассуждениями о «демократической эпохе» и особых свойственных ей методах классовой борьбы. Иллюзии «мирной революции», «демократической диктатуры», «овладения пролетариатом буржуазным государством» (вместо его разрушения) и тому подобных разновидностей «деревянного железа» уже в довоенный период роднили «ортодоксов» с ревизионистами, Каутского с Бернштейном, больше, чем тогда можно было предполагать.

Как известно, наиболее непосредственным результатом теоретического опошления марксизма в важнейшем пункте о государстве

было то обстоятельство, что ревизионисты охотно предоставили ортодоксам заниматься высокой материей теоретических проблем, а сами постепенно прибрали к рукам всю практическую работу в рабочем движении. Плодом этого мирного сожительства «марксистской» теории с оппортунистической практикой могли явиться лишь события 4 августа 1914 г. и всех последующих, более или менее знаменитых, дат. Как и следовало ожидать, теория вскоре подравнялась по практике: ставши одной из опор существования капиталистического государства, занявши, как в немецкой литературе принято говорить, позицию «признания государства» (staatsbejahende), социал демократия отказалась от своей прежней, «отрицающей государство» (staatsverleipende), теории. Съезды в Герлице и Гейдельберге лишь подтвердили в программной форме те положения, которые в течение последних лет стали общим достоянием социал-демократии.

Период, непосредственно последовавший за мировой войной и крушением германского милитаризма,— это период окончательного банкротства социал демократического марксизма, пытавшегося найти свое практическое воплощение в независимой с.-д. партии; подобно тому, как эта партия, по внешности столь импозантно выросшая после ноябрьской революции, в течение следующих лет потерпела со своей половинчатой политикой полное крушение, разложившись на свои составные элементы — революционных коммунистов и социал-демократических реформистов,— точно так же половинчатая теория каутскианства обнаружила полную капитуляцию перед новейшим ревизионизмом, фактически ставшим официальным воззрением (если это можно назвать воззрением) современной социал-демократии. Этот период любопытен как раз в том отношении, что именно в эти годы происходила и завершалась эта идейная перегруппировка: всколыхнув до дна все основные вопросы социализма и пролетарской политики, именно этот период заставил последовательно «признать цвета» всех тех, кто в прежнее время обнаруживал к этому мало склонности. — Обратимся к важнейшим моментам этой эволюции.

Ориентировка на «признание государства» (staatsbejahende) в области теории была вызвана к жизни той практической политикой поддержки германского империализма, которую социал-демократия проводила с самого начала войны. Эта ориентировка составляла неотъемлемую часть той целостной идеологии, которая признавала осуществление социализма во всемирном масштабе делом «der deutschen Bajonette in deutscher Faust» («германского штыка в немецкой руке»), а империалистическую войну восхваляла как осуществление мировой революции (Weltrevolution — Ленш). Эта идеология, свившая себе вначале место в парвусовском журнальчике «Glocke» и в старом органе ревизионизма «Sozialistische Monatshefte», в тех или иных вариациях захватила и официальный теоретический журнал партии «Neue Zeit» после замены Каутского новым редактором Генрихом Куновым.

Признание и поддержка буржуазного государства вполне гармонировали с той общей концепцией реформизма, которая уже в тече-

ние многих лет составляла внутреннее убеждение значительного большинства практических деятелей партии, профсоюзов, кооперативных организаций и т. п. О том, как эта концепция представляла себе осуществление социализма, дает достаточно ясное представление один из старейших ревизионистов Конрад Шмидт в заметке, помещенной в «Sozialistische Monatshefte» за 1919 г. Приведем оттуда довольно длинную выписку, содержащую ряд формулировок, не оставляющих желать ничего лучшего в смысле определенности и четкости позиции¹⁾.

«Целью (социализма) является под'ем, материальный и духовно-культурный под'ем трудящегося народа, представляющего огромное большинство общества, в котором политически и экономически организованный класс промышленного пролетариата образует передовой отряд в борьбе. Но образует авангард лишь таким путем, что он представляет на ряду со своими классовыми интересами интересы всего общества... Вера в непреодолимые естественные законы экономики (вроде железного закона заработной платы), заранее исключающие продолжительное улучшение положения пролетариата при сохранении товарно-капиталистического производства (доктрина, которую некоторые направления буржуазной политической экономии софистически доказывают безнадежность профессионального движения, а социалистическая теория, напротив, часто использовала для доказательств необходимости обобществления средств производства, как первого и необходимого условия всякого социального прогресса), отжила свой век по мере роста силы организованного пролетариата. То же самое следует сказать про воззрение, будто капиталистический способ производства неизбежно должен зайти в тупик все более сильных кризисов, из которых спасением будет лишь обобществление средств производства. Вся концепция постепенно развивающейся социализации, выработавшаяся в течение ряда лет в рабочем движении, считается с возможностью прогресса в рамках капитализма, который будет органически и шаг за шагом (stufenweise) развиваться и перерождаться. Мысль о резко отдельных этапах (Hüben und Drüben) растворяется в идее бесчисленного ряда переходов. При чем, естественно, обобществление средств производства, составлявшее по прежнему воззрению решающий момент, единственно приносящий спасение, теперь играет существенно иную роль—роль средства перевода в государственную собственность известных вызревающих отраслей производства, средства, являющегося лишь членом широко разветвленной системы друг друга дополняющих средств (законодательство об охране труда, страхование от безработицы и т. д.) Лишь таким образом, путем постепенно развивающегося проникновения государственно-капиталистического элемента в частно-капиталистический способ производства, можно себе представить эволюционистическую социализацию производства.

¹⁾ Конрад Шмидт — „Soz. Mon.“. 1919 г. S. 494—495 (реп. кн. Эдм. Фишера).

На первом месте стоит здесь вопрос, насколько подобные мероприятия, осуществимые лишь путем выкупа, приносят государству и представляемому им рабочему населению выгоды, которые нельзя было бы добиться иными путями, например, посредством сильного налогового обложения частных предприятий».

Да, «мысль о резко отделимых этапах растворяется в идее бесчисленного ряда переходов». Требование «обобществления средств производства», в котором сконцентрировалось все представление эрфуртской программы о социальной революции, отвергается в качестве «резко отделимого этапа» и «растворяется в идее бесчисленного ряда переходов».

Как известно, многие социал-демократы, и притом не только определенно ревизионистского толка, видели в явлениях военной экономики известную подготовку к социалистической организации хозяйства. Насколько такое представление было — в узко-экономическом отношении — справедливо и насколько в нем играл роль момент преувеличения, об этом мы поговорим в дальнейшем. Теперь лишь заметим, что в соединении с «идеей бесчисленного ряда переходов» это толкование военной экономики, как подготовительной стадии к социализации хозяйства, дало сочную теорию так называемого «вращения в социализм» в ее самоновейшем издании военного времени.

Сама по себе идея хозяйственного вращающегося в социализм, как длительного и постепенного процесса перерастания хозяйства из одной формы в другую, процесса трансформации системы капиталистических производственных отношений в социалистическую систему, не только не чужда революционному марксизму, но составляет для него одну из азбучных истин. Маркс менее всего предполагал, что пролетариат, проснувшись «на другой день после социальной революции», найдет на земле готовенькое социалистическое хозяйство. Такое представление о марксизме стараются создать, с одной стороны, его противники из буржуазного лагеря, чтобы облегчить себе благодарную задачу «разноса» марксистских «утопий», а с другой стороны — его «друзья» из числа реформистских вульгаризаторов, которые рисуют подобные картины для того, чтобы убедить честный народ в «незрелости» современного хозяйства для социалистического переворота. При подобном представлении о последнем мировом хозяйстве не созреет для социализма, пожалуй, до полного охлаждения солнца. — Маркс и Энгельс, напротив, указывали и подчеркивали не раз, что процесс социализации производственных отношений — медленный и длительный процесс, требующий десятков лет для своего завершения. Но вместе с тем по всему смыслу Марксовой системы этот процесс может начаться лишь после того, как пролетариат установил свою диктатуру и обращает все могущество государственной организации на дело сознательного социалистического переустройства хозяйства. До пролетарской революции стихийные процессы хозяйственного развития, происходящие в капитализме, готовят целый ряд

элементов социалистического хозяйства, как обобществление труда в крупном производстве, развитие техники, аппарат учета, контроля и управления и т. д. Но лишь после социалистической революции, разрывающей оковы отжившей хозяйственной системы и освобождающей от этих оков производительные силы человеческого общества, возможен переход к строительству социалистического хозяйства в строгом смысле слова. Эта сторона Марксова учения лишней раз показывает, что его революционный характер не только не исключает признания эволюционных процессов в социальном организме, но вставляет их в единственно правильную историческую перспективу. Эволюционный процесс развития производственной структуры капитализма неизбежно ведет к социалистической революции пролетариата, которая в свою очередь открывает дорогу для эволюционного процесса перерастания и перерождения хозяйственных тканей в направлении социализма. Хозяйственная эволюция к социализму наступает лишь после политической революции пролетариата, постепенное развитие к социалистическому хозяйству имеет место после «разрыва постепенности» в момент революции, длительный процесс наступает лишь «после скачка». В этом смысле и тот путь хозяйственного развития, по которому идет СССР и по которому нам еще долго придется идти, может быть назван «вращением в социализм», а те вопросы хозяйственной политики, которые стоят перед пролетариатом после завоевания им власти, могут быть названы проблемами вращающегося в социализм.

Совсем иное значение этот термин получил, однако, у германских реформистов военной эпохи. Они понимали под «вращением в социализм» постепенное, незаметное и безболезненное приближение к социализму безо всякой революции. Главная роль в этом благом деле приходилась на долю государства, которое по сему случаю мгновенно лишилось всех своих особенностей в качестве буржуазного государства и выступало перед изумленным взором публики, как государство «вообще»; переход к буржуазной демократии и республиканской форме правления после военного разгрома дал повод апостолам «вращения» говорить о «народном государстве», противопоставляя сей богатый содержанием термин «устаревшему» и отброшенному понятию «классового государства».

Как мы уже заметили, социал-демократическая практика эпохи войны настоятельно потребовала подравнения теоретического мировоззрения партии. Эту благодарную задачу берет на себя целый ряд вчерашних марксистов, выступающих в военные (и отчасти в послевоенные) годы. Этот новый ревизионизм № 2, выступая на исторической сцене при совершенно иных условиях, чем ревизионизм № 1 (эпохи бернштейнианства 90-х годов), с самого начала обнаруживает ряд сходных черт с последним. Как тогда, так и теперь провозвестники новой теории выходят из числа вчерашних, казалось бы, чрезвычайно ортодоксальных марксистов; как тогда, так и теперь вначале обнаруживается лишь необходимость частичного «приспособления» марксизма к изменившейся со времени смерти Маркса и Энгельса

исторической обстановке. В связи с этим новое направление, связанное с именами Г. Кунова, К. Реннера, П. Ленша и др., выступает вначале под флагом «нового марксизма», «военного марксизма», иногда под звучным именем «молодых марксистов» и т. п. Наконец, как и в конце прошлого столетия, новая школа вскоре обнаруживает свое истинное лицо во всей его непривлекательности: полный разрыв с марксизмом в теории, отказ от него в практике, капитуляция перед буржуазной идеологией и политикой — таков конечный результат новаторства, начавшегося с незначительных, казалось бы, исправлений.

Что касается до вопроса о государстве и социализме, то он подвергся «пересмотру» уже в первом значительном теоретическом выступлении военно-марксистской школы, в книге Карла Реннера «Марксизм, война и Интернационал», вышедшей в 1917 г. ¹⁾ В сущности говоря, в отношении интересующего нас вопроса в этой работе содержится уже полностью та концепция которая характеризует новое направление. Даже основательное сочинение Г. Кунова о Марксовой теории истории, общества и государства, появившееся уже через несколько лет после окончания войны, вносит в эту концепцию мало существенно-нового ²⁾.

Реннер исходит из того положения, что, начиная примерно с 1878 г. в Европе складывается в значительной степени новое общество, имеющее существенно иные черты, чем тот капитализм, который был подвергнут анализу Марксом и Энгельсом. Долгое время это «новое общество» оставалось скрытым от глаз марксистской школы, и лишь война сделала явным то, что так долго оставалось тайным. В двух существенных направлениях, по мнению Реннера, новое общество отличается от старого классического капитализма: 1) в отношении собственности и 2) в отношении государства.

Что касается до собственности, то она с течением времени принимает все более ярко выраженный общественный характер. Уже теперь во многих отношениях быть собственником значит служить обществу. Война ускорила этот естественный процесс «социализации собственности» в том отношении, что она открыто предъявила к собственникам ряд требований, обусловливаемых интересами всего общества в целом. Рост безличного предпринимательства, победное шествие акционерной формы предприятий, организация целых отраслей народного хозяйства гигантскими трестами и картелями — все это Реннер, разумеется, также зачисляет по штату «социализации собственности», происходящей безо всякой революции в рамках капиталистического хозяйства и характеризующей «новое общество».

Что касается до вопроса о государстве, представляющего для нас в данной связи гораздо больший интерес, то здесь новая историче-

¹⁾ Karl Renner—„Marxismus, Krieg und Internationale. Kritische Studien über offene Probleme des wissenschaftlichen und des praktischen Sozialismus“, Dietz, 1917 г.

²⁾ Поэтому мы на книге Кунова в нашем обзоре решили не останавливаться, тем более, что ей больше всего „повезло“ в нашей литературе: она неоднократно разбиралась в критических статьях и поэтому более или менее знакома читающей публике.

ская эпоха отличается, по мнению Реннера, не менее знаменательными переменами. Из ночного сторожа, совершенно не вмешивающегося в хозяйственную жизнь, каковым государство выступает в предшествующий период истории, оно ныне все более превращается в самостоятельную силу, властно и твердо выступающую во всех важнейших хозяйственных вопросах. Происходит по его мнению, процесс «огосударствления хозяйства» (Durchstaatlichung der Oekonomie ¹⁾). Постепенно растет и усиливается значение государственных предприятий. Далее, целый ряд хозяйственных явлений, которые в прежний период являлись исключительно делом частных лиц, все более переходит в частичную или полную компетенцию государства. Последнее все больше берет на себя организующую и управляющую, или же контролирующую роль в одной области хозяйственной жизни за другой.

Социалисты до сих пор ошибочно считали государство исполнительным комитетом класса капиталистов. Ныне это абсолютно неверно. «Буржуазное государство в интересах самосохранения должно все более наполнять социальным содержанием орудие, служащее классовому господству буржуазии. Не в первый раз в истории случается, что орудие становится выше своего господина» ²⁾. И в качестве основного тезиса, долженствующего характеризовать новую эпоху, Реннер выставляет положение: «Экономика все более исключительно служит классу капиталистов, а государство все более пролетариату» ³⁾.

Нетрудно отгадать, какие практические выводы следуют из этого решительного утверждения. Примирение пролетариата со «все более служащим» ему современным государством, поддержка этого государства вместо борьбы против него — таков первый вывод. — Далее, современное государство не является для Реннера какой-либо абстракцией, а воплощается в плоти и крови европейских держав; мы не станем здесь приводить рассуждений Реннера насчет национализма и интернационализма, насчет тенденции к национализации хозяйства в пределах определенно ограниченной государственной территории и т. п. — все это чрезвычайно мало оригинально и ничуть не отличается от того, что писалось сотнями социал-патриотов всех стран в период войны; ясно, однако, что второй вывод из этой новой ревизии марксизма — это патриотическая позиция в войне, поддержка «своего» империализма, воплощенного в лице «своего» дружественного пролетариату государства. — Наконец, остается еще «мелочь», это — социализм, за осуществление которого до сих пор боролся пролетариат. Однако, и этот вопрос может быть улажен очень спокойным образом. В самом деле, с одной стороны, происходит (совершенно незаметно) «социализация собственности»; с другой стороны, мы имеем государство, которое становится все дружественнее по отношению к пролетариату; помимо того, происходит война основное требование которой совпадает с требованием социализма и с основной способ-

¹⁾ S. 12.

²⁾ S. 29.

³⁾ S. 27.

ностью пролетариата, а именно—«организация»¹⁾. Стоит ли после этого сомневаться, что осуществление социализма обеспечено политикой социал-демократии, поддерживающей государство Гогенцоллернов! Точно так же нет сомнений, что это осуществление будет иметь место в порядке «бесчисленного ряда переходов», как мы еще раньше убедились из рассуждения Конрада Шмидта. Таков третий и последний вывод из новой теории государства, выдвинутой «военным марксизмом». Таково новое, военного времени, издание теории «врастания в социализм».

Как известно, еще Энгельс в своем «Анти-Дюринге» беспощадно высмеивает тогдашних представителей этой теории. Далее, в лице довоенного ревизионизма мы имели рецидив той же теории. «Новый марксизм» военной эпохи представляет собой второй рецидив в этом отношении. Далее мы увидим, что послевоенная и послереволюционная эпоха показывает нам далеко не божественную комедию, заключающуюся в том, что эта же теория воспринимается и прежними представителями марксистского центра, и становится таким образом общей теоретической почвой социал-демократии, внутри которой бывшие грани между ревизионистами и ортодоксами, молодыми и старыми «марксистами» все более сходят на-нет.

Первоначально марксистский центр отнесся крайне неодобрительно к теории врастания. Пока представителями последней выступали ревизионисты старой школы, марксистский центр полемизировал против них, обнаруживая, впрочем, за словесным радикализмом свою обычную половинчатость и непоследовательность. Новое издание теории врастания во время войны также встретило в среде марксистского центра резкую критику.

К. Каутский посвятил специальную работу откровениям К. Реннера, своего бывшего соратника по австро-марксистскому лагерю²⁾. Без особого труда Каутский обнаруживает полную беспочвенность реннеровской новой теории. Новая эпоха, наступившая действительно с 70-х или 80-х годов прошлого столетия, характеризуется всем чем угодно, только не сглаживанием классовых противоречий, «социализацией собственности» и надклассовым перерождением государства. Разумеется, и здесь мы напрасно стали бы искать у Каутского четкой и определенной революционной теории; все же при критике реформистских иллюзий Реннера он в отдельных случаях бывает вынужден довольно решительно высказаться по тому или иному вопросу.

Он доказывает Реннеру, что не всякая организация равнозначуща социализму, что не всякая организация враждебна капитализму. Особый вид организаций представляют те, которые охватывают пред-

¹⁾ Реннер в одном месте даже заявляет, что та из воюющих сторон, которая выиграет войну, будет иметь полное право на мировое господство, ибо она докажет таким образом свою высшую способность к организации мира (S. 278). Увы! мы не знаем, остался ли он при этом мнении после Версаля и Сен-Жермена! Ожидая он во всяком разе чего-то совершенно противоположного.

²⁾ См. К. Kautsky.—„Kriegsmarxismus. Eine theoretische Grundlegung der Politik des 4. August“. Wien, 1918. r.

ставителей различных классов; к числу таких относится и государство. В иных случаях руководство в таких организациях с самого начала находится в руках эксплуататоров. Однако в иных случаях руководство носит демократический характер; эксплуатируемые могут также принять в нем участие. Однако, и в этом случае

«членам общественно-привилегированных классов, обладающим монополией либо военной силы, либо образования, либо хозяйственной (средства производства, прежде всего, земля), при помощи их благоприятного положения почти всегда удастся рано или поздно захватить руководство в свои руки и таким образом превратить силу организации в средство господства своего эксплуататорского класса¹⁾».

Такая, казалось бы, трезвая оценка демократии тут же смазывается тем обстоятельством, что всякого рода организации смешиваются воедино, государство не выделяется, как организация совершенно особого рода. Впрочем, в одном месте мы находим еще более, казалось бы, решительную формулировку.

«Государство— это организация господства, и эта организация по правилу (in der Regel) с самого начала (von vornherein) находится в руках эксплуатирующих классов²⁾».

И опять несколькими строками далее мы находим рассуждение, значительно ограничивающее эту мысль:

«Конечно, социалистическая партия может в современном государстве получить влияние еще перед тем, как пролетариат завоеует целиком политическую власть. Она может уже раньше располагать (üben) политической властью» и т. п.³⁾

Еще раз К. Каутский обращается к теории врастания в социализм в своей работе о «переходном хозяйстве», написанной в конце войны и выпущенной буквально накануне германской революции 1918 г. Переходное хозяйство, которому посвящена эта работа,— это не переход от капитализма к социализму, а переход от военного к мирному хозяйству; на протяжении всей книги этот переход анализируется с точки зрения сохранения прежних капиталистических отношений производства. Лишь последняя глава, названная «Переходное хозяйство и социализм», ставит вопрос о том, что «не исключено, что переходное хозяйство будет означать не только переход от военного к мирному хозяйству, но и от капитализма к социализму⁴⁾. Этой «не исключенной возможности» посвящается несколько страниц достаточно расплывчатого характера, где, по доброму обыкновению марксистского центра, практическая нерешительность и половинчатость превосходно уживаются с большим словесным радикализмом.

¹⁾ S. 74.

²⁾ S. 83.

³⁾ S. 84.

⁴⁾ К. Kautsky.—„Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft“. Leipzig, 1918 г. S. 164.

Чем бы ни кончилась война, какой бы мир ни пришел на смену военным действиям, обострение классовых противоречий в период перехода к мирному хозяйству совершенно неизбежно. Воюющие страны обнищали и не скоро смогут залечить хозяйственные раны, нанесенные войной; неминуема также огромная безработица после возвращения солдат с фронтов. Пролетариату придется в ожесточенной борьбе отстаивать свои интересы, при чем одними средствами обычной экономической борьбы здесь не обойтись: на чисто экономическом фронте пролетариат (вследствие безработицы) будет занимать невыгодные позиции по отношению к своим врагам. Неизбежно, стало быть, и обострение политической борьбы, борьбы за влияние в государстве, борьбы за воздействие на государственные органы. Те, кто проповедует продление гражданского мира и на период переходного хозяйства, сознательно или бессознательно настаивают на отказе пролетариата от его классовых требований, в то время как буржуазия и не думает отказываться от интересов своего класса.

«Широко распространено мнение, — говорит Каутский далее, — что капитализм сам организует социализм тем, что он развивает банки и картели. Что пролетариату надо лишь лечь в приготовленную для него самими капиталистами постель, когда эти организации будут уже достаточно развиты, и что он не должен даже пытаться приготовить себе постель раньше, чем это будет сделано классом капиталистов.

Это уютное (*gemütliche*) представление о незаметном вращении в государство будущего, которое является регулятором деятельности капиталистов и над которым они ревностно работают, ведет к тому, что в качестве важнейшей задачи пролетариата выставляют поддержку класса капиталистов, так как этим путем пролетариат способствует своему собственному освобождению.

Это новое издание теории гармонии между трудом и капиталом дополняется еще тем, — продолжает Каутский, — что одновременно считают, что государственная власть по мере роста ее хозяйственных функций все более проникается социальным духом, так что она лишает капитализм всех неприятных для пролетариата сторон, и он (капитализм) безо всякой пролетарской борьбы, путем саморазвития переходит в чистый социализм. Пролетариату нечего более делать, как оказывать поддержку как капитализму, так и государству, надеяться и ждать»¹⁾.

Эту теорию Каутский, разумеется, жестоким образом критикует. Он замечает, что «из роста хозяйственного могущества государства еще далеко не следует растущее доверие к любой (*jeweilige*) государственной власти». В другом месте он подробно разъясняет, в каком смысле можно говорить о подготовке социализма самим ходом капиталистического развития. То регулирование хозяйственной жизни,

¹⁾ Там же, стр. 160.

которое имеет место в практике картелей и в особенности банков контролирующих зачастую целый ряд взаимно связанных отраслей народного хозяйства, еще далеко не является социалистическим, ибо это регулирование происходит в интересах небольших олигархических кучек, в то время, как социалистическое хозяйство представляет собой хозяйство для покрытия потребностей всей массы населения

«Капитализм подготавливает социализм тем, что он делает пролетариат самым многочисленным и, в конечном счете, самым сильным классом общества и делает его восприимчивым к социализму, а не потому, что предприниматели и банки организуют производство. Если пролетариат не станет достаточно сильным, чтобы захватить власть (*die Macht an sich zu reißen*), тогда из капитализма никогда не разовьется социализм, даже если он будет во всемирном масштабе организован одним единственным банком... Сила и зрелость пролетариата являются решающими условиями для осуществления социализма, а не определенная степень организации капитализма трестами и банками»¹⁾.

На ряду с этими, по внешности решительными заявлениями, идут разговоры о том, что социалистическая революция осуществима лишь при условии одновременности во всем мире. Далее, приведя известную фразу Маркса из «Гражданской войны во Франции», где тот говорит, что «рабочий класс не может попросту овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей», Каутский каким-то странным образом умудряется совершенно проглядеть весь революционный смысл этого положения, в котором содержится требование разрушения пролетариатом старой государственной машины буржуазии (какую бы форму она ни имела) и построения совершенно нового государства типа пролетарской диктатуры. Следующим образом Каутский комментирует эту фразу Маркса, не только замазывая, но и явно искажая ее истинный смысл:

«Еще гораздо больше, чем к государственной машине это относится к хозяйственной машине капитализма. Как тут, так и там дело сводится (*gilt es*) к проведению полнейшей демократии»²⁾.

Такое толкование марксизма могло послужить прекрасной подготовкой к отказу от социалистической революции и переходу к осмеянной им, парой строчек выше теории гармонии между трудом и капиталом, как только крах вильгельмовской монархии в ноябре 1918 г. привел к «проведению полнейшей демократии» в форме формальной буржуазной демократии. Еще более способствовала такому переходу та, на редкость убогая, оценка революционных перспектив, которую Каутский давал в этой книге; вышедшей, по иронии судьбы, за пару дней до ноябрьского переворота.

«Если война продлится еще долго, — писал он в предисловии к этой работе, — она может окончиться таким образом, что ка-

¹⁾ Там же, стр. 162.

²⁾ Там же, стр. 160.

питалистический базис будет глубоко потрясен, и пролетариату откроется путь к власти. Тогда переходное хозяйство означало бы не только эпоху перехода от состояния войны к состоянию мира, но и перехода от капитализма к социализму»¹⁾.

Такой прогноз дает Каутскому основание призывать пролетариат к «смелости»:

«Смелость в требованиях об улучшении своего классового положения, смелость в требованиях подготовки социалистических преобразований, наконец, непоколебимая международная солидарность — вот три свойства, в которых пролетариат более всего будет нуждаться в переходное время»²⁾ писал Каутский еще в июле 1918 г.

А 6 ноября, т.е. уже после начала революции в Киле и ряде других городов, Каутский пишет «послесловие к предисловию» к своей книге, печатание которой задержалось из-за типографских затруднений; в этой приписке он замечает:

«Ныне дело зашло уже так далеко, что призыв в конце моего предисловия стал излишним. Я призывал там пролетариат к смелости. С тех пор дело зашло так далеко, что наиболее далекоидущие требования уже не кажутся смелыми, а считаются чем-то неизбежным»³⁾.

И словно, как нарочно смеха ради, он провозглашает в другом месте, что «марксизм всегда отличался большой эластичностью; на этом в значительной мере покоится его огромная практическая сила»⁴⁾. Как известно, «эластичность» марксиста Каутского заключалась в том, что «непоколебимую международную солидарность» он осуществил своим потоком контрреволюционных писаний о советской России, начиная с «Терроризма и коммунизма» в 1919 г. и кончая его последней брошюрой о «Сов. России и Интернационале», от которой откристились даже иные социал-демократы; далее, «смелость в требованиях социалистических преобразований» он проявлял в обеих комиссиях по социализации, вся объективная задача и работа которых состояла в поливании маслом разбушевавшихся волн пролетарского движения за осуществление социализма; наконец, «смелость в требованиях улучшения своего классового положения» чрезвычайно «эластично» превратилась у социал-демократических вождей в поход против «чрезмерных требований» пролетариата в области заработной платы, в котором Каутский также принял посильное участие.

Непосредственно после ноябрьской революции в Германии «эластичность» каутскианского марксизма нашла свое полное выражение в опубликованных 12 января 1919 г. одновременно в органах

¹⁾ Там же, стр. IV.

²⁾ Там же, стр. VI.

³⁾ Там же, стр. VII.

⁴⁾ Там же, стр. V.

обеих социал-демократических партий «Основных положениях социалистической программы действий»¹⁾, составленных К. Каутским. Здесь он, буквально не переводя духа, сразу выставляет два положения:

«9 ноября 1918 г. пролетариат Германии завоевал политическую власть»,
и парой строк ниже:

«9 ноября германский народ завоевал демократическую республику».

Можно было полагать, что последнее положение является попросту популярным выражением и не скрывает за собой мысли о «народном», бесклассовом характере «демократической республики». В другом месте Каутский снова говорит о «демократической республике, управляемой (beherrscht) пролетариатом»²⁾. После проведения социализации последняя становится «социальной республикой» и открывает новую эру в истории человечества.

Когда через пару месяцев Каутскому снова пришлось высказаться по вопросам социализации, молодая «народная» республика уже успела накопить кое-какой опыт; пролетарское содержание этой демократической формы уже успело обнаружиться в ряде случаев. Каутский 14 апреля составляет доклад о социализации для второго (и пока последнего) съезда советов (вследствие болезни Каутского доклад этот был зачитан его женой). Вынужденная за несколько дней перед тем отставка комиссии по социализации, повидимому, сильно восстановила его против правительства коалиции. Во всяком случае, в докладе и в принятой резолюции нет недостатка в резких словах по адресу последнего. Однако, и тут мы напрасно стали бы искать ясной и четкой постановки вопроса о государстве и власти.

Для успешного проведения социализации, говорит Каутский, требуется доверие рабочих масс к правительству.

«Нынешнее правительство не располагает этим доверием. Его поведение вызывает впечатление, что оно не хочет идти в деле социализации далее, чем оно абсолютно вынуждено. Для решительно социалистического правительства практические трудности социализации были бы лишь причиной, чтобы уделять этой задаче удвоенное внимание, удвоенную работу. Для нынешнего коалиционного правительства эти трудности являются, напротив, лишь предлогом для пошлых предупреждений против всяких экспериментов, то-есть против всего нового»³⁾.
Та же мысль подчеркнута в резолюции:

«Тем более необходимо, чтобы она (социализация) была взята в свои руки правительством, которое готово проводить социализацию энергичнейшим образом и которое при этом не станет

¹⁾ „Richtlinien für ein sozialistisches Aktionsprogramm“ von K. Kautsky. Charlottenburg, 12 Januar 1919.

²⁾ Ibidem, S. 7.

³⁾ K. Kautsky.— „Was ist Sozialisierung“. Zweite Aufl. S. 24.

смущаться при сопротивлении старых сил, капиталистов, аграриев, бюрократов. Нынешнее правительство не обнаруживает этой готовности, оно уже упустило слишком много ценного времени, оставшись при одних лишь пустых обещаниях. Не буржуазно-пролетарское коалиционное министерство, а чисто социалистическое правительство, опирающееся на сплоченность германского пролетариата, будет в состоянии придать процессу социализации тот размах, который вселит в рабочих интерес к работе, покончит с забастовками и беспорядками, создаст трудовую атмосферу» и т. д.¹⁾

В этой же брошюре мы находим тривиальное повторение марксистских истин, вроде:

«Государство является не хозяйственной организацией, а организацией насилия»²⁾

или

«С одной стороны, социализация является вопросом силы, вопросом соотношения сил между трудом и капиталом»³⁾.

Казалось бы, нетрудно сделать необходимые выводы из этих положений. Если государство есть организация господства, если ясно, что не пролетариат господствует в данном государстве, то оно является, повидимому, инструментом господства его классовых противников. Далее, если социализация есть вопрос силы, то не ясно ли, что пролетариат должен мобилизовать свои силы для этой цели, завоевать государственную власть, которой он, повидимому, не завоевал в ноябре 1918 г., и сделать государство инструментом своего господства над своими классовыми врагами. Этих выводов Каутский, конечно, не делает; марксистские истины остаются у него пустыми безжизненными формулами, словесным орнаментом к антимарксистской трактовке практических задач.

В самом деле, единственный рецепт для спасения от всех зол Каутский находит в требовании восстановления единства пролетариата. Раскол в рабочем классе является, по его мнению (как и по общему мнению марксистского центра в тот период), главной причиной того, что при выборах в учредительное собрание социалисты не получили большинства голосов (как известно, обе социалистические партии располагали в национальном собрании 1919/20 г. 45% мест, компартия же бойкотировала эти выборы), несмотря на то, что пролетариат составляет подавляющее большинство населения страны. Каутский не хочет видеть, что беда здесь не в отсутствии парламентского большинства, а в том, что самая значительная из социалистических партий, с.-д. большинства, вполне определенно отказывается от социализма и решительно направляет свои стопы по руслу буржуазной политики, что при этих условиях голый при-

¹⁾ Ibidem, S. 28.

²⁾ S. 13.

³⁾ S. 20.

зыв к единству пролетариата может означать лишь приглашение лево-революционных, оставшихся верными социалистическому знамени, пролетарских элементов капитулировать перед правительственными социалистами, защищающими целостность и неприкосновенность капиталистического строя средствами буржуазного государства.

Отто Бауэр в своей известной брошюре «Путь к социализму», послужившей общепризнанной теоретической платформой марксистского центра в бурные годы германской революции, касается, естественно, также вопроса о политических предпосылках осуществления социализма. Он чрезвычайно резко противопоставляет два понятия: политической и социальной революции. На протяжении нескольких страниц он старается показать читателю огромную пропасть, существующую между ними.

«Политическая революция может быть делом одного дня. Некоторые думают, что так же быстро, так же внезапно, как политическая революция, может осуществиться и социалистический переворот»¹⁾.

По мнению Бауэра, не может быть ничего ошибочнее подобного представления.

«Политическая революция была делом насилия; социальная революция может быть лишь делом созидательной организующей работы. Политическая революция была делом нескольких часов; социальная революция должна быть результатом отважной, но также разумной работы долгих лет».

Вслед за сим идет обычное отмежевание от теории «врастания»; после того, как мы увидели, как Каутский благополучно проделал путь от разоблачения «теории врастания», как буржуазной теории гармонии классовых интересов, до фактической капитуляции перед этой теорией, оговорка О. Бауэра уж не должна нас ввести в заблуждение.

«Это воззрение, — продолжает наш автор, — не имеет ничего общего с узколобым ревизионизмом или реформизмом вчерашнего или позавчерашнего дня. Он думает, что общество может мирно «врасти» в социализм, не нуждаясь для этого вообще в насильственной революции. Это было, конечно, ошибкой. Ибо социальная революция предполагает завоевание политической власти пролетариатом; а пролетариат мог и может завоевать политическую власть не иначе, как при помощи революционных средств. Зато, когда политическая власть уже завоевана, тогда перед пролетариатом встает совсем иная задача, которой нельзя овладеть теми же средствами, которые относятся к политической революции»²⁾.

¹⁾ „Der Weg zum Sozialismus“. 2. Aufl., S. 3.

²⁾ Там же, стр. 5.

Следует заметить, что употребление терминов «политическая и социальная революция» в данном случае несколько не способствует теоретическому уяснению разбираемого вопроса¹⁾.

Если бы автор хотел дать действительно ясное и четкое противопоставление, он должен был бы употребить другие термины. Всякая революция для марксиста имеет прежде всего определенное классовое содержание, которое определяет собой основную историческую характеристику данной революции. С этой точки зрения можно говорить о революции буржуазной, феодальной, пролетарской и т. д. Помимо того, революционный процесс в обществе может иметь разные стороны в зависимости от того, какую область общественной жизни он охватывает, какой функции и общественного организма он овладевает. С этой точки зрения можно различать революцию политическую, идеологическую, экономическую и т. д. Ясно, что можно сравнивать и сопоставлять либо различные по своей исторической характеристике революции, либо же различные стороны одной, имеющей вполне определенный классовый характер, революции. Можно, стало быть, сопоставлять революцию буржуазную с революцией пролетарской; можно, с другой стороны, анализировать различия между политической и экономической революцией пролетариата (или буржуазии). По всему смыслу рассуждений Бауэра видно, что он имеет в виду именно последнее противопоставление. В таком случае нельзя было бы с ним не согласиться в том отношении, что экономическая сторона пролетарской революции, заключающаяся в перестройке общественного хозяйства на социалистических началах, является несравненно более длительным процессом, чем политическая сторона той же революции, заключающаяся в завоевании власти пролетариатом.

Было бы, однако, чрезвычайно поверхностно предполагать, что упущение Бауэра заключается в употреблении расплывчатого термина «социальная революция» вместо более определенного выражения «экономическая революция». Его ошибка лежит несравненно глубже. Расплывчатая терминология служит ему здесь лишь прикрытием, которое позволяет ему более или менее удачно уклониться от ответа на основной вопрос: считает ли он, что задача политической революции уже осуществлена пролетариатом, и последний стоит уже непосредственно перед задачей экономического переустройства общества, или еще только предстоит «завоевание политической власти», являющееся, по его же собственному утверждению, «предпосылкой социальной (т. е., в более узком смысле, экономической. А. Л.) революции» и могущее совершиться «не иначе, как при помощи революционных средств».

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, мы не найдем прямого ответа на этот основной вопрос на всем протяжении этой важнейшей программной брошюры. Это обстоятельство

¹⁾ Эти термины употребляются Энгельсом в „Анти-Дюринге“, но в совершенно иной связи и обстановке, и с совершенно иными целями.

чрезвычайно симптоматично. Тот же Отто Бауэр ни минуты не колеблется, когда ему надо ответить на вопрос, какой класс стоит у власти в советской России. Не запинаясь, он признает, что Октябрьская революция явилась завоеванием государственной власти русским рабочим классом: методы и способы, при помощи которых пролетариат России строит свое государство, представляются ему, разумеется, вызванными специфически-русскими условиями и неприменимыми в индустриальной Западной Европе. Когда же надо ответить на вопрос, какой класс стоит у власти в той стране, где он сам является министром иностранных дел и одним из руководителей всей политики (цитированная брошюра была написана Бауэром в ближайшие недели после ноябрьской революции, приведшей его на министерский пост), этот красноречивый публицист неожиданно теряет дар речи. Вот в каких выражениях он описывает революцию, выдвинувшую его на один из первых постов в государстве:

«Политическая революция свергла императора с трона, устранила палату господ, разбила привилегированное избирательное право в отдельных странах и общинах. Все политические привилегии уничтожены. Все граждане без различия класса (sic!), сословия, пола являются ныне равноправными гражданами».

Все это чрезвычайно утешительно, однако, и тут остается не совсем ясным, считает ли Бауэр, что эта «политическая революция» идентична с тем «завоеванием власти рабочим классом», которое, как он свидетельствует двумя страницами далее, может быть осуществлено лишь «революционными средствами». Мы не стали бы здесь напоминать слов Маркса о буржуазном государстве, как исполнительном комитете класса капиталистов, не стали бы ссылаться на Энгельса, считавшего это государство приказчиком буржуазии, если бы не этот исключительно странный случай, когда марксист, участвующий в правительстве, не ставит перед собой даже вопроса о том, в исполнительном комитете какого класса он заседает, приказчиком (или, скажем более парламентарно, уполномоченным) какого класса он выступает. Достаточно оказалось «равноправия» всех граждан «без различия классов», чтобы этот, казалось бы, коренной для марксиста вопрос безвозвратно исчез из поля зрения нашего автора.

Лишь после того, как «равноправные граждане» бесклассового государства дали Отто Бауэру возможность отдохнуть от правительственных забот и вернуться к теоретическим размышлениям, он попытался несколько основательнее разобрать вопрос о государстве и его формах, о классовой борьбе и революции. Итоги, к которым он здесь приходит, заслуживают более подробного изложения.

Бауэр различает два рода факторов, которыми определяется сила какого-либо класса: 1) социальные факторы силы и 2) средства материального насилия (Gewalt). К числу первого рода факторов принадлежат: 1) численность класса; 2) сила и способность классовой

организации; 3) положение класса в процессе производства и распределения, определяющее хозяйственную мощь данного класса; 4) степень политической активности и способности на жертвы; 5) высота образования, способность духовного воздействия, притягательная сила идеологии данного класса. К числу факторов второго рода относятся все средства вооруженного насилия, которыми располагает данный класс: число вооруженных людей, степень их вооружения, качество их организации и руководства.

Подразделение факторов классовой силы на эти два разряда потребовалось Бауэру для того, чтобы выставить следующий тезис:

«Демократия—это та государственная форма, при которой распределение силы в государстве определяется исключительно¹⁾ социальными факторами и не искажается путем применения средств материального насилия²⁾».

Этот тезис автор расшифровывает и разъясняет следующим образом:

«Все социальные факторы силы определяют собой распределение сил в демократическом государстве. Прежде всего численность: чем многочисленнее данный класс, тем он сильнее воздействует на результаты выборов и тем богаче он представлен в народной армии. Затем организация... Далее—положение в процессе производства: буржуазии позволяет ее богатство воздействовать при выборах на избирателей при помощи ее прессы, путем затраты больших денежных сумм (durch grossen Geldaufwand)»...

Итак, запомним покамест: «воздействие на избирателей» при помощи «больших денежных затрат»—это тоже один из путей проявления «исключительно» социальных факторов силы, так как буржуазия имеет возможность позволять себе такую роскошь лишь благодаря своему положению в производственном процессе. Однако пойдем вслед за Бауэром дальше.

«Где число рабочих так мало или их классовое самосознание так мало развито, что собственнические классы располагают большинством голосов, там демократическое государство является инструментом господства владеющих классов... Если же рабочий класс уже составляет большинство избирателей и классовое сознание рабочих города и деревни уже так сильно, что они более не поддаются воздействию со стороны капиталистической прессы и капиталистической избирательной машины (Wahlmache), тогда рабочий класс завоевывает (erobert) власть в демократическом государстве, государство становится инструментом его господства, демократия становится пролетарской демократией³⁾».

¹⁾ Курсив О. Бауэра.

²⁾ Otto Bauer.—„Bolschewismus oder Sozialdemokratie“, Wien, 1920 г. § 14. „Demokratie und Diktatur“. S. 109.

³⁾ Там же, стр. 110.

Читатель, еще не позабывший, что в брошюре, написанной тем же автором лишь годом ранее, завоевание государственной власти пролетариатом могло воспоследовать «лишь при помощи революционных средств», мог бы поставить себе вопрос: какие особенно «демократические» события в Центральной Европе в течение 1919 г. могли привести нашего автора к столь утешительной переоценке демократических возможностей? Было ли этим «социальным фактором» осадное положение, под знаком которого демократия справляла свое победное шествие по Германии; играла ли здесь положительную роль победа реакции на выборах в Австрии, доставившая Отто Бауэру возможность продолжительного отдыха от правительственных дел; наконец, события в Венгрии, где после падения советской республики торжество демократии было отпраздновано особенно знаменательно? Не станем гадать на эту тему, последуем лучше за нашим автором в его поучительном повествовании. Итак,

«демократия есть голая форма (blosse Form); будет ли эта форма наполнена буржуазным, крестьянским или пролетарским содержанием—зависит от социальных факторов силы».

Таким образом, демократия является царством «исключительного» проявления «социальных факторов силы»; спрашивается все же, какова роль «материального насилия» в этом тысячелетнем царстве? Бауэр смело отвечает на этот вопрос:

«Естественно, демократическое государство, как и всякое другое, покоится на насилии (beruht auf der Gewalt). Но демократическое государство пользуется вооруженной силой (Waffengewalt) лишь для той цели, чтобы обеспечить свои законы, порядки и распоряжения от покушений меньшинства. Содержание же этих законов, порядков и распоряжений определяется не насилием какого-либо класса, а исключительно социальными факторами классовых сил¹⁾».

Таким образом, теория демократии, развитая Бауэром, представляется в виде следующей картины. Демократия является голой формой; каким классовым содержанием она будет начинена, зависит исключительно от социальных факторов распределения классовых сил (вплоть до «затраты больших денежных сумм» буржуазией во время выборов и пр.). Допустим, в данный момент демократия является формой классового господства буржуазии (так как история человечества до нынешнего времени не давала нам примера, когда демократия была бы наполнена пролетарским содержанием, то наше допущение более, чем законно). Тогда «законы, порядки и распоряжения» этого буржуазно-демократического государства защищаются от посягательства меньшинства (т. е., говоря на языке классов, пролетариата) при помощи вооруженной силы. Всякий неискушенный человек мог бы подумать, что речь идет о законах, порядках и

¹⁾ Там же, стр. 110—111.

распоряжениях, воплощающих в себе и защищающих как (демократическую) форму государства, так и (буржуазное) классовое его содержание. Но в таком случае получилось бы в итоге всего теоретизирования, что сила буржуазии в буржуазно-демократическом государстве определяется не только «социальными факторами силы», но также в не меньшей степени такими «материальными средствами насилия», как вооруженная мощь государства. Всякий знает, что в практике всех доньше существовавших буржуазных демократий иначе и не бывало. Но Бауэр исходит из обратного постулата. Все его разделение факторов классовой силы на два разряда, его основное положение, что демократическая форма обеспечивает чистое проявление одних, лишь социальных факторов, не затемненное «материальным насилием», заставляет его здесь проделать логическое сальтоморtale и повторить свой основной постулат, что содержание тех законов и пр., которые демократическое государство защищает вооруженной силой, определяется все-таки исключительно «социальными факторами силы».

Всякий может быть последователен по-своему; в данном случае мы имеем чрезвычайно последовательное повторение ошибки. Продолжим, однако, нашу картину далее. Произошло такое изменение в соотношении «социальных факторов» классовых сил, что перевес приходится на долю пролетариата. Стало быть, «демократическая форма» государства должна вытряхнуть свое буржуазное содержание и наполниться новым, пролетарским. Каким порядком происходит сей диковинный процесс, если не в действительности покамест, то во всяком случае в голове нашего автора? Скупые фразы, посвященные им этому вопросу, поистине говорят очень много.

«Правда, даже когда пролетариат завоеует политическую власть средствами демократии, буржуазия воспротивится его господству. Она обратится против демократического государства, она откажется повиноваться его законам, она будет саботировать его администрацию, поскольку демократия станет пролетарской демократией. Даже демократический парламент должен здесь прибегнуть к диктаторским методам (*diktatorische Machtmittel*); ему придется сломать саботаж, а вероятно, и активное сопротивление буржуазии диктаторскими, вероятно, даже террористическими средствами, поскольку этот парламент станет инструментом господства рабочего класса».

Эту веселенькую картину, дающую столь неожиданное увенчание всей его теории демократии, Бауэр называет, в отличие от большевистской диктатуры, «диктатурой демократии». Ее основное отличие заключается в том, что

«здесь насилие не пытается навязать правовое распределение сил (*rechtlіche Machtverteilung*), которое противоречит общественному распределению сил, а оно только обеспечивает

распределение сил, определяемое самими социальными факторами, от сопротивления меньшинства»¹⁾.

Наконец, еще одно дополнение Бауэр считает необходимым внести в свою теорию демократии.

«В период решающих боев между пролетариатом и буржуазией классовые противоречия особенно обостряются. Острота классовых противоречий может взорвать демократию. Может наступить положение, в котором буржуазия не будет достаточно сильна, чтобы господствовать над пролетариатом, а пролетариат недостаточно силен, чтобы господствовать над буржуазией методами демократии... Когда демократический аппарат не может больше функционировать, то либо буржуазия, либо пролетариат должен утвердить свое господство средствами насилия. В таком случае диктатура пролетариата становится единственным средством, чтобы помешать жестокой контрреволюционной диктатуре буржуазии»²⁾.

Мы пришли к благополучному концу бауэровской теории демократии. Мы здесь далеки от мысли разворачивать дискуссию на тему о демократии и диктатуре. Точно так же мы не предполагаем заняться сопоставлением демократической теории Бауэра с демократической практикой партий, для которых эта теория составляла часть той идеологии, притягательная сила которой, по мнению Бауэра, входит в число «социальных факторов силы»; хотя, откровенно говоря, демократическая практика германской социал-демократии, например, могла бы представить всю теорию «марксистского центра» в сильно измененном виде. Но и это не входит в наши задачи.

Если же мы сочли необходимым так подробно остановиться на рассуждениях «Отто Бауэра о демократии, то лишь потому, что в этих рассуждениях, на наш взгляд, с достаточной яркостью и выпуклостью выступают все основные грехи ошибки и упущения, которые делает социал-демократический марксизм в вопросе о государстве и которые накладывают неизгладимый отпечаток на трактовку этим направлением основных вопросов социалистического преобразования общества. Пример того теоретического «танца на яйцах» (*Eiertanz*, как говорят немцы), который проделал перед нами Бауэр, показывает, что наиболее грубые отступления от марксизма лежат в следующих плоскостях:

1. Форма и содержание государства. Подобно тому, как у Канта форма является элементом постоянным, а содержание — переходящим, точно так же Бауэр считает, что демократическая форма государства может мирным порядком менять свое содержание, наполняясь то буржуазным, то пролетарским содержанием. Маркс иначе рассматривал соотношение формы и содержания. Изменения в содержании той или

¹⁾ Там же, стр. 113.

²⁾ Там же, стр. 114.

иной стороны общественной жизни приводят, по Марксу, к взрыву формальной оболочки, которая из формы развития превращается в оковы, задерживающие дальнейшее движение. Точно так же по конструкции Бауэра выходит, что он ставит формальный признак государства демократию—выше его классового признака. С точки зрения марксиста вопрос касается, в первую очередь, классовой характеристики государства. Здесь надо различать, идет ли речь о государстве буржуазном или пролетарском. Лишь подчиненное вслед за тем значение имеет та форма, которую государственная власть данного класса принимает в тот или иной момент. Форма государства—момент меньшей длительности, момент более преходящий, чем его классовое содержание; у Бауэра же выходит наоборот. Таким образом, Бауэр незаметно скатывается с классовой точки зрения марксизма на позицию буржуазной социологии, основанной на кантианской философии.

2. Бауэр скатывается к безнадежной вульгаризации марксизма в своих поисках такой государственной формы, которая обеспечивает вполне адекватное проявление одних лишь «социальных факторов силы». Это не что иное, как своеобразное новое издание вульгарного, ничего общего с настоящим марксизмом не имеющего, экономизма, стремящегося отыскать «социальные корни» любой случайности или детали политической истории и не видящего, что процесс политического развития, политической борьбы, определяясь в конечном счете экономическими условиями, имеет все же свою собственную логику и в известных пределах может протекать в чрезвычайно своеобразных формах. Другой стороной той же самой вульгаризации является полное освобождение «материальных методов насилия» от социальных условий, изгнание их из царства «социальных факторов силы». Здесь нельзя не вспомнить жестоко осмеянного Марксом Прудона, который подходил к социальным явлениям, как мелкий буржуа к историческим персонажам: «Наполеон—великий человек; он сделал, с одной стороны, много добра, но, с другой стороны, он сделал и много зла». Искусственное разграничение «факторов» на «социальные» и «материальные» никакого значения, кроме разве морализующего, не может иметь. Это лучше всего обнаруживает сам Бауэр: если подкуп избирателей буржуазией во время выборов является идеалом «социального фактора», распределение сил в «народной армии», где, как известно, господствующие классы занимают все без исключения командные позиции, а народная масса сведена к роли пушечного мяса, является образцом чистого «социального фактора», а защита законов буржуазной демократией «вооруженными методами насилия» также не оскверняет этой чистоты, то невольно возникает уверенность, что особое выделение «материальных средств насилия», как фактора, который не должен иметь места в демократическом государстве, придумано исключительно с целью ошелмовать рабочие массы, хватающиеся за винтовку, и солдат, обращающих свое оружие против буржуазно-феодалов командования, оставленного во всех «демократиях» сего мира.

3. Антимарксистское, типично социал-демократическое толкование связи между экономикой и политикой проявляется в том, что Бауэр не замечает обратной зависимости, существующей между этими двумя сторонами социальной жизни. Буржуазия располагает, благодаря своему «положению в производственном процессе», достаточными средствами, чтобы почти целиком овладеть «демократическим» аппаратом политической борьбы: ей принадлежит пресса, типографии, наука, помещения для собраний, оплачиваемые писатели и художники, школа, искусство, церковь. Пролетариат, опять-таки благодаря своему «положению в производственном процессе», являющемуся идеалом «чисто социального фактора», имеет возможность пользоваться всем этим аппаратом для своих целей в несравненно меньшей степени. Теоретически рассуждая (на практике дело обстоит еще значительно хуже), следует себе представить такое положение, что все прочие «социальные факторы»: численность классов и пр. уже созрели для перехода господства в руки пролетариата, единственным же препятствием к избирательной победе пролетариата является аппарат политической борьбы, находящийся в руках буржуазии. Тогда получается заколдованный круг: буржуазия владеет этим аппаратом благодаря своему «положению в производственном процессе», но это «положение» не может измениться, пока пролетариат не возьмет власть и не изменит его насильственным путем; пролетариат же не может добраться к власти, пока «аппарат» в руках буржуазии. Выход из этого заколдованного круга Бауэр находит лишь в том, что он пытается робко и нерешительно (а потому практически неудовлетворительно) ввести в окно диктатуру, столь эффектно прогнанную им в дверь.

Познакомившись с рассуждениями одного из представителей австромарксизма о демократической теории, посмотрим теперь, как оценивал другой авторитетный представитель этого же направления демократическую практику в области социализации. В своем докладе, сделанном на первом советском съезде в декабре 1918 г., Гильфердинг изложил платформу, общую в тот период всему марксистскому центру: задача власти должна считаться уже разрешенной, следует приступить к социализации немедленно, но проводить ее крайне осторожно, осмотрительно и после тщательной научной подготовки; в качестве ближайшего объекта социализации Гильфердинг, как и вся комиссия по социализации, выдвигал область угольной промышленности.

Крайне характерно, как Гильфердинг оценивал положение в своих двух следующих докладах, посвященных той же проблеме социализации. Один из них состоялся на всегерманском съезде профсоюзов в Нюрнберге в начале июля 1919 г.¹⁾, а другой имел место на съезде фабрично-заводских советов в октябре 1920 г.²⁾ На профсоюзном

1) „Zur Sozialisierungsfrage u. s. w.“ Berlin, 1919 г. Verlag des A. D. G. B.

2) „Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen“, von Rudolf Hilferding.

съезде в 1919 г. Гильфердинг, между прочим, попытался следующим образом объяснить провал социализационных планов и надежд:

«Мы имели 9 ноября исключительно благоприятную позицию в отношении социализации. Я не такой оптимист, как Умбрайт¹⁾, я не говорю, что мы тогда уже пришли к овладению государственной властью. 9 ноября налицо было крушение, и рабочий класс был в состоянии захватить государственную власть, и укрепить ее за собой... Эти месяцы—ноябрь, декабрь, январь—были психологически благоприятны для социализации, поскольку широкие круги капиталистических предпринимателей считались уже с тем, что их денечки кончились (das ihre Tage abgelaufen waren). Но ничего не произошло» (курсив Гильфердинга).

И далее он снова повторяет:

«Вопрос (о социализме) может быть разрешен лишь путем овладения политической властью. Если бы германский пролетариат 9 ноября действительно завоевал политическую власть, тогда социализация не была бы больше вопросом».

Почему, однако, пролетариат в ноябре не завладел властью? Гильфердинг отвечает на этот вопрос следующим образом:

«Фактически 9 ноября процесс революционирования лишь начался... Именно в революции выяснилось, что большие части пролетариата слишком опутаны буржуазной идеологией, и эта буржуазная идеология, к сожалению, сильно поддерживалась во время войны официальной социалистической политикой²⁾».

Еще больше словесного радикализма мы находим во втором из названных выше докладов, где он следующим образом объясняет поражение пролетариата в первые два года революции:

«Мы имели 9 ноября полное крушение старой системы и переход (Uebergang) всей власти в руки германского пролетариата. Мы имеем сегодня перед собой буржуазное правительство, и мы отмечаем новое укрепление буржуазного господства³⁾».

Нельзя не заметить противоречия между утверждением Гильфердинга в 1919 г. о том, что в ноябре пролетариат не взял власти в свои руки, и его же утверждением в 1920 г. о том, что ноябрьская революция означала переход всей власти в руки рабочего класса.

Зато в объяснении причин дальнейших поражений пролетариата он придерживается в обоих случаях примерно одинаковой точки зрения. Там он говорил о буржуазной идеологии, в плену у которой

¹⁾ Который выступал с докладом перед Гильфердингом.

²⁾ „Zur Sozialisierungsfrage u. s. w.“, S. 39—40.

³⁾ „Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen“, S. 3.

пребывали большие массы пролетариата. Здесь он утверждает, что в ноябре 1918 г. рабочий класс не был подготовлен к овладению властью, ни материально—ибо организации пролетариата пострадали и ослабели за время войны, ни духовно—ибо довоенное развитие рабочего движения в условиях капиталистического расцвета и относительного роста благополучия широких слоев наложило сильный социал-реформистский отпечаток на все движение. Захватив власть в ноябре 1918 г.,—продолжает Гильфердинг свое объяснение,— широкие слои пролетариата были убеждены, что они сами с этой властью не справятся; вне коалиции с буржуазией они не видели выхода. При этом Гильфердинг подчеркивает, что он отнюдь не желает делать нападки на кого-либо из вождей. Вместе с голым призывом к объединению, к восстановлению единства в рядах пролетариата это обстоятельство обнаруживает истинный характер его словесного радикализма.

Конечно, легче и спокойнее всего объяснить поражение революции столь «объективными» факторами, как неподготовленностью широких масс рабочих, и великодушно отказываться при этом от критики кого-либо от вождей. Однако такой «объективизм» является типичным приемом социал-демократической вульгаризации марксизма. Если соотношения социальных сил определяют собой общее направление и общий ход исторического развития, то это вовсе не значит, что каждое политическое событие следует до конца сводить к действию этих «объективных» причин. Политические вожаки социал-демократии в течение 1919—1920 г.г. непрерывно жаловались именно на то, что «широкие рабочие массы», не только не идущие за коммунистами, но даже определенно принадлежащие к числу сторонников социал-демократии, обнаруживают столь мало симпатий к деятельности правительственных социалистов по «укреплению государства», что для борьбы с «враждебными государству» революционными рабочими социал-демократические защитники порядка не могут найти в сердце своих приверженцев «активного содействия и вынуждены вследствие этого опираться в этой борьбе на «добровольческие» войска с монархическим офицерством во главе¹⁾. Естественно, что при таких условиях призывы к единству при одновременном отказе от критики этой деятельности вождей и сваливании всей вины на «неподготовленность» масс могли на деле означать лишь стремление «объединить» революционно-зрелые слои пролетариата с социал-реформистской организацией и тем самым увеличить «неподготовленность» еще более.

В докладах Гильфердинга нет недостатка в революционно звучащих фразах. Он неоднократно повторяет, что социализм является вопросом силы, что социализация возможна лишь тогда, когда власть будет целиком и исключительно в руках рабочего класса. Зря, однако, стали бы мы искать у него указаний насчет путей, по которым рабочий класс может притти к обладанию государственной властью.

¹⁾ На эту тему можно найти много любознательных признаний в „Soz. Monatshefte“, „Neue Zeit“, а также в протоколах веймарского и кассельского партийных съездов с-д. Германии.

Что он, однако, менее всего на свете имеет в виду революционный путь, об этом дает полное представление его «теория континуитета» (общая, впрочем, всему марксистскому центру, в том числе и Бауэру и Каутскому), обнаруживающая с полной очевидностью враждебность этого направления по отношению к революции рабочего класса. На этой «теории континуитета», или, в переводе на русский язык, непрерывности производственного процесса, следует остановиться несколько подробнее.

Заявивши, под одобрительные возгласы аудитории, что «социализм есть вопрос силы» (eine Machtfrage), Гильфердинг почти непосредственно вслед за тем делает следующую оговорку:

«Нет сомнения, что в Германии и во всей Западной Европе социализация должна выполнить условие, чтобы продолжение производства было обеспечено¹⁾».

Если в данной формулировке эта теория еще не вполне ясно обнаруживает свой истинный смысл, то в целом ряде других мы находим более подробные и более сочные выражения. Вот каким образом Гильфердинг популяризирует эту мысль:

«Наши методы социализации должны быть таковы, чтобы они вели к повышению производства²⁾. В новейшее время иные коммунисты часто говорят: социализация равнозначуща ограничению производства и увеличению нужды. Нам проповедают учение, будто мы должны сказать рабочим, что они должны сперва пройти через океан страданий, прежде чем мы будем иметь действительное социалистическое общество».

По поводу этого «учения», которое, заметим в скобках, на ряду с «некоторыми коммунистами» проповедывал не кто иной, как Карл Маркс (вспомним его слова о «десятилетиях лет» ожесточенных боев за социализм), Гильфердинг утверждает следующее:

«Как бы мы ни поражались стоицизмом и терпением, с которым русский рабочий класс переносит свою нужду, нам все же должно быть ясно, что значительные массы западно-европейских рабочих, привыкших прежде к гораздо более высокому уровню жизни, попросту не смогли бы вынести такой нужды, и от сопротивления этих слоев социализм должен был бы рухнуть. Мы должны поэтому социализировать в такой форме, которая принесла бы не понижение, а повышение производства»³⁾.

Оратор, видимо, знал свою аудиторию: те же слушатели, которые только что одобрительно отнеслись к его утверждению, что социализм — это вопрос силы, теперь столь же сочувственно поддержали

¹⁾ „Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen“, S. 13. Курсив Гильфердинга.

²⁾ Курсив Гильфердинга.

³⁾ „Die Soz. und die Machtverhältnisse“, S. 14—15.

его требование «повышения производства». Карта, поставленная на шкурнические инстинкты «значительных слоев, привыкших к высокому уровню жизни», выиграла. То же подчеркивание необходимости безболезненного осуществления социализации содержится и в другом его докладе.

«Проведение социализации в Германии, которая является по преимуществу промышленной страной, предполагает, что оно последует без ущерба для производства (ohne Störung der Produktion¹⁾). Мы не можем себе позволить какие-либо эксперименты, которые возможны в странах с менее развитой промышленностью, ибо это означало бы в Германии голод для широких слоев. Социализация не должна быть сопряжена с понижением производительности или сокращением объема производства. Вследствие этого никакие силы, необходимые для сохранения производства, не должны быть при этом исключены. Мы нуждаемся, например, в руководителях предприятий, в коммерческих и технических служащих. Их сотрудничество должно быть обеспечено, и служащие должны стать на службу общества»²⁾.

Еще красноречивее защищает «непрерывность производственного процесса» Отто Бауэр. Он особенно живописует и подчеркивает обнищание, которое наступило в центральной Европе вследствие войны. Разруха производственного аппарата, колоссальные издержки войны, сокращение числа рабочих рук — все это привело к тому, что к концу войны производилось несравненно меньше всяких благ, чем в довоенное время. Именно это обстоятельство Бауэр приводит в качестве аргумента за немедленный приступ к осуществлению социализма; мы теперь, мол, так нищи, что содержать бездельников-капиталистов, блестящих прелатов, шикарных дворян со всем их живым и мертвым инвентарем является непозволительной роскошью. Всеобщее обеднение и обнищание настоятельно требует более справедливого распределения того количества благ, которое еще производится в народном хозяйстве.

«Наша бедность заставляет нас организовать более справедливое распределение благ; но она же нас заставляет провести этот переворот так, чтобы производство благ при этом не пострадало. — Представим себе только, что рабочие в один прекрасный день овладеют насильно всеми предприятиями, попросту прогонят капиталистов, директоров и служащих, и возьмут управление предприятиями в свои руки. Такой переворот, понятно, был бы возможен лишь в кровавой гражданской войне; и гражданская война, понятно, разрушила бы огромные массы средств производства, машин, железнодорожного материала; наш производственный аппарат, и без того уже страшно сжившийся.

¹⁾ Курсив Гильфердинга.

²⁾ „Zur Sozialisierungsfrage“, S. 36.

был бы еще более разрушен. Капиталистическая заграница отказала бы нам в сырье, которое нам необходимо, и в кредитах, без которых мы бы этого сырья не смогли получить; Америка и Антанта продолжали бы блокаду... В результате всех этих явлений производилось бы еще меньше благ, чем сейчас. Пусть даже распределение благ было бы более справедливым; но отдельный рабочий получал бы, несмотря на это, не больше, а, вероятно, еще меньше, чем ныне, ибо гораздо меньше благ производилось бы и поступало бы в распределение. Народ, надеющийся на улучшение своего положения при социализме, был бы ужасно разочарован, и это разочарование открыло бы дорогу капиталистической контрреволюции»¹⁾.

Как видно, и этот автор недурно знает свою аудиторию; довод от интересов «отдельного рабочего» и уровня его благополучия в период гражданской войны играет у него первостепенную роль. Вера в чудодейственную силу этого довода слабеет у него, однако, к концу брошюры. Если вначале единственно мыслимым результатом гражданской войны является победа контрреволюции, то к концу автор значительно смягчается:

«Конечно, путь к социализму, который мы описали, не является единственно мыслимым путем. Если наш народ не поймет требований момента, если владеющие классы будут сопротивляться необходимому и неизбежному, а трудящиеся народные массы, обманутые и одураченные, не поймут своих собственных интересов и не сумеют использовать политические возможности (politische Machtmittel), которые им дала демократическая республика, — тогда, конечно, социализм придет другим путем: не как результат планомерной созидательной работы, а как следствие страшной бури, которая сперва все разрушает, все уничтожает, чтобы потом на обломках старого мира возник новый».

Автор возвышается здесь до уровня лучших образцов художественной прозы и рисует нам картину, как видим, совсем по Маяковскому:

«Мы оставляем от старого мира
Только одни папиросы Ира!».

Но ведь неизбежным результатом такого хода событий была бы победа контрреволюции! Действительно, в том месте брошюры, где автор имел в виду запугать картиной гражданской войны рабочих, эта победа была неизбежна. Здесь же, когда он пытается пугнуть этим призраком не только «трудящиеся народные массы», но и «владеющие массы», не обнаруживающие никакого желания идти на добровольное осуществление социализма, — здесь результаты граждан-

¹⁾ „Der Weg zum Sozialismus“, S. 4 — 5.

ской войны иные; ведь этих господ перспективами «капиталистической контрреволюции» не запугаешь, они этого хотят более всего на свете.

«Если социализм придет на этом пути, — продолжает наш автор, — тогда мы все должны будем его ужасно дорого оплатить: оплатить годами гражданской войны, оплатить неслыханным разрушением наших средств производства, оплатить многими годами растущей нищеты, еще более ужасной нуждой, чем та, которую принесла война. Социализм стал исторической необходимостью: он наступит во всяком случае. Спрашивается лишь, на каком пути он должен притти. Будем все работать над тем, чтобы он пришел не как результат опустошительных катастроф, а как плод сознательной работы»¹⁾.

Начавшаяся после войны революционная эпоха поставила чрезвычайно остро и открыто все коренные вопросы социалистической революции и тем самым заставила представителей марксистского центра, зачастую против их собственной воли, обнаружить свою истинную позицию. Вопрос об издержках революции, вопрос о сущности демократии, о значении и методах классовой борьбы — все эти вопросы ставились ныне гораздо менее академически, чем в предшествующую эпоху. И если в довоенный период австромарксизм мог позволять себе роскошь словесного радикализма в сражениях против ревизионизма, а во время войны марксистский центр мог довольно резко выступить против откровений «военномарксистской» школы, то революция разоблачает всю половинчатость социал-демократического марксизма и обнаруживает глубоко контрреволюционный его характер. Однако в первые годы революции представители социал-демократического марксизма предпочитали все еще рядиться в чрезвычайно радикальные одежды: на примерах Каутского, Гильфердинга, Отто Бауэра мы выше видели, что в этот период всеобщего полевения масс эти вожаки половинчатого марксизма предпочитали выступать в довольно радикальных тонах. Попрежнему ведется критика реформизма, попрежнему ссылаются охотно на Маркса, выступая официально против ревизии и пересмотра его учения.

Следующий период, наступивший после спада первой революционной волны, последовавшей непосредственно за окончанием мировой войны, сильно изменяет картину. Начиная с 1921 г., наступает известный период стабилизации. Правда, он прерывается очень эффективными кризисами (как, например, 1923 г. в Германии); тем не менее реформистские элементы в рабочем движении ощущают более твердую почву под ногами. Происходит консолидация этих элементов: в 1922 г. реформисты, отброшенные в свое время событиями войны в лагерь независимцев, благополучно возвращаются в отчий дом старой социал-демократической партии. Теоретики социал-демократического марксизма, почти все без исключения находившиеся у независимцев, снова,

¹⁾ „Der Weg zum Sozialismus“, S. 32.

после недолгой разлуки, оказываются в одной партии со старыми ревизионистами и «ново-марксистами» военного периода. Более того, оказываются в партии, в которой «новый марксизм», равно как и «старый ревизионизм» являются официальной теорией, официальным мировоззрением и программой.

Как и следовало ожидать, эта коллизия не представила для марксистского центра решительно ничего трагического или хотя бы затруднительного; единственным результатом нового периода явился окончательный, малопрятый или совершенно открытый переход марксистского центра на реформистские позиции. Процесс внутренней борьбы в социал-демократии приходит к своему завершению: ее идейное единство восстанавливается на новой основе.

Если «преодоление отрицательного отношения к государству является одним из важнейших достижений, нового марксизма»¹⁾, то примирение «старого» марксизма с «новым» должно было состоять прежде всего в признании этого «важнейшего достижения». Никаких затруднений, однако, это признание не составляло, ибо уже давно все зрячие люди понимали, что это «важнейшее достижение», как и новый марксизм весь, могло вырасти лишь на почве, обильно возделанной «старым марксизмом», т.-е. той вульгаризацией марксизма, которая характеризовала социал-демократическую теорию эпохи II Интернационала. Совершенно справедливо писал, в связи с выходом известной книги Г. Кунова, еще в 1920 г. М. Беер, разоблачая разве секрет полишинеля:

«По моему мнению, Кунов при своей совершенно неревOLUTIONной позиции должен был быть благодарен нашему старому учителю Каутскому, ибо именно он в своей пропаганде (Verbreitung) марксизма оставлял без внимания (vernachlässigt) Марксово отрицание государства и укрепил демократическую веру в германской социал-демократии»²⁾.

В новый период «старый учитель» вступает со своей книгой о «Пролетарской революции и ее программе», которая во многих отношениях подводит итог всему, что он «оставлял без внимания» и не оставлял без оного в течение всего времени своей работы по «распространению марксизма». Эта книга, написанная за несколько месяцев до возвращения социал-демократического охвостя независимцев в лоно старой партии, имела своей целью подвести теоретический фундамент под программное здание объединенной социал-демократии. Вполне естественно, что значительное количество камней в этом фундаменте состоит в непрерывном поношении русской революции, клевете на нее, бессильном злопыхательстве и простой брани по адресу пролетарской диктатуры. Не менее естественно, что в остальных местах эта работа представляет собою открытый отказ

¹⁾ См. W. Israel. — „Bemerkungen zu Cunow's „Marxsche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie“. „Neue Zeit“, B. 40. S. 64.

²⁾ См. „Die Glocke“ 1920/21, S. 1309.

от марксизма, под обычным для всех «критиков» предложением необходимости пересмотра, дополнения, приспособления марксистского учения к новым условиям и т. п. Ничего странного, наконец, нельзя видеть также в том, что сплошь и рядом Каутский оказывается в состоянии свои новые реформистские мудрости подтверждать тем, что ему уже случалось утверждать ранее, в прежние периоды. Разумеется, все же в целом ряде моментов ему приходится радикально порывать со своими прежними воззрениями, но и это не беда: «nous avons changé tout cela».

Рассуждения Каутского о значении государственной власти для осуществления социализма обильно разводнены попытками критики Ленинского «Государства и революции». Легко себе представить, какие перлы литературного творчества нашли себе убежище на этих страницах. Мы вынуждены, однако, преодолеть искушение скольконибудь задержаться на этой критической части. Нам приходится ограничиться исключительно положительными воззрениями Каутского по поводу роли государства в деле осуществления социализма. Оказывается прежде всего, что

«хотя Маркс уже с 1852 г. признавал, что пролетарская революция должна отличаться от буржуазной, он все же не был в состоянии наблюдать это различие, ибо в то время ни в одном из более крупных государств Европы демократия не сделала еще таких успехов и не на столько укрепилась, чтобы она могла чувствительно воздействовать на пролетарскую классовую борьбу в совершенно новом смысле»¹⁾.

Оказывается, далее, что именно новейшая историческая эпоха, период последних десятилетий прошлого века и начала нынешнего, характеризуется столь победным шествием демократии по белу свету, что взгляды Маркса нуждаются в основательной починке. Нам уже хорошо знаком этот мотив по выступлениям Бернштейна, К. Шмидта и пр. до войны, К. Реннера, Кунова и др. в период войны. Не останавливаясь на этом далее, обратимся к тому, какой именно «новый смысл» придает демократия классовой борьбе пролетариата.

Политическая революция пролетариата, «происходящая в условиях демократии», имеет совершенно особенный характер.

«Демократия делает возможным мирный ход этой революции (ermöglicht es dass diese Revolution eine friedliche ist), без пролития крови, без насильственного действия»²⁾.

Чудесное влияние демократии проявляется в том, что

«на место боев между повстанцами и правительственными войсками выступает борьба партий за приобретение сторонников при помощи прессы и собраний; борьба партий за большинство при выборах народного представительства и при голосованиях внутри этого представительства»³⁾.

¹⁾ K. Kautsky. — „Die proletarische Revolution“, 2-te Aufl. Bln. 1922. S. 74.

²⁾ Ibidem, S. 81.

³⁾ Ibidem, S. 80.

Правда, история послевоенной Европы выдала кое-какие иные бои, кроме борьбы партий за большинство в парламенте. Для Каутского это, однако, несущественно: так, например, он считает, что в отношении русской революции наличие недемократических форм борьбы служит лишь доказательством... ее буржуазного характера! В отношении же других случаев внепарламентских боев и мы, разумеется, не в состоянии утверждать, что там имела место пролетарская революция: в фашистских переворотах в Италии, Болгарии, Испании, в перевороте Пилсудского в Польше, в попытках монархического переворота в Германии речь идет, разумеется, не о пролетарской революции. А следует иметь в виду, что Каутский лишь революции пролетариата запрещает употребление «не мирных» методов: все прочие перевороты могут их применять, конечно. Таким образом, Каутский остается при своем мнении, что

«значение демократии состоит в том, что она явственно обнаруживает величину этой силы (подразумевается сила рабочего класса), не требуя для этого состязания вооруженных сил (ein Messen bewaffneter Kräfte...¹⁾).

Каутский вспоминает, что после ноябрьской революции он говорил о завоевании пролетариатом политической власти, как о совершившемся факте. Такая роковая ошибка могла случиться, по мнению Каутского, по следующей причине: В старой Германии все классы примирились с милитаристской монархией Гогенцоллернов, за исключением лишь пролетариата. Поэтому предполагалось, что падение монархии будет одновременно и торжеством рабочего класса, что

«демократическая республика с самого начала (von vornherein) будет социал-демократической республикой»²⁾.

Не оправдалось это ожидание потому, что падение монархии произошло вследствие толчка извне, и этот момент застал пролетариат слишком слабым для завоевания власти. Но Каутский находит полное утешение в том, что

«конституция, вышедшая из революции, несмотря на свои недостатки, предоставляет социалистическому пролетариату достаточные возможности для достижения политической власти мирным путем»³⁾.

Естественно, что демократические восторги Каутского доводят его до того, что заявление Энгельса: целью социализма является «преодоление всякого государства, таким образом, также и демократии», представляется ему святотатственным. В священном ужасе он восклицает:

¹⁾ Ibidem, S. 82.

²⁾ Ibidem, S. 83.

³⁾ Ibidem, S. 84.

«Демократия старше, чем государство, и вообще вовсе не связана с ним необходимым образом. Догосударственные общественные образования были демократически организованы, государство же обнаружило себя, как элемент враждебной демократии. Лишь после выступления современного капитализма снова появляется демократия, которая, однако, уже несет в себе элементы социализма, т.-е. преодоления государства в марксистском смысле. Если мы предположим, что социализм приведет государство к отмиранию, тогда демократия переживет государство»¹⁾.

Демократия, таким образом, является не только надклассовой, но и надгосударственной субстанцией. Демократия выше государства. Она существовала до появления государства, она останется после его исчезновения. Стоит ли после этого терять драгоценные слова для полемики с людьми, предполагающими, что современная демократия является не только формой государства, но притом вполне определенной буржуазной его формой. Когда-то и Каутский высказывался схожим образом: в его старых произведениях без большого труда можно отыскать места, где слово «демократия» дано с прилагательным «буржуазная». Правда, никогда Каутский не делал всех выводов из этого словосочетания, никогда он не проводил вполне последовательно до конца марксистского классового анализа государства и его форм. Прежняя недоговоренность и непоследовательность ныне мстит за себя жестоким образом.

Нетрудно заметить, что те остатки марксистской фразеологии, которые должны служить для прикрытия отступничества и забвения элементарных марксистских истин, играют здесь более чем жалкую роль. Так, например, разговор о «пролетарской революции» в этом антураже попросту смешон. В приведенных рассуждениях о демократии оставлен далеко позади даже Реннер, против которого так резко ополчился Каутский за пять лет перед тем. Поэтому вполне правы оказались откровенные и последовательные реформисты, которые, приветствуя новое произведение Каутского, как крупный шаг к «обновленной» социал-демократической теории, все же обращали внимание на никому ненужные пережитки старого, отброшенного мирозерцания, встречающиеся в книге там и сям и лишь способные несколько нарушить общую картину»²⁾.

События ближайших лет побудили некоторых представителей бывшего марксистского центра выступить в еще более неприкрытом виде. Вслед за необычайным обострением кризиса в 1923 г., когда момент победы пролетарской революции казался близок не только ее друзьям, но и многим из врагов, наступает новая передышка, на этот раз особенно богатая иллюзиями. План Дауэса, стабилизация

¹⁾ Ibidem, S. 110.

²⁾ См., например, ст. W. Israel — „Kautsky's Kampf mit sich selbst“, „Neue Zeit“, B. I. S. 417.

валюты, установление сколько-нибудь прочного равновесия в хозяйственной жизни, а вслед за тем и в политике, окрыляет глашатаев мирного демократического развития новыми надеждами. Над многими и появляются довольно жирные точки.

Под знаком этой новейшей стадии стабилизационного периода, его мёдового месяца (ныне, кстати сказать, уже в значительной мере отошедшего в область прошлого, — новый затяжной кризис, хроническая безработица, обострение экономических противоречий и классовой борьбы накладывают на Германию 1925—1926 г.г. несколько иной отпечаток, чем тот, под знаком которого стоял 1924 г.) появляется на свет божий новый теоретический орган германской социал-демократии «Die Gesellschaft». Прежний теоретический орган, «Die Neue Zeit», основанный Каутским, просуществовал три десятка лет до войны; немало знаменательных и славных имен и статей он видал за это время на своих страницах. Во время войны правление партии достаточно бесславно отняло журнал у тогда оппозиционного Каутского и передало в руки Кунову. В его умелой постановке журнал превратился в шаблонного проповедника нового социал-демократического мировоззрения, мало чем отличаясь от органа парvusовских «социалистов» «Die Glocke» и от старого заслуженного ревизионистского журнала «Die sozialistische Monatshefte». В период инфляции 1923 г. «Neue Zeit» прекращает свое существование из-за денежных затруднений, и событие это проходит совершенно незаметно на фоне тогдашнего бурного времени. Опустевшее место должен занять новый журнал, основываемый Гильфердингом. В апреле 1924 г. появляется первый номер, который должен явиться программным¹⁾. Наиболее любопытна в нем первая же статья Гильфердинга, многозначительно озаглавленная «Современные проблемы (Probleme der Zeit)». Гораздо меньше интереса представляет вторая статья о «Фазах и органах марксизма», принадлежащая перу К. Каутского.

Статья посвящена анализу новой эпохи, разумеется. К сожалению, нам придется лишь очень кратко наметить ее исходные пункты; лишь на вопросе о государстве и осуществлении социализма мы сможем задержаться подробнее.

Новая эпоха, исследуемая Гильфердингом, это — годы войны и послевоенного развития. Основная ее тенденция в экономической области — это растущая концентрация и организация хозяйства.

«Одновременно с этим растет сознательный порядок и руководство хозяйством, которое стремится преодолеть на капиталистическом базисе имманентную анархию капитализма свободной конкуренции. Если бы эта тенденция смогла беспрепятственно осуществиться (sich durchsetzen), то результатом явилось бы организованное, но в антагонистической форме, иерархически организованное хозяйство»²⁾.

¹⁾ „Die Gesellschaft“ — Internationale Revue für Sozialismus und Politik, herausgeg. v. Dr. R. Hilferding, № 1, Jahrgang I, April 1924.

²⁾ S. 2.

Последний вывод, к которому автор приходит в результате своего анализа хозяйственной эволюции эпохи, формулирован им следующим образом:

«В результате военного периода капиталистическая экономика выступает материально развернувшейся (materiell erweitert) и качественно изменившейся по пути к организованному хозяйству»¹⁾.

Нет сомнения, что подобная организованность должна сильно уменьшить элементы противоречий в капиталистическом хозяйстве, тех противоречий, которые согласно прежнему марксистскому воззрению делают неминуемым разложение и гибель капитализма. В самом деле, напрасно стали бы мы искать у Гильфердинга какого-либо намека на подобные революционные процессы в хозяйстве. Противоречие, которое он находит в «иерархически организованной» системе, противоречие между сознательным руководством в хозяйстве и частнособственническими его основами, разрешается вполне благополучно на пути «хозяйственной демократии».

«Сознательное общественное регулирование хозяйства немногими, и в целях господства немногих, превращается в регулирование массой производителей. Так капитализм, именно когда он достигает своей высшей ступени вновь организованного хозяйства, ставит проблему хозяйственной демократии. Если Маркс и Энгельс обозначали свое творение, как развитие социализма от утопии к науке, то теперь речь идет о применении общественной науки к общественной организации. Это будет переходом от научного к конструктивному социализму»²⁾.

Несколько лет перед тем, когда соображения «конъюнктурной политики» (Konjunkturpolitik, как говорят немцы) привели Гильфердинга на вершину его революционного развития, он несколько иначе оценивал значение и роль «хозяйственной демократии».

«Все эти органы самоуправления, — говорил он осенью 1920 г. по поводу практического проекта проведения «хозяйственной демократии», предложенного Висселем в виде его пресловутого «Планового хозяйства», — покоятся на принципе так называемого паритета. Этот принцип всегда напоминает мне слова Лассалья о проклятом отсутствии потребностей у рабочего класса (Очень хорошо! — среди слушателей)... Ибо что означает паритет? Где это написано, что предприниматель, имеющий тысячу рабочих, должен иметь точно такое же влияние в производственной политике, как тысяча рабочих? (Опять одобрительные возгласы). Где написано, что маленькая кучка магнатов капитала должна руководство производством делить пополам

¹⁾ S. 10.

²⁾ Ibidem, S. 3.

с огромной массой производителей? Таков смысл паритета. Практика же этого паритета еще намного хуже» и т. п. ¹⁾.

Эти свои недавние увлечения Гильфердинг ныне решительно исправляет. Он глубокомысленно заявляет всякому, кто усумнится в том, что проблемой хозяйственной демократии исчерпываются задачи пролетариата в современную эпоху «развернувшегося» капитализма.

«Демократия также и в политике не означает ни господства, ни равноправия всех в том смысле, что можно поручить всем одинаковые функции и все одинаково пригодны ко всему» ²⁾.

Этим безвкусным аргументом, взятым напрокат из «ученых» рассуждений об естественном неравенстве людей, Гильфердинг расправляется со своей же собственной точкой зрения недавнего прошлого. Вместо прежних разговоров о социализации, об осуществлении социализма в области экономики и т. п. он теперь следующим образом формулирует задачи рабочего движения в новую эпоху:

«Фабричная демократия, усиление позиции фабричных советов, контроль производства во всех смыслах этого широкого понятия вплоть до достижения хозяйственной демократии становятся содержанием политики рабочих организаций» ³⁾.

Вплоть до достижения хозяйственной демократии! — Последняя выступает, стало быть, в качестве конечной цели «рабочих организаций». По старой привычке Гильфердинг продолжает употреблять слово «социализм»; он совершенно ясно показывает, однако, что все содержание «социализма» исчерпывается для него «достижением хозяйственной демократии» в условиях нового «организованного капитализма». Таков смысл того конструктивного социализма, который должен составить содержание рабочего движения новой эпохи.

В полный униссон с произведенной им репаратурой устаревших представлений о социализме Гильфердинг подвергает основательному пересмотру и соответственному развитию прежние взгляды на государство. «Объективный исторический анализ» событий последнего десятилетия и тут занимает первое место.

Вспомним, как еще в 1920 г. Гильфердинг объявлял важнейшей причиной непрерывных поражений германского пролетариата в революции то обстоятельство, что широкие массы пролетариата были вовлечены в сети буржуазной идеологии в период войны при помощи военной политики официальных рабочих организаций. Ныне те же события представляются нашему автору в существенно ином виде.

«Война, бросившая рабочих друг против друга в окопы, одновременно с этим усилила внутри государства позицию рабочего класса реально и идеально...

¹⁾ „Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen“, S. 12.

²⁾ „Die Gesellschaft“, № 1, S. 4.

³⁾ Ibidem, S. 7.

Из отдаления от государства (aus der Staatsferne) рабочие как раз во время войны перешли в близость к государству (in die Staatsnähe), исполненные необыкновенно возросшим сознанием своей силы и своего политического значения» ¹⁾.

Столь блестящее «приближение» пролетариата к государству вызвано тем обстоятельством, что без активной поддержки рабочих организаций правительства не могли бы справиться с огромными хозяйственными задачами, перед которыми они были поставлены войной. Война сделала необходимым горячее содействие пролетарских организаций, и государству со своей стороны пришлось в порядке взаимности гораздо дружелюбнее обходиться с последними. Естественно, что новая ситуация требует коренного пересмотра прежнего отношения к государству.

Социалистическое движение в Германии до войны имело перед собою полуабсолютистское, крайне враждебное государство. Естественно, что устранение этого государства представлялось первейшей задачей всякой социалистической политики. Замечательно при этом, что данную государственную форму, служившую препятствием на пути к социализму, тогда рассматривали как государство вообще.

«Критика этой государственной формы должна была, таким образом, вести к отрицанию самого государства» ²⁾.

Отрицательному отношению к государству способствовало еще одно воззрение, которое было в ту пору распространено в социалистических кругах. Рассуждали так: государство есть инструмент классового господства, а социализм стремится к уничтожению всяких классов; стало быть, в будущем неминуемо «отмирание» государства. Впрочем, так как это отмирание должно было совершиться лишь в далеком будущем, после полного осуществления социализма, то это воззрение не вступало в противоречия с практикой. Война и ее последствия коренным образом изменили обстановку.

«Лишь после войны германское и в большей своей части европейское рабочее движение испытало великое дело демократии (das grosse Erlebniss der Demokratie erfahren). Вследствие неожиданности перемены влияние было еще сильнее. Рабочий класс рассматривает республику, как свое творчество, он является носителем этой государственной формы, которая была бы невозможна без его страстной поддержки и защиты. Неподвижная политическая система прежнего времени ныне стала пластичной, доступной его воздействию. На ряду с ростом сознания своей силы рабочий класс получает возможность пользоваться этой силой. Не демократическое государство может ныне представляться ему препятствием, а социальные и зависящие от них духовные влияния. Отношение к государству поэтому совершенно иное» ³⁾.

¹⁾ Ibidem, S. 10—11.

²⁾ Ibidem, S. 12.

³⁾ Ibidem, S. 13.

Выше мы видели, что в 1920 г. Гильфердинг с сокрушением констатировал, что революция принесла рабочему классу вместо социалистической республики укрепление власти буржуазии, что чисто буржуазное правительство заняло место прежнего социалистического и коалиционного кабинетов. Теперь же рабочий класс оказывается «носителем» демократически-республиканской формы правления, и «демократическое государство» более не служит препятствием для осуществления социализма. Действительно, «отношение к государству совершенно иное».

Мы пришли к благополучному концу гильфердинговских размышлений об экономике и политике новой эпохи. Что касается статьи Каутского, то в ней вряд ли можно найти что-либо новое по сравнению с этой «философией эпохи». Эту эпоху Каутский обозначает, как четвертую фазу марксизма, а приветствуемый им журнал он считает органом этой новой фазы, подобно тому как «Neue Zeit» являлся органом предшествовавшей третьей фазы. Старик Каутский оказался сильно задетым статьей одного из редакторов английской рабочей газеты «Daily Herald» по поводу смерти Ленина. С английской прямолинейностью этот автор заявил, что Ленин был единственным в мире социалистом, знавшим, что задачей социалиста является осуществление социализма, в то время как остальные лишь рассуждают на эту тему или пытаются «сделать капитализм несколько менее неприятным». По этому случаю Каутский доказывает, что попытки сделать капитализм несколько менее «неприятным» и являются наилучшим путем, осуществления социализма, разумеется, в порядке мудрой постепенности, мирного развития и культурного прогресса. Наступающий период он в связи с этим называет «временем начинающегося социалистического прихода к власти (Machtergreifung) и социалистического строительства»¹⁾, при чем в отношении Германии он высказывает убеждение, что приход пролетариата к власти, и притом к неограниченной коалицией государственной власти, является лишь вопросом времени, и притом близкого времени²⁾.

Такова концепция «новой фазы марксизма». Не представляет большого труда определить доподлинно, откуда происходят отдельные элементы этого теоретического здания; мы убедимся, что во всяком случае меньше всего в нем нового материала, новых кирпичей.

Менее всего оригинален повод, по случаю которого оказывается необходимым «обновить» марксизм. Все прежние «обновленцы» точно так же ссылались на «новую эпоху», и вся разница состоит в том, что Бернштейн, а за ним Реннер считали «новой эпохой» время с 70-х годов, а Гильфердинг ограничивается последним десятилетием, повидимому, по той простой причине, что прежний период он попытался анализировать в своем «Финансовом Капитале» с ныне устаревшей точки зрения необновленного марксизма.

¹⁾ Ibidem, S. 29.

²⁾ Ibidem, S. 23.

Далее, важнейшие черты характеристики, даваемой новой эпохе, Гильфердинг явно заимствовал у своего прежнего коллеги по австромарксистской школе К. Реннера. Сюда относится большинство его открытий: 1) тенденция к организованному хозяйству (названная у Реннера «социализацией собственности»); 2) приближение пролетариата к государству и наоборот; 3) растущее вмешательство государства в хозяйственную жизнь («огосударствление хозяйства»). Точно так же совпадает и конечный результат обеих ревизий: «признание государства», требование заменить прежнее отрицательное отношение пролетариата к государству положительным, отрицание классового характера государства. Разница заключается, пожалуй, лишь в том, что Реннер готов был выдать свидетельство «надклассовости» даже монархии Гогенцоллернов, Гильфердингу же эта задача облегчена революцией 1918 г., и он может провозносить в качестве «творения рабочего класса» буржуазно-демократическую современную германскую республику.

Не нова мысль Гильфердинга о том, что капитализм «развернулся» и изменился со времени войны; еще в 1920 г. Рудольф Виссель заявлял, что ноябрьская революция означала не что иное, как «завершение периода раннего капитализма в Германии (der Abschluss der frühkapitalistischen Periode in Deutschland»¹⁾. Наконец, немало предшественников имеет Гильфердинг в своем открыто ликвидаторском отношении к социализму. Мы не говорим уже о ранних предложениях Бернштейна насчет совершенно прохладного отношения к «конечной цели». В послевоенные годы среди социал-демократии стали учащаться голоса, требующие открытого отказа от какой бы то ни было мысли об осуществлении социализма. Отметим здесь пару характерных случаев.

Один из столпов ревизионизма дает следующее определение: социализация, это—ряд мер, направленных к улучшению положения рабочего класса²⁾. Здесь явно предвосхищен Каутский издания 1924 г., возвещающий, что социализм осуществится путем постепенных попыток улучшения капитализма, устранения его дурных сторон. Другой характерный голос. В связи с критикой книги Каутского о пролетарской революции в «Neue Zeit», Евгений Дитцген (сын Иосифа Дитцгена, известного своими философскими произведениями) выступил в том же органе с двумя статьями, в которых доказывается необходимость коренного пересмотра прежних представлений о капитализме и социализме³⁾. Прежнее мнение о необходимости гибели капитализма и возникновения социализма на его развалинах устарело настолько, что его и вспоминать-то неприлично. Классовые противоречия не заостряются, а, напротив, притуляются, как Дитцген неопровержимо доказывает при помощи, разумеется, данных американской подоходной статистики. В связи с этим теряет всякий

¹⁾ См. „Das Programm des S.“ P. D. Materialien etc., S. 54.

²⁾ Речь идет о Конраде Шмидте. См. „Conrad's Jahrbücher“, B. 64. S. 345.

³⁾ См. „Neue Zeit“, 41, B. I. S. 370 и 407. „Kapitalismus und Sozialismus nach neumarxistischer Orientierung“.

смысл противопоставление капитализму другого, социалистического строя. Конечно, капитализм нуждается в целом ряде улучшений общественно-полезного свойства. Дитцген предлагает поэтому говорить не о социализме, а об «общественном капитализме» («Gemeinschaftskapitalismus»). В качестве последнего аргумента поистине убийственной силы он приводит соображение, что американский рабочий класс, до сих пор враждебно настроенный по отношению к социализму, легко согласится на «Gemeinschaftskapitalismus», и единство рабочих всего мира одержит колоссальную победу.

В свое время социал-демократическая теоретическая пресса не без видимого сочувствия встретила появление брошюры примерно такого духа¹⁾, в которой автор проводит мысль, что капитализм, социализм и коммунизм отнюдь не исключают друг друга, а, напротив, гармоническим образом друг друга дополняют. Ибо каждой из этих систем соответствует осуществление хозяйственного принципа в одной из сторон хозяйственного процесса. Капитализм означает достижение максимального эффекта в производстве, социализм — в обращении, коммунизм — в потреблении.

Во всей эволюции современной социал-демократии, как неоднократно подчеркивалось, на первом месте шествует практика. «Вначале было дело». Лишь вслед за «делом» поспевают «слово», теория приспособляется к изменившейся практике. На ряду с теорией приспособляется и официальная программа партии, обычно с большим опозданием по отношению к изменившейся физиономии партии.

До осени 1921 г. официальной программой германской социал-демократии, давшей к тому времени мировой истории такие звучные имена, как Эберт и Носке, Шейдеман и Штампфер, оставалась эрфуртская программа, с ее требованиями диктатуры пролетариата и осуществления социализма, классовой борьбы и обобществления средств производства. Разумеется, никто уже не принимал всерьез эту программу и ее требования; на нее, скорее, приучились смотреть, как на своеобразного выходца с того света или как на музейный документ давно прошедшей эпохи. Все же обычные трудности, связанные с выработкой проекта программы, обсуждением его в соответствующих партийных инстанциях и т. п., привели к тому, что лишь 23 сентября 1921 г. съезд партии в Герлице оказался в состоянии утвердить текст обновленной программы, несмотря на то, что голоса о необходимости изменения программы стали довольно настойчиво раздаваться уже со времени войны и вызванного ею распространения «военного марксизма».

Герлицкая программа означала, естественно, довольно резкий разрыв с эрфуртским документом: она отличается уже высокой степенью приспособления к новой обстановке в жизни партии; теория и практика «нового марксизма» сквозят в каждой ее строчке.

¹⁾ Hugo Rickes. — „Sozialismus und gemeinschaftlicher Kapitalismus“.

Уже вступительный абзац возвещает, что социал-демократия объединяет всех «физически и духовно творящих» (körperlich und geistig schaffenden) в борьбе «за демократию и социализм»; демократия ставится, таким образом, на первом месте по отношению к социализму. Упоминание о классовой борьбе содержится в следующей разводненной формулировке:

«Оно (капиталистическое хозяйство) сделало классовую борьбу за освобождение пролетариата исторической необходимостью и нравственным требованием».

Исторический материализм Маркса, таким образом, счастливо дополнен категорическим императивом Канта.

Ход пролетарской борьбы и ее цели характеризованы следующим образом:

«Политические перевороты дали массам демократические права, необходимые им для социального подъема. Необычайно усилившееся рабочее движение... является достойным противником капитализма. Сильнее чем когда-либо растет воля преодолеть капиталистическую систему и избавить человечество от нового военного уничтожения при помощи международного объединения пролетариата, при помощи создания междугосударственного правового порядка».

Естественно, что для такого безобидного преодоления капитализма демократия является наилучшим средством. Поэтому социал-демократия

«считает демократическую республику государственной формой, твердо данной (unwiderruflich gegebene) историческим развитием, а каждое покушение против ее, как покушение против жизненных прав народа».

Наконец, задачи «врастания в социализм» при помощи демократии находят себе следующую достаточно туманную формулировку:

«Она (социал-демократия) борется за господство организованной в народном государстве народной воли (Volkswillen) над хозяйством, за обновление общества в духе социалистической общественности (Gemeinsinn). Перевод больших концентрированных хозяйственных предприятий в руки общества (in die Gemeinschaft) и, далее, прогрессирующее преобразование всего капиталистического хозяйства в социалистическое, на благо общества ведущееся, хозяйство она признает необходимым, чтобы освободить трудящийся народ от оков капиталистического господства, повысить продукцию, повести человечество к высшим хозяйственным и нравственным формам общезжития».

Таковы формулировки общей, принципиальной части программы. Далее, в ее конкретной части, под рубрикой «экономической политики» программа перечисляет те конкретные мероприятия в хозяй-

ственной области, которые партия считает необходимым осуществить средствами демократической государственной формы и в целях социалистического переустройства общества. Здесь мы встречаем обычные в таких случаях требования: передача земельной собственности, недр земли, источников энергии в руки государства, контроль над картелями и трестами, развитие государственных предприятий, распространение представительной системы в хозяйстве (wirtschaftliches Rätssystem).

Герлицкая программа в смысле своего теоретического убожества перешеголяла, думается, все документы международного рабочего движения, во всяком случае, со времени существования марксизма. Через год после ее принятия состоялось возвращение бывших независимцев в ряды старой партии. Это приобретение принесло партии известное число теоретиков, из которых многие проделали, правда, такую же эволюцию, как Каутский и Гильфердинг, зато иные (типа Пауля Леви) все еще пытаются опираться на прежнюю теорию марксистского центра. С другой стороны, стабилизация 1924 г. ставит социал-демократию в выгодное положение оппозиционной партии, свободной от ответственности за дела правительства; новое вхождение партии в правительство ставится формально в порядок дня при каждом из бесчисленных правительственных кризисов современной Германии, но шансы на его осуществление при современном составе представительных органов каждый раз крайне незначительны. Наконец, полевение социал-демократических рабочих масс вызывает к жизни левую оппозицию в партии, о которой, естественно, не могло быть и речи в 1921 г., при существовании независимой социал-демократии. Насколько эта оппозиция беспринципна и бесхребетна в практических вопросах партийной политики, настолько же она пытается быть радикальной в области теории, где ее левизна, впрочем, нисколько не может повредить правым делам партии. Все эти обстоятельства снова ставят в порядок дня пересмотр партийной программы, которая должна служить базой для единой социал-демократии. Новая программа принимается гейдельбергским съездом партии 18 сентября 1925 г. в знаменательный день столетия со дня рождения Фердинанда Лассалля. Этот выбор дня тем более знаменателен, что как раз в кардинальном вопросе о государстве современные теоретики социал-демократии чрезвычайно охотно ссылаются на Лассалля, противопоставляя его благожелательное отношение к государству отрицательному отношению Маркса.

Гейдельбергская программа, по меткому выражению ревизиониста Э. Давида ¹⁾, представляет собой в своей общей принципиальной части «компиляцию из фраз старой эрфуртской и герлицкой программ очевидно, результат компромисса». Меланхолично замечает Давид, что таким путем, повидимому, надеются устранить внутрипартийные затруднения, зато целостность и научная выдержанность программы от этого ничего не выигрывает.

¹⁾ См. его „Zur Kritik des Programmwerfs“.

С оценкой Давида нельзя не согласиться. Действительно, из эрфуртской программы взяты главные места, характеризующие экономическое развитие капитализма. По предложению левых (а именно франкфуртской организации) туда вставлена фраза о все обостряющейся классовой борьбе (в первоначальном проекте программной комиссии не было и упоминания о классовой борьбе). А вслед за сим идет во всей красоте и величии концепция «нового марксизма» насчет демократии и ее роли в осуществлении социализма. Реформистская теория здесь выражена даже ярче, чем в герлицкой программе.

«В демократической республике он (рабочий класс) обладает государственной формой, сохранение и развитие которой является полной необходимостью (eine unerlässliche Notwendigkeit) для его освободительной борьбы. Он не может осуществить обобществление средств производства, не придя к обладанию политической властью».

Та же мысль повторяется в первой же фразе конкретной части программы, так называемой «программы действий»:

«Демократическая республика является наиболее благоприятной почвой для освободительной борьбы рабочего класса и тем самым для осуществления социализма».

Наконец, в отделе, посвященном хозяйственной политике, программа в целях «осуществления социализма» лишь немного перефразирует те же требования, которые содержались в герлицкой программе.

Мы попытались в настоящем очерке дать некоторую картину эволюции теоретических взглядов современной социал-демократии по вопросу о государстве, являющемся в то же время фактически вопросом о революции и о пути к социализму. Рецидив социал-демократических взглядов на государство в той или иной форме и виде, как показывают отдельные случаи, возможен в нашей обстановке, когда на открытой политической арене внутри страны реформистский противник коммунизма уничтожен. Серьезное изучение социал-демократических взглядов на государство, раскрытие их внутренней пустоты и контрреволюционности может предупреждать появление подобных рецидивов.

А. Леонтьев.

ПРОТИВ МЕХАНИЧЕСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ ¹⁾

III. Выведение сложного из простого

В действительности метод сведения сложного к простому никогда не выступает самостоятельно, независимо от противоположного ему выведения сложного из простого. Отделять их друг от друга можно только в абстракции. Однако история мысли именно тем и характеризуется, что отдельные системы берут из кривой человеческого познания лишь какую-нибудь одну ее сторону и возводят последнюю в абсолют. Именно так обстояло дело и с интересующими нас проблемами.

Такое положение не препятствует все же марксисту рассматривать данные вопросы абстрактно, отдельно друг от друга. Не нужно только никогда забывать, что методы сведения и выведения являются лишь двумя сторонами одной и той же методологии — материалистической диалектики. Ошибочность преимущественного сведения или выведения и все вытекающие отсюда последствия — чистая созерцательность и дедуктивистический идеализм — произрастают как раз на почве игнорирования этой неизбежной диалектики человеческого познания.

В «Введении» к «Критике политической экономии» Маркс следующим образом очерчивает свой метод, противопоставляя его методу экономистов XVII века: «Начни я с населения, я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы к более простым понятиям, от конкретного данного в представлении ко все более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но на этот раз уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой целостности с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь тот, которым политическая экономия исторически шла при своем возникновении. Экономисты XVII столетия, напр., всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но заканчивают они всегда тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие, абстрактные, общие отношения, как разделение труда, деньги, ценность и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее установлены и абстрагированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая ценность,

¹⁾ Окончание, см. „В. К. А“, кн. 16.

к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно является сведенным к единству множественностью определений, т. е. единством в многообразии. В мышлении оно выступает поэтому, как процесс объединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности, и, следов., также исходным пунктом созерцания и представления. На первом пути полное представление испарится до степени абстрактного определения; на втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель впадает поэтому в иллюзию, говоря, что реальное следует понимать, как результат самого в себе объединяющегося, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное. Однако это отнюдь не есть процесс возникновения самого конкретного» ¹⁾.

Из этого богатого мыслями отрывка нам необходимо особенно подчеркнуть то положение, что восхождение от абстрактного к конкретному, выведение сложного из простого есть метод «правильный в научном отношении». Буквально ту же самую мысль находим мы и в «Капитале»: «Конечно, много легче, — говорит Маркс, — посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем наоборот — из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, научный метод» ²⁾. Мы задержимся несколько на этой последней формулировке в виду ее специального интереса. Маркс говорит о выведении, как «единственно материалистическом методе». Уж не стал ли он идеалистом? — спросит механист. Может быть здесь не материализм, а лишь остаток той гегельянской «схоластики», на которой воспитался в молодости Маркс? Ответить на все эти вопросы тем более необходимо, что, как известно, весь «Капитал» Маркса построен на основе выведения сложного из простого. Во-вторых, именно это обстоятельство дает основание бесчисленным критикам Маркса кричать о «немецки-диалектической», следовательно, «схоластической» форме изложения «Капитала» вопреки его научному содержанию. Наконец, в-третьих, как раз отсюда исходил запутавшийся между формализмом и словами о диалектике А. Варьяш, поставивший знак равенства между Марксовой диалектикой и идеалистической силлогистикой, а самого Маркса «сведший» к математику Вейлю. Кроме того, мы хотели бы попытаться очертить действительный метод Маркса.

Трудности изучения «Капитала», особенно первых его глав, особенно для незнакомого с диалектикой, заключаются в общем и целом в том, что «на первый взгляд может показаться, что перед нами

¹⁾ «К критике политической экономии», 3 изд., П. 1922 г., стр. 20—21.

²⁾ «Капитал», т. I, стр. 336, прим. 89.

априорная конструкция» (предисловие Маркса). Начав с анализа товара и установив 4 формы стоимости (простая, полная, всеобщая и денежная), Маркс выводит отсюда превращение денег в капитал, производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости и т. д. вплоть до классов капиталистического общества. Здесь априорным-или произвольным кажется как первоначальный анализ, так и все последующее выведение. Ведь Маркс нигде не доказывает, почему именно стоимость берет он за исходный пункт своих «дедукций», почему сама «дедукция» происходит так, а не иначе. И может показаться, что переход от одной категории «Капитала» к другой целиком произволен. нужен Марксу лишь для внешнего оправдания своих выводов. Характерно, что именно по этой линии, столь близкой современному механисту, направлялись в свое время критические выпады бесчисленных противников марксизма. По существу же, как знает каждый марксист, дело заключается в том, что «априорная» конструкция Маркса есть лишь «надлежащим образом изложенное действительное движение», где «жизнь материала получила свое идеальное отражение» (предисловие, курсив мой).

Лучше всего это видно из Марксова анализа форм стоимости. «Нам предстоит, — говорит он, — исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить, — именно показать генезис... денежной формы, т. е. проследить развитие того воплощения стоимости, каким является меновое отношение товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы» (14—15). При этом оказывается, что «тайна всякой формы стоимости заключена в... простой форме стоимости» (15), последняя же «сама собою переходит в более совершенную» (29) — в «полную или развернутую форму». Внутренняя диалектика этой последней, ее, как говорит Маркс, «недостатки» снимают ее относительную неполноту и делают ее всеобщей формой, чтобы затем путем спецификации превратить в денежную. Окончательный результат, весь процесс в целом формулируется так: «Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы стоимости, как таковой, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I... Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы» (37). В дальнейшем, в главе «Процесс обмена», Маркс показывает, что все эти кажущиеся «схоластическими» выведения совершенно точно выражают действительное развитие обмена, от его зародышевых форм (случайный обмен) до настоящего времени. «Законы абстрактного мышления, исходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу» («Введение к критике»). Таким образом, диалектика форм стоимости есть диалектика действительных общественных отношений.

Чтобы полностью понять, почему может Маркс утверждать материалистичность и научный характер метода выведения, нужно отдать себе ясный отчет в том, как это выведение происходит.

Выше было уже сказано, что все многообразие жизни капиталистического общества Маркс сводит в своем анализе к простейшему общественному отношению — к стоимости. Сделав так, Маркс устанавливает не абсолютно и окончательно простое, а то, которое одновременно остается и сложным. Это последнее качество резюмируется в том, что стоимость есть общественное, а не какое-нибудь иное отношение. Поэтому можно сказать, что в простейшем, в стоимости уже заложены все особенности товарного общества. Заложены в зародыше. И метод Маркса состоит не столько в выведении в абстрактной дедукции, сколько в развитии, в развертывании всех этих в зародыше имеющих особенностей. Если бы вопрос шел только о выведении, то несомненно, что одно это давало бы самый широкий простор произволу и отсебятине худшего сорта. Марксово «выведение» столь же может быть названо произвольным, сколь этот термин применим для того «выведения», которое имеет место в природе, когда из протиста (простейшего) исторически развиваются все сложнейшие формы органической жизни вплоть до человека¹⁾. Равным образом так же смешно говорить об «априорных» конструкциях Маркса, как смешно говорить об априорности органического развития. Метод Маркса апостериорен в том смысле, что он требует «детально освоиться с материалом». Он «априорен» лишь постольку, поскольку установленная анализом внутренняя связь явлений, их сущность, обуславливает каждое отдельное явление и последнее выводится из первой. Метод Маркса не сводится ни к анализу, ни к синтезу, ни к сведению, ни к выведению, взятым абстрактно и отдельно. Каждое из них по отдельности составляет лишь одну сторону марксистской методологии — материалистической диалектики. В целом же она, если говорить об интересующей нас проблеме, есть метод опосредствования конкретного абстрактным, явления сущностью, единичного общим, и наоборот.

Только метафизическое понимание способно утверждать, что анализ и синтез или дедукция и индукция составляют два особых и обособленных метода²⁾. В действительности же они слитны, и не только в том смысле, что один дополняет другой, идя за ним, но и в том смысле, что они существуют одновременно. Именно так и пользуется ими всегда исследователь. Переход от простой формы стоимости к развернутой, а затем к всеобщей и денежной совершается столь же аналитически, сколь и синтетически, даже тогда,

¹⁾ Как известно, Маркс часто говорит о «естественно-научной точности» в выведении. Ясно, что это надо понимать не в смысле математичности Марксовых дедукций, что часто у нас склонны делать механисты, а в смысле, только что указанном.

²⁾ Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом. По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями». Энгельс — «Диалектика природы», стр. 59; см. также стр. 69 и 183—185.

когда простейшее, как исходный пункт, уже дано. Предположим, что простая форма стоимости каким бы то ни было путем установлена. Чтобы вывести из нее все другие формы, для этого необходимо с точки зрения этого простого проанализировать основные черты той общественной эпохи, когда простая форма стоимости развертывает заложенные в ней особенности. Этот анализ совершенно невозможен, если исследователь одновременно не пользуется синтезом, как известной группировкой явлений и выведением их из искомого простого. Тут простое и сложное, сущность и явление, анализ и синтез не стоят спокойно рядышком, друг около друга: они находятся в постоянном взаимодействии, дополняют друг друга, *опосредствуют*. Именно это, в частности, наполняет диалектику материальным содержанием, делает ее по необходимости материалистической. Только идеалист, наподобие паука (сравнение Ф. Бэкона), может выводить сложное из простого, совершенно не сообразуясь с фактами. Подлинный диалектик не может не быть материалистом: тут ставится вопрос не об абстрактном выведении сложного из простого, а об опосредствовании сложного простым, что вынуждает трудолюбиво, как пчела (Бэкон), обрабатывать большой материал, ставить отдельное явление в связь со всеобщим, внимательно анализировать последнее, находя в нем ряд черт и особенностей, которые при новой обстановке, развиваясь, дают нечто новое, прежде бывшее лишь в зародыше. Не трудно видеть, что такая методология насквозь материалистична, след., научна: руководствуясь ею, имеешь дело не с априорными конструкциями, а с «действительным движением», с «жизнью материала», с материальным миром¹⁾. Здесь «выведенное» конкретное не есть выдуманное, а только опосредствованное абстрактным. Только такой метод и дает истинное объяснение явлений.

Из предыдущего было видно, что Маркс упирает главным образом на выведение, как на метод «правильный в научном отношении». Не уничтожает ли это диалектического опосредствования, как синтеза сведения и выведения? Конечно, нет! Диалектика, возникающая и падающая вместе с законом синтеза противоположностей (а сведения и выведение суть диалектические противоположности), признает этот синтез научно правильным лишь тогда, когда противоположности не покоятся спокойно друг около друга, а проникают взаимно одна в другую, при том так, что одна из них подчиняет себе противоположную. И если до-Марксов материализм делал, в общем и целом, ударение на проблеме сведения, научился решать именно ее, то марксизм, как теория критически революционная по своему существу, признает объяснение для изменения, анализ для синтеза, сведения для выведения. Ведь практический материализм есть коммунизм²⁾. Ведь свести религию к ее «земному ядру» значит не только объяснить ее происхождение, но и вывести отсюда всю иллюзорность, не-

¹⁾ Именно эта диалектика, кстати сказать, вынуждала величайшего идеалиста Гегеля, там, где он не отступал от нее, говорить совершенно материалистические вещи.

²⁾ Маркс и Энгельс — „Немецкая идеология“, Архив, т. I, стр. 21.

нужность и вредность этой идеологической надстройки, значит — бороться против нее. Равным образом свести многообразие капиталистической жизни к обмену и меновой стоимости значит вывести отсюда все отдельные институты капиталистического общества и указать путь революционного его уничтожения и переустройства. И таким именно является диалектический метод Маркса.

Уже из этого беглого очерка ясно, что марксистская методология не так проста, как представляется это многим современным «марксистам». Впрочем, упрощение является одним из важнейших «китов» механического миропонимания, даже тогда, когда его исповедуют марксисты. Это упрощение свойственно им и в отношении проблемы выведения.

Механическое понимание в его чистом виде совершенно не знает метода выведения и поэтому, собственно говоря, не может им пользоваться. На самом деле. Если выставляется требование свести все к движению тождественных материальных частиц, при чем, как было видно выше, в этом тождестве абсолютно растворены все различия отдельных видов объектов (скажем, социальная и органическая жизнь), то, поистине, от механистов захотят слишком многого, когда потребуют вывести конкретное из абстрактного, опосредствовать первое вторым. Как можно вывести при таких условиях хотя бы, к примеру, анти-марксистское сознание какого-нибудь механиста? Ведь материальные частицы абсолютно тождественны (круглые атомы, по Демокриту) и никаких «качеств» марксизма или не марксизма в себе не носят. Точно так же не может быть обусловлено соответствующее умонастроение и тем или иным количеством тождественных частиц или некоторым особым их соотношением, т.-е. порядком расположения (в скобках сказать, если бы дело обстояло так, то не надо было бы вести никакой агитации и пропаганды, стоит лишь заняться вышибанием соответствующих частиц или трепанацией черепа для хирургического извлечения их или перемещения. Как ускорила бы от этого наша пропагандистская работа!). Признание же того, что только порядок расположения бескачественных частиц обуславливает собою конкретные особенности данных явлений, с точки зрения механики есть *nonsense*: качества неизвестно откуда рождаются, и неизвестно куда исчезают, как бы по мановению некоей мистической силы. Вот почему механическое миропонимание сосредоточивает свое внимание, главным образом, на сведении и, в своем чистом виде, не знает выведения. Однако последний метод настолько важен для познания и практики, что от того или иного применения его не может отвертеться даже самый завзятый механист. Поскольку же важнейший символ его веры заключается как раз в игнорировании диалектики, даже борьбе с нею, постольку, решая проблему выведения, механист либо впадает в эклектизм и дуализм, либо идет на поводу у типичных дедуктивистов схоластически-идеалистического толка.

В виду особой важности первой части этой «дис'юнкции» мы остановимся на ней в особой главе. Сейчас же рассмотрим схоластичность механистской дедукции.

Механическое миропонимание органически связано с математикой¹⁾. И эта связь выражается не только в предпочтении количества качеству и в игнорировании их единства, но проходит и по ряду других не менее важных пунктов. Поэтому новейшие устремления в области математики и математической логики фактически совпадают с основоположениями механического миропонимания. Мы считаем себя поэтому в праве, касаясь проблемы дедукции, говорить специально о математике.

Под влиянием кантианства с его априоризмом «была поставлена... снова (в XIX ст. *К. М.*) задача построения геометрии как дедуктивной науки, которая из небольшого числа основных положений выводит исключительно логическим путем совокупность геометрических истин, из этих положений вытекающих»²⁾. Эта тенденция отразилась в свою очередь и на философии, которая в работах Ресселя дала математическую или калькулятивную логику, где специальное внимание посвящается теории импликации или дедукции. Естественники всех специальностей, покорные веянию времени, также заговорили о дедуктивном методе, по видимости отказываясь от механического миропонимания, а на деле же лишь особенно резко выпячивая его схоластичность. Заговорили о дедуктивной физике, дедуктивной биологии и социологии. Дело дошло до того, что даже Гельмгольц—этот столп механического понимания—вынужден был писать статью об «Индукции и дедукции»³⁾, где защищался от обвинений в отказе от последней.

О какой же дедукции заговорили ученые? Ее прекрасно описывает проф. А. В. Васильев. «Для возможности аксиоматического обоснования,—говорит он в своем предисловии, стр. XXX,—и логического построения теории необходимы в виде аксиом некоторые немногие положения, которые сначала носят... теоретико-познавательный характер (на обычном языке: взяты из опыта. *К. М.*). Но потом... можно отвлечься от этого характера аксиом и рассматривать исключительно внутреннюю структуру системы понятий, как взаимную форму связи между ними, причем как понятия, так и связи между ними лишены познавательного, почерпнутого из опыта, характера» (курсив мой. *К. М.*). Следовательно, дедукция этого рода целиком схоластична, так как принципиально элиминируют всякое материальное содержание и сводятся к пустому анализу понятий, к «делению просяного зерна на четыре части» (Бэкон против схоластики). Еще отчетливее выразил ту же

¹⁾ Больцман говорит об этом так: «Основные положения статистической механики являются строгими следствиями сделанных допущений и поэтому всегда будут оставаться справедливыми, как все строго обоснованные математические выводы». См. «Статистическая механика» в сборнике «Философия науки», ч. I, т. I. ГИЗ, 1923 г., стр. 177.

²⁾ А. В. Васильев — «Предисловие к „Основаниям геометрии“ Гильберта». Изд. «Сеятель», П. 1923 г., стр. XXI.

³⁾ Н. В. Helmholtz — «Vorträge und Reden», Braunschweig, 1903. 5. Aufl., 2. Band, S. 413.

самую тенденцию А. Пуанкаре в своем «Отчете о работах Д. Гильберта»¹⁾. Последний,—говорит автор «Отчета»,—старался... представить аксиомы в такой форме, чтобы они могли быть прилагаемы лицом, которое не понимало бы их смысла, потому что никогда не видело ни точки, ни прямой, ни плоскости. Рассуждения должны, по его мнению, приводиться к чисто механическим правилам, и для того, чтобы строить геометрию, достаточно рабски прилагать эти правила к аксиомам, не зная, что они собственно выражают. Таким образом, можно было бы построить всю геометрию, я не скажу, ничего в ней не понимая, потому что будет понятно логическое сцепление предложений, но по крайней мере ничего в ней не видя. Можно было бы вставить аксиомы в логическую машину, например, в логическое пианино Стенли Джевонса, и из нее вышла бы вся геометрия». Критерий истинности такой геометрии «только один»: «Нужно узнать, есть ли геометрия логическое следствие явно выраженных аксиом, т.-е. могут ли эти аксиомы, вставленные в логическую машину, заставить выйти из нее весь ряд предложений»²⁾.

Эта длинная цитата не только указывает на схоластичность разбираемой дедукции, но и совершенно правильно ставит ее в связь с механичностью формально-логического выведения. Ведь попытки построить логическую машину суть не что иное, как только наиболее крайнее направление в механическом миропонимании, именно то, которое считает, что вся действительность уже выражена в чистых количественных соотношениях и поэтому нечего утруждать себя трудным и сложным выведением конкретного: достаточно нажать педали логического пианино или повернуть ручку арифмометра³⁾, чтобы конкретность была выведена из абстрактных положений. Схоластический рационализм—вот основная характеристика такого понимания, сколько бы ни кричало оно о своем материализме.

Однако принадлежать к крайнему направлению механист вовсе не обязан, хотя оно и показывает его ближайшее будущее. Поэтому мы остановимся на другой стороне той же самой дедукции. Она сквозит и в приведенных словах Васильева и Пуанкаре, но резче всего формулирована самим Гильбертом. Мы имеем в виду формально-логический, анти-диалектический характер такой дедукции. Гильберт говорит: «Никаким конечным применением законов числа нельзя

¹⁾ В приложении к «Основаниям геометрии», то же изд., стр. 109 и сл.

²⁾ Буквально то же, что Васильев и Пуанкаре, говорит В. Рессель в своей статье «Новейшие работы о началах математики» («Новые идеи в математике», сборник I. п. 2, П. 1917, стр. 82 и сл.): «В чистой математике мы исходим из известных правил вывода, благодаря которым мы можем вывести, что если одно предложение верно, то верно и некоторое другое. Эти правила вывода составляют начало формальной логики. Затем мы избираем гипотезу, которая кажется правдоподобною, и выводим ее следствия... Математика может быть определена, как доктрина, в которой мы никогда не знаем ни о чем мы говорим, ни то, верно ли то, что мы говорили».—Конечно, все это только выражение одной школы в математике, а не ее действительный метод. Но ведь и механическое миропонимание тоже только школа, а не подлинное научное миропонимание.

³⁾ Проф. А. Н. Щукарев.—«Механизация мышления», журнал «Вестник Знания», I. 1925 г., № 12.

вывести из утверждения *A* противоположное заключение: не-*A*»¹⁾. Разберем это подробнее. Прежде всего ясно, что здесь разговор идет не только о числе, как таковом, но о всяком выведении. Поэтому данное положение может быть формулировано и в более общем виде. О чем же оно трактует? На первый взгляд кажется само собой понятным, что из *A* нельзя вывести не-*A*. Однако при рассмотрении того «выведения», которым пользуется Маркс, мы видели, что из простой формы стоимости «выводится» полная всеобщая и денежная формы, т.е. из *A* выводится не-*A*. Таким образом, либо прав Гильберт, за которым, как увидим ниже, стоят все важнейшие направления буржуазной мысли, либо прав Маркс с его диалектическим методом. Одно такое противоположение показывает, что эти две концепции исключают друг друга. Вопрос становится еще яснее, если разобраться в том, что собственно утверждает в приведенных словах Гильберт. Из *A* нельзя вывести не-*A*. Это значит, что всякое выведение, кладущее данный принцип в свою основу, есть по существу тожесловие, тавтология: раз из *A* нельзя вывести не-*A*, то очевидно, что можно вывести лишь *A*. При таком методе исследователь, если бы он мог действительно им пользоваться, совершенно не выходит за пределы однажды данных понятий и поэтому силою вещей вынужден обратить все свое внимание на пустое и схоластическое расщепление понятия *A* на его составные части. Если метод Маркса обуславливает собою подлинное выведение нового, так как заставляет сообразно действительности из *A* выводить не-*A*, то формально-логический метод Гильберта и математики превращает выведение в топтание на месте, т.е. фактически ликвидирует самую проблему. Кроме того, он обязывает путем отвлеченных дефиниций и дисъюнкций к схоластической игре в понятия. Эти две стороны формально-логического выведения — тавтология и схоластичность — на самом деле совпадают, обуславливают друг друга: я остаюсь в границах тожесловия потому, что как схоласт не изучаю конкретной действительности, и наоборот, как приверженец тавтологических выведений, я замыкаю себя в пределах авализа понятий²⁾. Исследование же материального мира с помощью диалектики страхует меня и от формально-логического тожесловия и от схоластической игры в понятия, так как заставляет выводить из *A* не-*A*, — то новое, что действительно возникает в историческом развитии. Совпадение указанных сторон недиалектической дедукции очень хорошо выразил Зигварт в своей «Логике»: «Производящая сила прогрессирования в дедукциях, — говорит он, — кроется в конструкции понятий и в развитии понятий, которое влечет за собой все новые и новые субъекты для применения общих основоположений. Дедукцию обыкновенно обозначают, как прогрессирование от общего к особенному; но это прогрессирование возможно лишь постольку, поскольку обособляются понятия,

¹⁾ Цитировано А. В. Васильевым в указанной статье.

²⁾ Таким образом, „крайнее“, как мы его назвали выше, направление в механическом миропонимании только заостряет ряд особенностей этой концепции вообще.

тия, и благодаря этому открывается все более и более обширная область для применения «общего положения»¹⁾. Дедукция дает — вернее, должна дать — переход от общего к особенному. Это верно. Но также верно и то, что, с точки зрения Зигварта, особенное есть лишь «новый субъект для применения общих положений», следовательно, отнюдь не особенное, как его понимает диалектика (напр., денежная форма стоимости есть особенное с точки зрения всеобщей формы, но «общие положения» последней далеко не целиком применимы к этому «новому субъекту»; и наоборот, денежная форма, будучи спецификацией всеобщей, несет с собою ряд закономерностей, совершенно неизвестных всеобщей, напр., возможность превращения денег в капитал²⁾). Таким образом, Зигварт в полном согласии с Гильбертом признает, что из *A* нельзя вывести не-*A*, что дедукция по существу своему тавтологична. О схоластичности нечего и говорить, поскольку она резко выпирает из тезиса о «конструкции понятий».

Единственно, что является специфическим в обрисованной Зигвартом дедукции, — это то, что переход от общего к особенному понимается, по существу, как включение «нового субъекта» в общее положение. Это включение отнюдь не придумано Зигвартом, а известно со времени возникновения силлогизма

Все люди смертны.
Сократ — человек;
сл., Сократ — смертен.

Эта форма заключения (другие лишь усложняют ее) есть в своей меньшей посылке (Сократ — человек) только включение частного понятия (Сократ) в общее понятие (люди). И материализм, начиная с Фр. Бэкона, всегда совершенно правильно критиковал силлогизм за тавтологию, тожесловие, за отсутствие какого бы то ни было нового познания.

Теория дедукции такого рода в новейшее время развивалась Пеано и Ресселем под именем импликации. На нашей советской почве она выдается некоторыми механистами за правильное понимание марксистского метода.

В своей «Истории новой философии» цитированный уже нами А. Варьяш считает проблему импликации настолько важной, что посвящает ей особое «Положение» к главе о «Системе Спинозизма». При этом внимательный читатель сразу замечает, что дело идет собственно об отождествлении марксизма (ведь, по Плеханову, «марксизм есть род Спинозизма») с импликацией. Автор говорит: «...Мы должны отдать себе ясный отчет в смысле слова *involvit* («включает»). Этот

¹⁾ Логика, т. II, вып. I. Учение о методе, стр. 238, русск. изд. 1908 г. Курсив автора. — «Развитие понятий» понимается Зигвартом не в смысле диалектики.

²⁾ Мы напоминаем, что с точки зрения диалектики «всякое общее есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее» (Ленин — «К вопросу о диалектике»).

термин означает дедукцию или следование одного предложения из другого. Существуют различные эквивалентные формулировки, выражающие логическое отношение включения (импликации). Наиболее простая из этих формулировок гласит следующее: если p и q суть два предложения, тогда то обстоятельство, что из p следует q , выражается в такой форме: « p включает q ». Это выражение эквивалентно следующему: «либо p ложно, либо q истинно»¹⁾.

Прежде всего. Теория импликации может показаться тождественной марксизму в особенности потому, что в ней выведение есть лишь обратное включение: ведь и марксизм, скажут нам, признает выведение сложного из простого там и постольку, где и постольку, хотя бы в зародыше, в простом включены элементы сложного (Маркс потому может вывести всеобщую форму стоимости, что в зародыше она уже дана, «включена» в элементарной, простой форме. Равным образом, биолог может вывести из протистов сложные организмы только потому, что особенности последних уже «включены» в простейших формах).

Однако, еще Кант в своей «Логике»²⁾ раскритиковал импликацию. В параграфе о «Тавтологических положениях» он говорит: «Тождество понятий в аналитических суждениях может быть или выраженным (explicitum), или невыраженным (implicitum). В первом случае аналитические положения тавтологичны». В примечании он пишет: «Тавтологические положения виртуально (virtualiter) пусты или безрезультатны... Напротив, implicite идентичные положения не безрезультатны и не бесплодны, ибо предикат, находящийся в понятии субъекта в неразвитом состоянии (implicite), они делают ясным путем развития (explicatio)». Хотя словесно Кант будто бы соглашается с импликацией, как не тавтологическим положением, однако, фактически он ее критикует самым беспощадным образом, поскольку вскрывает ее подлинную сущность: ведь он сам говорит об «implicite идентичных (тождественных) положениях», а их преимущество видит только в том, что здесь предикат не выражен и анализ лишь «делает ясным» то, что существует и так. Ясно само собой, что подобная импликация, если брать ее всерьез, совершенно не способна дать чего-нибудь нового и опять-таки ограничивается лишь схоластическим анализом понятий. Сам Кант в своих «Пролегоменах» писал: «Когда я говорю: все тела протяженны, я несколько не расширяю своего понятия о теле, а только разлагаю его, так как протяженность была в действительности мыслима об этом понятии еще прежде суждения, хотя и не была ясно высказана»³⁾. Марксистский метод «выведения» не имеет

¹⁾ Кстати сказать, о схоластичности именно этих импликаций говорил Рессель, столь авторитетный в подобных вопросах: «Аристотелевская доктрина схоластиков ближе по своему духу к доктринам, одухотворяющим современную математику». Цит. статья, стр. 103.

²⁾ Русское издание в „Трудах Петроградского Философского общества“, выпуск XI, перевод И. К. Маркова. П. 1915 г., стр. 103 и сл.

³⁾ „Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки“. Пер. Вл. Соловьева, 3 русск. изд., М. 1905 г., стр. 17.

с этой тавтологией ничего общего. Марксизм не ограничивается простым высказыванием того, что не выражено (implicite) существует в известном положении, он не сводится к простой explicatio. Конечно, при исследовании форм стоимости теория всеобщей формы стоимости должна словесно выразить и то, что в зародыше находилось в исторически и логически первичной форме. Однако, если для Канта, как и следующих за ним новейших дедуктивистов, выведение есть лишь explicatio, словесное выражение того, что полностью существовало и прежде,—иными словами тавтология, то для диалектики марксизма это есть выведение сложного из его зародышей, утверждение чего-то нового и потому не тавтологического. На анализе форм стоимости Маркс показывает это самым блестящим образом.

Возвратимся, однако, к новейшей теории импликации. А. Варьяш в свое время видел ее достоинство как раз в том, что «выведенные положения будут содержать в своих предикатах больше, чем было заключено в предпосылках»¹⁾. Однако, один из авторов теории импликации говорит совершенно противоположное. Рессель в своем «Einführung in die mathematische Philosophie» пишет: предложения логики «имеют все одно характерное свойство, которое мы прежде кратко назвали «тавтологией». Это свойство... дает определение логики или чистой математики»²⁾. Аналогичное говорит и известный популяризатор ресселевской логики, Л. Кутюра, в работе «Философские принципы математики»: «Для определения понятия он (Рессель. К. М.) прибегает к принципу тождества». И дальше: «Логическое равенство определяемого и определяющего дает право подставлять их всюду одно на место другого, будь то для того, чтобы «объяснить» определяемое, т.-е. развернуть и выявить его содержание и доказать его свойства,—подстановкой на место него определяющего; будь то, наоборот, для того, чтобы—при переходе к более сложным понятиям и определениям—сделать сжатым выражение определяющего, заменяя его определяемым»³⁾. Ясно само собой, что подобная «подстановка» действительно возможна лишь в тавтологии, в марксистском же выведении она совершенно не применима. Подставлять можно только равное, а что же получится, если на место «определяемого», всеобщей формы стоимости, мы подставим «определяющее»—ее простую форму? Получится и отказ от основ марксистской методологии и отказ от принципиальных положений политической экономии. Очевидно, этого хотят А. Варьяш и с ним механисты, когда производят замену диалектического метода теорией импликации.

Все эти авторитетные в глазах импликатора свидетельства говорят об одном,—о тавтологичности так понятой дедукции. Иначе и быть не может. Предложение q может быть выведено из предло-

¹⁾ „Формальная и диалектическая логика“. Под Знам. Марксизма, № 6—7, 1923 г., стр. 217.

²⁾ „Drei Masken“ Verlag. München, 1923. S. 207.

³⁾ Русское издание, 1913 г., стр. 17 и 35. Курсив автора.

жения *p*. Это возможно потому и только потому, что *q* уже заранее включено в *p*. Например, если пользоваться обычными примерами логиков, мы строим силлогизм относительно смертности Сократа. Дает ли нам этот силлогизм что-нибудь новое, прежде неизвестное? Конечно, нет, и мы не выходим за границы тавтологии. Дело в том, что средний термин «человек» есть лишь часть общего понятия «все люди», и, как таковой, он включен уже заранее в последнее. Наше познание при таком методе обогащается только тем, что мы «*explicité*» выразили то, что было невыраженным. Попробуйте применить это к дедукции Марксом форм стоимости и вы увидите, насколько далека от марксизма подобная постановка вопроса. Сложное тем именно и отличается от простого, что оно ему не тождественно.

Могут сказать, что кроме попытки А. Варьяша марксизм никогда не знал подобной подмены диалектического выведения схоластической игрой в тождественные понятия. Однако нетрудно видеть, что наш автор только «*explicité*» выразил в своих логических писаниях то, чем фактически пользовались в своих выведениях некоторые «марксисты». Таковым, в первую очередь, является упоминавшийся уже нами В. Шулятиков. Если для марксизма производственные отношения, как сущность общественной жизни, более «просты»¹⁾, чем выражающая их идеологическая надстройка, Шулятиков считает то и другое тождественным. Отсюда тот вывод, что философия, например, просто копирует данные производственные отношения и имеет своей целью «оправдать» существующий порядок вещей. Это достаточно отчетливо проявляется хотя бы в следующих выдержках: «Бог Лейбница—собственный образцово поставленного предпринятия и сам превосходный организатор». «Если философия Спинозы есть апофеоз поглощения производителей мануфактурным капиталом, то философия Лейбница—апофеоз организационного строительства мануфактуристов. Лейбницева мир—это грандиозная мастерская с сложнейшей иерархией рабочих подчиненных организаторов»²⁾.

Выведение той или иной надстройки из общественных отношений есть, по выражению Маркса, «единственно материалистический, а следовательно, научный метод». Но никто из марксистов никогда не говорил, что такое выведение должно упрощать существующие отношения. Шулятиков же сам говорит: «Мы берем лишь основные моменты истории философии, лишь наиболее яркие примеры, а при рассмотрении отдельных систем останавливаемся на их общих предпосылках, избегая деталей, которые... в очерках, подобных нашему, играют роль излишнего балласта» (стр. 9—10, курсив мой. *К. М.*). И это не для популярности и простоты изложения. Это обусловлено самим пониманием выведения, не любящего «излишнего балласта». Если бы автор попытался произвести анализ той или иной философской системы, следуя Марксу, он, несомненно,

¹⁾ Как было раньше показано, нельзя забывать, что с точки зрения диалектического материализма „простое“ просто лишь относительно, лишь в связи с другим, более сложным.

²⁾ „Оправдание капитализма“ и т. д., стр. 45.

должен был бы, во-первых, взять последнюю во всей ее конкретности и своеобразии, а во-вторых, отнюдь не забывать тех посредствующих звеньев социальной жизни, которые «стоят» между производственными отношениями и идеологией и в свою очередь, по-своему, определяют ее. Всякое иное решение этого вопроса есть утверждение тождества, тавтологии, есть механистски-упрощенческий ответ на проблему.

Было бы глубочайшей ошибкой думать, что в данном случае Шулятиков одинок. Он не только высказывает здесь мысли своего учителя—А. Богданова¹⁾, но и отражает ту методологию, которой постоянно пользовался и пользуется так называемый марксизм—упрощенный, опошленный и извращенный марксизм оппортунистов. Важнейшим символом веры последних является то, что социализм приходит лишь тогда, когда в недрах капитализма он полностью и целиком уже подготовлен. *P* имплицитует *Q*, и задача партии в таких условиях состоит лишь в том, чтобы «*explicité*» выразить и осуществить то, что «*implicité*» уже целиком имеется, но не выражено, не выявлено²⁾. Ведь недаром же проблемой перехода к социализму оппортунисты всерьез никогда не занимались: придет время, думали они, и мы сразу окажемся в социалистическом раю! И недаром, наоборот, проблема перехода, переходного периода (диктатуры пролетариата) является важнейшей в революционном марксизме, в ленинизме. Ленинский вопрос «кто кого?», как выражение основного содержания целой эпохи, прекрасно обоснован всей марксистской методологией. Это означает, что капитализм носит в себе лишь зародыши социализма. Это означает, далее, что развернутый социализм отнюдь не тождественен этим зародышам. Это означает, затем, что построение социализма есть более или менее длительный процесс «опосредствования» началами социалистическими начал ему чуждых, есть процесс воспитания, переделки, преобразования. И тем самым революционно-марксистская методология действительно является руководством для действия. Механическое же миропонимание, как смазывающее самую проблему выведения развернутой формы из ее зародышей, не отражает сложной действительности и не может служить поэтому теорией, руководящей нашей революционно-критической и преобразующей практикой. Если оно и может чем-нибудь руководить, то только практикой социал-демократа и впадающих в социал-демократизм теоретиков. Одним из последних образцов этого является «марксист» Оссовский, который из тезиса о «разнообразии» нашей экономики вводит необходимость существования двух или нескольких политических партий³⁾. Когда он трактует о тщетности сохранения «формального» единства, то по существу он говорит ведь о том, что

¹⁾ См. Богданов—„Из психологии общества“, СПб 1904 г., статья „Авторитарное мышление“, также—А. Богданов и И. Степанов—„Курс политической экономии“, ГИЗ, М. 1919 г. гл. об идеологии.

²⁾ См., напр., брошюру Атлантикуса „Государство будущего“, основная мысль которой состоит в том, что социализм уже полностью существует в капитализме, и только злые капиталисты мешают его освобождению от скорлупы старого общества.

³⁾ См. „Партия перед XIV съездом“, Большевик, 1926 г. № 14.

партия должна «*explicite*» выразить и признать то, что «*implicite*», по его мнению, существует в нашей экономике. Только и всего.

Так механическое миропонимание, решая сложную проблему выведения,падает при анализе общественной жизни в социал-демократизм, методологически обосновывает его¹⁾. Вот почему должен бороться с ним революционный марксист, показывая всю его неправоту и ошибочность, все извращения нашей методологии.

IV. Об эклектизме механического миропонимания

Одно из решений проблемы выведения механистами сводится, как мы видели, к простому тожесловию, тавтологии. И это полностью вытекает из той формальной, антидиалектической методологии, на почве которой стоит, и не может не стоять, механическое миропонимание.

Однако, поскольку тавтологизм может считаться добродетелью лишь весьма немногими и поскольку качественное отличие сложного от простого настойчиво навязывается даже упрощающему действительность механисту, — постольку он вынуждается к иному методу выведения. Этот последний, при незнании диалектики, становится по существу эклектическим, и потому выведение имеет здесь место лишь по видимости. Что дело обстоит именно так, мы покажем на рассмотрении ряда механических систем.

Для нас должна быть несомненной полная правота энгельсовского разграничения материализма и идеализма, различно решающих один и тот же вопрос о соотношении материи и сознания. Однако это положение значительно более глубоко, чем обычно его понимают. Можно сказать, что философия, как теория и методология познания, вообще ставит перед собой лишь одну задачу — задачу познания противоположностей, постоянно встречающихся в действительности. Материя и дух (сознание), сущность и явление, субъект и объект, абсолютное и относительное, количество и качество, и т. д. и т. п. — то или иное решение всех этих вопросов и составляло всегда основную проблему философии²⁾. Тем самым последняя отражала диалектику действительности, вырастала из нее.

Та же задача, взятая в иной и более конкретной постановке, есть, по существу, задача сведения противоположностей к их единству и выведения их одна из другой. Когда поставлен этот вопрос — к чему сводить и из чего выводить и как сводить и выводить — тогда именно начинается вражда разных систем; именно отсюда, в конечном счете — они теоретически и возникают.

¹⁾ См. — Денин „О нашей революции“ (сочинения, т. XVIII, ч. II, стр. 109 и сл.). Эта статья имеет самое близкое касательство к нашей теме. Ведь Сухановы в своем отрицании социалистического характера нашей революции стоят именно на имплицитной, механической точке зрения: раз производительные силы „не готовы“, то не может быть и социализма.

²⁾ См. А. Деборин — „Философия и марксизм“, ГИЗ, 1926 г., статья „Маркс и Гегель“, стр. 296 и сл.

История мысли дала несколько типов подобных решений. Материализм вообще тем отличается от различных видов идеализма, что важнейший вопрос о противоположности материи и духа решает в смысле первичности материи и производности, вторичности духа, из материи выводит материализм дух, тогда как идеализм поступает наоборот — из духа выводит материю. Промежуточные школы как раз потому и являются промежуточными, что, останавливаясь не на самой сущности вопроса, а на том или ином частном его выражении, особенно заостряют одну сторону дела, не видя или борясь против другой. Так эмпиризм, беря из вышеперечисленных парных категорий лишь одну — релятивное в ущерб абсолютному, субъекта в ущерб объекту, качество — количеству, явление — сущности и т. д., — впадает в грубое и плоское извращение действительности и человеческого познания. Отсюда произрастают субъективизм, психологизм, релятивизм, феноменализм и всякие прочие старые и новые «измы». Сосредоточивая свое внимание на другом ряде противоположностей, метафизика всех родов и видов знает лишь объект в ущерб субъекту, абсолютное — относительному, количество — качеству, сущность — явлению. Раз дело обстоит так, что эмпиризм вырастает из одного, а метафизика из другого ряда противоположностей, то может показаться, что они непримиримы друг с другом, что они исключают один другого. Между тем, сколько-нибудь внимательное их рассмотрение показывает, что при всей их противоположности в них есть нечто единое: и это последнее заключается в их односторонности, в их неумении связать эти парные категории в некотором высшем единстве, в неумении вывести их одна из другой. Ведь особенностью всех этих систем, примыкающих к названным направлениям, является как раз то, что одной своей стороной они смотрят на идеализм, другой на материализм. Нетрудно видеть, что вытекающие отсюда ошибки обоих направлений в конечном счете сводятся к игнорированию или непониманию единственно верной постановки вопроса (данной Энгельсом) относительно важнейшей проблемы философии. Взяв не проблему материи и сознания, а какое-нибудь внешнее ее выражение (одна из других пар категорий), мыслитель, естественно, не может добраться до существа вопроса. Это последнее обуславливает собою тот чрезвычайно интересный факт, что, начав с эмпиризма, философ обязательно впадает в метафизику, а начав с нее — в эмпиризм. Иными словами, — он эклектически соединяет в своей системе противоположные и, при данной постановке вопроса, взаимоисключающие тенденции. Так, напр., Беркли, начав с отрицания материи; как «метафизического» понятия или объекта, не данного нам в восприятии, в конце концов вынужден прийти от эмпиризма до господства бога, где его философия и заканчивается¹⁾. Такое соединение опытных данных со сверх и внеопытными возможно, конечно, только на основах самого бесшабашного эклектизма. И в этом из эмпириков

¹⁾ См. его „Трактат о началах человеческого знания“, изд. О. Н. Поповой, СПБ, 1905 г., специально о боге — стр. 91 и др.

повинен не один Беркли: Юм и Мах столь же эклектичны, когда, говоря о субъективности качеств (для Юма—впечатлений, а для Маха—«элементов»), они одновременно признают аподиктичность математики, чуть ли не по кантовски понимая этот вопрос¹⁾. Напротив, метафизик именно потому и причисляется к этой категории, что частное, данное нам в восприятии, гипостазировано во всеобщее, будь то Платон со своими идеями, Демокрит с атомами или кантианец с учением об априорных категориях рассудка.

Только тот, кто берет единственно верную постановку вопроса, постановку, отражающую как суть дела, так и различные формы ее проявления, способен дать методологически и научно-правильный на него ответ. Это делает только диалектический материализм. И это потому, что в нашей теории материализм столь же обуславливает диалектику, сколь диалектика материализм. Разделить их можно только в абстракции. Что определяет собою тот факт, что марксизм берет самое существо проблемы—соотношение материи и сознания, а все остальное—вопрос об объекте и субъекте, об абсолютном и относительном, абстрактном и конкретном, количестве и качестве и т. д. и т. п. рассматривает, как производное? Очевидно, то, что марксизм материалистичен и диалектичен одновременно. Забвение хоть одной стороны нашей методологии неизбежно приводит к идеализму, либо прямо (забвение материализма), либо окольными путями через преувеличение одного в ущерб другому, через забвение диалектической связи противоположностей, через забвение их единства.

Было бы величайшей ошибкой думать, что механическое миропонимание в какой бы то ни было мере избегает всех этих обвинений: сколько бы ни клялись его приверженцы стопроцентным материализмом, какого бы туману ни напускали они о «гегельянщине» своих противников, они целиком и полностью повинны во всех вышеуказанных недостатках.

Разберем это подробнее. Рассмотрение проблемы сведения и выведения дало нам достаточный для этого материал.

Механический материализм совершенно неслучайно называют метафизическим. Выставляя требование свести все к механике тождественных материальных частиц, механист повторяет метафизика с его предпочтением абсолютного относительному, количества качеству, сущности явлению, абстрактного конкретному и т. д. Сводя явления к сущности и нацело растворяя их в ней, механист впадает в метафизику абсолюта, чистого количества и пустых бессодержательных абстракций. Вот почему, как мы говорили выше, механическое

¹⁾ Юм—«Исследование о человеческом уме». 2 изд. 1916 г., стр. 67 и сл. Мах в «Анализе ощущений» (изд. II, 1908 г., стр. 280) говорит: «Количественные определения отличаются от качественных только тем, что первые относятся к непрерывному ряду однородных случаев. Поэтому весьма удобные для описания уравнения допустимы как будто только в очень ограниченных пределах. Однако можно надеяться, что постепенно удастся безгранично расширить эти пределы»... (Пользуясь случаем, чтобы указать, что требование механистов «развивать диалектические узлы», как видно из цитаты, мало отличается от надежд Маха. Это тоже свидетельствует об эклектизме наших механистов).

миропонимание в его чистом виде неспособно вывести относительно-абсолютного, явления из сущности, конкретного из абстрактного, качества из количества. Формально логическое тождество является в данных условиях лучшим, чего добивается механическая концепция.

История мысли показывает, однако, что существует и другой метод «выведения»—именно эклектизм.

У нас повелась дурная привычка считать, что Декарт, этот первый механист нового времени, лишь случайно обосновывал бытие господина бога, лишь случайно встал на дуалистическую точку зрения¹⁾. Договариваются даже до того, что он впадал в идеализм исключительно в виду своей сугубой боязни преследований. При этом обычно делается ссылка на влияние общественных отношений его времени, ссылка, которая перестает что-нибудь объяснять, если не вскрыты теоретические корни впадения в идеализм. На выяснение этих теоретических корней Декартова дуализма или эклектики мы и обратим свое внимание.

Тот, кто обосновывает идеализм Декарта, исходя от случайности или только от социальной обстановки (притом извращая ее влияние), по существу стоит на той позиции, что единственно механическое понимание предохраняет от идеализма и теологии²⁾. К сожалению, несмотря на всю свою распространенность, это положение является сильнейшей передержкой: механическое понимание не только не предохраняет от этого, но как раз наоборот—очень часто оно дает место идеализму, а следовательно и господу богу,

Декарт совершенно правильно видит свою задачу не только в том, чтобы свести все многообразие мира к его единству, но и в том, чтобы вывести первое из последнего. В третьей части «Начал философии» он пишет: «Нами найдены некоторые начала материального мира... Теперь должно сделать попытку из одних этих начал объяснить все феномены природы»³⁾. К чему же он приходит? Не изменяет ли он своему материализму, и если да, то почему это происходит? Правильно будет сказать, что это выведение «всех феноменов природы» Декарту не удалось и не могло удасться, поскольку он оставался на основах механической концепции. В первую очередь это сказало на знаменитом *cogito, ergo sum*, на выведении своего существования из факта мышления, начала материального из идеального. Однако, поскольку текстуально эту

¹⁾ В отношении новейших механистов так же думает А. К. Тимирязев, как это видно из его предисловия к в. 1, ч. I, «Философия науки», ГИЗ, 1923 г. По поводу Гельмгольца, например, автор указывает на полную случайность его кантианства в вопросах познания (символизм ощущений, стр. 6—8).

²⁾ Л. И. Аксельрод-Ортодокс, напр., говорит, что «безусловное признание принципа механической (курсив мой. К. М.) причинности является душой материализма» («Философские очерки», изд. 1906 г., стр. 72).

³⁾ Сочинения, т. I, стр. 68 (курсив мой). В дальнейшем цитируется та же работа.

зависимость здесь проследить не легко, постольку мы можем обратиться к другим вопросам его системы¹⁾.

Касаясь вопроса о качествах, Декарт пишет: «Можно показать, что и цвет, и все подобного рода качества, ощущаемые в телесной материи, могут быть изъяты из последней, в то время как она остается в целости. Отсюда следует, что ее природа не зависит ни от одного из указанных свойств» (стр. 41, § 4). И дальше: «Мы отлично понимаем, что благодаря различиям в величине, фигуре и движении частиц одного тела возникают различные местные движения в другом теле; но мы никак не можем понять, как от них (именно от величины, фигуры и движения) возникает нечто иное, совершенно отличное от их природы, каковы те субстанциальные формы и реальные качества, которые многими предполагаются в вещах» (стр. 97, § 198). И наконец: «Исключая величину, фигуру и движение... мы не примем за присущее внешнему миру ничего такого, как свет, теплота, запах, вкус, звук, вообще чувственные качества» (стр. 97, § 199). Что это такое? Это исстари известно в философии под наименованием субъективизма, могущего, конечно, вытекать из эмпирических предпосылок, но являющегося рафинированным видом идеализма. Разве Кант не подписался бы под этим? Разве Юм, только и доказывающий, что впечатления вкуса, звука и т. д. ничего не соответствует в природе, не приложил бы здесь своей печати, а вслед за Юмом Мах и Богданов? Ведь недаром же Декарт — механист! — говорит о возможности изъятия качеств из материи, и она останется «в целости». Ведь недаром же он вслед за второй приведенной нами выдержкой говорит о «природе нашей души», этим предвосхищая самый доподлинный эмпиризм. Механическое миропонимание тем и характеризуется, что отвергает качества и потому при столкновении с этой проблемой неизбежно впадает в субъективизм. Материя бескачественна. Качество — субъективно. Что может это означать иное, как не пошлый эклектизм, неуменье правильно отразить действительность, извращение диалектической связи этих двух противоположностей? Диалектический материализм обвиняют часто в чистой качественности. Но так может делать только механист, неспособный понять диалектики. Если кто из марксистов подчеркивает качественный момент в противовес количественному, так это может происходить лишь в интересах обращения внимания и на эту важную категорию. Диалектический материализм тем именно и отличается от механического миропонимания, что, отражая действительность, он берет синтез количества и качества — меру. Это прекрасно видно, например, на Марксовом понимании стоимости.

¹⁾ Мы заранее оговариваемся, что все дальнейшие соображения относительно эклектики классиков механического материализма имеют целью вскрыть лишь одну сторону их мировоззрения и не затрагивают их материалистических взглядов в целом. У наших современных механистов, живущих в эпоху диалектического материализма, эта сторона может стать сущностью их концепций, если они будут отвергать диалектику и теперь, при новейших достижениях науки, заменят ее механикой.

Богданов, на которого мы уже указывали, в своей теории стоимости, как категории логической, а не исторической, извращает в данном случае марксизм тем, что совершенно забывает социально-качественную ее сторону¹⁾. Между тем, Маркс подвергает стоимости и качественному и количественному анализу, так как сама она есть синтез этих двух моментов. В своей качественной форме она есть общественное отношение товарного общества, а не какого-нибудь другого. При анализе эта качественность снимается, так как все исследование посвящено анализу товарного общества и последнее «витаает в нашем представлении, как предпосылка» («Введение»).

Если же разбирать вопрос о таких качествах, как цвет, звук и т. д., то надо сказать, что и здесь научное понимание отражено не в механической концепции, а опять-таки в диалектическом материализме. Цвет, звук и т. п. не только субъективны, но и не только объективны: они объективно-субъективны. Это означает следующее. Они субъективны в том смысле, что, не будь в природе существ с такими органами восприятия, как глаз и ухо, семь цветов спектра и различные их соединения, с одной стороны, и звуки различного тембра, с другой, были бы совершенно неизвестны: сколько вы ни объясняете слепому и глухому от рождения, что такое красный цвет или какой-нибудь мотив, он этого не сумеет понять. Может быть, когда-нибудь наука изобретет какое-нибудь электрическое зрение или подобный же слух, однако, это будет только замещать действительное восприятие цветов и звуков. Ведь эти и подобные им качества не только субъективны, но и объективны. И это надо разобрать подробнее, так как именно здесь наговорено больше всего всякой механической путаницы.

Утверждение чистого субъективизма качеств находится в таком разительном противоречии с основными посылками материализма, что даже Декарт считает нужным поправить себя и поэтому говорит: «Все именуемое нами во внешних объектах светом, цветом... есть не что иное, как различные расположения объектов, вызывающие различные движения наших нервов» (стр. 97, § 198). Современный механист, считающий себя ушедшим далеко вперед по сравнению с Декартом, в особенности по сравнению с его откровенно-субъективистской формулировкой (см. выше), фактически принимает, конечно, только что процитированную мысль. Обвинять нас, механических материалистов, в субъективизме?! — Не может быть ничего более надуманного и неверного, — скажет он нам. Ведь я как раз за то и борюсь, что впечатления цвета, звука и т. п. вызываются у нас некоторыми объективными процессами. Если угодно, я также признаю «объективность» качеств. — Наша задача в связи с этим будет заключаться в том, чтобы показать, что эклектизм преследует механиста и здесь, что об объективности он может говорить, либо бессознательно греша против смысла научных терминов, либо сознательно затемняя вопрос.

¹⁾ Кстати, это интересный пример того, как эмпирик становится метафизиком в решении отдельных вопросов.

Физика учит, что свет и звук представляют из себя известного рода колебания материальных частиц. Однако только механист с его упрощением действительности может истолковать это в свою пользу. Наука, к его сожалению, по необходимости диалектична. Мы подтверждали бы механическое миропонимание лишь постольку, поскольку решились бы утверждать, что в природе этих колебаний не заложено ничего, что отличало бы их друг от друга, — поскольку мы, следовательно, сказали бы, что спецификация света и звука производится исключительно нашими органами чувств. Но при таком условии мы поистине впадаем в область некоей предустановленной гармонии. Ее основной тезис в применении к данной проблеме трактовал бы в той или иной форме следующее: так как световые и звуковые колебания тождественны и спецификация происходит за счет субъекта, то кто-то заранее определил, что часть этих колебаний будет восприниматься глазом (и там перерабатываться в свет), а другая — ухом, с последующей переработкой в звук. Теория же предустановленной гармонии, как известно, приводит прямехонько к господу-богу. Поэтому для всякого материалиста ясно, что это не является решением вопроса. Вот почему необходимо встать на точку зрения диалектико-материалистического понимания: только оно, правильно отражая действительность, и объясняет эти явления, не давая возможности впадать в эклектизм. Именно потому, что эти волновые колебания отличаются друг от друга качественно, потому, что они объективно специфичны, они воспринимаются нами, как качественно различные — свет и звук. Эти последние, действительно, объективно-субъективны ¹⁾.

Механическое решение этого и ряда других вопросов стоит, несомненно, в тесной связи с проблемой выведения качества из количества, или, в обычной формулировке, с проблемой перехода количества в качество. Если в данном случае механист избегает тавтологии, то он решает эту проблему эклектически, на деле отказываясь от материализма и переходя к субъективистскому эмпиризму. Основная его ошибка заключается в игнорировании самой сущности вопроса, именно — перехода от одного к другому. Качество, говорит он, есть только своеобразное и вовсе не обязательное отражение в наших восприятиях объективных количественных отношений. Нетрудно понять, что здесь, прежде всего, ликвидируется сама проблема о переходе количества в качество: ведь последнее есть лишь иллюзорное представление о новом количестве. Если же механист хочет взять вопрос о переходе всерьез, то, не изменяя себе, он вынужден признать, что качество внезапно и неизвестно откуда появляется, как бы вызванное к жизни какой-то внешней силой, в пределе — богом.

¹⁾ Новейшие данные физики, устанавливающие электромагнитную природу света, можно сказать, еще в большей степени укрепляют диалектику с ее учением о единстве количества и качества, сущности и явления и т. п. См., напр., Милликэн — „Электрон“, ГИЗ, г. л. „Природа лучистой энергии“; „Новые соотношения, открытые в области изучения, толкают нас... к теории, которая... опрокидывает установленный в физике порядок вещей“, стр. 188.

Только диалектическое учение о переходах, о том, что количественное накопление повышает или понижает интенсивность реально существующих качеств и тем порождает новые, только оно способно предохранить от эклектического извращения действительности.

И эту эклектику в том или ином конкретном ее применении мы замечаем при рассмотрении ряда других важнейших проблем.

Тот же Декарт, видя невозможность вывести все многообразие материального мира при пользовании основными предпосылками механического мировоззрения, прибежал к довольно своеобразному решению вопроса. И мы увидим, что эта «своеобразность» неизбежна для механиста, если он, убоявшись субъективизма качеств, захочет действительно вывести их из единой материи. Мы говорим о той проблеме, которую в дальнейшем обсуждал Д. Дидро, как вопрос о гомогенности или гетерогенности материи ¹⁾. Декарт вынужден был — и в этом его своеобразность, как механиста — постулировать три рода материи. (см. стр. 75, § 52 «Начал»). Это требование находится, конечно, в самом кричащем противоречии с механическим миропониманием. Одновременно это демонстрирует чисто эклектическое соединение категорий количества — качества, сущности — явления и единства — многообразия (или тождества — различия). Заниматься дефиницией отдельных родов материи значит, равным образом, заниматься схоластикой. Материя столь же гомогенна, сколь и гетерогенна. Современная электрическая теория материи доказывает, что последняя едина, и всякие разговоры об отдельных ее видах принадлежат, конечно, к рецидивам схоластики. В этом смысле материя гомогенна. Но мы впали бы в антиисторизм — чего как раз и не понимает механическая концепция, — если бы не видели, что эта гомогенность дополняется и развивается в том, что несколько неверно отражается в термине «гетерогенность». Если механист вынужден в критических случаях прибегать к теории гетерогенности (к теории различных родов материи, или к делению ее на первичную и последующие), то научно-диалектическое понимание видит в этом лишь историческое развитие материи, развитие, порождающее все те качества, которые открываются исследователю в прогрессе знания. Таким образом, вопрос о гомогенности и гетерогенности, как и все в природе, решается исторически, а эти два противоположных понятия, более или менее правильно выражающие действительность, объединяются в понятии истории развития материального мира.

Пойдем дальше. Не составив никакого открытия подчеркивание того известного факта, что почти все великие механисты так или иначе допускали бытие господ-бога, или иначе — некоторого идеального начала. Декарт, Ньютон, Лейбниц, французские материалисты XVIII века и ряд других принадлежали именно к этой категории. Это общеизвестно. Однако, мы как-то просматриваем то, что это — отнюдь не наносное явление, извне навязанное механистам, а что эта «странная» идеали-

¹⁾ Избранные сочинения, т. I, ИМЭ, ГИЗ, 1925 г., стр. 129 и сл., статья „Философские принципы материи и движения“.

стичность и теологичность органически связана с основными принципами механического понимания, неизбежно вытекает из них.

Начнем рассмотрение этого вопроса с Декарта. Как механист, он совершенно прав, когда высказывает такую мысль: «Раз эта часть материи покоится, мы не думаем, что она когда-либо начнет двигаться, если только не окажется какой-нибудь извне побуждающей ее причины. Не больше оснований полагать, что раз она движется, то добровольно и не побуждаемая ничем иным прекратит свое движение» (стр. 56). Здесь Декарт выражает то основное положение механического миропонимания, взятого в его чистом виде, что для начала движения или его прекращения необходимы внешние причины: частица сама по себе способна либо сохранять раз полученное движение, либо бесконечно пребывать в покое. Поэтому Декарт вполне последователен, когда, разбирая вопрос об общих причинах движения в мире, как целом, усматривает ее в боге. «Что касается общей причины,—говорит он (стр. 55, § 36),—то, мне кажется, ясно, что она — не что иное, как сам бог». Механист, защищая Декарта и свое мировоззрение, будет, конечно, склонен разбирать все это либо как бессознательную уступку традиции, либо как сознательное оболочивание своего материализма теологической оболочкой,—вообще говоря, как нечто случайное. Однако перенесение механики на всю мировую систему неизбежно приводит к господу-богу. Когда механист признает, что сейчас движение не отделимо от материи, то тут остается еще место для вопроса, откуда же взялось это самое движение во всей системе мира? Но с точки зрения механиста мир есть нечто в роде громадной машины, часового механизма, который нуждается в заводе, в первом толчке. Именно эту мысль, совершенно последовательно с своей точки зрения и выразили Ньютон и Лейбниц. Ньютону, как известно, понадобился первый толчок, чтобы машина мира пришла в движение. Этот толчок дал бог, устранившийся затем от руководства миром. Можно, конечно, сколько угодно иронизировать касательно такого бога, действие которого понадобилось всего-навсего только один раз: такая ирония будет правильна и хорошо обоснована. Однако нельзя же все-таки не замечать, что бог призван к этому своему удействию не кем иным, как механическим миропониманием. Еще лучше это было выражено Лейбницем, который называл мир «часовым механизмом бога» (*horologium dei*¹⁾). И нам вряд ли стоит еще раз подчеркивать имеющийся здесь эклектизм.

¹⁾ В наше время некоторые „марксисты“ пытаются обосновать свою приверженность к механическому пониманию, примерно, такими аргументами. Буржуазная наука под именем „механизма“ всегда понимает материализм. А так как мы материалисты, то, след., и механисты. Эти т.т., очевидно, с удивлением узнают всем известный факт из истории философии, что Лейбниц был сплошным идеалистом, хотя и исповедывал механическое миропонимание (монады—психические атомы). К этой же категории относятся и наследник Лейбница Б. Рессель с его „логическим атомизмом“. Поэтому правильно будет говорить, вопреки традиции, не только о механическом материализме, но и о механическом идеализме, как ни кажется неестественным это последнее словосочетание. Означенным же товарищам надо настойчиво порекомендовать

Только диалектико-материалистическое понимание способно в данном случае уберечь мыслителя от эклектизма, неизбежно вытекающего из расширения механической концепции за узкие пределы собственно механики. В полном согласии с достижениями современной теории электромагнитного строения материи, предвосхищая эту теорию во всех своих основных принципах, диалектический материализм признает движение (энергию) основным и неотделимым атрибутом материи: как нет материи без движения, так нет и движения без материи. Формально как бы тождественный в этом отношении французскому материализму XVIII в., марксизм понимает единство материи и движения не в смысле функциональной зависимости второго от первой, так как здесь, в таком утверждении, остается лазейка для дуализма и, следовательно, идеалистического понимания причин движения.

Диалектический материализм, предвосхищая современную науку, отнюдь не видит своей задачи в том, чтобы упереться в характеристику материи, как протяженности. Надо совершенно не отдавать себе отчета, почему Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» так подчеркивает, что «единственное свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания¹⁾, надо, повторяем, абсолютно не понимать этого, чтобы везде и всюду совать протяженность и непроницаемость. Ведь именно при этой последней постановке вопроса и вытекает неизбежно тезис о функциональности движения, о его несущественности для материи. При единственно научной концепции Ленина тот факт, что «материю удастся свести к электричеству» (там же, стр. 217), ни в коей мере не уничтожает материализма, а подтверждает его в тысячный раз. Этой диалектики, конечно, не может понять механист, все время толкующий о протяженности, как единственном атрибуте материи. При этом движение для механиста возникает неизвестно откуда и является для материи внешним. Он впадает в эклектизм даже в этом пункте²⁾.

И нетрудно видеть, что только при марксистской постановке вопроса сама собой отпадает, как уже решенная, проблема «первой причины» движения. Первой причины нет и не было. Современный физик, признающий диалектичность теории электромагнитного строения

прочтеть соответствующие страницы из ленинского „Материализма и эмпириокритицизма“, где он, отвергая отождествление механики с материализмом, критикует механическое миропонимание с точки зрения диалектического материализма.—В этой возможности быть одновременно и механистом и идеалистом заключается дополнительный пункт для критики механического миропонимания. Причину этого тождества взглядов мы выяснили выше, когда говорили о забвении Энгельсовского критерия для разграничения философских направлений.

¹⁾ Ленин, сочинения, т. X, стр. 218, курсив автора.

²⁾ Механист-марксист пытается обосноваться на известных словах Энгельса: „Нечего сказать о телах вне их движения“ (поэтому механист и выдвигает механику). Принимая же движение за функцию материи (протяженности?), он тем самым лишает себя возможности познать все конкретные формы движения и, сл., самую материю.

материи, будет очень удивлен, если ему зададут вопрос об этой первой причине: ее не может быть, раз признано диалектическое единство материи и движения. Но тут надо быть именно диалектичным. При механической же интерпретации данных по электрическому строению материи, ликвидируя эту теорию, неизбежно впадешь в дуализм материи и движения ¹⁾.

Может быть, еще отчетливее видна неизбежность эклектического решения многих вопросов механистами на примере французов XVIII в. Последние, за исключением Дидро, были, как известно, метафизическими, механическими материалистами. И вот некоторым современным «марксистам» весьма полезно обратить внимание не только на положительные стороны их материализма, но и на то отрицательное, что неизбежно вытекало из их общей концепции. Все это прекрасно вскрыл Плеханов в своих «Очерках по истории материализма» ²⁾: «Философы вращались в ложном кругу. С одной стороны, человек представлялся им, как продукт окружающей социальной среды... С другой стороны, источник всяких социальных неурядиц находится в «незнании яснейших начал политики». Социальная среда создается «общественным мнением», т. е. человеком» (68). Плеханов правильно называет это антиномией (69). Но ведь смысл этого понятия, установленного Кантом, в том именно и заключается, что противоположности не объединены или объединяются лишь по видимости. При этом «кажущееся решение антиномии есть попросту разрыв с материализмом» (72, курсив мой), столь широко прокламируемым с одного конца. Иными словами, это есть впадение в эклектизм. Плеханов, ища корни такого явления, совершенно верно усматривает их в метафизичности, механичности как основной концепции, так и всей методологии французов. Приводя выдержку из Гельвеция относительно механики и человеческих чувств, Плеханов спрашивает: «Но что же означает все это? Кучу противоречий, из которых одно более вопиюще, чем другое. Бесспорно! М е т а ф и з и к и часто становятся жертвами подобных противоречий. Противоречие себе на каждом шагу—их профессиональная болезнь, единственное средство для них примирять свое «или—или» (90). Профессиональная болезнь эклектизма механистов—это сказано блестяще! Это попадает не в бровь, а в глаз каждому приверженцу механической концепции. Отличие современных последователей последней от великих представителей ее в прошлом весьма невелико: то, что в свое время было исторически обусловленным недостатком их, неспособных при современной им науке дойти до диалектики, то в наши времена возводится в добродетель вопреки всем достижениям науки. На чьей стороне выгода в этом различии, не так уж трудно понять даже механисту.

¹⁾ При своем появлении эта теория создала для незнакомых с диалектикой марксиста возможность говорить о дематериализации материи, об ее полном уничтожении.

²⁾ Сочинения. т. VIII. ИМЭ. ГИЗ, М.-П. 1923 г.— В выдержках курсив принадлежит автору.

Поскольку в связи с французским материализмом неизбежно ставится вопрос относительно вытекающих из него практических действий, постольку мы хотели бы посвятить этому несколько строк, хотя такие рассуждения не относятся непосредственно к теме данной главы. Плеханов прав, когда он отмечает, что «радикализм был для философов XVIII в. психологической невозможностью». «Мы уже знаем,—продолжает он,—какое было у них представление о народе. Другого и не могло быть, так как французский народ, подобно «материи» французских метафизиков, представлял мертвую и инертную массу. Оставалась, стало быть, лишь философствующая и либеральничая буржуазия» (61). В этих словах достаточно ясно вскрыто, что механический материализм не может быть руководством для революционного действия. В полном соответствии с оценкой материи, как чего-то инертного и мертвого, он вынуждает и в социально-политической области впадать в своеобразный эклектизм относительно массы и вождей, исполнителей и организаторов (что в наше время особенно резко сказалось в теории Богданова): действительные социальные процессы подменяются тогда «перистальтикой своего ума» (Маркс), на сцену выступают избранные, и они вершат дело. Этот упрек столь же относится к метафизическим материалистам XVIII в., сколь и ко многим современным нам «марксистам», забывшим диалектику ¹⁾. На ряде примеров, ставших известными в особенности за последнее время, эта неспособность механического миропонимания быть руководством для революционного действия может быть показана еще с большей ясностью.

Тот эклектизм, о котором мы все время говорим, был в свое время вполне отчетливо отмечен Энгельсом и Лениным и подвергнут критике. Энгельсовский «Анти-Дюринг», как известно, заострен именно на критике механического миропонимания Дюринга. И вот как рисует нам Энгельс натурфилософию последнего: «Натурфилософия Дюринга представила нам космогонию, исходным пунктом которой служит «само себе равное состояние материи», состояние, которое можно представить себе лишь посредством безнадежнейшей путаницы относительно взаимной связи между материей и движением; кроме того, такое состояние можно представить себе, лишь предположив существование внемирового личного бога, который один только может привести в движение это состояние» ²⁾. Механисты же как раз и говорят о «само себе равном состоянии материи», поскольку

¹⁾ Об этом, в применении к общественно-политической области, см. единственную в своем роде работу Вл. Сорина «Партия и оппозиция», ч. I, «Фракция левых коммунистов». Моск. Раб., М. 1924 г.

²⁾ «Анти-Дюринг», 1923 г., стр. 129. Курсив мой. Ср. также, стр. стр. 51—52 и 55—56. То же говорит Энгельс в отношении решения механистами частной проблемы необходимости и случайности: «С необходимостью этого рода (механической. К. М.) мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, вечным решенным божием, или, вместе с турками, кисмет, или же назовем необходимостью»—См. «Диалектика природы». Архив, т. II, стр. 193.

изымают из нее все и всякие качества, а движение понимают только как функцию.

Не менее отчетливо выражена эта мысль и у Ленина. Разбирая вопрос о двух теориях эволюции — узко-количественной и диалектической — Ленин пишет: «При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само» — движения»¹⁾. Комментарии здесь поистине излишни...

Поскольку целый ряд товарищей естественников никак не может убедиться в неправоте и неизбежном эклектизме своей механической концепции и поскольку все они субъективно самым решительным образом настроены, конечно, против бога и идеализма, постольку мы бы хотели подробнее разобрать путь, по которому современный механист, а не какой-нибудь Декарт, впадает в идеализм. Мы возьмем два разных случая из биологии и из физики.

Перед нами труд известного биолога Жака Лёба «Организм как целое». Редактор и автор предисловия квалифицируют Лёба как «последовательного механиста», чуть ли не как лучшего материалиста в биологии. Поверив на слово и учитывая, что механист Лёб стал почти знаменем наших биологов-«марксистов», признавая также всю важность проблемы происхождения жизни, мы ищем у Лёба ее материалистического решения. В главе о «Специфическом отличии живого вещества от мертвого», главе, которая, очевидно, должна, взяв самую суть вопроса, объяснить нам с точки зрения механической концепции происхождение жизни, автор пишет: «Идея о бессмертии соматических клеток, будучи обобщена, могла бы стать одной из виднейших основ полного физико-химического анализа жизненных явлений, так как лишь с ее помощью становится понятной долговечность организмов». И дальше: «Такая обобщенная идея бессмертия некоторых, а возможно и большинства, наших соматических клеток имеет некоторое отношение к проблеме происхождения жизни на нашей планете». Поэтому «для допущения вечности жизни необходимо рассмотреть только вопрос о перенесении зародышей с одной солнечной системы на другую» (26—27, курсив мой).

Прежде всего надо подчеркнуть, что это говорит отнюдь не виталист Дриш, а сознательный и «последовательный» механист, тот, кто субъективно борется против идеализма и витализма. Необходимо, конечно, полностью отвергнуть аргумент, который вслед за Аррениусом проблеме происхождения жизни подменяет проблемой перенесения живых клеток из мирового пространства к нам на землю: каждый поймет, что вопрос о происхождении жизни этим ни в коей мере не решается²⁾. Даже больше: если брать этот

¹⁾ «К вопросу о диалектике». Под Знам. Марксизма, № 5—6, 1925 г. стр. 15. Курсив автора.

²⁾ См. Шимкевич — «Биологические основы зоологии», М. О. Вольф, СПб.—М. 1907 г., стр. 3.

ответ всерьез, то, очевидно, специфичность жизни вообще не может быть познана ни физико-химическим анализом, ни каким другим. Все это понятно. Однако надо думать, что механист не отдает себе отчета, в какой эклектизм впадает он, когда утверждает вечность и бессмертие клеток. Одним таким утверждением он уничтожает ту самую проблему, ради которой механистом и изобретен весь физико-химический анализ жизни¹⁾: раз жизнь вечна, раз ее специфичность существует от века, то какую роль тут могут играть физика и химия? Непонятно. Не похоже ли это на «энтелехию» Дриша, против которой субъективно борются, — только энтелехию рафинированную, спроецированную куда-то в вечность? Не приходится ли здесь перейти к понятию бога, сотворившего, хотя бы и от вечности, «мертвую» материю рядом с «живой»? Мы еще раз, с новой точки зрения, видим, что прав был старик Тимирязев, когда говорил, что физико-химический метод в биологии может дать лишь понимание статики, историю же возникновения и развития дает метод исторический. Точно так же прав и А. М. Деборин с его утверждением, что витализм боится не механической концепции, а диалектики. Только диалектическая история развития учит тому, как из мертвой материи заождается живая, как развивается она и совершенствуется. Механическая же концепция вынуждает даже крупного ученого, ее исповедующего, к эклектическому соединению материализма и идеализма в биологии.

Однако Ж. Лёб не обязан, конечно, знать диалектического материализма, хотя это и принесло бы ему значительную пользу. Поэтому мы обратимся к биологу, сознательно принимающему марксизм. Мы имеем в виду Г. Боссэ и его книгу «Опыт пособия по биологии». Пользуясь в целях популяризации рабочим — будто бы рабочих не поймет по-настоящему! — отождествлением человеческого тела с «заводом без рабочих», автор показывает тем самым стремление быть последовательным механическим материалистом. Эти постоянно повторяемые в популярной литературе аналогии с заводом или машиной (см. также брошюру проф. Гремяцкого «Человек — машина», ГИЗ, 1926 г.) являются своего рода перлом механической концепции²⁾. Но так как при помощи механики ни объяснить

¹⁾ Стремление свести жизнь к простейшему свойственно и Маху, против которого, якобы, борется механист. «Действительное понимание всегда наступает лишь тогда, когда удается разложить комплекс на непосредственно связанные между собою части. Поэтому на своеобразии органического следует смотреть как на руководящие черты временного характера». — «Анализ ощущений». 2 изд. 1908 г., стр. 95.

²⁾ Сравнение человека с машиной кажется недоучившимся до марксизма сверхматериалистическим. Однако простое, при том ухудшенное, копирование Декарта и Ламетри в условиях современных достижений наук по меньшей мере наивно. При этом нельзя забывать, что кроме названных материалистов, первые выдвинувших этот тезис, его полностью принимал и идеалист Лейбниц. Так, в § 64 своей «монадологии», он писал, что «всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные». Это бесконечное превосходство Лейбниц объяснял от бога. См. «Избранные философские сочинения». М. 1903 г., стр. 356.

жизни тела, ни облегчить понимание вопроса нельзя, то Г. Босса с самого же начала вынужден заявить о коренных различиях завода и человеческого организма. Эти различия он усматривает в необходимости управлять заводом, — «тело же наше живет и работает без всякого управления, само собою» (4). Тот же мотив звучит и в другом положении автора: «В размножении своем, — говорит он, — тело человека не имеет никакого сходства с заводом» (162, курсив автора). Однако аналогия с заводом и машиной проведена, и это обязывает нас взять ее всерьез. Предохранил ли себя автор от идеализма? Конечно, нет! Это сказывается в первую очередь в вопросе об «управлении». Заводы без рабочих, как известно, не «живут». Следовательно, либо человеческое тело есть только инертная машина, либо необходимо нечто внешнее, какие-то «рабочие» (рабочие ведь внешняя сила по отношению к механизмам), которые бы «управляли» телом. Вряд ли Г. Дриш с его энтелехиями особенно сильно протестовал бы против такой концепции, живи он в советских условиях, с их непризнанием откровенного идеализма и «рабочелюбием» некоторых профессоров!

Правильно говорил когда-то Плеханов, что тот, «кто с любовью и со вниманием пройдет ее (гегелевской диалектики. К. М.) суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклектического винегрета...¹⁾. Этих слов ни в коем случае забывать нельзя.

Основным требованием механистов, как мы знаем, является стремление свести все к тождественным материальным частицам, безразлично — понимаются ли под последними атомы, электроны или молекулы. При этом, неудовлетворенные существующими уже здесь достижениями, они требуют именно всеобщего и полного сведения. Сколько бы ни казалось это материалистическим, однако, при незнании диалектики это неизбежно ведет к идеализму. А так как механическая концепция как раз и характеризуется своей нелюбовью к диалектике, то перед нашими механистами стоит совершенно реальная опасность впасть в идеализм.

Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» пишет: «Понятно, что если какое-нибудь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь «тела» (т.-е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их, если бы формы движения были так же просты, как в механике»²⁾. И эту чрезвычайно глубокую, верную и целиком диалектическую мысль не поняли наши механисты.

Также стр. 325 и сл. — Лейбниц был откровеннее наших механистов и прямо признавал бога и энтелехию.

¹⁾ Сочинения, т. VII. ИМЭ, ГИЗ. 1923 г., стр. 39.

²⁾ Сочинения, т. X. стр. 242.

Никто не хочет, конечно, сказать, что при условии такого сведения материя действительно «исчезает», как говорили это физики-идеалисты. Однако, — и в этом суть — сплошное сведение к конечным единицам материи порождает теорию исчезновения материи, порождает идеалистический взгляд на нее. На самом деле. Сведем ли мы мир к атомам или электронам, поскольку мы напираем на их тождественность (равенство друг другу) и поскольку утверждаем, что «формы движения так же просты, как в механике», мы можем — а с точки зрения математики и обязаны — вынести эти тождественные частицы «за скобку», не принимать их во внимание при анализе. Это, конечно, дает преимущества в смысле чисто математической обработки уравнений физики. Но это одновременно превращается — или может превратиться, что безразлично — в «игру в цифирьки», над которой так издевался Ленин. Следующий шаг будет, несомненно, заключаться в том, чтобы вслед за Б. Ресселем называть эти частицы «логическими константами», или «психическими монадами» (Лейбниц), или, наконец, «элементами» мира. Во всех этих и подобных им случаях механический материалист скатится к идеализму.

Что среди наших «марксистов»-механистов уже начинается этот процесс, легко заметить на ряде фактов. Из них важнейший тот, что рессельянец и, следовательно, идеалист А. Варьяш идет вместе с механистами, как и они, требуя всеобщего и полного сведения, как и они, подменяя диалектическую методологию марксизма формально-логической силлогистикой.

V. Механический материализм и прогресс науки

Причины возрождения в наше время механического миропонимания сложны и многообразны, и сколько-нибудь подробное рассмотрение их завело бы нас слишком далеко. Однако одно обстоятельство настолько выпирает на первый план и имеет такую тесную связь с нашей темой, что его нельзя не отметить.

Механика и физика, близко стоящие к математике, импонируют обычно точностью своего анализа. В буржуазной науке это настолько истасканный аргумент в пользу данных наук, что его можно встретить буквально в каждой «философии естествознания». Социальные же науки, а отчасти и биологические, воспринимаются буржуазной мыслью либо как «наука о духе», где никакой точный анализ вообще неприменим, либо как те, которые для их наукообразности необходимо сделать «точными». Нет ничего удивительного, что такая басня пользуется успехом там, где диалектический материализм совершенно неизвестен. В обстановке же марксизма она звучит по меньшей мере странно. Тем не менее, очевидно, на этой или подобной точке зрения стоят наши механисты. Так, например, А. К. Тимирязев в своем курсе «Физики»¹⁾ пишет: «Хотя в довоенное время

¹⁾ Лекции, читанные в Ком. Ун-те им. М. Я. Свердлова, изд. Ун-та, М. 1925 г., стр. 5–6. Курсив мой.

экономисты умели предсказывать время наступления кризиса, хотя тов. Ленин предсказал, что империалистическая война должна привести к мировой революции, и это предсказание блестяще оправдывается, но, с другой стороны, указать с точностью, когда, в каком году за примером России последует Германия, Польша или Франция, мы при современном состоянии общественных наук не можем». Это несколько туманное «хотя» дальше разъясняется в таком смысле: «Знакомство с методом работы в точных науках, знакомство на простых примерах с тем, как в точных науках ставятся задачи и как их решение доводится до такой степени совершенства, что мы как бы (?) овладеваем явлением, предвидим его течение, предсказываем его наступление, вызываем его по своему желанию..., сообщает навыки, помогающие разбираться в сложных явлениях общественной жизни... Мы бы не сказали, что здесь вопрос поставлен со всей той ясностью, с какой ставит его Г. Боссэ в своей, цитированной уже нами, речи на дискуссии в НИТ'е. Однако тезис А. К. Тимирязева о «современном состоянии общественных наук». это «хотя», больше похожее на французское *mais*, которое означает, что «уши выше лба не растут», наконец, высокая «степень совершенства» «точных наук», позволяющая овладевать, предвидеть, предсказывать и даже вызывать, поставленная в противоположность сложности и запутанности общественной жизни, — все это, при всем субъективном уважении автора к Ленину и довоенным (?) «экономистам», свидетельствует лишь о том же, о чем говорил и Г. Боссэ. Последний же — мы решаемся утомить вторичным цитированием — сказал: «Теоретически и в конечном счете социальные явления также доступны не только качественному — социологическому — анализу, но и количественному — физико-химико-биологическому. Другое дело, сможем ли мы когда-нибудь, помимо гениального метода анализа социальных явлений, метода исторического материализма (курс мой, все остальное — автора. *К. М.*), выработать приложимый к их изучению метод физико-химико-биологический? Пока у нас нет никаких оснований для этой надежды. У нас не сделано ни одного шага в этом направлении». И дальше: «Но ведь прошлые неудачные подходы не доказывают принципиальной невозможности подведения количественного диалектико-материалистического (?) механического фундамента под социологию»¹⁾

Тут, поистине, нужны блестящее перо Плеханова и вся сила диалектического анализа Ленина, чтобы вскрыть ту буржуазную пошлость, которая лежит в основе этой и ей подобных концепций. Наша задача куда скромнее: указать только на то, что такое понимание дела, при фактической ликвидации марксизма в том виде, в каком он разработан Марксом и Лениным, является некритическим повторением буржуазной сказки о «неточности» общественных наук.

¹⁾ Сборник „Механистическое естествознание и диалектический материализм“, 1925 г. Вологда, стр. 63—64.

При этом, абсолютно безразлично, как расценивается выше отмеченная альтернатива: в смысле ли необходимости растворить общественные науки в «точных» методах естествознания или, же, наоборот, в смысле признания их «науками о духе».

Здесь возникает, собственно говоря, большой вопрос о соотношении между общественными и естественными науками. Однако мы на него сможем ответить в данной связи лишь частично, поскольку центр нашего внимания должна сейчас занимать, очевидно, проблема точности¹⁾. Энгельс, как известно, считает, что со времени Маркса «социализм стал наукой». Можно думать, что неправильное понимание именно этой мысли Энгельса и заставляет наших механистов подводить количественный фундамент под социальные науки. Ведь для них научное тождественно математическим выкладкам, а не научно все то, где не найдены еще соответствующие эталоны измерения, и где мысль, как они думают, вынуждена бродить в потемках. Поэтому весь прогресс знания им представляется идущим в сторону все большего и большего внедрения математики в отдельные области знания. Нетрудно видеть, что такое мнение возможно лишь постольку, поскольку для некоторых «марксистов» остался совершенно неизвестным диалектический метод исследования, вызванный к жизни не простой филиацией идей, но самой материальной диалектикой действительности.

Когда говорят об измерениях, как основном достижении научного знания, то это представляется совершенно материалистическим положением, чем-то вроде основной аксиомы материализма. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в этом тезисе, как и в вопросе о законе сохранения энергии, совершенно тонут основные различия между материализмом и идеализмом. Так, напр., Кант, который был и оставался идеалистом, писал в своих «Метафизических началах естествознания»²⁾: «Я утверждаю, что в каждой отдельной отрасли естествознания (*in jeder besonderen Naturlehre*) можно лишь настолько найти собственно науки, насколько там встречается математика»³⁾. И мы никого не удивим, если скажем,

¹⁾ Все же одно замечание, посягающее на характер литературной справки. Механист в решении данного вопроса пытается опереться на Ленина и использовать его в том смысле, будто бы он учил сводить диалектический материализм к естественно-научному, общественные науки к естественным. Ленин, как марксист, не мог, однако, думать иначе, чем это написано на стр. 301 его „Материализма и эмпириокритицизма“: „Пусть прочтет книгу Геккеля тот, кто хочет руками осязать эту неспособность (естественно-исторического материализма сладить с общественными вопросами), кто хочет проникнуться сознанием того, насколько необходимо расширить естественно-исторический материализм доисторического материализма, чтобы сделать его действительно непреодолимым оружием в великой освободительной борьбе человечества“. Как может механист ссылаться в данном случае на Ленина — это понятно лишь ему и никому другому.

²⁾ Куно Фишер правильно относит эту работу к „главным критическим сочинениям“, см. „Кант“, т. I, стр. 130 русск. изд. 1901 г.

³⁾ J. Kant. „Sämtliche Werke“, 7. Band. Kleinere Schriften zur Naturphilosophie, 2. Abteilung, 3. Aufl., Felix Meiner, Leipzig. 1922. S. 192. — Эту мысль Канта Л. И. Аксельрод-Ортодокс считает в своих „Философских очерках“ (стр. 52) „неоспоримой истиной“.

что и эмпирики Юм, Мах и Богданов, столь резко настроенные против материализма, также—в той или иной форме—признают этот тезис. Вот почему в частности он не может служить пробным камнем для определения научности.

Подробно разобрать вопрос о точности можно лучше всего, если сделать объектом рассмотрения математику. Ведь как раз она представляется взору исследователя чем-то вроде «обетованной страны» науки, той, где априори изгнан всякий произвол, где все подчинено самой строгой необходимости. Между тем, нет ничего наивнее подобного воззрения. Один факт того, что на ряду с геометрией Эвклида, основывающейся на аксиоме о параллельности (так наз. V постулат Эвклида), могут существовать и существуют две другие—Лобачевского и Римана, которые отменяют абсолютную истинность этой аксиомы и которые не сводятся к Эвклидовой,—один этот факт с полной ясностью показывает, что здесь выбор исходного пункта в известном смысле произволен. В природе нет строго параллельных линий, никогда не совпадающих, сколько бы мы их ни продолжали. Конечно, выбор за основу именно этого положения исторически не является ни в коей мере произвольным¹⁾: когда человек только еще учился сознательно изменять природу, был, так сказать, в подготовительном классе, он вынужден был и обращать свое внимание на наиболее простое и оперировать с ним. Однако, логически—а ведь к этому и апеллирует постоянно математика—такой выбор произволен: можно представить себе дело так, что геометрия начинается с геометрии сферы или псевдо-сферы, а геометрия плоскости (Эвклид) разбирается лишь как ее частный случай. Вряд ли можно доказать, что такой выбор не дал бы нам лучшего познания действительности (новейшая физика, склонная, напр., рассматривать вселенную, как сферу, а не как плоскостную трехмерность). Если брать ту же самую геометрию, то столь же произвольно в большинстве случаев и так наз. доказательство. Почти постоянно оказывается, что для той или иной теоремы не хватает одних аксиом и потребны еще «леммы», приспособленные специально для данного конкретного случая: выбор этих лемм, право же, не детерминирован строго логически. То же самое и в вопросе о построениях или в решении задач. Если математика, подчеркивая свой дедуктивный характер, стремится к тому, чтобы все выводилось механически, как в «логическом пианино» Джевонса, то и при построениях и решении задач надо, очевидно, требовать этого автоматизма, этого отказа от произвольности. Но именно здесь необходимо не только отчетливое знание «строгих» законов математики и логики, но и искусство оперирования понятиями и инструментами (при построении). Если бы дело было так, как представляет себе философ математики, то задача прогресса последней была бы слишком уж проста: открытие новых математических истин могло бы

¹⁾ Кстати сказать, у самого Эвклида аксиома параллельности не является исходным пунктом всей геометрии; только последующие исследования показали, что Эвклидова геометрия рождается и падает вместе с признанием или непризнанием этой аксиомы.

быть механизировано, поставлено на широкую ногу, и каждый школьник изобретал бы новые теоремы и доказательства. Между тем, крупных математиков, действительно двигавших эту науку вперед, буквально единицы: Эвклид, как систематизатор, Декарт, Лейбниц, Лагранж, Лобачевский, Риман и несколько других.

Когда мы говорим о «произвольности», то нас не нужно понимать неправильно. Мы прекрасно знаем, что именно на тезисе о произвольности выросла вся идеалистическая школа. Она откровенно считает так наз. «чистую» математику чистым порождением «духа», настолько, что, оставаясь в границах математики, мы и не сможем судить вообще, применима ли она куда-нибудь, имеет ли она какое-нибудь объективное значение. Когда же марксист говорит о произвольности математических конструкций, то это значит следующее. В математические конструкции и выведения всегда примешивается нечто, с точки зрения «чистой» математики и ее логики, иррациональное. Действительность — и было бы лучше, если бы математика отдавала себе в этом ясный отчет—действительность, а отнюдь не «чистая» логика математических дедукций, обуславливает то или иное выведение. И если математик забывает это основное положение материализма, то действительность поправляет его тем, что заставляет изменить столь широко прокламируемой строго-логической точности. Вот почему и в отношении точности математик эклектичен: видя невозможность строго-логического выведения, он против воли обращается к действительности, и последняя, как нечто в таком случае иррациональное, примешивается извне и нарушает дедукцию.

Если математика не так уж строга и точна, как это обычно представляется, то еще меньшую степень точности мы найдем, очевидно, в физике, которая никак не может отвергнуться от изучения качеств объектов, в химии и еще в большей степени в других науках. Но механист уверен в том, что эта ограниченность точности, а следовательно и применимости, математики обусловлена временным состоянием науки: когда-нибудь появится человек, который, наконец, выразит все связи и зависимости материального мира в одной—двух математических формулах. Вопрос, таким образом, ставится по-иному, по-кантиански: тождественен ли прогресс науки все большему внедрению в нее математики, или же научное развитие приводит, напротив, к открытию новых методов исследования, не равных и не сводящихся к математике с ее пониманием точности. Уже одна постановка этой альтернативы, первую часть которой механисты сделали своим credo, показывает, что, напр., учение Маркса и Ленина—а оно до сих пор ценилось за свою строгую научность вопреки отсутствию в нем математики—объявляется фактически ненаучным, «прошлым неудачным подходом» (как выразился бы Г. Боссэ). При таком положении, будь оно правильно, марксисту трудно, конечно, сохранить душевное равновесие. Однако мы постараемся разобрать его со всей возможной объективностью.

Мы видели, что А. К. Тимирязев в своем предпочтении «точных наук» «неточным» ссылался на то, что с их помощью «мы овладеваем

члением, предвидим его течение, предсказываем его наступление, вызываем его по своему желанию». Эти четыре характеристики сводятся, очевидно, к двум—предвидеть и овладеть. И вот механистам кажется, что предвидение и овладение в наибольшей степени возможно только на основах «точного» знания, в частности и особенности—математики. В подтверждение этого они могут сослаться на достижения техники, на предсказание Леверрье планеты Нептун, на периодическую систему элементов Менделеева и на многое другое. И было бы, понятно, смешно хоть сколько-нибудь возражать против всех этих действительных фактов. Но марксист может и должен задаться вопросом о причинах такого положения дел: *vere scire est per causas scire* (правильно понимать значит понимать при помощи причин)—это знал уже Спиноза.

Не кто иной, как механист, с подкупающей ясностью отвечает на этот вопрос. Ответ имеется в определении понятия «точных наук», данном А. К. Тимирязевым: «Науки, изучающие более простые явления, ... как, например, физика, механика, химия и астрономия, называются точными науками» («Физика», стр. 5. Курсив мой). Сказав так, автор произнес смертный приговор над этими науками, если делаются попытки расширения их за сферу их компетенции. Конечно, астроном может точно предсказать, когда будет, скажем, затмение солнца или луны. Но ведь нужно же видеть, почему может он это делать, тогда как не может составить гороскопа для предсказания будущей судьбы людей. Уж если до конца не замечать существующих здесь различий, то надо сказать, что древние астрологи были поистине механистами, когда упражнялись в составлении гороскопов: они выбрали только неправильную исходную точку—влияние планет на судьбу людей; методологически же они предвосхитили наших механистов. Ведь в том-то и дело, что астроном, предсказывая совпадение в известной точке орбит двух планет, берет эти тела, как простые: он совершенно отвлекается от консистенции этих тел, рассматривая их, как простые единицы с известной скоростью движения, массой и тяготением. Или—говоря вообще—он берет лишь пространственные определения, а они-то как раз и дают место математической обработке с ее действительной точностью. То же самое в молекулярной физике, более ограниченно—в химии и т. д. И астроном, и физик, и химик, конечно, целиком правы, когда они поступают таким образом. Неправ только механист, когда он возводит это положение в принцип, равняться по которому должны все области знания.

Нам возражат, что с точки зрения механиста «существует только простое или то, что сложено из простого» (Кант), и поэтому стремление математизировать вполне законно. Однако, это мы разбирали, говоря о проблеме сведения.

То, что сложные явления существуют, это не подлежит никакому сомнению. Равным образом бесспорна и необходимость познания их, и овладения ими. Какое познание будет наиболее результативным, будет наилучшим образом достигать цели—так стоит сейчас вопрос. Чтобы не повторять того, что говорилось при рассмотрении

проблемы сведения сложного к простому, мы разберем его с точки зрения действительного хода науки.

Наши механисты, читавшие, конечно, Энгельса, не отдадут себе полного отчета во всей глубине его мысли, когда он во введении к «Анти-Дюрингу», в «Людвиге Фейербахе» (в гл. I и IV) и в «Старом введении» к «Диалектике природы» (Архив, т. II, стр. 155—177) дает общую характеристику истории развития науки. Мысль Энгельса, как знает каждый марксист, заключается в том, что сначала наука приступила к исследованию предметов (метафизика) и только впоследствии дошла до понимания процессов (диалектика). И это абсолютно правильно. Только с этой точки зрения и можно понять историю науки, как некоторый закономерный процесс. Как и все в природе, история науки диалектична. Первобытная наука начала с непосредственно воспринимаемого, объективируя последнее, как действительно существующее. Поскольку практика показала неправильность такой точки зрения и указала на важность измерений для познания, наука обратилась к сведению воспринимаемого к количественным соотношениям. Это обусловило в свою очередь преимущественное исследование предметов, а не процессов: первые, в виду их сравнительной простоты, легче поддаются анализу, тем более количественному. Вот почему после греческой философии, многие представители которой были, по выражению Энгельса, «прирожденными диалектиками», наступает век мертвящей метафизики. И лишь с трудом наука вновь доходит до познания процессов природы в диалектической философии Гегеля. Конечно, все это совершается не гладко, а, наоборот, пестро, через борьбу и совмещение противоположностей.

Ленин в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» с полным правом говорит о «кругах в философии». С тем же правом он мог бы сказать и о кругах в научном развитии. Начав с диалектического понимания сложной жизни природы у греков, понимания, которое видело свою цель в познании процессов природы, однако, не было еще развито, не выделило полностью своих особенностей, наука прошла через стадию метафизики, чтобы вновь подойти к диалектике, но диалектике развитой, диалектике, наполненной всем богатством содержанием предшествующего развития. «И вот мы снова вернулись,—говорит Энгельс,—к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении. С той только существенной разницей, что то, что было у греков гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного, опытного исследования и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму»¹⁾.

Вместе с тем в истории науки мы замечаем еще следующую чрезвычайно интересную черту. Она характеризует собой последова-

¹⁾ Старое введение к «Диалектике природы», стр. 157.

тельность в научной обработке отдельных областей знания. Знание становится научным в первую очередь в тех областях, которые наиболее просты. У индусов разрабатываются основы арифметики, Эвклид дает геометрию, Архимед—механику. После периода схоластики дело начинается опять-таки с простейшего—с астрономии (Коперник) и механики (Галилей). В дальнейшем, переходя ко все более сложным объектам, научной обработке подвергаются анатомия (Везалий), физиология (Гарвей), химия (Лавуазье), биология (Ламарк и Дарвин), наконец, обществоведение (Маркс). Эта последовательность возникновения наук отнюдь не означает, конечно, что не было тех или иных—иногда гениальных—предвосхищений будущих научных открытий. Аристотель, которого Маркс называет («Капитал», т. I, стр. 26) «великим исследователем, впервые анализировавшим форму стоимости на ряду с многими формами мышления, общественными формами и естественными формами», предвосхищал чрезвычайно многое из последующих чисто-научных данных. Но это несколько не нарушает очерченной выше закономерности, а лишь подтверждает ее.

Подобная закономерность ясно заметна не только в развитии всего научного знания, но и в развитии отдельных наук. Каждая из них начинает с весьма туманных представлений, чтобы затем, их отрицая, подойти к научному знанию. И если эти представления в своем рациональном значении являются отражением сложности объектов, сложности не понятой, не опосредствованной,—то наука, чтобы возникнуть, ударяется в крайность, в стремление анализировать исключительно с точки зрения математической точности. Так, теория флогистона в химии порождает чисто количественные теории химии; аристотелевское представление о стремлении тела вниз вызывает чисто математическую механику и т. д. и т. п.

Движение от этой крайности вперед, преодоление ее дается науке с большим трудом. Иллюзия математической точности и боязнь опять впасть в схоластику (хотя на деле это и происходит,— см. энгельсовскую критику понятия «силы» у механистов, «Диалектика природы», Архив, т. I, с одной стороны, с другой—то, что «традиция является силой не только в католической церкви, но и в естествознании» (Энгельс),—все это мешало и мешает науке идти вперед к более совершенному методу исследования. Однако потребности практики ломают в конце концов многие узаконенные и освященные обычаями рамки, и наука—иногда сознательно, гораздо чаще стихийно—подходит все-таки к пользованию этими высшими методами. Так, статическая по своему существу математика греков была дополнена в новое время теорией переменных (Декарт, Ньютон, Лейбниц) и тем, подчиняясь общей закономерности развития науки, дошла до теоретического охвата динамики. Теория вероятностей, с ее тезисом о том, что случайность необходима, а необходимость случайна, и топология, где уравнения зависят от расположения точек в пространстве, знаменуют собою стихийный переход от простой динамики к диалектике. Астрономия, как наука, начала с чисто количественного изучения мировой системы. Узость этого метода породила

астрофизику, т.-е. и здесь подвела науку к диалектике. Физика от атома, как голой протяженности, переходит к электронной теории, вскрывающей, что атом есть диалектический синтез противоположностей и т. д.

Чтобы не перебирать всех наук, остановимся только на общественных. Здесь общая закономерность, нам кажется, проявляется яснее всего. Если не говорить о ненаучных концепциях древности и средневековья, то в новое время обществоведение начало с того, что пыталось применить к этой отрасли знания механику. Гоббс с его «войной всех против всех», французские материалисты с их теорией страстей—все они атомизировали общественную жизнь, переносили на нее масштабы механики тождественных частиц. «Материализм становится во враждебное отношение к человечеству» (Маркс о Гоббсе). Потерпев неудачу, эта точка зрения уступает место другой, и Конт говорит о «социальной физике», а Спенсер, затем, о «социальной биологии». Понадобился ум Маркса, вышедшего из школы гегелевской диалектики, чтобы показать, что истину ищут не там, где надо: она не в механике индивидуумов, не в физике и не в биологии социальной жизни,—она в ее диалектике. С этих пор обществоведение действительно стало наукой. Вот почему так резко выступали Маркс и Энгельс против Фейербаха, Дюринга, Бюхнеровского и всякого другого механического материализма, признавая крупные исторические заслуги за таким миропониманием, однако, видя, что теперь, когда уже открыт диалектический материализм, всякое повторение пройденных задов только вредит науке, тянет ее вспять. Прекрасно говорит об этом Ленин, которого так не умеют читать и понимать наши механисты. «Не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т.-е. на достраивание здания материалистической философии доверху... Об азбучных истинах материализма, о которых в десятках изданий кричали разносчики, Маркс, Энгельс и И. Дицген не беспокоились, направляя все свое внимание на то, чтобы эти азбучные истины не вульгаризировались, не упрощались чересчур, не вели к застою мысли... к забвению ценного плода идеалистических систем, гегелевской диалектики—этого жемчужного зерна, которого петухи Бюхнеры, Дюринги и К^о (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма»¹⁾. Эта меткая характеристика касается, конечно, своей отрицательной стороной и наших современных механистов. В сложном диалектическом пути развития науки они увидели только одну сторону и со свойственной им односторонностью выпрямили этот кусочек кривой до абсолютно прямой линии. Что в прежние времена было исторически обусловленным несовершенством, то они сейчас превращают в закон, возводят во всеобщий принцип, в основную добродетель науки. В частности то, что прежде было лишь вынужденным эклектизмом, теперь превращается в крепкий, прямой и гладкий мост к идеализму. «Прямоли-

1) „Материализм и эмпириокритицизм“. Сочинения, т. X, стр. 202, курсив автора.

нейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота—voilà гносеологические корни идеализма»—говорит Ленин, и механисты никак не могут доказать, что это сказано не о них.

Приверженец механического миропонимания, об'являющий себя одновременно—очевидно, по недоразумению—марксистом, не может не считаться с тем, что Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин были именно диалектическими материалистами и всемерно защищали это понимание. Поэтому, под тяжестью целого каскада цитат и справок, он заявит о том, что диалектическая точность уступает, конечно, математической (см. вышеприведенные слова А. К. Тимирязева). Кроме того, относительно путей развития науки он сошлется на то, что все вышесказанное очень похоже на установление каких-то непроходимых граней между отдельными областями знания, тогда как действительность, скажет он, знает стирание этих граней: были физика и химия без всякого моста между ними,—теперь есть и физическая химия; были физиология и психология, теперь—психофизиология. Этот последний аргумент может показаться полностью диалектическим, так как именно диалектик учит об относительности и условности всех и всяких граней и границ в познании природы.

Прежде всего о точности.

Сопоставьте такие две мысли. С одной стороны, Энгельс в своей «Диалектике природы» пишет: «Там, где дело идет о понятиях, диалектическое мышление приводит, по меньшей мере, к таким же плодотворным результатам, как и математические выкладки» (стр. 255). С другой стороны, Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля делает такую отметку о сущности диалектики: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, входящая до тождества противоположностей,—вот в чем суть»¹⁾. И в том и в другом случае вопрос идет о понятиях. Но не сюда могут быть направлены сомнения, так как наука всегда оперирует понятиями. Сомнение для механиста порождается тем, что, с одной стороны, диалектика возводит в принцип гибкость понятий, а с другой—она «приводит по меньшей мере к таким же плодотворным результатам, как и математические выкладки». Как это связать? Не исключает ли одно другого?

Воюя с меньшевиками, Ленин постоянно указывает, что они сошли с почвы «точного классового анализа» обстановки. Не становится ли здесь Ленин на почву математического понимания точности? Не значит ли это, что тут необходимо какое-то чисто-количественное вычисление или измерение с аршином в руках? Конечно, нет. Ленин понимает точность в смысле диалектики, в смысле правильного отражения действительных отношений (можно даже сказать, что такое чисто и узко математическое понимание точности в применении ее к общественной жизни является исходным пунктом оппортунизма²⁾). «Гибкость, примененная об'ективно,—продолжает он

¹⁾ „Под Знаменем Марксизма“ № 1—2, 1925 г., стр. 23.

²⁾ См., напр., резкую постановку вопроса в третьем „Ленинском сборнике“. ГИЗ, 1925 г., стр. 443—494.

свою заметку,—т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (первый курсив автора, остальные мои. К. М.). Вот что значит точность в марксистском и единственно научном понимании этого термина. И тут мы опять приходим к тому, что математика, а с ней и все так называемые «точные науки», и механическое миропонимание могут предсказать и овладеть только простыми явлениями, тогда как диалектика—сложными. Но ведь к познанию их, как мы показали выше, все ближе и ближе и подходит современная наука, познание именно их она и выдвигает теперь, в результате своего длинного развития, на первый план. Сложное отнюдь не распадается на простое—об этом мы говорили выше. Сложное потому и сложно, что оно не просто составное. Иными словами, оно требует других, по сравнению с математикой, методов исследования. И такой метод действительно дала современная наука в лице диалектического материализма. Сложное характеризуется тем, что его внутренние и внешние отношения запутаны, гибки, относительны, переходят одно в другое. Наша страна, СССР, представляет из себя именно такое сложное явление. И «марксист»-механист будет вечно противопоставлять пролетариат крестьянству, как классу мелкой буржуазии, если не заметит всей гибкости и относительности этой особенности крестьянства в наших условиях, а будет лишь взвешивать на весах чистое количество этих двух классов. Вот почему прав диалектический материализм, когда он рассматривает математику лишь как низшую форму научной методологии и протестует против ее универсализации. Ошибочность же механической концепции очень легко показать на том, что упоминал цитированный выше А. К. Тимирязев.

Его мысль состоит в следующем: было бы очень хорошо, если бы «современное состояние общественных наук» сменилось тем, когда мы могли бы «указать с точностью», «в каком году» произойдет социалистическая революция в разных странах. Очевидно, что с точки зрения «точных наук» подобная постановка вопроса мало удовлетворительна: надо знать не только год, но и день и час, когда придет революция. Мы невольно заговорили сейчас церковным языком, ибо каждому марксисту ясно, что требование механиста сводится по существу к тому, о чем учит церковь относительно бога,—к всеведению. Ведь мы были бы обязаны при выполнении этого требования предвидеть на десятилетия целую кучу всевозможных причин и следствий, начиная от темпа нарастания классовых противоречий вплоть до интимных связей социал-демократического вождя с семьей капиталистического заправилы. А все это предвидеть во всех подробностях (и мелочи имеют значение!) и сложных взаимоотношениях может только господь-бог, если бы... если бы он существовал. Но эта трудность, скорее, субъективного, чем об'ективного характера. Согласимся, что «невежество не может быть аргументом», и рассмотрим об'ективную сторону дела. Даже астроном, изучающий сравнительно простые об'екты, не может быть уверен, что его предсказания

полностью сбудутся. И это объясняется не столько его невежеством, сколько объективной невозможностью. При каждом появлении неизвестной еще кометы всегда встает тревожный вопрос—а не произведет ли она каких-нибудь решительных пертурбаций в солнечной системе. Надо поистине верить в греческую мойру, в турецкий кисмет, а попросту в некую мистическую силу, чтобы сказать, что эта пертурбация объективно невозможный факт. И никакая теория вероятности хотя бы с миллионной ее долей не может доказать, что этого не будет. Такого положения не было бы только тогда, когда мир был бы заранее устроен по определенным законам, когда они были бы ему заранее предначертаны и не было бы постоянного возникновения чего-то нового, прежде не существовавшего. Мы видим, таким образом, что дело тут не только в субъективном незнании. Дело тут в том, что мир вечно изменяется.

Еще в большей степени сказанное имеет значение для общественной жизни. Требовать здесь «точных» предсказаний—значит колоссально упрощать положение. Так как дело идет о людях, то подобная концепция свидетельствует только о том, что люди понимаются механистом, как какие-то марионетки, тождественные друг другу атомы или монады. Но ведь никто же из марксистов не станет отрицать всего значения для революции Маркса и Ленина, как личностей. А значение имели и имеют не только они. Конечно, протуирование пролетариата социал-демократией объясняется экономическими причинами. Но, раз произведенное, оно приводит к разращенности рабочего класса, от которой он освобождается лишь на долгом и покрытом неудачами пути. Понятно, переломные эпохи вносят во все это солиднейшие поправки, но не что иное, как опыт неудачной революции Германии и Венгрии, показывает, что в настоящую эпоху нехватает именно «субъективных» предпосылок: революционной партии, талантливого вождя, умения пользоваться теорией. Попробуйте-ка вывести все это с «математической точностью»! Нельзя, не удастся. Ибо жизнь текуча, она не стоит на месте, а вечно изменяется. Ленин правильно сделал, когда определил, что мы живем в революционную эпоху. Зная это и не зная точно, сегодня или завтра будет революция—тут поможет нам «конкретный анализ конкретной ситуации» (Ленин),—мы во всяком случае готовы к ее приходу. Даже больше—то знание, которое говорит о революционности эпохи, а не гадает на кофейной гуще о дне и часе, заставляет нас всемерно содействовать революции, вызывать ее. Механическая же концепция в применении к этим проблемам может дать лишь отказ от революционного действия. На самом деле, чего я буду страдать, если механист уже вычислил, что революция будет в таком-то году, в определенный месяц и день? Ведь тут, очевидно, взята поправка и на субъективные моменты,—на мое пассивное ожидание?! Нетрудно понять, что механист, не понявший Маркса и Ленина, своими разговорами о математической точности предсказаний в применении к общественным наукам, впадает в меньшевизм. В естествознании это также означает не помощь науке, а величайший

вред. Когда мы однажды все и вся сведем к механике тождественных частиц и сумеем математически точно все предсказать на миллион лет вперед, тогда нам не надо будет никакой науки, никакого естествознания. Наука—и это не парадокс—есть только там, где существует переход от незнания к знанию. Некоторые специалисты, напр., считают, что кристаллография познала почти все и превратилась в отвлеченно-дедуктивную науку. Если это так и если мы не откроем каких-нибудь новых, прежде неизвестных, кристаллов, то эта наука превратится в некое «священное писание» о кристаллах и перестанет быть наукой¹⁾.

Во всем этом, в сущности, разъяснено и второе сомнение механиста, то, которое касается границ между науками. Только настроенный резко против диалектики может говорить о том, что последняя хоть сколько-нибудь отрицает необходимость сведения или пользования количественными методами. Диалектика борется только против исключительности их, неизбежно приводящей к односторонности и, следовательно, к искажению. Именно в этом смысле она является методом, высшим по сравнению со всеми другими. И в этом своем качестве она понимает, что возникновение физической химии отнюдь не уничтожает химии, как таковой, и тем более—реально существующих химических объектов: скажем, свойства водорода совершенно не уничтожены тем, что он рассматривается теперь, как известная совокупность электронов. Кроме того, частичное сведение химии к физике еще ничего не доказывает: надо сильно не любить историю развития, чтобы на основании этого случая утверждать, что химия никогда не будет иметь новых объектов для своих специфических исследований. А этот антиисторизм фактически означает, что механисты заблудились в прошлой истории, не сумев понять нового. Поэтому их концепция играет сейчас в науке реакционную, а не революционную роль.

Их объективно-реакционное значение сказывается еще и на другом: они сами вызывают то, против чего субъективно настроены столь решительно—вызывают идеализм в науке. «У попущины (философского идеализма),—говорит Ленин,—конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания» («К вопросу о диалектике»). И эту попущину, этот идеализм порождает не что иное, как механическое

¹⁾ Марксисту покажется, вероятно, неуместным ставить марксизм на одну доску с кристаллографией и перескакивать от одного к другому. Однако, поскольку мы говорим о механическом мировоззрении, постольку это неизбежно: их сгед) в том и состоит, чтобы переносить механику из одной сферы в другую. Мы вынуждены поэтому следовать за всеми изгибами их мысли. К тому же, некоторые естествоведы не умея, очевидно, выйти за свои пределы, обязательно требуют, чтобы диалектика была им показана на примерах из их собственной области: только тогда, говоря о ней, и можно их убедить в правоте марксистского метода. См. Самойлов, «Диалектика природы и естествознание». Под Зя. М.—зма, 1926 г. № 4—5, стр. 81.

миропонимание, даже механический материализм. Доказательство тому — в так наз. «кризисе», который пережило естествознание конца XIX века¹ и который оно отчасти переживает и сейчас. На этом чрезвычайно подробно останавливается Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме», какового механисты не поняли и в этой части. Мы приведем только одно место: «Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т.-е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т.-е. объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-верно, относительно-правильно отражаемого этим познанием, и т. д. и т. д. без конца¹). Конечно, пока наши механисты не скатились еще в болото идеализма и субъективно не желают этого делать. Но поскольку они вопреки науке попрежнему твердят зады, то что же будут делать те, кто считается с ее достижениями и в то же время не знает обобщающей и разъясняющей все это диалектики? Они, конечно, скатятся к идеализму по самому настоящему. И мало почетная «заслуга» в этом деле будет целиком принадлежать нашим механическим материалистам.

Только диалектический материализм — и это повторялось сотни раз — предохраняет ученого от идеализма, витализма, пошлого эмпиризма и всех других искажений науки. Требуя познания сложной действительности так, как она реально существует, предохраняя от односторонности и эклектизма, марксистская методология содействует развитию науки, подымая господство человека на невиданную ступень совершенно недостижимую для других теорий. Яркий образец тому — Ленин, прямые указания которого забыли наши механисты. В соответствии с этим, задача каждого марксиста-теоретика состоит не в том, чтобы прививать марксизму чуждые ему теории и воззрения — будь то механическая концепция или что-нибудь иное (фрейдизм, рессельянство, формализм) — и «с ученым видом знатока», производящего «новое исследование», твердить пошлости буржуазной науки. Задача в том, чтобы с точки зрения марксизма, с помощью марксизма и через марксизм перерабатывать действительно научные достижения современности, помогая этим науке и разрабатывая нашу методологию дальше.

К. Милонов.

¹) Сочинения, т. X, стр. 219.

В ЗАЩИТУ ОБЪЕКТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ¹)

1

В последнее время некоторые психологи-марксисты²) выступают с резкой критикой объективного направления в психологии под флагом борьбы диалектического материализма с механическим.

Значительно выросшая за последнее время рефлексологическая литература, без сомнения, пестрит легкими обобщениями и неправильными идеологическими выводами. Критика этих идеологических извращений была бы весьма целесообразна. Она помогла бы очистить рефлексологическое учение от всяких ненужных и вредных философско-спекулятивных наслоений и подвести под него фундамент диалектического материализма. Но критика указанных авторов направлена не против этих извращений, а против объективного направления, как такового, против учения Павлова, являющегося его основой. Не так еще давно центр тяжести борьбы психологов-марксистов был направлен против субъективной эмпирической психологии. Многим читателям, вероятно, еще памятна эпоха «бури и натиска» марксистской психологии: горячие дискуссии в переполненных до отказа аудиториях вузов с Челпановым и его школой, психо-неврологические съезды с яркими и боевыми выступлениями марксистов, многообещающие декларации на тему «Психология и марксизм», наконец, как завершение борьбы, переход Психологического Института в руки психологов-марксистов.

Со времени этих бурных выступлений прошло четыре года. В настоящее время мы переживаем полосу затишья и мучительного искания новых путей. Но природа и история не терпят покоя. Те, кто не в силах идти вперед, вынуждены неудержимо катиться назад. В этом попятном движении бывают нередко неожиданные встречи. К. Н. Корнилов, один из «революционных» вождей, поднявший бунт против своего бывшего учителя Г. И. Челпанова и отлученный за это из «психологической церкви», принят обратно в ее лоно за заслуги в борьбе против «механического материализма». Вот что пишет Г. И. Челпанов в предисловии к своей новой брошюре «Психология или рефлексология» (изд. «Русский Книжник» 1926 г.). «Спорные вопросы психологии

¹) От редакции: В порядке обсуждения.

²) Корнилов, Франкфурт к некоторым другим сотрудникам Психологического Института.

закончены были изложением в той форме, в какой они напечатаны в настоящей книжке, к началу ноября 1924 г. 30 ноября того же года К. Н. Корнилов в публичном заседании Психологического Института прочел доклад на тему «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии». В этом докладе он заявил, что отказывается от точки зрения наивного материализма, на которой он до сих пор стоял, и переходит к диалектическому материализму. После этого доклада психологические вопросы, которые в последние два года у нас в России были спорными, утратили свой спорный характер».

Итак, переход Корнилова на позицию диалектического материализма, проявленный в указанном докладе, оценивается Г. И. Челпановым, как прекращение с ним споров о путях психологии. Такая солидарность с указанным докладом старого врага материализма, лицемерно жонглирующего сейчас марксистскими цитатами, весьма подозрительна и наводит на грустные размышления. В самом деле, если Г. И. Челпанов прав и психологические вопросы утратили свой спорный характер, то, с другой стороны, вырос другой спор, в котором Г. И. Челпанов и К. Н. Корнилов являются единомышленниками,— спор психологии с рефлексологией.

Действительно, мы наблюдали в последнее время трогательную картину. Челпанов и Корнилов, недавние враги не на жизнь, а на смерть,—оба с целым багажом марксистских цитат—против учения Павлова и «механического» материализма. Здесь есть над чем задуматься, есть от чего забыть тревогу. Ведь приоритет и все другие преимущества в этой борьбе не на стороне «в конец запутавшегося в словесных лабиринтах К. Н. Корнилова, а открытого и логически ясного противника объективного направления—Г. И. Челпанова. На деле борьба с объективным направлением ведется под идейной гегемонией Г. И. Челпанова.

Неоднократно разоблаченное Плехановым неправильное немарксистское понимание до-Марксова материализма, стремление во что бы то ни стало порвать преемственную связь диалектического материализма с метафизическим, неправильное и необоснованное отождествление механического материализма с современным рефлексологическим учением—таков краеугольный камень статьи, встретившей такой живой отклик непримиримого врага всякого материализма Г. И. Челпанова. В статье «Материализм или кантианизм»¹⁾ Плеханов писал: «Но прежде условимся в терминах. О каком материализме идет здесь речь? Не о том ли материализме, который существовал и еще до сих пор существует в головах филистеров, отличающихся гораздо больше богобоязненностью, чем философским талантом? На материализм клеветали нисколько не менее, чем на социализм. Поэтому, когда мы слышим рассуждения о материализме, мы должны подчас спросить себя, не искажают ли этого учения». Эти фразы Плеханова должны были бы служить К. Н. Корнилову серьезным предостережением. Ибо, прежде чем критиковать, надо научиться хотя бы не путать и не иска-

¹⁾ Бельтов—„Критика наших критиков“, 1906 г., стр. 194

жать материалистических учений. Присмотримся же ближе к гносеологическим экскурсиям К. Н. Корнилова, которые он делает в начале указанной выше статьи.

2

Различие наивного материализма от диалектического в понимании сознания заключается по К. Н. Корнилову в следующем¹⁾: «Наивный материализм утверждает, что вещи, существующие независимо от сознания, существуют такими, какими они нам кажутся, что цвета, звуки, гладкость, пахучесть и т. п. присущи самой вещи и не зависят от особого строения нашего воспринимающего аппарата». Диалектический же материализм полагает», что красное, звучащее и т. д. существует только субъективно, только в сознании как восприятия предметов, тогда как объективно вне сознания имеются только колебания эфирных, воздушных волн и т. п.». Уже это одно утверждение К. Н. Корнилова говорит за то, что он не внял мудрому предостережению Плеханова. В самом деле, он не условился с читателем о термине «наивный материализм», он не указал, какой материалист когда и где говорил, что вещи существуют такими, какими они нам кажутся. Между тем ответ на этот вопрос легко можно было бы найти у Плеханова. Вот что говорит по этому поводу Плеханов²⁾: «Материалисты никогда не утверждали (запомните, тов. Корнилов,—никогда), что мы знаем, каковы вещи сами по себе, т.-е. независимо от их действия на нас, а только утверждали, что эти вещи известны нам именно потому, что они действуют на наши органы чувств и именно в той мере, в какой они на них действуют».

«Нам неизвестны ни сущность, ни истинная природа материи,—говорит Гольбах,—хотя по ее действию на нас мы можем судить о некоторых ее свойствах... Для нас материя есть то, что так или иначе действует на наши чувства». Поскольку наивный материализм отождествляется с рефлексологическим учением, интересно привести цитату Сеченова, родоначальника рефлексологии³⁾: «Каковы бы ни были предметы сами по себе, независимо от нашего сознания, пусть наши впечатления будут условными знаками вещей самих по себе,—во всяком случае чувствуемому нами сходству и различию знаков соответствуют сходство и различия действительных вещей». Мы видим, насколько основательно указанное голословное утверждение Корнилова. Однако цитированная Плехановым фраза Гольбаха, отвергающая голословное утверждение Корнилова, отнюдь не оставлена им (Корниловым) без внимания. Он ее приводит несколькими строками выше для другого утверждения, по смыслу своему противоположного первому.

Прежде чем привести это утверждение, посмотрим, какие выводы сделал Плеханов из указанной цитаты.

¹⁾ Статья „Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека“. Сборник „Современные проблемы психологии“. Гиз. 1926 год.

²⁾ Плеханов.—Собрание сочинений, 1925 г., т. 8, стр. 386.

³⁾ Цитировано по Плеханову, т. 8, стр. 388.

Во-первых. Материалисты, в отличие от Канта, считали, что явление вызывается действием на нас не потусторонней «вещи в себе», а вещами самими по себе, к которым применима категория причинности.

Во-вторых. Материалисты совершенно правильно отличали вещи сами по себе от тех явлений или свойств, которые эти вещи возбуждают на наши органы чувств.

В-третьих. Вопреки неправильным выводам материалистов, из этих предпосылок вытекает: познавая свойства вещей, мы этим самым отчасти познаем и их природу.

В-четвертых. Материалисты не были последовательны в своих выводах благодаря не диалектическому, а метафизическому отличию природы вещи от ее свойств.

Приведем теперь утверждение Корнилова:

«Поэтому наивный материалист, не удовлетворяясь конкретно данными нам качествами и свойствами вещей, всегда ищет за этими свойствами «первичную основу всего сущего», «истинную природу материи». В цитате Гольбаха «мы видим чрезвычайно отчетливое различие, проводимое всяким наивным материалистом между «сущностью», «истинной природой материи», «субстанцией», которую мы не можем познать, и теми свойствами, качествами, «акциденциями», которые мы можем определить сообразно их влиянию на нас».

Сопоставляя выводы Плеханова с утверждением Корнилова, мы видим, что фраза Корнилова, за исключением «непознаваемой субстанции», характеризует взгляды не только наивного, но и диалектического материализма. Отчетливое различие между природой вещи и нашими впечатлениями делает, вопреки первому приводимому нами утверждению Корнилова, материализм всякий. Если б «наивный» материализм этого отчетливого отличия не делал, он принимал бы «мир чувственной видимости за мир действительных предметов».

Недостаток до-Марковского материализма заключался только в том, что это отчетливое отличие он понимал метафизически, а не диалектически. Но чем больше неясности и путаницы у Корнилова в этом утверждении, тем в большее противоречие он вступает с самим собой. Ибо, утверждая, с одной стороны, что «наивный материализм» никакого отличия между кажущимися и действительными вещами не делает, и упрекая его, с другой стороны, за то, что он это отчетливое различие делает, Корнилов сам по логике вещей вынужден принять одновременно оба эти положения. Поистине, Корнилов сам попал в ту яму, которую копал «наивному материализму».

Единственно правильное утверждение Корнилова заключается в том, что «наивный» материализм, или материализм до Маркса, был метафизичен, что материю он мыслил, как абсолютную и неизменную сущность. Но доказано ли этим, что так же смотрит на материю и рефлексологическое учение? Нисколько. Напротив, динамическое понимание материи является основной чертой рефлексологии. К примеру возьмем мнение т. Залкинда: «Ценнейшим для нас обстоятельством в учении о рефлексах оказывается моторизм в подходе его к пониманию психических процессов, динамизм—уклон, сводящий в учении

о рефлексах всю так называемую психическую жизнь, даже интимнейшую и сложнейшую ее часть, не к созерцанию, а к делу, действию, движению, поступку, «поведению»¹⁾.

Нет, тов. Корнилов. Уж что касается метафизики — осторожнее с обвинениями, как бы эти обвинения не обернулись против вас.

Но Корнилову этих различий между «наивным» и диалектическим материализмом показалось недостаточно. Надо было сформулировать такое различие, которое уличило бы объективное направление в основном грехе, в неправильном понимании психического. «Наивный материализм,—пишет Корнилов,—признавая только материю и ее движение, помимо того пространства, в котором существует и движется эта материя, всецело сводит к этой материи и движение и психику. Это справедливо для наивных материалистов всех веков, начиная с Демокрита и до последнего времени». К числу этих «наивных» материалистов Корнилов относит, между прочим, Ламеттри и Гольбаха.

Указанное утверждение опровергалось Плехановым неоднократно. Корнилова можно было бы упрекнуть в незнакомстве с сочинениями Плеханова, если б он, как это ни странно, не привел цитаты Плеханова для иллюстрации взглядов диалектического материализма в отличие от наивного. Цитата это следующая²⁾: «Материализм вовсе не пытался свести все психические явления к движению материи, как это говорят его противники (в данном случае это говорит «сторонник» материализма Корнилов). Для материалистов ощущение, мысль и сознание есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознания к движению и не объяснял одного другим». Пусть судит читатель, о каком материализме здесь идет речь. Чтобы не оставалось никаких сомнений в этом вопросе и, кстати, для того, чтобы дать оценку гносеологической экскурсии Корнилова приведу еще одну цитату Плеханова³⁾: «Существенное здесь в том, что ни энциклопедисты, ни Ламеттри вовсе не признавали, что все силы можно свести к движению. Штерн был, очевидно, введен в заблуждение словами тех людей, которые, несмотря на свое незнакомство с историей материализма, не могут себе отказать в удовольствии поговорить о нем».

Поистине — слепота Корнилова от нежелания видеть.

Подведем теперь итоги гносеологической экскурсии Корнилова. Характерные особенности корниловской критики «наивного материализма», особенности, роднящие Корнилова с его духовным отцом — Челпановым, следующие: 1) Неправильное немарксистское толкование метафизического материализма, давно опровергнутое Плехановым.

2) Ссылки на марксистскую литературу, не только не подтверждающие положений Корнилова, но ясно и недвусмысленно их отвергающие.

1) Предисловие к книге Франкфурта «Рефлексы и марксизм».

2) Плеханов — «Предисл. к Фейербаху Энгельса», т. 18, стр. 263, изд. 1925 г.

3) Плеханов — «Критика наших критиков», стр. 158, изд. 1906 г.

3) Приписывание диалектическому материализму таких особенностей, которые присущи материализму вообще.

4) Наконец, совершенно необоснованное приписывание всех этих взглядов рефлексологическому учению.

3

Постановка всех вышеуказанных гносеологических проблем и критика «наивного материализма» является предпосылкой критики Корниловым объективного направления в разрешении чисто психологических проблем. Прежде, чем последовать за Корниловым приведу свои соображения об отношении между марксистской и объективной психологией. В настоящей статье я намечаю только общие контуры проблемы.

1) Марксистская психология, конечно, не должна ограничиваться учением об условных рефлексах и физиологией центральной нервной системы. Но объективное направление в психологии является основной предпосылкой марксистской психологии.

Марксистская психология человека строится не синтезом объективного и субъективного направлений, как думает Корнилов, а синтезом двух различных ветвей психологии, синтезом социальной психологии и физиологии центральной нервной системы ¹⁾. Эти две ветви марксистской психологии имеют различные объекты изучения. Физиология центральной нервной системы изучает законы высшей нервной деятельности на основе несложных и определенных раздражений и реакций. Только ставя животное (а в дальнейшем может быть и человека) в определенные условия эксперимента, отвлекаясь от всей массы побочных раздражений, сосредоточивая все свое внимание на доминирующей в данный момент определенной реакции, можно проникнуть в тайны процессов высшей нервной деятельности. Напротив, социальная психология изучает поведение человека во всей его сложности и конкретности и связь этого поведения со всей совокупностью действующих социальных условий, на основе научных достижений физиологии центральной нервной системы и всех положительных знаний, разбросанных в эмпирической психологии. Ее задача понять и объяснить тот механизм, который определяет на основе определенных экономических фактов определенную конкретную человеческую деятельность, отражением которой является общественная классовая психика и ее логическое завершение, классовая идеология.

Плеханов перечисляет все ступени между базисом и надстройкой следующим образом:

1) Состояние производительных сил.

2) Обусловленные ими экономические отношения.

3) Социально-политический строй, выросший на экономической основе.

¹⁾ Из этого отнюдь не вытекает, что субъективная психология предается полному забвению. Напротив, из нее должен быть извлечен весь материал, пригодный для понимания нервных механизмов.

4) Определяемая частью непосредственно экономикой и частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5) Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики ¹⁾.

Энгельс в письме к Мерингу от 11 июня 1893 года так определяет идеологию.

«Идеология это процесс, который проделывает т. наз. мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными».

Проследить связь, возникаемую между неизвестными самой личности «истинными побудительными силами» и «кривым сознанием», объяснить механизмы как кривого, так и истинного сознания—таковы задачи социальной психологии.

Только синтез этих двух различных ветвей дает в своем развитии единую науку о человеческом поведении и его причинах.

2) Центр расхождения между объективным и субъективным направлениями лежит вовсе не в методах исследования, а в различных целях научного исследования.

Объективное направление вовсе не игнорирует психики и не отрицает даже целиком метода самонаблюдения. Характеристика, данная Плехановым объективному методу в социологии, относится целиком и к объективному направлению в психологии ²⁾. «Объективны не взгляды толпы, объективны те отношения в природе и обществе, которые выражаются в этих взглядах.

«Истинна та естественно-научная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы. Истинно то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существующие в описываемую им эпоху». Задачей марксистской объективной «психологии» является объяснение как человеческого поведения, так и сложных субъективных явлений, его отражающих процессами нервной системы при сложном взаимодействии: внешняя среда—общество—личность. Разгадка причинных отношений внутри этого сложного взаимодействия между всеми тремя звеньями—такова конечная цель единой науки о человеческом поведении. Субъективные явления суть только отражения этих сложных и еще пока загадочных отношений. И поскольку субъективное явление есть только отражение, оно в цепь действительных причинных отношений войти не может. Высказывание своих субъективных переживаний может служить только материалом для анализа объективных процессов и их причин. Знание же объективных процессов, с другой стороны, служит средством для объяснения субъективных переживаний и является, таким образом, могучим рычагом воспитания, рационализации, овладения

¹⁾ Плеханов — «Основные вопросы марксизма», т. 18, стр. 31, изд. 1925 г.

²⁾ Плеханов — «К развитию мистического взгляда на историю», т. 7, стр. 224, изд. 1925 г.

своими внутренними стихийными силами. Разрешение психо-физической проблемы практически заключается, во-первых, в том, каким образом высказывания о своих субъективных переживаниях использовать для понимания происходящих при этом объективных процессов, и, во-вторых, каким путем этими объективными процессами объяснить субъективные переживания.

Ответ на этот вопрос может дать только практика объективно-психологического исследования, освещаемая теорией диалектического материализма. Субъективное направление в психологии базируется на идеалистических и дуалистических гипотезах психофизического параллелизма и психофизической причинности. В силу этого субъективное направление объясняет сложные субъективные явления не законами высшей нервной деятельности, а элементарными атомизированными и абстрагированными психическими элементами или произвольно, спекулятивно построенными механизмами.

Изучение и применение действительных механизмов высшей нервной деятельности не входит в задачи субъективного направления.

Таким образом мы видим, что цели научного исследования обоих направлений различны. Синтез между ними можно создать не диалектически, а эклектически—соединя механически то, что органически соединено быть не может.

4

В настоящей статье я намеренно не разбираю прежних работ Корнилова, поскольку в них критика рефлексологии носила подчиненный характер, касалась преимущественно высказываний и философских построений рефлексологии, имела в большей своей части в виду рефлексолого-спекулятивную систему Бехтерева и не формулировала ясно и отчетливо расхождений с объективным направлением как таковым.

В указанной выше статье все расплывчатые и мягкие по тону критические замечания получили ясно принципиальный, методологический и враждебный рефлексологии характер и направлены по прямому адресу объективного направления и его наиболее выдающегося творца—акад. Павлова, минуя все второстепенное, спекулятивное, словесное.

Итак, в чем же, по Корнилову, заключается основной грех объективного направления? Ответ очень ясен. В неправильном взгляде на психику, порождающем неправильное разрешение психо-физической проблемы. Приведем несколько цитат, формулирующих эти положения Корнилова. «Наблюдающиеся сейчас такие явления, как полное отрицание каких бы то ни было психических состояний, замена их процессами нервной системы, объективирование этих психических состояний до полного их отождествления с физическими процессами—все это покоится на сплошном недоразумении и является чересчур материализмом». «Наивный материализм дает двоякую формулировку психики: во-первых, психика есть свойство организованной материи и, во-вторых, психика есть движение материи. Насколько диалекти-

ческий материализм всецело принимает первую, настолько резко отрицает вторую.

«С точки зрения наивного материализма дело обстоит просто: раз то, что именуется психикой есть движение материи, всецело подчиняющееся законам механики, тогда тем самым психические состояния вовсе не являются только интроспективной стороной физиологических процессов, как полагает диалектический материализм, а становятся самостоятельными сущностями и вводятся, как таковые, в причинную цепь физических явлений». Таким образом, основной недостаток объективного направления заключается в объективировании психических состояний до полного отождествления с физическими, в сведении психики к механическим движениям. Отсюда уже вытекает включение психики в цепь физических явлений, что противоречит определению психики диалектическим материализмом, как интроспекции физиологических процессов. Для того, чтобы разобратся в этих обвинениях, посмотрим, противоречат ли формулам определения психики диалектическим материализмом основные научные задачи объективного направления.

Различные определения диалектического материализма Корнилов считает выражением известной мысли Фейербаха. Для большей ясности я приведу цитату Фейербаха возможно полнее¹⁾.

«В психологии нам влетают в рот жареные голуби; в наше сознание и чувство попадают только заключения, а не посылки, только результаты, а не процессы организма». «Но из того, что мышление для меня не мозговой акт, а акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и само по себе оно не мозговой акт. Нет! Напротив! То, что для меня субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе объективно, есть акт материальный, чувственный». Приведем еще наиболее отчетливое, по словам Корнилова, выражение этой мысли, сформулированное Бухариным. Психика есть «интроспективное выражение физиологических процессов». Противоречат ли эти положения объективному направлению? Нисколько. Напротив, они являются основной предпосылкой объективного направления. Действительно,—раз в наше сознание и чувство попадают только результаты, а не процессы организма, раз наша психика есть не самостоятельная сущность, а только интроспекция объективно протекающих процессов мозга, то совершенно очевидно, что мы никоим образом не можем распознать и объяснить психики, не вскрыв механизма мозговых процессов. Объяснение интроспекции лежит исключительно в познании нервных процессов, а это и составляет прямую задачу объективного направления. Так и смотрит на дело Бухарин, давший, по словам Корнилова, отчетливое выражение мысли Фейербаха²⁾. «Учение об условных рефlekсах целиком льет воду на мельницу материализма. И исходные методологические пути и результаты исследований Павлова есть

1) Фейербах, т. 1, изд. 1923 г., стр. 198.

2) Красная Новь, 1924 г. № 1.

орудие из железного инвентаря материалистической идеологии». Но если указанные положения диалектического материализма, вопреки утверждениям Корнилова, не противоречат объективному направлению, то значит в корне неверна, в корне фальшива основная предпосылка.

Действительно, утверждение, что объективное направление отождествляет психику с движением, ничем Корниловым не обосновано. Ни одного конкретного указания в доказательство самого основного, самого центрального пункта обвинения. Ключ основной ошибки Корнилова заключается в одной фразе уже приведенной цитаты, а именно, что объективному направлению свойственно «объективирование психических состояний до полного их отождествления с физическими процессами». Здесь смешаны воедино две различные по своему содержанию тенденции: «полное объективирование психических явлений и отождествление психических явлений с физическими процессами». Если первая заключает в себе весь смысл и содержание объективного направления, то вторая не более, как плод досужего воображения самого Корнилова. Приведем одну цитату Плеханова, разъясняющую различие между обеими тенденциями и к стати ударяющую по фантазии Корнилова¹⁾.

«Наш автор попал бы в очень затруднительное положение, если бы мы его спросили, какой же именно материалист и в каком сочинении утверждал, что ощущение и мысль тождественны с движением в мозгу».

«Это движение известных частей организма вызывает известное ощущение, но оно не тождественно с ощущением, оно представляет собой лишь объективную сторону того самого явления, которое с субъективной стороны представляет собой ощущение».

Совершенно очевидно, что возбуждение и торможение центральной нервной системы есть движение не субъективной а объективной стороны; и тщетно было бы искать у Павлова таких субъективных состояний, которые отождествлялись с этими движениями. Но зато их легко найти у самого Корнилова в его попытках соединения объективного направления с субъективным. Так, в статье «Путь современной психологии» (Корнилов—«Психология и марксизм» 2-е изд.), на 96 стр., Корнилов отождествляет рассеянное и концентрированное внимание субъективной психологии с иррадиацией и концентрацией нервных процессов объективного направления. Отождествлять такой сложный акт, как концентрированное внимание с концентрацией нервных процессов, это значит упрощать и вульгаризировать сложные психические явления.

Теперь спрашивается, верно ли утверждение Корнилова, что объектом отождествления является движение механическое. Ничуть не бывало. Так, напр., процесс торможения нервной системы есть чрезвычайно сложный вид движения, «высшая форма движения». Его изучение связано с законом «парабиоза нервной системы», не поддающимся по-сейчас физико-химической расщипровке. Зато движение

¹⁾ Плеханов, т. 5. Н. Г. Чернышевский, стр. 198.

нервной или «нервно-психической» энергии в «Учении о реакциях» Корнилова представляет собой не физиологический, а механический род движения, который никогда физико-химическому толкованию поддаться не сможет, хоть «химия уж не в детском состоянии». Так, целясь в противников, Корнилов попадает в самого себя.

Но хуже всего обстоит дело с психо-физической проблемой. Совершенно очевидно, что если по существу неверно основное обвинение, являющееся предпосылкой, то неверен и результат. Раз психика не отождествляется с движением, то тем самым она не «вовлекается в причинную цепь физических явлений». Но это не мешает самому Корнилову што-крыто проделать процесс «вовлечения». Посмотрим, как разрешает Корнилов психо-физическую проблему. «Если уж можно говорить о какой-либо зависимости между обеими сторонами материи—субъективной и объективной, то разве только о функциональной зависимости, сводящейся, по существу, к элементарной формуле, что психика есть функция организма. Причинная зависимость может быть лишь между двумя физическими явлениями, но ни о какой причинности между физическими и психическими явлениями или только психическими, речи быть не может, а тем более не может быть речи о каком-нибудь психо-физическом параллелизме или взаимодействии, ибо всякое взаимодействие и всякий параллелизм, хотя бы и так называемый эмпирический, несомненно содержит в себе скрытый дуализм, в то время, как диалектический материализм есть насквозь монистическое учение».

Таким образом, дуалистические теории психо-физического параллелизма и психо-физической причинности Корнилов заменяет психо-физической функциональностью. Посмотрим, меняет ли это дело¹⁾. На этот вопрос отвечает Ленин (Эмпириокритицизм и материализм).

«Здесь надо отметить, что наши русские махисты с поразительной наивностью подменяют вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той* или иной формулировке этого закона. Они поверили немецким профессорам-эмпириокритикам, что если сказать функциональное соотношение, то это составит открытие новейшего позитивизма, избавит от «фетишизма» выражений вроде «необходимость», «закон» и т. п. Конечно, это чистейшие пустяки, и Вундт имел полное право посмеяться над этой переменной слова».

Сам Мах, говорит Ленин, делает оговорку, что понятие функций лишь тогда возможно, «когда достигнута возможность выразить результаты исследования в измеримых величинах,—а это даже в таких науках, как химия, достигнуто лишь отчасти». Таким образом, функция—это только перемена слова, нисколько не избавляющая от «включения психики в причинную цепь физических явлений», и не только не спасающая от дуализма, а, напротив, выражающая его в измеримых величинах. Так «вовлечение психики» рикошетом падает не в бровь, а в глаз самому Корнилову.

¹⁾ Ленин, т. 10, 1925 г., стр. 129.

Кроме психо-физической проблемы существует еще один крупный недостаток объективного направления в понимании метода исследования. Посмотрим, в чем Корнилов находит разницу между своим пониманием метода и пониманием Павлова.

«Вопреки субъективной психологии, имеющей своим объектом изучение явлений сознания и потому считающей своим основным методом самонаблюдение, сторонники объективной психологии таким методом считают исключительно объективный метод, как единственный строгонаучный».

Корнилов считает такое положение объективного направления неправильным. «Если вступить на точку зрения Павлова, что на основе субъективных состояний можно жить, но их нельзя изучать, это значит безнадежно попасть в агностицизм, признавши эти субъективные состояния чем-то непознаваемым для науки».

Приведем теперь собственное мнение Корнилова. «Поэтому наш окончательный ответ о роли этого метода самонаблюдения или метода словесного отчета будет сводиться к тому не раз высказываемому мной положению, что в науке о поведении человека только объективный метод является единственно строгонаучным методом. Что же касается метода самонаблюдения, то он играет лишь вспомогательную роль, находясь всецело под контролем объективного метода». Как видит читатель, Корнилов тоже считает объективный метод единственно-научным; вся разница заключается в пользовании вспомогательно самонаблюдением или «словесным отчетом». Но где, когда, какими положениями Павлов оспаривал эту вспомогательную роль самонаблюдения? Единственным указанием как будто может служить приведенный Корниловым обрывок цитаты Павлова. Не мешает поэтому привести эту цитату не в разорванном, а целом виде¹⁾. «Конечно, эти состояния есть для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обуславливают прогресс человеческого общежития. Но одно дело жить по субъективным состояниям, а другое — истинно научно анализировать их механизм». Сопоставим теперь эту цитату в оригинале и в перефразировке Корнилова. По Корнилову, смысл заключается в том, что по субъективным состояниям можно жить, но их нельзя изучать, а по Павлову выходит немного иначе. Смысл цитаты таков: одно дело жить, другое — изучать. Жить — это далеко еще не значит изучать. В чем же здесь отрицание вспомогательной роли самонаблюдения? И как мог Корнилов стремление «истиннонаучно анализировать их механизм» принять за агностицизм?

Чего только нельзя на свете доказать?

Переходим к конечным результатам Корниловских построений, к синтезу субъективного и объективного направления.

В чем же заключается этот пресловутый синтез субъективной эмпирической психологии этой тезы — марксистской психологии и антитезы — рефлексологии?

¹⁾ Павлов — „Двадцатилетие учения о высшей нервн. деятельности“, стр. 157.

«Объективная психология предметом своего изучения берет по преимуществу объективную сторону человеческой личности, т.е. ее соотношение с окружающей средой, субъективная психология таким предметом считает субъективную сторону, т.е. процессы сознания. Так единый цельный конкретный человек «был разъят на две части, на рефлекс и душевные способности». «И не физиологический рефлекс и не психическое переживание лежат каждое порознь в основе поведения человека, а лишь то и другое вместе, неразрывно слитое в акте реакции». «Тем-то и отличается акт реакции от рефлекса и психического состояния, что, тогда как рефлекс есть лишь узко-физиологическое, а психическое состояние — узко-психическое понятие, абстрагированное из проявлений живого организма, реакция есть акт биологического порядка, как выявление всех функций организма во всей их целокупности; реакция есть уже не абстракция, а цельный кусок поведения человека».

Вспомним теперь, что несколькими строками выше в той же статье Корнилов упрекал «наивный материализм и объективное направление» и совершенно правильно упрекал в игнорировании социальных основ поведения и в переоценке естествознания. Так вот, сейчас, в вопросе о реакциях для Корнилова был бы удобный случай показать свое преимущество в этом отношении перед Павловым и рефлексологией.

Действительно, реакция «как кусок цельного поведения живой конкретной личности», казалось, должна была бы рассматриваться в связи со всей совокупностью социально-экономических условий. Но почему же тогда реакция, по Корнилову, — акт биологического, а не социологического порядка? И чем тогда реакция, как акт биологического порядка, отличается от рефлекса, как акта физиологического порядка?

Что это, случайная ошибка или совсем не случайное забвение социологии?

О том, что забвение социологии далеко не случайно, показывает книга Корнилова «Учение о реакциях человека», где реакция на деле подается не в праздничной, а в будничной, обычной психологической одежде и где от цельного конкретного поведения не остается и следа.

Наиболее соответствующее действительности определение реакции Корнилова следующее¹⁾:

«Реакция по самой своей сущности есть именно не что иное, как трансформация энергии и постоянное нарушение энергетического равновесия, между индивидуумом и окружающей средой».

«Реакция» Корнилова по существу есть «обездушенный рефлекс, рефлекс, лишенный конкретного физиологического содержания», и потому, в отличие от физиологически конкретного рефлекса, представляющий собой биологически-абстрактную реакцию. Но конкретное поведение личности, определяемое социальными условиями, нельзя

¹⁾ К. Н. Корнилов — „Учение о реакциях человека“.

изучать ни физиологически конкретными рефлексам ни тем паче биологически абстрактными реакциями. Его надо брать в целом, во всей его конкретности, и путем социально-психологического анализа выяснить его связь с «побудительными силами», лежащими глубоко в толще общественных отношений.

Но реакция Корнилова «цельна» еще в другом отношении. Она соединяет то, что было разъято на две части—рефлекс и душевные способности. Иначе говоря, реакция, в отличие от рефлекса, имеет свою субъективную сторону. Но спрашивается, что может получиться от изучения субъективной стороны нервной энергии in abstracto. Ответ ясен: ничего, кроме отождествления психики с механическим движением.

В заключение подводя итог, спросим себя: В чем источник противоречивых путаных положений Корнилова? В том, по нашему мнению, что у Корнилова отсутствуют ясные цели научного исследования. Стремясь соединить в едином синтезе различные цели двух психологий, Корнилов потерял прямую дорогу и безнадежно заблудился в закоулках словесных формулировок. Порвав с субъективной психологией и не пристав к объективной, он повис в воздухе в наивной уверенности, что нашел путь к марксистской психологии. Но марксистская психология создается не эклектическим, а диалектическим синтезом, а диалектика жестоко мстит за неосторожное с собой обращение. Так, по дороге от механического материализма к диалектическому Корнилов по старой привычке, несколько того не желая, забрел в Челпановский лагерь, радостно приветствуемый таким новоявленным марксистом, как Г. И. Челпанов.

А. Залманзон

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

ПАДЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ И ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ

(Доклад Л. Н. Крицмана¹⁾)

Товарищи, я не собираюсь сегодня повторять того, что напечатано в „Вестнике Коммунистической Академии“²⁾ и хотел бы дать только некоторое введение к тому обсуждению, которому эта работа будет здесь, надеюсь, подвергнута. Прежде всего одно предварительное замечание. К вопросу о законе движения нормы прибыли я подошел, как к частному вопросу другой более крупной работы, которую надеюсь в будущем здесь же поставить на обсуждение. Но, полагаю, что тема моего сегодняшнего доклада представляет интерес и взятая изолированно, и именно—со стороны содержания трактуемого закона и со стороны тех методов, которые я попытался в данном случае применить.

Начну с последнего, с применения математики. Очерк применения математики буржуазными экономистами дан недавно в работе тов. Блюмина, и мы все сходимся в том, что больших плодов ее применение не дало. Однако математика в этом не повинна. Применение математики можно с известным правом сравнить с применением мельниц,—конечно, как всякое сравнение, и это сравнение весьма условно. Вы можете на мельнице размалывать зерно в муку или фосфориты в фосфоритную муку и получите, естественно, различные продукты. Причина лежит в различии исходных материалов. Поскольку неудовлетворительны исходные пункты, принципы различных школ буржуазной политической экономии, которые подвергались математической обработке, постольку они, естественно, и после их математической обработки дают скудные и прямо непригодные результаты. Предпосылкой успешности применения математики в любой науке является материальная правильность тех исходных, отправных положений, на которых основано это применение. В частности, в политической экономии, в трактовке капитализма, такой предпосылкой является принятие в качестве исходных тех положений, которые в основном даны Марксом в его работах, преимущественно в „Капитале“.

Одно это условие не обеспечивает еще, разумеется, успешности дела, поскольку для него недостаточно одной правильности исходных предпосылок, но условие это есть необходимое условие успешности применения математики в нашей области.

¹⁾ Прочитан 24 ноября 1926 г. на объединенном заседании экономической секции и секции научной методологии.

²⁾ См. №№ 16 и 17. Л. Крицман—„Развитие капитализма и прогресс техники“.

Попытка применения математики ставит ряд вопросов, некоторых из которых я попытаюсь бегло коснуться. Во-первых, вопрос о специфических для данной области особенностях абстрагирования. Дело в том, что каждая научная область имеет свои специальные условия правильного абстрагирования. Одни требования предъявляются к абстракции экономической, другие к абстракции чисто математической. Эти подходы могут сталкиваться. Абстрагирование сводится к признанию чего-либо, что существует в рассматриваемом объекте (процессе), за несуществующее, к нахождению в этом объекте чего-то такого, что можно отбросить, от чего можно отвлечься, что существует и не существует, что не существует, хотя существует (ибо иначе не от чего было бы отвлекаться) и что существует так, что не существует (ибо иначе от него нельзя было бы отвлечься): ведь отвлекаются от несущественного, от того, что не относится к существу рассматриваемого явления, что существует так, что не существует). В этом состоит диалектика абстрагирования. Суть дела здесь, однако, не в самом отвлечении, а в том, что результат отвлечения может замещать его первичный материал. Но, разумеется, этот диалектический характер абстрагирования сам по себе еще не обеспечивает правильности абстрагирования, которая доказывается только успешностью его применения. Абстрагирование в математике и абстрагирование в экономике может оказаться совершенно различным благодаря тому, что то, что допустимо с точки зрения математической, может оказаться недопустимым с точки зрения экономической.

Второй момент, с которым мне приходилось в моей работе сталкиваться, это соотношение — в применении к интересующим нас вопросам — между арифметическими и алгебраическими формулировками. Маркс преимущественно пользовался арифметическими формулировками. Он формулировал в виде иллюстраций ряд схем с конкретными арифметическими примерами. В некоторых случаях, наиболее простых, он пользовался и алгебраическими формулировками, скажем для нормы прибыли, органического состава капитала и т. д. Арифметические формулировки кажутся янее, поскольку они более доступны для людей, которые не имеют привычки обращаться с символами алгебры. Алгебраические формулировки, поскольку нет привычки иметь дело с символами алгебры, имеют, напротив того, вид неясный и в известном смысле запутывают читателя. Словом конкретные — по сравнению с алгебраическими — арифметические формулировки как будто янее абстрактных алгебраических. Между тем в действительности дело обстоит наоборот. Дело в том, что при арифметической формулировке известных положений помимо закономерностей общего характера к ним еще присоединяются закономерности частного характера, вытекающие из характера тех арифметических величин, которые берутся в данном случае. Благодаря этому основные закономерности выступают не в явном, а в запутанном виде. Таким образом, внешняя трудность алгебраических формулировок позволяет им вскрывать исследуемые общие закономерности, в то время как внешняя легкость арифметических формулировок способна эти закономерности прикрыть. Именно в силу этого

обстоятельства я воспользовался в докладываемой работе более общими алгебраическими формулировками (однако этот вопрос — применять ли арифметические или алгебраические формулировки — разумеется не принципиальный вопрос, а вопрос математической техники. Принципиально нет разницы между применением к разработке экономических вопросов арифметики, алгебры, высшей математики. Сложение — столь же математическая операция, как и интегрирование).

Достоинством математики — в частности и в применении ее к разработке экономических вопросов — является прежде всего то, что предпосылкой математических формулировок является полная и точная формулировка всех исходных положений, потому что, если формулировка исходных положений не полная и не точна, то это ведет к невозможности математической формулировки. Но, с другой стороны, — и это нередко отмечалось, — есть всегда опасность, пользуясь сложившимися уже математическими приемами, в силу инерции сложившихся приемов математики, незаметно для себя, в ходе изложения воспринять дополнительные исходные пункты в скрытом виде. В этом опасность применения математики. Этими вступительными замечаниями относительно применения математики в рассматриваемом случае я пока ограничусь. Надеюсь, что в данном собрании математическая форма не закроет основного экономического содержания настоящей работы, к которому я и хочу перейти.

Закон движения нормы прибыли подвергнут, как вы знаете, рассмотрению в III томе „Капитала“, где Маркс формулировал как самый закон движения нормы прибыли, так и противоречия этого закона. Основные выводы Маркса состоят в том, что движение нормы прибыли представляет из себя процесс, в котором борются различные тенденции, благодаря чему само движение нормы прибыли не носит характера непрерывно повышающейся или непрерывно понижающейся кривой. Это первое положение. Второе положение, к которому приходит Маркс, состоит в том, что, если рассматривать общее направление этого движения, то оно будет понижающимся. Преобладающая тенденция движения нормы прибыли есть тенденция к ее падению. К этим выводам Маркс приходит, исходя из тех основных понятий и формулировок, какие он до того выдвинул в предшествующих частях „Капитала“.

В своей работе я исходил из основных понятий Марксовой политической экономии. Выводы, к которым я пришел, в результате детального анализа, подтверждают выводы Маркса, дополняя один из них.

Первый из выводов, к которым я пришел, тот, что движение нормы прибыли, под влиянием прогресса техники, носит колебательный характер. Этот вывод совпадает с выводом Маркса. Второй, — что преобладающая тенденция движения нормы прибыли для развитого капитализма есть тенденция нормы прибыли к падению, но что для низших ступеней развития капитализма — и в этом состоит упомянутое выше дополнение — существует обратная тенденция, тенденция к повышению. Таким образом, движение нормы прибыли, взятое в целом, носит характер не просто понижающейся кривой, а кривой, состоящей из двух частей — повышающейся и понижающейся.

Маркс, рассматривая закон движения нормы прибыли, идет таким путем: сначала он рассматривает движение нормы прибыли при неизменной норме прибавочной стоимости. На первой же странице соответственной главы о законе тенденции нормы прибыли к понижению, он дает арифметическую таблицу, где норму прибавочной стоимости он принимает за 100%, органический состав капитала в этой таблице возрастает, и в итоге норма прибыли падает. Таблица Маркса имеет следующий вид:

„При норме прибавочной стоимости 100%”

$$\begin{aligned} \text{если } c = 50, c = 100 \text{ то } p' &= \frac{100}{150} = 66\frac{2}{3}\% \\ \text{„ } c = 100, c = 100 \text{ „ } p' &= \frac{100}{200} = 50\% \\ \text{„ } c = 200, c = 100 \text{ „ } p' &= \frac{100}{300} = 33\frac{1}{3}\% \\ \text{„ } c = 300, c = 100 \text{ „ } p' &= \frac{100}{400} = 25\% \\ \text{„ } c = 400, c = 100 \text{ „ } p' &= \frac{100}{500} = 20\% \end{aligned}$$

Иными словами, Маркс принимает здесь при возрастающем органическом составе капитала ($\frac{c}{v}$ равно последовательно 50, 100, 200, 300, 400%) норму прибавочной стоимости за неизменяющую величину (100%).

Затем в дальнейшем рассмотрении Маркс переходит к вопросу, как обстоит дело при изменении прибавочной стоимости, и приходит к выводу, что если даже она и возрастает, то это лишь добавочная тенденция, которая не может изменить основного содержания закона.

„Положим, говорит Маркс, что капитал в 100 состоит из $80c + 20v$, последние = 20 рабочих. Норма прибавочной стоимости пусть будет 100%, т.е. рабочие полдня работают на себя и полдня на капиталиста. В другой, менее развитой стране капитал пусть будет $= 20c + 80v$, при чем эти последние = 80 рабочих: Но для этих рабочих требуется $\frac{2}{3}$ рабочего дня для работы на себя, и только $\frac{1}{3}$ они работают на капиталиста. При прочих равных условиях рабочие в первом случае производят стоимость в 40, во втором — в 120. Первый капитал производит $80c + 20v + 20m = 120$; норма прибыли = 20%. Второй капитал $20c + 80v + 40m = 140$; норма прибыли = 40%. Следовательно, во втором случае она вдвое больше, чем в первом, хотя в первом случае норма прибавочной стоимости = 100% — вдвое больше, чем во втором, где она только 50%“ (т. III стр. 195).

Здесь Маркс показывает, что при известном росте органического состава капитала норма прибыли может упасть, несмотря на рост нормы прибавочной стоимости.

При этом однако остается открытым вопрос, будет ли это падение необходимо иметь место. (Так, если для развитой страны взять

попрежнему $80c + 20v + 20m = 120$, а для отсталой $70c + 30v + 15m$, то будем иметь при росте органического капитала с 233% до 400% и росте нормы прибавочной стоимости с 50% до 100% не падение, а рост нормы прибыли с 15% до 20%).

На этот вопрос дают ответ следующие слова Маркса:

„Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли = $\frac{m}{k}$ = $\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{весь авансированный капитал}}$. Но приба-

вочная стоимость, ее общая сумма, определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, массой труда, или, что то же самое, величиной переменного капитала, одновременно прилагаемого при такой норме. С одной стороны, возрастает один фактор — норма прибавочной стоимости, с другой стороны уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор — число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть прилагаемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая ее норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить ее массу. Двое рабочих, работающих по 12 часов в день, не могут доставить такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих, работающих только по 2 часа каждый, даже если бы они могли питаться одним воздухом и если бы им поэтому вовсе не приходилось работать на самих себя. Следовательно, в этом отношении компенсация сокращенного числа рабочих повышением степени эксплуатации труда встречает известные границы, которых невозможно переступить; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его“ („Капитал“, т. III, стр. 228).

С математической стороны приведенное выше рассуждение Маркса вполне доказательно, но здесь встает снова вопрос: является ли экономически необходимым такой вывод. Если мы имеем тот же самый по стоимости капитал и в одном случае применяется труд 24 рабочих, в другом — 2 рабочих, мы стало быть, имеем во втором случае в 12 раз меньшее количество рабочих. Если мы имеем при том же капитале в 12 раз меньшее количество рабочих, это значит, что производительность труда возросла и, вообще говоря, больше, чем в 12 раз, ибо если производительность труда возросла, стоимостные массы капиталов 100 и 100 в натуральном выражении естественно не одинаковы. Таким образом одному и тому же числу рабочих соответствует в стоимостном выражении в 12 раз больший капитал, а, если взять в натуральном виде, то масса средств производства, возросшая напр. в 20 или больше раз. Это означало бы, что производительность труда поднялась не в 12, а скажем в 20 раз. Но такое повышение производительности труда в общественном масштабе является более, чем сомнительным. Конечно, необязательно предполагать такое резкое сокращение числа рабочих (с 24 до 2). При норме прибавочной стоимости в 100% уже сокращение числа рабочих вдвое неизбежно

ведет к сокращению массы прибавочной стоимости. Такому сокращению числа рабочих соответствовал бы подъем производительности труда, напр., в 3 раза. Но допущение и такого подъема производительности труда в общественном масштабе требует специальных доказательств. Во времена Маркса норма прибавочной стоимости в передовых капиталистических странах принималась им обычно за 100%. Едва ли за это время норма прибавочной стоимости возросла со 100% более, чем до 200%. А это соответствовало бы росту производительности труда примерно с 2 до 3, т.-е. только в $1\frac{1}{2}$ раза. Итак, произошло ли за эти полвека удвоение или утроение производительности труда в общественном масштабе? Это отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся.

Такое утверждение может на первый взгляд показаться сомнительным. Мы привыкли слышать о гигантских успехах техники, однако это относится лишь к отдельным отраслям производства, а если мы перейдем к общественному масштабу, успехи производительности труда отнюдь не выражаются в гигантских цифрах.

В качестве грубого показателя роста производительности труда в общественном масштабе можно взять отношение необходимого труда ко всему труду, т.-е. норму прибавочной стоимости, увеличенную на единицу. Этот показатель показывает, сколько рабочих мог бы содержать один рабочий, если бы вся вновь производимая стоимость состояла бы из средств потребления рабочих. При таком расчете жизненный уровень рабочего класса (или вернее, жизненный уровень единицы рабочей силы, т.-е. неквалифицированного рабочего) принимается за неизменную величину, т.-е. предполагается, что все результаты роста производительности труда присваиваются капиталом. (Это одна из причин, почему указанный показатель является грубым показателем).

Основываясь на этом, можно сказать, что сокращение числа применяемых тем же капиталом (напр. капиталом в 100) рабочих вдвое, означающее рост производительности труда больше, чем вдвое (напр. втрое), требует и роста нашего грубого показателя примерно в том же размере. Если норма прибавочной стоимости была 100%, т.-е. 1, а наш показатель общественной производительности труда был, следовательно, $1 + 1$, т.-е. 2, то теперь наш показатель должен составить от 4 до 6, а норма прибавочной стоимости от 3 до 5, т.-е. от 300 до 500%.

Эта предпосылка, вполне возможная математически, экономически требует обоснования. Тем более это относится к сокращению числа рабочих с 24 до 2, т.-е. в 12 раз, что при тех же исходных условиях означало бы рост нормы прибавочной стоимости не меньше, чем в 23 раза (со 100 до 2300%).

Здесь мы наталкиваемся на необходимость дальнейшей детальной разработки вопроса. Возможно, что Маркс ставил перед собой этот вопрос или даже намечал его разрешение, т. к. соответственная глава 3-го тома, как и вообще 2-ой и 3-й томы „Капитала“, представляют собой, как известно, незаконченную Марксом и обработанную Энгельсом для печати работу Маркса (при чем не все то, что оставил Маркс, было Энгельсом включено во 2-й и 3-й томы „Капитала“, не напечатаны, напр., как указывает Энгельс „очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли“).

Как ясно уже из изложенного выше, основное затруднение при разрешении рассматриваемого нами вопроса представляет то обстоятельство, что, если рассматривать движение нормы прибыли в зависимости от прогресса техники, нельзя с самого начала не столкнуться с фактом роста именно в силу прогресса техники не только органического состава капитала, но и нормы прибавочной стоимости, ибо прогресс техники не влияет на норму прибавочной стоимости только в том случае, если не затрагивает ни прямо, ни косвенно производства средств существования рабочих (средств воспроизводства рабочей силы). Если же прогресс техники затрагивает производство средств необходимого потребления или средств их производства, то он неизбежно ведет к повышению нормы прибавочной стоимости. При этом нельзя забывать, что самое разделение на средства производства, с одной стороны, и средства потребления, с другой стороны, затем на средства необходимого потребления и средства роскоши, в высшей степени условно. Почти нет продуктов, которые бы не входили во все эти категории, так что фактически технический прогресс всегда затрагивает и средства необходимого потребления, понижает стоимость рабочей силы и тем самым повышает норму прибавочной стоимости. Поэтому центральным пунктом разбираемого вопроса является то обстоятельство, что повышение нормы прибавочной стоимости и повышение органического капитала оба являются одновременно следствием технического прогресса.

Формулу нормы прибыли $p = \frac{m}{k}$ можно в развернутом виде, принимая во внимание, что капитал состоит из постоянного и переменного, написать в виде $p = \frac{m}{c + v}$ или, если в ней числитель и знаменатель разделить на v , в виде $p = \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1}$. Эта последняя формула ясно по-

казывает, что норма прибыли (если отвлечься от величины периода оборота капитала, считать его равным году) зависит от нормы прибавочной стоимости и органического состава капитала. И так как прогресс техники неизбежно ведет к повышению и той и другой величины, то ясное дело, что от соотношения изменений этих величин будет за-

висеть изменение величины $\frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1}$, т.-е. нормы прибыли.

Так как непосредственный анализ этой формулы наталкивается на большие трудности, то мне пришлось начать анализ издаека, привлекая к разрешению вопроса дополнительные данные. В ходе работы мне пришлось расчленить и поставить три отдельных задачи. Во-первых, формулировать закон, который связывает норму прибыли с прогрессом техники для каждого отдельного случая прогресса техники. Такой формулировки я в готовом виде не нашел. Мне пришлось такую формулировку дать — качественную и на основе качественной формулировки и количественную. Такова первая задача, которую я

себе поставил. Второй задачей явилось рассмотреть закон движения нормы прибыли в пределах небольших отрезков, так сказать дифференциальный закон движения нормы прибыли. И наконец, третья задача рассмотреть закон движения нормы прибыли для достаточно большого отрезка, по возможности для всей кривой развития капитализма. Вот три задачи, которые передо мной стояли.

Итак первая задача, это — формулировать закон зависимости между техническим прогрессом и нормой прибыли для каждого отдельного случая. Уже при разрешении этой задачи мне пришлось столкнуться с недостаточной определенностью для данных целей самого понятия прогресса техники. Здесь проявилось преимущество применения математики, необходимость достаточно полной формулировки исходных положений. В общем мне пришлось формулировать около 20 условий, исходя из которых можно доказать те выводы, к которым пришел Маркс и которые подтверждаются и моим рассмотрением. Два из этих предварительных условий сформулированы Марксом в „Капитале“. Это — предпосылка „чистого“ капитализма, т. е., с одной стороны, что не существует некапиталистических хозяйственных форм, с другой стороны, что капиталистическая хозяйственная форма охватила все хозяйство в целом, т. е. и производство и обращение. Такова первая предпосылка рассмотрения. Вторая предпосылка, которая также сформулирована Марксом, это — предпосылка свободной конкуренции, отсутствие монополии. Затем третьей предпосылкой является достаточно определенная формулировка самого прогресса техники потому, что под прогрессом техники понимают в разных случаях самые разнообразные вещи, которые благодаря их неопределенности не допускают точной логической и математической формулировки. Я исходил из того, что в наиболее характерных случаях технического прогресса мы имеем следующие явления. С одной стороны, рост производительности труда, — это означает, что при данной продукции уменьшается число рабочих, что меньшее число рабочих производит ту же самую продукцию, следовательно отношение между продукцией и рабочим возрастает. Это означает при данном размере производства, при данном количестве продукции и при неизменной заработной плате понижение переменного капитала. Таков первый момент. Теперь второй момент. Уменьшение переменного капитала происходит в связи с изменением в орудиях производства, вообще в средствах производства, они заменяются новыми, лучшими, более дорогими. Происходит, следовательно, рост постоянного капитала. Итак, уменьшение переменного капитала, это — первый момент и рост постоянного капитала — второй момент. К этим двум присоединяется и третий момент: уменьшение переменного капитала и рост постоянного капитала не происходят независимо друг от друга, они связаны друг с другом. Мы не считаем прогрессом техники такого случая, когда мы для получения данного количества продукции, напр., 1 млн. пар галош, сократили число рабочих, сократили переменный капитал напр. на 100, а при этом издержки на постоянный капитал возросли на 200. Это был бы случай бессмысленный. Такого рода прогресс техники не имеет смысла для

капиталистов и потому не имеет шансов быть осуществленным. Итак, дополнительное условие состоит в том, чтобы экономия на переменном капитале обязательно была больше, чем дополнительные издержки на постоянный капитал. Только в этом случае капиталист извлекает добавочную прибыль, только в этом случае прогресс техники имеет для него смысл, только в этом случае может в условиях капитализма осуществиться прогресс техники. Таким образом, — в порядке первого приближения нужно сказать, что сокращение переменного капитала $v - v_1$ по своей абсолютной величине должно быть больше, чем прирост постоянного капитала $c_1 - c$ или, точнее говоря, больше, чем прирост переносимой на продукт стоимости постоянного капитала. Только в этом случае будет получена добавочная прибыль. Если принять во внимание указанные моменты, то из них вытекает определенная формулировка прогресса техники. Под прогрессом техники я в данной работе понимал только те случаи, когда происходит замена живого труда мертвым, при том такая замена, при которой большее количество живого труда (а при капитализме большее количество оплаченного живого труда) заменяется меньшим количеством мертвого. Это одно ограничительное условие. Есть и другое условие. Такая замена никогда не может быть полной, т. к. живой труд, человеческая рабочая сила, не может быть из процесса производства устранен, замена живого труда мертвым всегда остается частичной. Эта формулировка, это понимание прогресса техники, которое, конечно, условно, создало возможность математической формулировки закона зависимости между прогрессом техники и нормой прибавочной стоимости для каждого отдельного случая прогресса техники. Мне пришлось затем для того, чтобы иметь возможность формулировать соответственную зависимость математически, ввести дальнейшее ограничение (которое требует дополнительного исследования для рассмотрения тех случаев, от которых приходится отвлекаться в основном рассмотрении). Я исключил из рассмотрения случаи возникновения новых продуктов, прогресс техники я рассматривал только, как повышение производительности труда в производстве данных продуктов. Это, разумеется, тоже ограничение. Следующая предпосылка моего рассмотрения заключается в том, что реальная заработная плата для простого труда принята неизменной, т. е. неизменным принят жизненный уровень неквалифицированного рабочего (и, следовательно, влияние возможного подъема жизненного уровня рабочих должно быть рассмотрено особо). Опираясь на все эти предпосылки, я получил возможность формулировать искомую зависимость ¹⁾. Вы мне разрешите этого сейчас не производить и коснуться выведения формулы этой зависимости, поскольку прения затронут этот вопрос. Зависимость между прогрессом техники и нормой прибыли, или, вернее, условие падения нормы прибыли в связи с прогрессом техники, имеет в краткой формулировке такой вид $\lambda > K$. Что представляет собой λ ? Это есть отношение между двумя величинами, о которых я говорил, между

1) См. „В. К. А.“ № 16. Стр. 12—18.

повышением издержек на постоянный капитал и понижением издержек на рабочую силу. В грубом виде λ можно представить так: если переносимая на продукт стоимость постоянного капитала увеличилась на величину Δc , а переменный капитал уменьшился на величину Δv , то $\lambda = \frac{\Delta c}{\Delta v}$. Это не точная формулировка, но она формулирует основную суть дела. Не точна она потому, что не учитывает возможных изменений периодов оборота. Что касается другой величины R , то это — сложная величина, которая зависит от ряда величин, при том величин двоякого рода. С одной стороны, от таких величин, как органический состав капитала (или в нашей формуле, вернее, состав капитала по стоимости) $\frac{c}{v}$, как норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, как (величина, которая до сих пор как будто не фигурировала в теории) доля основного капитала в постоянном $\frac{c_g}{c}$, как величина среднего периода оборота основного капитала ω , средняя величина в общественном масштабе, и величина среднего периода оборота оборотного капитала o . Итак, R зависит, с одной стороны, от этих пяти величин, которые в совокупности характеризуют уровень развития капитализма. А с другой стороны, от ряда других величин, которые определяются уже не уровнем развития капитализма, а конкретными техническими особенностями данного прогресса техники. Это следующие величины: коэффициент сокращения рабочей силы при данном объеме производства $\frac{v_1}{v}$. Если переменный капитал был v , стал v_1 , то отношение нового к старому есть величина, которая зависит от данного прогресса техники. Далее идет изменение периода оборота основного капитала $\frac{\omega'}{\omega}$, изменение периода оборотного капитала $\frac{o'}{o}$ и, наконец, два коэффициента, которые я обозначил v' и v'' и которые представляют собой изменения средней стоимости средств производства и средств потребления. Т.-е., если вы при неизменном объеме производства возьмете стоимость средств потребления до и после прогресса техники и разделите одно на другое, вы получите коэффициент изменения средней стоимости средств потребления v' . Значит R представляет собой величину, зависящую, как от ряда величин, определяемых уровнем развития капитализма, так и от ряда величин, определяемых данным прогрессом техники. Такой в общих чертах рисуется зависимость между прогрессом техники (в определенном его понимании) и нормой прибыли.

После того, как эта задача таким образом была разрешена, передо мной встала вторая задача: формулировать (так, сказать, дифференциальный) закон движения нормы прибыли для соседних моментов, для небольших отрезков времени. Здесь а priori можно было сказать, что возможны только два случая. Или это будет закон совершенно единообразный, т.-е. для каждого любого малого отрезка мы будем

иметь только повышение, или только падение нормы прибыли, или это будет закон осциллирующего, закон колебательного движения, следовательно такой, что в одних случаях мы будем иметь повышение, в других понижение. Я поставил вопрос так: можно ли предположить, что будет иметь место только повышение, или только понижение нормы прибыли? Если не можем, то отсюда вытекает колебательный характер движения нормы прибыли. При разрешении этой задачи я исходил из основной формулы зависимости между нормой прибыли и прогрессом техники $\lambda > R$ или в развернутом виде

$$\lambda > \frac{o'}{\omega'} \frac{1}{\frac{c}{v'} - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 - \frac{1}{v''}\right) v' + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o}\right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right) - \frac{c_1}{c}\right]$$

Для разрешения первой поставленной мной задачи — формулировать зависимость между прогрессом техники и нормой прибыли, пришлось, как я сказал, принять пять уже перечисленных мною предпосылок. Для того, чтобы подойти ко второй и третьей части задачи, мне пришлось принять еще дополнительные предпосылки относительно входящих в основную формулу величин. И именно относительно величин, характеризующих уровень развития капитализма, как относительно характера их изменений, так и относительно пределов, в которых эти величины изменяются.

Перечислю сначала предпосылки, касающиеся характера изменения отдельных величин. Относительно органического состава капитала $\frac{c}{v}$ я принял, что он с развитием капитализма растет. Относительно нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, что она также с развитием капитализма растет. Относительно доли основного капитала в постоянном $\frac{c_g}{c}$ то же самое, т.-е. что она растет. Относительно среднего периода оборота основного капитала ω , т.-е. средней длительности функционирования основных средств производства, также, что он с развитием капитализма растет. Наконец, относительно среднего периода оборота оборотного капитала o , я принял, что он с развитием капитализма падает, так как всякое сокращение времени производства и времени обращения ведет к сокращению этой величины. Далее помимо этих предпосылок о характере изменения указанных величин я принял дополнительные предпосылки относительно тех пределов, в которых происходят изменения этих величин. В некоторых случаях я предположил один предел, высший, в других два: высший и низший. Для $\frac{c}{v}$ мной предположен высший предел, который, как и другие пределы, я не формулировал с цифровой точностью, а только как число порядка 10, т.-е., что величину $\frac{c}{v}$ можно предположить равной 1, 5, 10, 15, но нельзя предположить равной сотне, тысяче, миллиону и т. д. Насколько мне известно, едва ли эта величина переходит в какой-либо стране за предел 20, конечно, для всего

капиталистического производства, взятого в целом. Относительно $\frac{m}{v}$ я принял, что высший предел ее может быть равен величине порядка единицы, может быть, следовательно, равной 2—3, но не может быть равной десятку, сотне и т. д. Пасколько мне известно, за предел 3 она нигде не переходит. Относительно величины $\frac{c}{v}$ прежде всего ясно, что основной капитал есть часть постоянного капитала. Эта величина не может быть поэтому больше единицы. Я принял в качестве предела для $\frac{c}{v}$ величину порядка $\frac{2}{3}$. (С места; „Вариант будет очень большой для различных отраслей производства“). Но не может быть больше, будет всегда меньше единицы. Можно принять за предел и единицу. Помимо того речь идет не об отдельных отраслях, а о производстве в масштабе всего общества. Для среднего в общественном масштабе периода оборота основного капитала ω я в качестве высшего предела принял величину порядка 10, т.-е. 10-ти лет. Следовательно, что ω может составить 5, 10, 20, но не сотню, не тысячу и т. д. В качестве низшего предела я принял для ω величину порядка 2. (С места; „Полгода“). Нет, двух лет, как низший предел. Даже в самых отсталых отраслях производства, в сельском хозяйстве, и то ω превосходит эту величину. Что касается среднего периода оборота оборотного капитала o , то определение его пределов представило наибольшее затруднение. Должен сказать, что когда я строил свою работу, я исходил из неправильных представлений относительно пределов этой величины и вследствие этого натолкнулся на трудности в использовании основной формулы для разрешения стоявшего передо мною вопроса. Я обратился тогда к статистическому материалу и убедился, что моя формула правильна, а мои представления были неправильны. Низшим пределом величины c является число порядка единицы. (С места; „Год“). Да, год, а высшим пределом является, по видимому, число порядка $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$. Как видите, мною были приняты известные предпосылки, как относительно характера изменения рассматриваемых величин, так и относительно пределов, в которых эти величины могут варьировать. Это не означает, что мое рассмотрение базируется на указанных пределах, оно допускает вариации пределов. Но, если вовсе отказаться от пределов, если предположить такой случай, что напр., $\frac{c}{v}$ может быть равно миллиону, а напр., $\frac{m}{v}$ одной миллионной, можно получить совершенно иные результаты, чем те, к которым я пришел. Но это будет абстракция чисто математическая. Наконец, мною принята была для одной определенной высоты уровня развития капитализма определенная связь характерных для него величин. А именно, что при $\frac{m}{v} = 1$ (т.-е. 100%), $\frac{c}{v}$ составляет 5, ω составляет 10 и o составляет $\frac{1}{3}$. И здесь дело не изменится от не слишком больших изменений этих соотношений:

Для разрешения вопроса относительно закона дифференциальных изменений движения нормы прибыли в связи с прогрессом техники, я рассмотрел ряд частных случаев. При рассмотрении этих частных случаев я исходил из неизменности средних периодов оборота, т.-е. величин ω и o , иначе говоря, отвлекался от тех изменений, которые обуславливаются изменением этих величин. Такое допущение строго говоря, неверно, ибо периоды оборота в большинстве случаев меняются с прогрессом техники, но размер их изменений представляет, как правило, относительно небольшую величину.

Я рассмотрел в общем пять частных случаев. Первый — когда прогресс техники идет только в производстве средств роскоши. Если прогресс техники происходит только в производстве средств роскоши, то он понижает стоимость предметов роскоши, но не может повысить ни стоимость средств необходимого потребления ни стоимость средств производства. Следовательно, в данном случае v' и v'' будут равны единице. Тогда, из основной формулы, получается специальная формула, формулирующая зависимость между изменением нормы прибыли и прогрессом техники для того случая, когда прогресс техники идет только в производстве средств роскоши¹⁾. Затем я взял другой случай: когда прогресс техники идет в производстве средств производства для производства средств роскоши. В этом случае изменения стоимости средств необходимого потребления не происходит потому, что удешевление производства средств производства в производстве средств роскоши не меняет стоимости средств необходимого потребления. Поэтому $v'' = 1$. Наоборот v' не является равным единице, а больше единицы. Далее идет случай прогресса техники в производстве средств необходимого потребления. В этом случае изменяется коэффициент v' , он становится больше единицы, но v'' коэффициент изменения стоимости средств производства остается неизменным, потому что изменение стоимости средств необходимого потребления, и, следовательно, изменение стоимости рабочей силы не оказывает влияния на размер вновь произведенной стоимости, а меняет только соотношение между необходимой и прибавочной частью ее и поэтому не меняет стоимости средств производства. Затем я рассмотрел прогресс техники в том случае, когда он равномерно затрагивает все решительно основные подразделения производства, когда понижение стоимости, удешевление одинаково и для средств производства и для средств потребления, когда, следовательно, v' равно v'' . Наконец, я рассмотрел случай прогресса техники в производстве средств производства для производства средств необходимого потребления, для производства средств существования рабочих. Это—дело более сложное, и я его здесь касаться не буду. Таким образом, в итоге я рассмотрел при предпосылке неизменяющихся периодов оборота все основные подразделения производства: и производство средств роскоши, и производство средств их производства, и производство средств существования рабочих;

1) См. „В. К. А.“ кн. 16 стр. 21.

и производство средств их производства, и все эти подразделения, взятые вместе, при условии, что прогресс техники затрагивает их равномерно. Но всякий прогресс техники относится или к этим отдельным случаям, или к их комбинации.

Неравенства, выведенные для этих частных случаев я сопоставил с аналогичными неравенствами, выведенными иным путем. Изложить каким именно, потребовало бы, к сожалению, слишком много времени, и я ограничусь поэтому намеком на эту часть работы. Я попытался математически формулировать другим путем коэффициент изменения средней стоимости средств воспроизводства рабочей силы, средств необходимого потребления. Я исходил при этом также из некоторых упрощающих допущений. Для того, чтобы точно определить этот коэффициент, т.е. соотношение между стоимостью средств воспроизводства рабочей силы до данного применения прогресса техники и после него, — необходимо не ограничиваться рассмотрением расчленения производства на четыре основные подразделения: производство средств необходимого потребления, средств их производства, средств роскоши и средств их производства, а рассмотреть расчленение производства по отраслям. В свое время я занимался этим, и другие товарищи, совершенно независимо от меня, пришли к сходным результатам. В частности тов. Шатуновский, который делал на эту тему доклад здесь же в Академии. Однако для моих целей не требовалось такого рассмотрения по отраслям производства, а достаточно было при условии некоторых упрощающих допущений ограничиться рассмотрением основных четырех подразделений. Таким путем я получил другую математическую формулировку коэффициента изменения стоимости средств производства, стоимости средств необходимого потребления для тех же самых частных случаев и сопоставил их с полученными ранее формулировками. На основе этого сопоставления я мог решить вопрос о том, возможно или невозможно предположить, что норма прибыли только повышается, или только понижается. Путем довольно длинных доказательств я пришел к тому выводу, что, кроме одного случая, во всех остальных рассматриваемых случаях такое предположение невозможно. Таким образом, если не брать исключений, для основной массы случаев мы имеем доказательство колебательного характера движения нормы прибыли.

После этого я перешел к третьей задаче, которую я себе поставил, именно к задаче: формулировать общий закон движения нормы прибыли. Здесь как раз математическая сторона представила относительно наибольшие затруднения, и в одной своей части доказательство мое носит характер слишком сложный и потому не совсем ясный. В настоящее время я нашел другую формулировку, которая упрощает аргументацию. Я могу изложить ее, если захотят товарищи. Рассмотрение общего закона движения нормы прибыли сводится в основных чертах к следующему. В формуле $\lambda > R$, мы имеем с одной стороны, величину λ , с другой величину R . Что из себя представляет λ ? Грубо говоря, это есть отношение увеличения издержек на постоянный к уменьшению издержек на переменный капитал, имевших место в ре-

зультате прогресса техники. Что означает это отношение? Что капиталист сберегает, напр., 100 тыс. на рабочей силе и что для этого ему пришлось дополнительно затратить 10, 20, 30, 70 тыс. руб. на постоянный капитал. Затратит ли он 10 или 70 тыс. руб., это зависит от технической стороны дела, оттого, насколько совершенен данный прогресс техники. Это отношение есть величина случайная, колеблющаяся. Нет оснований предполагать, чтобы происходило систематическое изменение этой величины. Каков же может быть размер этой величины? Она может колебаться самым разнообразным образом в пределах от 0 до 1. Она естественно не может не быть больше нуля, но она не может быть выше единицы потому, что иначе прогресс техники окажется капиталистически нерентабелен и не сможет осуществиться в условиях капитализма. Каково же может быть среднее значение этой величины? Я исходил из соображений, которые, разумеется, нуждаются в проверке (думаю, что возможна статистическая проверка), из абстрактных соображений а именно, что, меньшие значения этой величины будут встречаться реже. Почему? Потому, что если перед техникой стоит определенная задача, совершить в данной отрасли переход к более совершенной технике, осуществить технический прогресс, то, чем больше величина λ , тем легче эта задача разрешима. Легче добиться, грубо говоря, экономии на заработной плате в 1.000 руб. путем добавочной затраты на машины и пр. в 900 руб., чем путем затраты в 800 руб. Но добиться экономии на заработной плате в 1.000 руб., затратив только 100 руб., это трудная техническая задача. Чем легче техническая задача, тем в большем количестве случаев она доступна разрешению. Еще легче разрешим случай, когда λ больше единицы. Но при капитализме такие случаи не реализуемы, при социализме они будут реализовываться. Это одна из причин, почему прогресс техники при социализме пойдет быстрее. Получается, следовательно, что наиболее частыми должны быть те λ , которые лежат ближе к единице. Наоборот, чем ближе лежит λ к нулю, тем реже такая λ может осуществиться. Однако, с другой стороны, значения λ , лежащие очень близко к единице, имеют меньше шансов на реализацию, так как капиталистическая рентабельность применения прогресса техники становится сомнительной. Для главной массы случаев технического прогресса λ лежит, повидимому, ближе к единице, но не равна 1. Я принял, что она лежит около $\frac{3}{4}$. Ход доказательства не зависит оттого, примем ли среднюю величину λ равной $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{5}$. Перехожу к величине R . Изменения величины R , происходящие не под влиянием изменения уровня капитализма, а под влиянием конкретных особенностей данного прогресса техники, носят случайный характер, колеблют величину R в разные стороны. Наоборот, изменения уровня развития капитализма влияют систематически на величину R в определенном направлении. Влияние изменений уровня развития капитализма сказывается через изменения пяти следующих величин: органического состава капитала, прибавочной стоимости, доли основного капитала в постоянном и средних периодов оборота основного и постоянного капитала. На основании этого я составил формулу, определяющую ΔR , т.е.

изменение R , через изменения $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c}{c}$, ω и o , отбрасывая величины более высокого порядка потому, что они на общий характер изменений не могут оказать влияния. Если выражение ΔR , куда входит $\Delta \frac{c}{v}$, $\Delta \frac{m}{v}$, $\Delta \frac{c}{c}$, ω и Δo , разложить определенным образом на ряд слагаемых, то каждое из этих слагаемых окажется отрицательной величиной, следовательно меньше нуля при наличии двух условий. Первое условие, согласно моей статье в Вестнике Ком. Академии, состоит в основном (точную формулировку см. в моей статье в № 17) в том, что темп роста величины, являющейся отношением средних периодов оборота, темп роста величины $\frac{\omega}{o}$ должен быть больше, чем темп роста

нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ или $\frac{\Delta \frac{\omega}{o}}{\frac{\omega}{o}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}}$. Однако все до-

казательство значительно упрощается, если эту предпосылку заменить другой, более несомненной: относительный прирост органического состава капитала $\frac{c}{v}$ должен быть по абсолютной величине больше, чем относительный прирост среднего периода оборота

оборотного капитала o , т.-е. $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} < \frac{\Delta o}{o}$. Второе состоит в том, чтобы

прирост органического состава капитала $\Delta \frac{c}{v}$ был меньше, или равен приросту нормы прибавочной стоимости $\Delta \frac{m}{v}$, деленному на величину

$1 + \frac{c}{v}$. Если второе условие не имеет места, тогда вообще происходит падение нормы прибыли. Мы, таким образом, получаем такое положение, что либо происходит падение нормы прибыли, либо, если не происходит падения нормы прибыли, величина ΔR есть отрицательная величина. Из этого вытекает, что, если сопоставить величины λ и R , то для тех случаев, когда падение нормы прибыли не имеет места, необходимо происходит систематическое уменьшение величины R . Если она вначале превосходит величину λ , то в результате ее систематического падения должен наступить момент, когда R окажется меньше λ , т.-е. осуществится необходимое и достаточное условие для падения нормы прибыли. Таким образом, если имеет место повышение нормы прибыли, то оно в конце концов должно смениться падением нормы прибыли. Остается

разрешить еще один вопрос, а именно: лежит ли точка перелома в пределах действительного развития капитализма. На основе рассмотрения типичных случаев технического прогресса я пришел к выводу, что этот перелом имеет место (точнее имел бы место, если бы были осуществлены все предпосылки рассмотрения: „чистый“ капитализм, свободная конкуренция и т. д.) в пределах действительного развития капитализма. Таким образом находят свое разрешение те три задачи, о которых я говорил в начале доклада. Заканчивая этим свой доклад, я хочу отметить, что я не считаю законченной разработку рассматриваемой проблемы, и надеюсь, что многочисленные вопросы, которые возникают в связи с изложенным и которые допускают разработку, как абстрактно-теоретическую, так и статистическую, послужат к дальнейшему внесению ясности в эту довольно запутанную проблему.

Прения по докладу тов. Крицмана

Тов. **Струмилин**. Я не собираюсь говорить о математической стороне той методологии, которая была нам здесь рассказана. Я не успел познакомиться с печатной работой, да и потом об этом лучше могут говорить другие. Но меня как раз интересовала экономическая сторона доклада. Собственно в каких интересах эта работа предприятия? Какие экономические последствия ее и, прежде всего, какая ее экономическая ценность? Я говорил об этом с тов. Крицманом и до известной степени теперь понимаю его идею. Идея заключается, по-видимому, в том, что если норма прибыли имеет такую тенденцию, как она выявилась из этого исследования, а именно, если она представляет собой не постоянно падающую линию, а кривую с каким-то максимумом, то экономически это значит, что сначала капитализм идет на подъем, технический прогресс содействует ему вдвойне, не только сам по себе, но и посредством — усиливая его позиции, путем повышения нормы накопления. А затем, достигнув определенного оптимума и перевалив через этот оптимум, капитализм идет уже вниз до какой-то критической точки. Падает его мощь, падает и резон его существования.

Тов. **Крицман** говорит, что его интересовала эта сторона проблемы. Но в таком случае для того, чтобы действительно можно было использовать с этой точки зрения предложенное исследование, недостаточно сказать, что норма прибыли колеблющаяся величина, что она имеет какой-то максимум. Может быть, она имеет и много минимумов и максимумов? Если она колеблющаяся величина, пужно было определить характер соответствующей кривой более определенно. И может быть это легче удалось бы сделать статистически, чем путем одних лишь математических формулировок. К сожалению, я должен сказать, что если мы за весь тот период капитализма, который мы можем обозревать, попытаемся судить об изменении нормы прибыли по такому коэффициенту, как учетный процент и др. родственные показатели, характеризующие эту норму прибыли, то и статистически мы сможем сказать только то, что говорил тов. Крицман, а именно, что это весьма колеблющаяся величина. И больше ничего. При чем

за все это время, т.-е. за 70—80 лет, а может быть и за 100 лет, за которое мы наблюдали колебания учетного процента, мы не можем установить даже той тенденции к падению нормы прибыли, которую теоретически устанавливает Маркс. А если это так, если циклы этой кривой не столь ярко выражены, чтобы их можно было уловить уже более грубым методом прямого наблюдения, и недостаточен метод статистического наблюдения, то, мне кажется, и всякие дальнейшие математические выкладки в тех целях, для которых т. Крицман строит свою теорию, дадут очень мало.

Исходя из теоретического анализа, Маркс утверждал, что есть такая тенденция нормы прибыли к падению, и больше он не утверждал ничего. При чем он указывал, что имеются и противодействующие тенденции. (С места: „Но не могущие свести ее на-нет“).

А это уж можно разрешить только эмпирически. Если устанавливается, что есть две тенденции, которые действуют в обратном направлении в связи с одними и теми же факторами прогресса техники и т. д., то весь вопрос заключается не только в том, какая из этих тенденций должна победить вообще, но и в том, на каком из отдельных участков развертывания капитализма одна тенденция побораёт другую. Иначе как эмпирическим или, говоря иначе, статистическим исследованием, мне кажется, в этом отношении ничего разрешить нельзя.

К этому мне хотелось бы добавить другое. По существу все это исследование, которое мы слышали, хотя и имеет высокоматематический вид, но все арифметические пределы, которые потребовались для того, чтобы получить какой-нибудь конкретный ответ на поставленный вопрос, в сущности целиком основаны на каком-то весьма эмпирическом представлении о действительности (т. Крицман: „Конечно“). Если нельзя сказать, что в основу было положено статистическое исследование, то какая-то эмпирика была все же положена. При чем, она исходит, в сущности, из чего? Из того, что мы видим сейчас в пределах тех десятилетий, за которые мы вообще знаем капитализм и которые обобщены какими-то пределами, которых, дескать, никак не перейдешь. Но ведь это также нужно было бы еще доказать. Может быть, действительно все эти пределы 10, 1 и т. д. и оправдываются нашей текущей действительностью, но где уверенность, что они не могут быть превзойдены при дальнейшем развертывании капитализма? Представим себе, что мы имеем таких апологетов капитализма, которые верят во внутреннюю его мощь, жизненность и т. д. Вы их не убедите своими формулами, тов. Крицман, когда будете опираться на эмпирику настоящего момента, потому что эта эмпирика абсолютно ничего не говорит о том, как эти пределы могут измениться. Лучше было бы, мне кажется, эту эмпирику пределов представить в непосредственном виде, дать цифровые динамические ряды. Если бы оказалось, что эти величины весьма устойчивы за 10 лет и больше, то это дало бы некоторое статистическое обоснование выводам докладчика. Но может быть они растут, может быть падают. Тогда нельзя сказать, что мы можем остановиться на том или ином пределе потому, что оп,

может быть, пойдет и дальше к нулю или к очень большой величине против тех, которые ныне наблюдаются.

Это мои общие методологические соображения. Но есть у меня еще одно недоумение, которое скорее будет вопросом к тов. Крицману. Насколько я его понял,—может быть я недостаточно хорошо понял,—он говорит, что такие цифровые предположения о динамике производительности, какие имеются у Маркса в его примере, не оправдываются действительностью. Таких больших скачков производительности труда, какие предполагает этот пример, мы в общем и целом не наблюдаем. И в качестве доказательства этого он сослался на такой пример, что, дескать, если мы возьмем динамику нормы прибавочной ценности за последние десятилетия и выразим эту норму вначале отношением 1:1, а затем 1:2, то это пределы, которыми исчерпывается все то движение, какое мы наблюдаем за весь период. (С места: „За последние полвека“). Да, за последние полвека. А это, дескать, соответствует изменению от двух единиц производительности до трех, т.-е. в полтора раза. Если это так, тут большое надоразумение. Что означают ваши 2 единицы, 3 единицы? Вы принимаете за единицу необходимый продукт? (т. Крицман: „Бюджетный набор“). Какой бюджетный набор? (т. Крицман: „Неквалифицированного рабочего“). Отлично. Отношение $m:v$ здесь и там, это ценностные отношения. Что же значит их изменение в ценностных единицах. Изменилось соотношение между прибавочным продуктом и необходимым продуктом за это время. (т. Крицман: „Правильно“). Больше ничего. Это отнюдь еще не говорит о таком же изменении производительности труда, выражающейся в натуральных единицах. В самом деле. Пусть рабочий в начале 1 периода создавал 200 кирпичей в день и отдавал из них хозяину 100, а затем в силу механизации производства создает 600 кирпичей, из которых отдает хозяину 400. Если вместе с тем цены на кирпич упали вдвое, то норма эксплуатации изменится в указанном вами соотношении от 1:1 к 1:2, суточная выработка в ценностном выражении—от 2 к 3, т.-е. в 1,5 раза, а производительность труда в натуре с 200 до 600 кирпичей, т.-е. не в 1,5 раза, а втрое. Тут нельзя ценностным измерителем заменить ту меру производительности, которую мы видим в количестве определенных благ, в их вещном выражении. А если говорить об этом вещном выражении, то я думаю, что не такими пределами в 50% измеряется рост производительности труда, хотя бы за последние 50 лет. Я думаю, что мы имеем тут гораздо больший прирост, и он потому только затуманивается, что в одной из областей труда, а именно в той, которая наиболее важна для определения заработной платы по своему весу в бюджетном наборе,—в сельском хозяйстве,—технический прогресс весьма мал. А вот, если вы посмотрите, как изменилась производительность в области обрабатывающей промышленности за последние десятилетия или какую-нибудь сотню лет, вы получите вероятно совершенно иного порядка коэффициенты.

Еще одно последнее замечание, которое я хотел бы сделать также скорее в виде вопроса потому, что я не знаю, правильно ли

я понял докладчика. Это вот о чем. Вы все время, говоря об органическом составе капитала, говорили о ценностном соотношении постоянного и переменного капитала. Я не знаю, для ваших вычислений, очевидно, это было нужно, но мне кажется, что ценностное соотношение этих элементов, в условиях технического прогресса, органического состава капитала не отражает или очень плохо отражает (т. Крицман: „Я говорил, что имею в виду состав по стоимости, не так, как выражается в связи с прогрессом техники этот органический состав“). Это меня интересует с такой точки зрения. Не изменяет ли это ваших выводов? Если вы берете это самое $c:v$, то это c с техническим прогрессом обесценивается. Вследствие этого явления происходит моральная амортизация этого капитала. (т. Крицман: „Я беру по стоимости все время“). Стоимость зависит от условий воспроизводства. Условия воспроизводства меняются. Этому соответствуют изменения рыночных расценок c . Они также падают. Что же происходит, если этот капитал c , выраженный в количестве машин и т. д., растет все время? Это еще вовсе не значит, что и отношение $c:v$ будет расти в том же темпе, а это одно из ваших допущений. Во всяком случае это требует доказательств, этого нельзя просто принять на веру. Если бы вы говорили о вещном, о техническом выражении, тогда другое дело, а если о ценностном, это требует доказательств (т. Крицман: „Если падает c , падает и v “). Я понимаю, что c и v падают, но вопрос в том, что скорее падает. Скорее ли обесценивается постоянный капитал или переменный, или, может быть, они в одинаковом отношении падают. Постоянный капитал резко обесценивается, а переменный едва ли. Ведь стоимость средств существования рабочего, поскольку она в огромной мере зависит от стоимости пищевых продуктов сельскохозяйственного происхождения, в очень малой мере подвержена действию технического прогресса.

Это ни в какой мере не меняет того, что говорит Маркс, поскольку он имел в виду технический состав прежде всего. Но может быть это изменяет ваши выкладки, поскольку вы говорите все время о ценностных соотношениях. А в капиталистической практике, мне кажется, что указанный мною момент обесценения c играет большую роль. Поэтому мы, вероятно, и наблюдаем, что нет такого резкого падения нормы прибыли, которого можно было ожидать, исходя из общих теоретических рассуждений. Почему это происходит? Потому что после каждого кризиса, когда банкротятся предприятия и переходят в другие руки, они расценивают по другой цене свой капитал, и на этот пониженный капитал то же количество создаваемой прибавочной ценности дает более высокую норму прибыли.

Тов. Шатуновский. Тов. Крицман начал с метода математической абстракции и с того, что он до сих пор не так много дал (тов. Крицман: „В области политической экономии“). Да в области политической экономии. Я хотел бы остановиться на причинах этого и сделать некоторые пожелания по отношению к математическому методу, примененному тов. Крицманом. Они могут быть сделают его достижения более богатыми.

Я возьму какойнибудь элементарный, тривиальный пример для перевода явления действительности на математическую формулу. Пусть $y = 30t$ где y это путь, пройденный поездом, t — время, 30 — его скорость, т. е. поезд идет со скоростью 30 верст в час. Я выразил математически некоторую действительность. В этой формуле пройденный путь y может быть бесконечен в зависимости от роста t . Но в действительности целый ряд условий географических, экономических и т. д. делают бесконечное возрастание y невозможным. Я хочу сказать, что, когда мы выражаем математической формулой действительность, то обычный недочет заключается в том, что мы не учитываем, благодаря отвлечению, многих ограничительных условий, и вот то, что мы их не учитываем, создает несоответствие между математической формулой и действительностью, которую она должна выразить. Далее: в той же формуле $y = 30t$, 30 — скорость поезда и по этой формуле выходит, что пройденный путь зависит от времени. Но, конечно, это чепуха. Пройденный путь не зависит от времени, а это время, как и скорость поезда зависят от длинного списка причин: от совершенства паровоза, от его мощи, качества топлива, от нагрузки, оттого, идет ли поезд на подъем или под уклон, даже от смелости машиниста и т. д. и т. д. (на автомобиле еще яснее). Скорость зависит от многих величин, она очень изменчива и каким-то образом, посредством статистической средней, грубо выражается в этом числе 30, в этой несуществующей скорости поезда, но благодаря тому, что мы так вульгаризировали задачу, мы можем делать из этой формулы только детские выводы, которые делают дети в первой ступени. А когда мы хотим действительно изучать движение поезда, то нам надо эту формулу расшифровать и иметь дело с гораздо большим количеством переменных величин. Математика часто уклоняет неопытного исследователя на путь бесплодных излишних обобщений. Позвольте привести такой резкий пример. Если я возьму все обычные задачи и буду стараться их обобщать, то я могу прийти к такой форме, в которую укладывается всякая задача. Это будет: по некоторым данным найти некоторое искомое. А решение ее будет такое: по некоторым данным найдено некоторое искомое.

Это форма очень общая, и она в абсолютной степени бесполезна, т. к. никаких выводов не дает. Я хочу сказать, что применение математической формы, кроме всех прочих условий, может дать результаты в зависимости от удачного подбора и гармонического соответствия между поставленной целью и степенью учета ограничительных условий, с одной стороны, и входящих переменных, с другой стороны (т. Крицман: „Правильно“). Это требует, конечно, большого опыта, навыка и т. д., которых у экономистов в экономических исследованиях еще не имеется. И таким образом, малая продуктивность математической формы, это не недочет математики, это, товарищи, вопрос времени и вопрос опыта наших экономистов.

Если перейти к работе тов. Крицмана, то мне кажется, что те интересные результаты, к которым он пришел, все-таки не являются какими-то решениями. Если для нормы прибыли есть определенный максимум, после которого она идет на понижение, то нужно его указать.

Но сказать, что есть какой-то максимум, это не значит что-нибудь сказать. Нужно дать какие-то приемы, посредством которых можно сказать, что до такого развития техники она будет идти повышаясь, а потом понижаясь. Точно также сказать „колебательный процесс“—это еще не значит дать математический ответ, а нужно указать ход этих колебаний статистически или математически. Я думаю, что дальнейшей задачей тов. Крицмана будет показать это именно математически. Мне кажется, далее, что ему нужно было бы развивать эту работу в таком направлении, чтобы он строил норму прибыли не только в зависимости от прогресса техники. Мне кажется, что одного этого недостаточно для того, чтобы иметь определенный результат. При той же самой технике, и в наше время это стало особенно ясно, другая организация производства дает другую норму прибыли (т. Крицман: „Правильно“). И не только организация самого производства, но и целый ряд экономических условий, не являющихся прогрессом техники, условий не только экономических, но и политических. Я убежден, что норма прибыли в Англии в связи с изменением взаимоотношений с доминионами при том же состоянии техники станет другой. У нас в СССР изменились политические условия, и произошло изменение нормы прибыли (с места: „Исчезновение“). Сначала исчезновение, а потом повышение. И это также можно было изучить. Тут причина изменения политическая: а именно другое отношение к процессу производства со стороны трудящихся. Я думаю, что вообще нужно, кроме прогресса техники, ввести еще ряд других моментов, которые в совокупности влияют на норму прибыли, и ввести те ограничительные условия, которые тут имеют место, и тогда математический метод даст вероятно результаты гораздо более существенные. В частности, мне еще кажется, что следует не бояться не только писать эту дельту, но и перейти от Δ к da от d к этому результативному знаку, которого тут, может быть, многие не знают, и который я, поэтому, не решаюсь назвать. Во всяком случае пойти путем более мощного математического анализа, а именно перехода от отдельных элементов к их суммированию в интеграле.

Тов. Базаров.—Мне представляется, что исследование т. Крицмана представляет чрезвычайный интерес, даже независимо оттого, можно ли считать доказанным выведенный им закон повышения нормы прибыли в начале развития капитализма и падения ее в дальнейшем. Здесь уже говорилось о том, что статистически не удается обнаружить сколько-нибудь яркой тенденции к понижению нормы прибыли, о которой говорит Маркс. Конечно, формулировка самого Маркса предполагает, что при известных условиях норма прибыли, несмотря на прогресс техники, может не падать, а повышаться. Всякий, кто об этом писал, делал соответствующую оговорку. Но для того, чтобы определить удельный вес тенденций в ту или другую сторону, надо проанализировать все комбинации различных вложений капитала в различных отраслях и показать, какие получаются в каждом частном случае результаты. Это и сделал докладчик. Что касается указания, что самый математический анализ следовало бы сделать более гибким и мощным, перейти от „дельты“, т.-е. конечного приращения, к диффе-

ренциалу, а от дифференциала к интегралу, то это было бы легко осуществимо, если бы выводы т. Крицмана были даны в уравнениях. Но ведь его анализ выражен в ряде неравенств, которые непосредственно не поддаются операциям дифференцирования и интегрирования.

К сожалению, я не успел проштудировать работы т. Крицмана, и могу говорить только по поводу общих ее предпосылок. Остановлюсь прежде всего на теме роста производительности труда, о чем тут уже говорил т. Струмилини. Мне также представляется, что основное положение т. Крицмана, что производительность труда не растет так сильно, как привыкли думать, едва ли правильно, хотя и с аргументацией т. Струмилини я не могу согласиться. Его пример не убедителен, раз дело идет о всем общественном производстве в целом. Если вместо 100 кирпичей работник стал производить 1.000, то предположенный результат для производства в целом возможен лишь в том случае, если в какой-то другой отрасли вместо 1.000 штук продукта рабочий стал производить 100. Я подойду с иной стороны. Предпосылка докладчика, что уровень жизни неквалифицированного рабочего в течение многих десятилетий капиталистического развития остается неизменным, представляется мне неправильной. Если считать в натуральных единицах, сколько на душу населения производится чугуна, стали, электрической энергии, кубатуры всякого рода зданий, пудовместных перевозок по железным дорогам в настоящее время и 50 лет назад,—то вы увидите, что тут рост не на $\frac{2}{3}$, а во много раз больше. Но, может быть, этот гигантский прирост продукции на душу повышает лишь уровень жизни капиталистов? Конечно, нет. В бюджетный набор современного рабочего входит пользование железной дорогой, канализацией, электрическим освещением, водопроводом, лифтом, в Америке и автомобилем—десятками вещей, о которых рабочий начальной эпохи капитализма не имел понятия. Я вовсе не хочу сказать, что от этого современный рабочий стал много счастливее. Если в старину рабочий, переселяясь из города в город, шел с палочкой по дороге, пользуясь свежим воздухом, а теперь несется в душном вагоне 3 или 4 класса, то первый способ передвижения был, быть может, даже приятнее и уже во всяком случае здоровее. В старину, живя в маленьком домишке, окруженном огородом, рабочий не чувствовал особой нужды в канализации,—в американском небоскребе нашего времени канализация—элементарная необходимость. Далее возьмем культурные потребности. Современный рабочий за несколько грошей получает газету, дающую огромный печатный материал, по праздникам иллюстрированное приложение с прекрасно выполненными (с технической стороны) гравюрами. В этом нет ничего особенно утешительного, ибо западные рабочие нашей „Правды“, как известно, не читают и за свой пятак отравляются буржуазной ложью. Тем не менее это необходимая составная часть привычного уровня их жизни, и удовлетворить эту потребность возможно только благодаря колоссальному прогрессу техники книгопечатания, имевшему место за последние десятилетия. Концепция

т. Крицмана в сущности, базируется на „железном законе заработной платы“ Родбертуса-Лассалю, который, как известно, отнюдь не совпадает с учением Маркса, что заработная плата определяется уровнем привычных потребностей. Эта ошибка систематически проходит через все формулы докладчика. Каждый раз, когда понижается стоимость средств существования рабочего, т. Крицман автоматически снижает зарплату. Это по Лассалю. По Марксу вопрос сложнее. Надо разобрать, как влияет на социальную силу рабочего класса технический прогресс, вызывающий удешевление предметов необходимого потребления. Влияние это может быть различным. Если технический прогресс сопровождается большим ростом резервной армии и понижением квалификации рабочих, то дело происходит так, как изображено у докладчика. Если же технический прогресс, не создавая острой безработицы, пред'являет повышенное качественное требование к рабочей силе, напр., требует повышенной культуры, некоторого политехнического образования, необходимого для работы на сложных машинах и т. п., то социальная сила рабочего класса может возрасти и „уровень привычных потребностей“ реально повысится.

Второе замечание касается величины λ . Быть может, я и ошибаюсь, — повторяю, я успел лишь очень поверхностно ознакомиться со статьями т. Крицмана, — но мне кажется, что утверждение, будто λ всегда меньше единицы, неточно. Условие, при котором техническое усовершенствование может быть усвоено капитализмом, по т. Крицману состоит в том, что прирост постоянного капитала не может превышать прироста переменного. В действительности здесь должен фигурировать не весь вновь вкладываемый основной капитал, а лишь проценты на него + ежегодно снашивающаяся его часть. Если принять во внимание эту поправку, то λ может быть значительно больше единицы.

Мне казалось, что необходимая поправка не учтена в ваших формулах, но, повторяю, возможно, что я ошибаюсь.

Еще один вопрос, чисто технический. Когда вы производите сложные манипуляции с вашими неравенствами, то, конечно, предполагаете, что те величины, на которые вы делите или множите обе части неравенства, существенно положительны. Но мне кажется, что некоторые из них напр. $\left[\frac{o'}{o} - \frac{v'}{v} \right]$ могут принимать и отрицательное значение. (т. Крицман: „Нет, ни одно не может“).

Тов. Вейц. Я хотел бы из того круга замечаний, который накопился у меня, когда я читал исследование т. Крицмана и слушал сейчас его доклад, поделиться лишь двумя — тремя замечаниями, которые вызвали у меня наибольшие сомнения. При этом считаю нужным оговорить, что эти замечания не систематизированы мною, иными словами — я не продумывал до конца, насколько отразилось бы на ходе доказательства и исследования основных вопросов в работе т. Крицмана если бы те или иные мои сомнения подтвердились. Но прежде, чем перейти к этим замечаниям, я хочу сказать несколько слов в связи как

с выступлениями товарищей, которые участвовали, в прениях так и с вводными замечаниями т. Крицмана — о месте и роли математического статистического методов в научном исследовании. Мне думается, что вряд ли могут быть сомнения насчет того, что та наука или та область науки по своему строению выше, дедуктивный анализ и выводы которой все более опираются на эмпирический материал, подтверждающий положения, выведенные дедуктивным путем. Необходимым же промежуточным звеном между областью дедуктивного анализа и проверкой его конкретной действительностью являются те измерительные приемы, измерительные приборы, посредством которых и можно учесть данную конкретную действительность, измерить реальное движение исследуемых категорий. В этой части прав Зомбарт, когда он выдвигает в качестве критерия отдельных ступеней развития техники той или иной отрасли производительных сил на ряду с переходом к ротационному принципу и принцип измерительных приборов. Роль математического и статистического методов в этой области и сводится в основном к усовершенствованию этих измерительных приемов, этих измерительных приборов. И оба эти метода должны сугубо важную роль сыграть в изучении конкретного развития производительных сил. Марксистская теоретическая экономия стоит сейчас в этой области у своего „рубикона“ — нужно проработать, нужно найти те измерительные приемы, посредством которых можно было бы правильно учесть, измерить конкретное, многогранное развитие производительных сил и на анализе этих соизмеримых по времени и пространству координат показателей строить свои диагнозы и перспективы. Вот почему мне кажется, что большая ценность той работы, которую провел т. Крицман в области исследования движения нормы прибыли в зависимости от прогресса техники, обусловливается именно тем, что она (работа) прокладывает мост между дедуктивным исследованием этой проблемы у Маркса и конкретным отображением ее (проблемы) на эмпирическом материале. Ключи к конкретному познанию важнейшего рычага капиталистического развития производительных сил даны, мне думается, в основном в работе т. Крицмана (хотя, возможно, что т. Крицман преследовал иную цель, когда он эту работу писал). И именно потому, что мы имеем здесь впервые применение в таком развернутом виде математического метода к исследованию одного из важнейших участков теоретической экономии, мы должны особо внимательно быть к возможным отдельным неточностям, которые вполне естественны в работе подобного размаха. К рассмотрению некоторых кажущихся мне неточностей я сейчас перейду.

Исходным коэффициентом, характеризующим данный конкретный технический прогресс, который был формулирован в работе т. Крицмана

является коэффициент $\lambda = \frac{c' - c}{v - v'}$, иными словами, равный отноше-

нию прироста постоянного капитала к сокращению затрат рабочей силы, как результат данного реализованного прогресса техники. И числитель и знаменатель этой формулы т. Крицман относит к одному обороту оборотного капитала. Он это оговаривает в сноске первой на стр. 13

16-й книги „В.К.А.“¹⁾. Этот коэффициент λ , как констатирует т. Крицман ≤ 1 и никогда не может быть > 1 в условиях капиталистического развития производительных сил. Так ли это в самом деле? И думаю, что это не так, ибо если в числитель коэффициента входит разность между авансированными постоянными капиталами до и после данного прогресса техники, то этот коэффициент может быть и, как правило, всегда бывает > 1 , ибо прогресс техники, как правило, ведет к необходимости увеличения авансирования средств на оборотную часть постоянного капитала, помимо того, что возрастает авансирование капитала на основную часть постоянного капитала. Иными словами, мы имеем

(в символической т. Крицмана) $\lambda = \frac{(C'_g + C'_o) - (C_g + C_o)}{v - v'}$ где C'_g, C'_o, v отнесены к одному обороту оборотного капитала. И лишь в том случае, если мы возьмем отношение $\frac{C'_g - C_g}{v - v'} = \lambda$, т. Крицман будет

вполне прав, когда, рассматривая прогресс техники по линии замещения живого труда мертвым трудом, он утверждает, что этот коэффициент, как правило, < 1 в капиталистическом хозяйстве. Но столь же очевидно, что при учете возрастания обеих частей постоянного капитала λ , как правило, будет > 1 . Убедимся в этом, представив себе практический случай пути реализации изобретения техником или рабочим какой-нибудь новой производственной машины взамен применявшейся до сих пор. Капиталист, будучи хотя полным профаном в данном производстве, тем не менее, посредством кратких подсчетов в своей записной книжке, решает сразу выгодность или невыгодность данного технического усовершенствования. А именно вычисления его сводятся примерно к следующему:

- 1) Цена старой машины = x рублей.
- 2) Цена затраченного живого труда (заработная плата и расходы, связанные с ней), занятого на производстве данного ассортимента продукции при старой машине = y рублей в продолжение одного оборота оборотного капитала, и $y \cdot n$, если продолжительность жизни машины = n оборотам оборотного капитала.
- 3) Цена новой усовершенствованной машины = ax руб. (где $a > 1$).
- 4) Цена живого труда, необходимого при введении новой машины = by рублей в продолжении одного оборота оборотного капитала и byn_1 , если n_1 — число оборотов оборотного капитала в течение периода воспроизводства новой машины.

$$[byn_1 < yn]$$

5) Добавочный оборотный постоянный капитал на один оборот оборотного капитала, необходимый при введении новой машины = z рублям. Этот добавочный оборотный капитал вызывается, как правило, увеличением пропускной способности усовершенствованной машины

¹⁾ „Строго говоря, здесь c' — с увеличение не постоянного капитала, а той части его, стоимость которой переносится на продукт за время оборота оборотного капитала (следовательно, увеличение стоимости оборотного постоянного капитала и снижаемой части основного)“.

(мы оставляем в стороне более детальные экономические показатели, которые нужны капиталисту, чтобы сделать заключение о данном конкретном техническом прогрессе).

И если этот подсчет покажет ему, что

$$\frac{\Delta m \left(\begin{array}{l} \text{приращен. прибыль} \\ \text{от реализов. продук.} \end{array} \right)}{(ax - a) + z - (y - by)}$$

приносит ему норму прибыли = или $>$ средней нормы прибыли, то проектируемое техническое усовершенствование имеет все основания быть реализованным; если этой нормы прибыли оно не приносит, то проектируемая новая машина останется под снудом до лучших времен. Вот где, как нам кажется, в схематическом виде те границы, которые капиталистический способ производства ставит развитию и прогрессу производительных сил. Таким образом, коэффициент λ при включении в символ „ C' “ числителя значащей части формулы всего постоянного капитала будет, как правило, равен или больше 1. Этот коэффициент будет, как правило, < 1 , если речь будет идти о добавочном авансированном капитале в результате технического прогресса, только на основной капитал; в этом случае сбережения капитала на рабочей силе за время длительности жизни машины будут, как правило, $>$ добавочного авансирования на основной капитал. Из сказанного вытекает, что в исследовании т. Крицмана $\lambda = \frac{C'_g - C_g}{v - v'}$ (где „ C' “ и v

отнесено к одному обороту оборотного капитала). И в этом случае можно без ошутимой погрешности принять, что $\lambda > 1$ в условиях капиталистического развития производительных сил. Иначе, исходный пункт математического исследования этой проблемы у т. Крицмана был бы, как мне кажется, весьма спорен. Имеющиеся же ссылки т. Крицмана на других страницах его работы, что размер продукции до и после технического прогресса остается неизменным, мое замечание вряд ли устраняют, ибо в этом случае мы имели бы абстрагирование от реальной действительности. История всех технических усовершенствований по всем отраслям промышленности подтверждает, что, наряду с сокращением затраты рабочей силы и возрастанием основного капитала, мы имеем и значительное возрастание оборотного капитала на оборот оборотного капитала. В этом именно и кроется один из основных моментов, приводящих к повышению органического строения капитала в результате того или иного технического прогресса. В гл. 13 1 тома „Капитала“, в „Финансовом капитале“ Гильфердинга мы находим тому ряд конкретных примеров. Кривая технического прогресса в области металлопромышленности, в области энергетики это наиболее ярко иллюстрировала бы.

Следующий момент, на который я хотел обратить внимание т. Крицмана, касается его вычислений приращения m (приб. ст.) в результате технического прогресса, имеющего своим следствием сокращение затраты рабочей силы. Эта формула приводится им на 13 стр. 16-й кн. „В. К. А.“ (т. Крицман: „Здесь должен быть еще оборот“)... И в таком случае белло

отмечу, что вопрос об обороте в этом исследовании — помимо указанного мною сейчас на стр. 14 — не учтен еще и в других местах работы; так, например, на стр. 37 16-й кн. „В. К. А.“. Их я поэтому касаться не буду, как и других подобных замечаний непринципиального порядка. Они частично модифицируют структуру математических формул, не затрагивая, как мне кажется, принципиальной установки данных частных вопросов.

Но здесь на стр. 14 следует отметить по затронутому мною вопросу некоторую, как мне думается, невязку и принципиального характера. Тов. Крицман ведет здесь свое рассуждение примерно следующим образом: в результате прогресса техники затрата рабочей силы уменьшилась с v до v_1 , часть этого сбережения, а именно $\lambda (v - v_1)$, ушло на добавочное авансирование на основную часть постоянного капитала, т.-е. определенная величина сбереженного живого труда заменена меньшей величиной мертвого труда. Разница же между $(v - v_1)$ и $\lambda (v - v_1)$, т.-е. $(1 - \lambda) (v - v_1)$ и является приращением прибыли в результате этого конкретного технического прогресса. При этом здесь действует оговоренное тов. Крицманом условие, что освободившаяся рабочая сила в результате технического прогресса в данной отрасли народного хозяйства еще не рассосалась между остальными отраслями народного хозяйства, т.-е. общая сумма рабочей силы уменьшилась с v до v_1 . Если же предполагать неизменное число рабочих во всем капиталистическом хозяйстве и после технического прогресса, то очевидно должно произойти поглощение освободившейся рабочей силы в данной отрасли производства другими отраслями хозяйства за счет соответствующего расширения в них производства. Но последнее условие т. Крицман вводит только на последующих страницах своего исследования (см. стр. 14 и 15). Здесь же при выведении формулы прироста „ m “ он оперирует уменьшившейся рабочей силой в капиталистическом хозяйстве в результате технического прогресса в одной из отраслей хозяйства. Мы считаем, что если v уменьшилось до v_1 , то и $(v + m)$ уменьшилось до $\frac{v_1}{v} (v + m)$ (как это тов. Крицман сам отмечает на стр. 31 16-й кн. „В. К. А.“), а в таком случае приращение „ m “, когда мы берем совокупное капиталистическое производство, может произойти только в том случае, если оплата уменьшившегося количества живого труда еще более уменьшилась после прогресса техники, чем вновь созданная стоимость $(v + m) \frac{v_1}{v}$, что исследование т. Крицмана

здесь вполне естественно вовсе не предусматривает, ибо иначе не было бы увязки между этим местом исследования и последующим изложением на стр. 16, стр. 31 и др. Таким образом, „ m “ всего капиталистического хозяйства у нас не возрастет, а уменьшится в связи с уменьшением занятой рабочей силы, т.-е. затраченного живого труда. Добавочную же прибыль от технического прогресса получит отдельный капиталист или группа капиталистов, первые реализовавшие в своем производстве данное техническое усовершенствование, но эту добавочную прибыль (техническую ренту) они получают за счет той

прибавочной стоимости, которая была произведена рабочими других предприятий, других отраслей народного хозяйства. Совокупное же „ m “ при уменьшении всей занятой в капиталистическом хозяйстве рабочей армии в этом случае уменьшится. Я думаю, что формула т. Криц-

мана $m' = m + (1 - \lambda) \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right)$ ни в какой степени не влияет на дальнейший ход его исследования и поэтому ее выключение не отразилось бы на формулированных т. Крицманом выводах. Иначе же мы имели бы трудно преодолимое противоречие в дальнейшем ходе исследования т. Крицмана на стр. 14, 37 и др.

Я остановлюсь в заключение еще на одном месте в заслушанном докладе, вызывающем у меня также некоторые сомнения.

Тов. Крицман исследует на 13 и следующих страницах 17-й книги „В. К. А.“, в математическом виде изменение нормы прибыли под влиянием изменения показателей уровня развития капитализма $\left(\frac{c}{v}, \frac{m}{v}, \frac{c'}{c}, \omega, o \right)$ при неизменности показателей, характеризующих конкретные особенности отдельного прогресса техники $\left(\frac{v_1}{v}, \frac{c'}{c}, \frac{\omega'}{\omega}, \frac{o'}{o}, \nu, \nu'' \right)$. Я не буду воспроизводить приводимые в тексте алгебраические формулы, а ограничусь лишь теми выводами, к которым приходит т. Крицман, исследуя движение нормы прибыли под влиянием изменения одного из перечисленных выше показателей уровня капитализма. При чем как оговаривает в тексте т. Крицман, он исследует движение нормы прибыли сначала под влиянием изменения, например, только

$\frac{m}{v}$, затем только $\frac{c}{v}$ и т. д. Я читаю некоторые из тех выводов, к которым пришел т. Крицман в результате этого указанного исследования: „Рост эксплуатации, увеличение нормы прибавочной стоимости

$\frac{m}{v}$ ведет к уменьшению дроби $\frac{v}{m}$ и тем самым к уменьшению всего стоящего в квадратных скобках выражения, а значит и к уменьшению R ; следовательно, увеличивая число тех случаев, когда прогресс техники ведет к падению нормы прибыли, влияет в сторону падения нормы прибыли.

....Увеличение периода оборота основного капитала, увеличение o ведет к уменьшению дроби $\frac{o}{\omega}$, увеличивая ее знаменателя, и, следовательно, к уменьшению R , т.-е. влияет так же, как и предыдущие процессы.

Уменьшение периода оборота оборотного капитала, уменьшение o , ведет к уменьшению той же дроби $\frac{o}{\omega}$, уменьшая ее числителя, и следовательно, к тем же результатам.

Наконец, рост органического состава капитала, рост $\frac{c}{v}$ влияет не всегда одинаково¹⁾.

Я думаю, что вряд ли согласится т. Крицман с тем, что при росте $\frac{m}{v}$ мы будем в каком-либо случае иметь падение нормы прибыли, если неизменны будут остальные показатели. Ведь противоположное этому выводу вытекает из приведенной т. Крицманом основной формулы, что норма

прибыли $p = \frac{m}{\frac{c}{v} + 1}$, ибо, если $\frac{m}{v}$ растет при неизменности $\frac{c}{v}$, p не может

уменьшиться (т. Крицман: „Я и не утверждаю, что p понижается“) ... Но ведь у вас так и формулировано: „Увеличивая число тех случаев, когда прогресс техники ведет к падению нормы прибыли, влияет в сторону падения нормы прибыли“. То же замечание относится и к влиянию на движение нормы прибыли увеличения периода оборота основного капитала, роста органического состава капитала; ибо, в самом

деле, — если в формуле $p = \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1}$, $\frac{m}{v} = const.$, а $\frac{c}{v}$ растет, то p

уменьшается без всяких ограничительных условий.

Как же случилось, что эти частные выводы были все же сформулированы т. Крицманом? Мне думается, что генезис этой невязки кроется в том, что т. Крицман в математической трактовке этого места не учел того обстоятельства, что, исследуя изолированное влияние изменений одного из показателей уровня капитализма на движение нормы прибыли, нельзя считать остальные константами, как это было сделано, например, т. Крицманом на стр. 17 этого исследования (В.К.А. кн. 17) при дифференцировании R . В самом деле, если мы имеем, что $R = f(x, y, z)$, где, в свою очередь, например $x = \varphi(y, z)$, $y = \psi(x, z)$ и т. д., т. е. переменные у нас взаимозависимы, то, когда мы исследуем изолированное влияние изменений x на R , мы будем

иметь $\frac{dR}{dx} dx + \frac{dR}{dy} \frac{dy}{dx} dx + \frac{dR}{dz} \frac{dz}{dx} dx$, а не $\frac{dR}{dx} dx$,

что мы и имели бы, если бы x, y, z были независимыми

¹⁾ „В.К.А.“ книга 17, стр. 13 — 14. Вот алгебраическое выражение R , которое в данном вопросе и было подвергнуто исследованию:

$$R = \frac{o'}{\omega} \frac{o'}{\omega} \frac{\omega}{\omega'} \frac{1}{o'} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{c'}{c} \right) \left(1 + \frac{v}{m} \right) (v' - 1) h + \left(h - \frac{o'}{\omega} \right) - \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} + \frac{o'}{\omega} \right) - \frac{c'}{c} \right]$$

переменными. Или, когда мы исследуем одновременно влияние всех переменных на R , иначе, — берем полный дифференциал, то

$$dR = \left(\frac{dR}{dx} + \frac{dR}{dy} \frac{dy}{dx} + \frac{dR}{dz} \frac{dz}{dx} \right) dx + \left(\frac{dR}{dy} + \frac{dR}{dx} \frac{dx}{dy} + \frac{dR}{dz} \frac{dz}{dy} \right) dy + \left(\frac{dR}{dz} + \frac{dR}{dx} \frac{dx}{dz} + \frac{dR}{dy} \frac{dy}{dz} \right) dz, \text{ а не } dR = \frac{dR}{dx} dx + \frac{dR}{dy} dy + \frac{dR}{dz} dz, \text{ как это мы}$$

имеем в исследовании т. Крицмана. И именно потому, что если мы будем считать эти функции x, y, z или в нашем случае $\frac{c}{v}, \omega, o'$, и т. д. не-

зависимыми переменными, мы и получим результаты в математическом виде, расходящиеся с действительным процессом движения исследуемых категорий. Этим я ограничу свои отдельные фактические замечания, которые, как мне кажется, если бы и оказались правильными, тем не менее, не нарушают общей стройности исследования т. Крицмана и его выводов. Приходится поражаться той большой работе, которую нужно было проделать т. Крицману, чтобы дать такой развернутый математический анализ, какой мы имеем в его исследовании этих важнейших рычагов развития производительных сил.

Прежде, чем закончить свое слово, я хотел бы отметить, что работе по конкретизации исследования о движении нормы прибыли должна предшествовать не меньшая по удельному весу и трудностям работа по исследованию движения органического строения капитала, являющегося функцией — как пишет Маркс в III томе „Капитала“ — и технического отношения между применяемой рабочей силой и массой средств производства — с одной стороны (т. е. $\frac{v+m}{c}$) и цены этих средств производства — с другой¹⁾. В этом случае я склонен думать, что мы получили бы ключи к наиболее совершенной обработке эмпирического материала по развитию производительных сил, к наиболее точному познанию протекших и намечающихся экономических сдвигов.

Тов. Боярский. Я и не буду останавливаться на мелких замечаниях, поскольку хочу сказать несколько слов о другом. Собственно говоря, т. Шатуновский уже подготовил мне в этом „другом“ довольно хорошую почву. Именно, когда тов. Базаров стирал с доски его знак d и знак S , который т. Шатуновский не хотел даже называть, мне было немного больно за эти знаки. В самом применении математического метода к исследованию нормы прибыли ничего дурного быть не может. Здесь я подписываюсь на все 100% под тем, что говорил т. Крицман и другие. Я хочу лишь остановиться на математическом аппарате, применяемом в этом исследовании. В работе т. Крицмана, рассматриваемой с этой точки зрения, прежде всего бросаются в глаза знаки $<$ и $>$,

¹⁾ Маркс „Капитал“ т. III, ч. I, гл. IX. В этой главе Маркс выводит образцы общей нормы прибыли в зависимости от различия органического строения капитала.

и это не случайно. Эти два знака — очень интересные знаки. Они изображают не что иное, как переход количества в качество. Это я хотел бы отметить в первую очередь. Для математика, вообще говоря, не существует ни роста нормы прибыли, ни падения ее, существует же лишь изменение этой нормы, но скорость этого изменения может быть положительной (рост) или отрицательной (падение), может быть больше 0 и меньше 0. Это и выражается при помощи этих знаков. Дальше мне хочется еще отметить следующее. т. Крицман ставит вопрос динамически, и иначе, конечно, нельзя ставить вопроса, поскольку мы исследуем изменение нормы прибыли. Но изображать динамический процесс, пользуясь аппаратом математики постоянной величины — дело исключительно трудное. Поэтому те разности, которые фигурируют в работе т. Крицмана, как, например, $\frac{v}{o} - \frac{v_i}{o_i}$ и другие

приводит в конце концов к длинной итоговой формуле, через всю страницу. При динамическом исследовании выгоднее перейти от знака Δ к знаку d , т. е. от математики постоянной величины к математике переменной величины, той величины, занявшись которой математика, по мнению Энгельса, вступила в область диалектики. И особенно выгодно здесь перейти не просто к знаку d , а к еще более страшному знаку $d \ln$: дифференциалу натурального логарифма. Он равен, как известно, ничему иному, как дифференциалу самой функции, деленному на самую функцию, т. е. выражает собой не абсолютный прирост, а относительный. Если мы будем пользоваться этим дифференциалом логарифма, отношение которого к дифференциалу независимой переменной или „относительную производную“ я в дальнейшем буду обозначать y^r ¹⁾, можно добиться многих результатов гораздо более кратким путем ²⁾. И этим путем шел два месяца в исследовании нормы прибыли, и поэтому мне хочется поделиться теми результатами, которые у меня получились. Правда, я не довел работу до конца, остановился на полдороге. Но поскольку этот метод отличается от того, каким пользовался т. Крицман, постольку мне хочется, по крайней мере, продемонстрировать, как им пользоваться. Прежде всего мы имеем норму прибыли,

которая выражается формулой $p = \frac{m}{\omega(c+v)}$, где ω — средний период

оборота всего общественного капитала, ибо $p = \frac{m}{c+v}$ выражает норму прибыли на один оборот, а, чтобы получить годовую норму прибыли, нужно это выражение разделить еще на период оборота. Таким образом имеем $p = \frac{m}{\omega(c+v)}$. Формула эта может быть преобразована

так: $p = \frac{m}{\omega(c+v)} = \frac{m/v}{\omega(c/v+1)} = \frac{n}{\omega(s+1)}$, где n — норма экспло-

¹⁾ Значит $y^r = \frac{d \ln y}{dx} = \frac{dy}{y dx} = \frac{y'}{y}$

²⁾ Такая производная в математике называется „логарифмической“.

атации, а s — состав капитала по стоимости. Требуется найти условия при которых норма прибыли или выражение $\frac{n}{\omega(s+1)}$ падает. Норма

прибыли падает, если ее первая производная меньше нуля. Но т. к. p величина положительная, то можно брать не абсолютную, а „относительную производную“, не dp , а $d \ln p$. Таким образом, чтобы p падало, не-

обходимо, чтобы имело место неравенство $p' < 0$ или $\left[\frac{n}{\omega(s+1)} \right]' < 0$

или $n < \omega^r + (s+1)^r$. В результате имеем основное условие: относительный прирост нормы эксплуатации должен быть меньше относительного прироста отношения $c+v$ к v плюс относительный прирост периода оборота. К такому простому виду приводится формула, которую т. Крицман приводил в самом конце доклада. Дальше, при помощи простых преобразований можно получить следующее неравенство (исходя из предыдущего):

$$\pi^r < \left(\omega^r + s^r \frac{s}{s+1} \right) \frac{n}{n+1}$$

Если имеет место это неравенство, норма прибыли падает. Символом π здесь обозначена производительность труда в тех отраслях, которые производят средства производства средств существования рабочего класса и самые эти средства существования — очевидно, в тех отраслях, которые влияют на величину v . Отмечу, кстати, что допущения постоянства числа рабочих не требует совершенно потому, что в самом начале мы имеем дело не с абсолютными, а с относительными величинами. Изменение числа рабочих не затрагивает таким образом наших выводов. Интересно указать, откуда появилось π . В предыдущем мы имели дело с относительным приростом нормы эксплуатации. Поскольку мы исключаем из рассмотрения изменение длины рабочего дня — этот относительный прирост зависит от обесценения рабочей силы, а это обесценение, в свою очередь, выражается через π — исходя из закона трудовой стоимости. Здесь мы имеем пример того, как экономический и математический анализы тесно переплетаются между собой. Такое переплетение имеется и в работе т. Крицмана: если бы он не применил математики, он не мог бы расчлнить вопрос на те 3⁵ случаев, на которые он его расчленил. Если же у него не было бы экономического анализа, правильного экономического знания того, что представляют собой его математические символы, он не мог бы проделать ни одного преобразования своих неравенств. Он мог умножать их, например, на v только потому, что он знал, что v есть переменный капитал, который не может быть меньше нуля. Я хочу еще отметить, что из приведенной формулы следует также то, что закон падения нормы прибыли легче проявляется на более высоких ступенях развития капитализма. В правой части мы имеем две дроби

меньше единицы: $\frac{s}{s+1}$ и $\frac{n}{n+1}$. Но с ростом капитализма величина

их растет, т. к. при $s \rightarrow \infty$ и $n \rightarrow \infty$ обе стремятся к 1. Вместе с ними

увеличивается вся правая часть неравенства, и т. к. она именно и должна быть больше, то отсюда следует, что закон падения нормы прибыли гораздо легче проявляется на более высоких ступенях развития. Правда, это еще не значит, что кривая норма прибыли имеет максимум, но отсюда до максимума уже не так далеко. Чтобы совсем закончить с этой формулой, нужно еще остановиться на следующем. Особенное значение в нашей формуле имеет величина s^r , т. е. относительный рост состава капитала. Если этот рост состава капитала — величина отрицательная, т. е. если состав капитала падает, то рушится весь закон падения нормы прибыли. Но s^r есть положительная величина, если прогресс техники действительно имеет место. Если этот прогресс имеет место, величина s растет. Здесь приходится упрекнуть т. Струмилина, который говорил, что s может при этом расти и падать. Это неверно. s обязательно должно расти. Величину s^r можно разложить следующим образом: $s^r = \left(t \frac{z}{s}\right)^r = t^r + \left(\frac{z}{s}\right)^r$, где t —

технический состав, а $\frac{z}{s}$ — отношение стоимости единицы средств производства к стоимости единицы рабочей силы, $t^r > 0$, т. к. t растет с прогрессом техники, ибо t и выражает собой состояние производительных сил, а дробь $\frac{z}{s}$ если и не растет, то во всяком случае и не падает. Дело в том, что средства производства не могут так быстро обесцениваться, как средства потребления, т. к. их производство зависит от целого ряда органических процессов и т. п., которые не могут быть произвольно ускорены. Марке, указав на это обстоятельство в своих „Теориях прибавочной стоимости“ в главе против Шербулье, вполне резонно замечает, что „этим вопрос исчерпывается“¹⁾. И, наконец, последнее замечание. Если прогресс происходит только в тех отраслях, которые не имеют никакого отношения к стоимости рабочей силы, т. е. к производству относительной прибавочной стоимости — один из случаев разбираемых и Львом Натановичем — в этом случае левая часть неравенства, т. е. π^r — превращается в нуль. Следовательно, наше неравенство обязательно будет иметь место, и норма прибыли будет обязательно падать.

Тов. Смит. В начале своего выступления т. Струмилин сказал, между прочим, что он хотел бы знать, „в каких, собственно, интересах проведена эта работа“, и далее, развивая свою мысль, сказал: „Представим себе, что мы имеем таких апологетов капитализма, которые верят во внутреннюю мощь, силу его и т. д. Вы их не убедите своими формулами, т. Крицман и т. д.“. Но этому поводу мне хотелось бы сказать, что вряд ли т. Крицман или кто-либо другой из исследователей его типа могли себе поставить задачу убеждать своими исследованиями апологетов капитализма. Апологетов капитализма вряд ли можно переубедить теоретическими построениями.

1) Относительно величины ω — среднего периода оборота всего капитала — можно также доказать, что, по крайней мере, начиная с известного момента, она тоже растет.

Да и не в этом заключается задача, а в том, чтобы вырвать из рук апологетов капитализма то оружие, которым они до сих пор почти монопольно пользовались. Я говорю о применении математического метода к экономике. В самом деле, только школа буржуазной экономики, школа предельной полезности широко пользовалась математическим методом в экономике, и это было весьма своеобразное использование математики, скорее, злоупотребление ею, чем употребление ее. Этого рода работы и приемы уже разъяснил в своей работе т. Блюмин, работа же т. Крицмана является одной из первых попыток использования математического метода в марксистской экономике. Здесь мы видим систематическую комбинацию экономической абстракции и математической абстракции, при чем т. Крицман устанавливает самые пределы, в которых такая комбинация возможна. Докладчик пользовался главным образом тем, что я назвала бы „алгеброй неравенств“. Для экономиста это чрезвычайно ценная система математических операций. Целый ряд конкретных экономических вопросов именно и решаются с помощью знаков $>$ и $<$ (больше и меньше), и конкретная экономика находит свое алгебраическое выражение именно в операциях алгебры неравенств.

Наш юный математик т. Боярский предлагает нам использовать более сложные математические построения.

По существу, против его приемов возражать нельзя. Но прежде, чем говорить о преимуществе его методов, следует вспомнить условия применения новых орудий работы, о которых говорил т. Крицман в своем докладе. Здесь нужно поступить так же, как капиталист, фигурировавший в его докладе. Этот капиталист делает новые затраты на основной капитал только в том случае, если еще больше выиграет на переменном. Это будет верно и в применении к затратам на капитал математических орудий исследования. Иногда затраченное здесь время дает результаты, которые не оправдывают затраты времени. Это — общий вопрос для всяких утонченных математических изысканий. Было бы хорошо, если бы т. Боярский продолжил свою работу так, чтобы быть в состоянии доказать нам практическую выгодность своих более сложных построений.

В заключение хочу остановиться еще на одном-двух конкретных моментах. Тов. Струмилин, говоря о стоимостном составе капитала, допустил ту же ошибку, какую обычно допускают наши экономисты-практики, имея дело со стоимостными измерителями: тут забывают или игнорируют обычно чрезвычайно простую вещь, а именно, — что почти все стоимостные измерители являются величинами не первого, а второго порядка, т. е. произведениями массы материальных единиц на стоимость каждой из них; и тогда как первый множитель с прогрессом техники растет, второй — падает. В самом деле, что такое рост постоянного капитала? Тов. Струмилин прав, что стоимость машин и орудий с прогрессом техники падает, но он забывает, что одновременно растет число их. И так как второй множитель — число единиц оборудования — растет быстрее, чем падает стоимость каждой из них, то произведение все же растет и в стоимостном выражении,

хотя и не так быстро, как в материальном выражении. То же самое и по отношению к переменному капиталу: падает стоимость средств существования отдельного рабочего, растет абсолютно и масса занятых рабочих, но растет не так быстро, как масса единиц оборудования, и потому второе производство растет медленнее первого. Конечно социальный уровень потребления может при этом подыматься, но стоимость средств потребления падает с ростом производительности труда так же, как и стоимость средств производства. Правильный анализ соотношения двух производений, множители которых изменяются в различном направлении, несколько сложнее, чем это кажется. Здесь совершенно прав был т. Боярский, пытавшийся принять во внимание одновременные изменения всех этих элементов. С теми же недоразумениями мы имеем дело, когда операторы нашей советской экономики берутся за ценностное измерение производительности труда, стоимости валовой продукции и т. д. Благодаря весьма легкомысленному обращению этих экономистов с ценностными измерителями, вопрос чрезвычайно запутан. Тов. Базаров уже указывал на это в своей статье о производительности труда. Пора перейти от этой упрощенности к более тонкому подходу к ценностным измерениям. Тогда, пожалуй, мы не будем иметь дело с такими странными утверждениями, какие мы слышали сегодня от т. Струмилина.

Еще одно возражение т. Струмилину. Он полагает, что ответ на поставленный вопрос нельзя получить иначе, как эмпирическими исследованиями. Что такое исследование могло бы иметь ценность — в этом не приходится сомневаться, при условии, что мы будем располагать достаточно доброкачественным материалом. Но что можно поставить такое исследование без теоретической ориентации такого типа, какую предлагает нам т. Крицман, — это по меньшей мере спорно. Между формулами Маркса и эмпирическим исследованием должна лежать еще стадия детального анализа, необходимого для постановки этого эмпирического исследования. В статистике, если она разрывает с формальной логикой и опирается на диалектику, приходится иметь дело с триадой: качество, количество и снова качество. Иначе говоря, детальный качественный анализ, количественное наблюдение и констатация перехода количественных изменений в качественные. Тов. Струмилин, повидимому, хочет упразднить первый элемент этой триады. Но доклад тов. Крицмана как раз и пытается дать нам содержание этого этапа эмпирического исследования, хотя, быть может, он прямо такой задачи себе и не ставил.

Заключительное слово Л. Н. Крицмана

Товарищи, я отвечу на те замечания, которые были сделаны отдельными выступавшими товарищами. Начну с С. Г. Струмилина. Он подошел прежде всего, с точки зрения целевой установки моей работы. Работа моя предпринята в целях социологического анализа развития мирового капитализма, разработки теории его революционного превращения в социализм и т. д. Но эти вопросы мною еще только разраба-

тываются и их еще преждевременно выносить на обсуждение. Однако мне кажется, что доложенная мною работа представляет известный интерес и независимо от других частей моей работы. Перейду к другим замечаниям тов. Струмилина. Попытка привлечь статистический материал и именно данные о движении нормы процента весьма сомнительна, ибо норма процента и норма прибыли вещи далеко не совпадающие. Далее т. Струмилин заявил, что я опирался на эмпирию. Естественно, никакое исследование не может быть произведено без того, чтобы чего-то не брать из эмпирии. Я однако этим не ограничился. Следующее замечание относительно того, что я беру пределы, которые легко могут быть превзойдены. Но я таких пределов не брал. Если взять, например, органический состав капитала, то капитализм начинает во всяком случае с величины большей нуля, и за всю историю человечества достигает величины, скажем, 20. За целое столетие существования капитализма можно предположить, что органический состав капитала изменяется, скажем, от 5 до 20 и, вероятно, в еще более узких пределах. Я же предполагаю, что величина $\frac{c}{v}$ ограничивается десятками.

Здесь остается еще большой простор, но, конечно, не беспредельный. Точно так же и относительно других величин. Те интервалы, которые я взял, переходят далеко за пределы, достигнутые капитализмом. Этого вполне достаточно, ибо даже в области точных наук всем известно, что законы, которые существуют для температуры от 0° до 100° и от 1 млн. до 2 млн., это совершенно другие законы. Совершенно достаточно, если я указываю пределы настолько широкие, что вся рассматриваемая эмпирия укладывается в них с избытком. Я не считаю, что это есть недостаток.

Перейду теперь к вопросу, который был затронут другими и в частности и т. Струмилиным, к вопросу, насколько правильно мое утверждение насчет производительности труда. Он опровергает мой вывод при помощи кирпичей. Но, если говорить о производительности труда в общественном масштабе, то придется выйти за пределы кирпичей потому, что кроме кирпичей придется иметь дело с массой настолько различных вещей, что их непосредственно сопоставить невозможно. Нельзя в данном вопросе оперировать кирпичами, как отдельным продуктом, необходимо оперировать всей совокупностью производимых продуктов. А, если оперировать всей их совокупностью, необходимо искать других методов определения производительности труда в масштабе всего общества. О замечании В. А. Базарова относительно железного закона заработной платы, я буду говорить отдельно. Итак, предположим, что жизненный уровень рабочего не меняется. Тогда этот жизненный уровень, взятый за единицу, представляет собой некоторую совокупность благ, имеющих определенную стоимость, при чем стоимость их до данного прогресса техники и после него, разумеется, различна. Норма прибавочной стоимости, равная 1 (100%), означает, что если вся вновь произведенная стоимость будет овеществлена только в средствах необходимого потребления, то каждый рабочий произведет, помимо средств производства, два бюджетных набора, средства существования для двух

рабочих. Если норма прибавочной стоимости возрастет до 2 (200%), то это будет означать при тех же предпосылках, что каждый рабочий произведет уже не два, а три бюджетных набора. Это, может быть, не очень точно, но дает хотя и грубое представление об общем уровне производительности труда, и кирпичем его разрушить невозможно.

Затем последний вопрос, который поставил т. Струмилин. Это вопрос о том, что представляет собой величина $\frac{c}{v}$: органический ли это состав или состав по стоимости? В моих формулах это состав по стоимости. И тем не менее называл его органическим составом по той простой причине, что интересовала меня здесь не столько эта величина, сколько ее динамика. Между тем она в основном определяется прогрессом техники, изменением технического состава и потому я считал, что существенное в этом самом составе по стоимости есть как раз то, что он изменяется в соответствии с изменением технического состава.

Поэтому о $\frac{c}{v}$ можно говорить как об органическом составе капитала, что я и сделал. (С места: „Так и Маркс поступает“). Теперь не падает ли величина c и не представляет ли обесценение элементов постоянного капитала угрозы моему утверждению о росте органического состава капитала, о росте $\frac{c}{v}$. Не представляет, и вот по какой причине. Об этом в моей статье сказано. Мы можем различать для каждой из величин $\frac{c}{v}$ и $\frac{m}{v}$ два момента, т. е. на которые указала тов. М. Н. Смит: материальное (натуральное) изменение и ценностное изменение. Машинны становятся с прогрессом техники крупнее, число машин возрастает, возрастает и количество сырья, постоянный капитал возрастает в натуральном выражении. Наоборот, переменный капитал в натуральном выражении, рабочая сила, падает потому, что относительно (при отношении к одной и той же величине продукции) число рабочих сокращается. Что касается стоимостных изменений, то обесцениваются и элементы постоянного капитала и элементы воспроизводства рабочей силы: здесь принципиальной разницы нет. Но в то время, как элементы и c и v обесцениваются, идет материальный рост числителя (c) и материальное сокращение знаменателя (v), и в итоге, ясное дело, число $\frac{c}{v}$ возрастает (т. е., если знаменатель падает, а числитель растет или падает, но слабее, чем знаменатель, то дробь растет).

Теперь перейду к другому из выступавших товарищей, к тов. Шатуновскому. Тов. Шатуновский подчеркивал недостаточную определенность выводов из всего моего анализа. Он говорит, что недостаточно вообще сказать, что существует максимум, что движение нормы прибыли носит колебательный характер, а необходимы более конкретные данные. Что конкретные данные желательны, это несомненно, но они не могут быть получены — в результате теоретического анализа. Чтобы построить самую кривую движения нормы прибыли необходимо иметь

дополнительные эмпирические величины. Из данного мной анализа вытекает, что движение нормы прибыли дает только один максимум, и для той цели, которую я себе ставил, для социологической цели, этого достаточно. Мне нужно установить, что происходит диалектический процесс, что самое развитие производительных сил капитализма, которое сначала ведет к повышению нормы прибыли, оно же приводит и к падению нормы прибыли. Тов. Шатуновский подчеркнул, что норма прибыли зависит не только от прогресса техники. Это совершенно правильно, но я считал, что нельзя разобратся в этом деле, не выделив отдельных моментов. При продолжении моей работы я коснусь и других моментов, которые представляют меньшую трудность. Трудность вопроса о влиянии прогресса техники обуславливается тем, что прогресс техники приводит одновременно к двум друг другу противоречащим изменениям: росту нормы прибавочной стоимости и росту органического состава капитала. Это и затрудняет до крайности анализ. Влияние всех остальных моментов вскрыть довольно просто, ибо там такого сочетания друг с другом связанных и то же время друг другу противоречащих изменений нет.

Норма прибыли, сказал т. Шатуновский, изменяется от политических причин и проч. Я бы этого так не формулировал, потому что это уже музыка из другой оперы. Политические причины мы должны в данном вопросе рассматривать как следствие определенных экономических причин. Я с самого начала сказал, что все мое рассмотрение веду в рамках марксовского капитализма „чистого“, основанного на свободной конкуренции, не монополистического. Таким путем, я думаю, можно подойти и к анализу монополистического капитализма.

Не нужно ли было перейти от тех математических методов, которыми я оперировал, к другим более совершенным, к дифференциальному и интегральному исчислениям?

Помимо того, что для экономистов и те математические операции, которые я применял, затруднительное дело, а интегральное исчисление совсем отстало бы экономистов, я не уверен, что это целесообразнее. Об этом можно будет судить, если т. Боярский продолжит свою работу и доложит ее нам в законченном виде. Пока его результаты недостаточны, потому что результаты моей работы не покрываются тем, что он здесь изложил. (Т. Боярский: „У меня математическая абстракция с'ела экономическую, мои выводы в том, что после определенного момента будет падение“). Этого недостаточно, для моего социологического анализа весьма существенно и то обстоятельство, что при формулированных мной предпосылках, при „чистом“ капитализме на основе свободной конкуренции, должно иметь место не только падение нормы прибыли, но до того и падение ее.

Перейду к В. А. Базарову. К его утверждению, что я будто бы исхожу из родбертусовско-лассалевского закона заработной платы, а не из закона Маркса. Прежде всего, я нигде не делал никаких предпосылок на счет того, чем определяется жизненный уровень рабочего (не предполагаю, следовательно, что уровень этот определяется физиологическим минимумом), а только, что этот уровень остается в капиталистическом обществе неизменным. Это между прочим. Суть

же дела в том, что в доложенной мной работе я пытаюсь выявить зависимость между движением нормы прибыли и прогрессом техники, отвлекаясь от других моментов с тем, разумеется, чтобы их рассмотреть дополнительно. Так в качестве одной из предпосылок я принял, что речь идет не о производстве новых продуктов, в частности, не о создании новых отраслей промышленности, не о создании новых предметов потребления, а только о техническом прогрессе в производстве данных продуктов. Это есть ограничение задачи, которая для полного ее разрешения нуждается в дополнительном исследовании. И этого дополнения еще не дал. Если исходить из указанного допущения производства только данных продуктов, а значит и из наличных отраслей промышленности, рассматривая прогресс техники только в форме повышения производительности труда в производстве данных продуктов, и следовательно, удешевления последних, то отсюда будет вытекать и данный уровень жизни для простого труда в отношении списка продуктов потребления. Поскольку же происходит изменение уровня жизни, оно не стоит в непосредственной связи с данным прогрессом техники; оно может быть рассмотрено отдельно и должно составить предмет особого рассмотрения (как и ряд других моментов).

Далее, те данные, относительно потребления на душу населения, чугуна, газет и пр. вещей, на которые вы ссылались, сюда вообще непосредственного отношения не имеют. Чугун не есть продукт необходимого потребления. (Тов. Базаров: „Почему не необходимо?“). Если вы включаете и паровозы и все, что относится к производству, то это средства производства, а не средства необходимого потребления. Кроме того, деля все личное потребление на численность населения, вы с одной стороны берете и все личное потребление капиталистов и обслуживающих их, т. е. все потребление средств роскоши, а с другой стороны в душу населения включаете капиталистов, их челядь и т. д.; я же говорю о жизненном уровне рабочего, который является представителем простого труда. Следовательно, если вы берете все потребление и делите на население, эта величина не выражает собой потребления рабочего, являющегося представителем простого труда, во-первых, потому, что сюда входит все непроизводительное население, раз, во-вторых, потому, что реально с прогрессом капитализма происходит рост квалификации рабочего класса, а я говорю о простом труде. Что касается устойчивости жизненного уровня простого труда в отдельных странах, целый ряд статистических исследований это подтверждает. Недавно вышла работа т. Струмилина, которая для довоенной России подтверждает эту устойчивость (для простого труда). (С места: „Бюджетный набор здесь неточен“). (Тов. Смит: „Динамика бюджетного набора“). Рост жизненного уровня неквалифицированного рабочего, поскольку он вообще имеет место, ограничен весьма узкими пределами. К тому же дополнительное рассмотрение этого роста не только не опровергает полученных выводов, а еще усиливает их. Если исходить из того, что мы имеем только данные продукты и если при этих условиях оказывается, что норма прибыли падает, то что будет, если мы от этого ограничения откажемся, и если мы предположим, что жизненный уровень рабочего класса не остается неизменным, а что он растет? (С места: „А тем

более падает“). Если мы от этого ограничения откажемся и предположим, что он растет, при этих условиях, естественно, норма прибыли будет падать, и выводы тем более подкрепляются.

Перейду теперь к тому, что говорил т. Вейц. Он поставил вопрос насчет оборотного капитала. (Т. Вейц: „Насчет 2, если включить весь авансированный капитал при расширенном производстве“). Здесь вы оставили без внимания следующее обстоятельство: я беру данные размеры продукции и делаю дополнительное предположение, что технический прогресс уменьшает переменный капитал и увеличивает только основную часть постоянного капитала, а оборотную часть оставляет без изменения. Если в течение года производится 1 млн. аршин хлопчатобумажной ткани, на нее будет затрачено такое же количество сырья. Это не всегда правильно. Известны такие случаи прогресса техники, которые сопровождаются увеличением выхода. Но я оговариваюсь, что я от этого отвлекался. Это есть один из моментов, который требует дополнительного исследования. Надо выяснить, что будет в тех случаях, когда условие это не соблюдается. Но, если это условие налицо, тогда изменения издержек на оборотный капитал вообще не происходит, и остается только изменение издержек на основной капитал.

Затем относительно того, что при изолированном рассмотрении движения нормы прибавочной стоимости, с ее ростом, норма прибыли растет, в то время как из непосредственного рассмотрения вытекает, что норма прибыли в этом случае падает. Дело в том, что речь идет только о формуле для ΔR . Я прихожу к выводу, что влияние роста прибавочной стоимости на величину ΔR ведет к уменьшению ΔR и тем самым влияет в сторону падения нормы прибыли. Я нигде не утверждаю, что с ростом, напр., $\frac{m}{v}$ норма прибыли падает, а лишь, что рост $\frac{m}{v}$ влияет в сторону падения нормы прибыли. В дальнейшем ходе анализа я рассчитаю два случая: норма прибыли растет, норма прибыли падает. И для того случая, когда она растет, я доказываю, что величина ΔR уменьшается. Таким образом, этот рост, чем далее, тем больше замедляется и подготавливает падение нормы прибыли.

Затем последний вопрос, который затронул тов. Вейц. Это относительно допустимости исчисления, соответствующего частичному дифференцированию, которое я производил и которое предполагает независимость переменных друг от друга.

Но дело в том, что в данном случае нельзя на ряду с общей зависимостью $R = f\left(\frac{c}{v}, \frac{m}{v}, \frac{c_g}{c}, \omega, o\right)$ утверждать дополнительно, напр.,

$\frac{c}{v} = f\left(\frac{m}{v}, \frac{c_g}{c}, \omega, o\right)$ и т. п., это было бы неверно. Изменение каждой из переменных не может быть определено, если даны только изменения всех остальных переменных. Я рассматриваю поэтому все эти пять величин, как независимые и выражающие изменение уровня развития капитализма. Этим разрешите закончить.

МАРКСИЗМ, ПСИХОАНАЛИЗ И ИСКУССТВО

(По поводу книги Henriette Roland-Holst-Van der Schalk. *Over leven en schoonheid. Opstellen over aesthetische en ethische onderwerpen.* Arnhem, 1925. XIII, 488 стр.):

Ролланд-Гольст, бывший почетный член Социалистической Академии, до войны считалась одним из лучших социалистических теоретиков искусства. В издававшемся под ее редакцией голландском е.-д. журнале „Die Nieuwe Tijd“ и в немецкой „Neue Zeit“ был помещен целый ряд ее литературно-критических работ о средневековом мистицизме, об эстетике и искусстве, о Меттерлинке, Ибсене, Толстом и др. После войны Р.-Г. стала коммунисткой, и притом левой коммунисткой. Эта „левизна“, однако, не мешала ей стать мистиком и вступить в религиозное общество, из которого она потом вышла под давлением социалистических кругов. С тех пор она живет с группой голландских художников вдали от активно-политической жизни и примыкает к рабочей коммунистической оппозиции.

Р.-Г. за последние годы писала очень много. Называю лишь главные ее произведения: „Предисылки для обновления драматического искусства“, затем книгу „Коммунизм и мораль“, (1925 г.), направленную против книги тов. Преображенского о морали, и, наконец, названную в подзаголовке книгу об искусстве „О жизни и красоте“ — сборник крупнейших статей автора, вышедших в социалистических и коммунистических журналах, начиная от 1897 до 1924 года. В первый и второй отделы книги входят более ранние статьи о „Социалистической эстетике“ (против Канта) и об „Общественных причинах средневековой и современной мистики“. Эти статьи известны, и изложенная в них точка зрения была одобрена в свое время видными марксистскими авторитетами. Гораздо больше интереса для нас сейчас представляет третий отдел книги — „Исторический материализм и искусство“, цикл статей (шесть), опубликованных впервые в 1924 году в голландском коммунистическом журнале „De communistische gids“. Таким образом в этой интересной, написанной красивым художественным стилем книге Р.-Г. представлены ее теоретико-критические работы от 1897 до 1924 года, которые ярко показывают, какую громадную эволюцию автор проделал за этот период в области художественного мировоззрения. Интереснее всего в этом отношении последняя часть книги „Исторический материализм и искусство“, написанная против „механически-каузальной“ теории искусства, которую автор якобы вычитал из главы об искусстве в „Теории исторического материализма“

тов. Бухарина. Усмотрев в этой теории смертельную опасность для искусства и извращение марксизма, Р.-Г. решила доказать, что проблема художественного творчества не может быть разрешена всецело марксизмом, а марксизмом плюс современная психоаналитическая школа. В виду недоступности книги Р.-Г. большинству русских читателей, мы даем краткий конспект содержания интересующей нас части.

I. Неравномерность развития общества и искусства

Ссылаясь на предисловие Маркса к „Введению в критику полит.-экономики“, Р.-Г. обвиняет многих марксистов в неправильном понимании чрезвычайно важного для искусствоведа места о неравномерном развитии общества и искусства. И Бухарин, по ее мнению, прямо противоречит Марксу, понимая под неравномерностью развития несоответствие искусства с определенной формой экономического развития общества, т.-е. искусство, по Бухарину, не должно быть в противоречии с материальным развитием общества. У Бухарина, посредственно или непосредственно, но всегда и абсолютно, духовные явления зависят от материальных. „По этим самым духовное творчество сводится почти на нет, и диалектика, сущность марксизма, отрицается, остается один материализм“ (стр. 315). Эта точка зрения, что материя есть не только фундаментальная, но и единственно-реальная действительность — наивно реалистична. Все, что находится в человеческом сознании, „реально“, „действительно“ и составляет нашу внутреннюю действительность.

„Материальная, чувственная действительность не что иное, как одна из форм, в которой мы определяем содержание нашего психического опыта“ (319). „Форма, которую мы называем эмпирической действительностью, по всей вероятности, есть та форма элементов опыта, которая является самой рациональной для существования и развития человеческого рода“ (320). На эмпирической действительности зиждется все человеческое бытие, но это еще не значит, что оно и содержит в себе все человеческое бытие. Взаимоотношение между базисом и надстройкой такое же, как между растением и его плодом. Философия, религия, искусство — плоды экономики. Они такие же „реальные действительности“, как техника и производство, а не только отражение.

Бухарин прав, что искусство зависит от состояния производительных сил; но эти последние еще не делают искусства; инструменты — лишь материальные вспомогательные средства. Хотя художник и зависит в известной степени от инструмента, но он черпает свои творческие функции главным образом из „внутреннего мира“, личных переживаний и воспоминаний. А тут марксизм уже не при чем: здесь начинается область психоанализа, точнее, то направление его, которое возглавляется швейцарским психоаналитиком К. Юнгом. Психоанализ для внутренней и личной жизни то же самое, что марксизм для внешней, социальной. Эти две науки ничуть не противоречат, а дополняют друг друга. Как марксизм рассматривает материально-экономический процесс,

как базис, на котором основываются все социальные явления, так психоанализ видит в инстинктивном стремлении основу всех высших психических функций. Как марксизм в идеологии видит средство буржуазии для замаскирования эксплуататорских целей, так психоанализ рассматривает очень многие явления личной психической жизни (фантазия, неврозы), как средство подавления неприятных воспоминаний. Марксизм исследует связь различных форм социальной жизни, а психоанализ — внутренние движущие силы этой жизни. Область деятельности первого — внешний социальный мир, область второго — человеческое сознание (331). Марксизм есть социологическая, а психоанализ — психологическая основа искусства; поскольку же искусство питается главным образом психикой художника, роль марксизма при анализе художественных произведений ограничена, первое место занимает психоанализ.

Современный марксизм придает больше значения материальному производству, нежели социально-духовному творчеству; этот нездоровый уклон объясняется влиянием капитализма, для которого материальные блага составляют единственно реальную действительность (332). Сейчас имеется насилие количества над качеством, материи над духом. Р.-Г. с восторгом вспоминает времена средневековья и ренессанса, когда господствовал дух над материей. Фиктивное убеждение в превосходстве современных средств производства ослепило Бухарина так, что он не замечает, как люди средних веков с их „жалкими средствами производства“ соорудили красивые памятники искусства, а теперь человек — раб машины; продукты его труда — товары — не содержат внутренней ценности. При капитализме нет гармоничной естественной связи между искусством и общественным строем, как в докапиталистические эпохи; тогда красивые произведения искусства создавались так же естественно, как цветущая мать рождает красивых детей.

II. Приспособление (адаптинг) сознания и его последствия

Юнг различает четыре основных формы функций психической деятельности: мышление, чувство, ощущение и интуицию. Чувство и мышление Юнг называет рациональными или разумными функциями человека; индивид, у которого эти функции преобладают, — рациональный тип. Интуиция и ощущение — более подсознательные иррациональные функции; люди такого типа основывают свои действия на инстинктивной уверенности (344—345). Приспособление человека к жизни всегда происходит при помощи одной из названных функций. Одна функция всегда господствует. Другие тоже содействуют, но они подавлены, они дремлют в подсознательном. Все люди принадлежат к двум большим группам: 1) у которых психика направлена на внешний мир и 2) на внутренний мир.

Психика первой группы почти исключительно управляется внешними ощущениями и импульсами, а психика второй группы почти независима от внешнего мира (инженер и художник). Это же относится и к целым общественным организациям (349). Жизнь капиталистического

общества направлена на внешний мир, на эмпирическую действительность. Это направление причинило много вреда: оно развило лишь одну сторону человеческой деятельности и подавляло другую — психику. Но эта ненормальность нашла себе выход в целом ряде реакций — в теософии, спиритизме, символизме и т. д. Естественность и капитализм — вот силы, способствующие этому внешнему направлению. Пока материальное производство вращалось в границах домашнего замкнутого хозяйства оно оставляло достаточно сил свободными, чтобы удовлетворить и внутреннюю жизнь. Хотя христианство — „внешняя“ система, но его презрение ко всему земному, материальному, привело сознание к внутреннему миру. Только капитализм принуждает эту внутреннюю жизнь устремиться наружу. Внутренний мир превращается в предмет желаний и иллюзий (354). Духовное творчество становится второстепенным и менее ценным. Искусство превращается в рекламу; оно гонится за новыми впечатлениями, нет времени, чтобы обработать их во внутреннем мире, чтобы создать гармонию между „материей“ и „духом“ (358). Искусство стало на путь капиталистического производства, произошло „овеществление“ внутренней жизни (359). „Но настоящее искусство требует в первую очередь устремленности в себя (ingekeertheid), чтобы прислушаться к голосу инспирации“ (361). Быстро несовместима с гармоничной красотой.... „Современный художник похож на бедную измученную фабричную работницу, которая рождает много детей, но слабых и рахитичных“ (362). „Капитализм — враг искусств“ (363). Искусство — в рабстве у капитала. Но подавленный внутренний мир художника все-таки пробивается наружу — в наше время главным образом в музыке. Она единственное из всех искусств, которое вышло внезапно, спорадично и бессознательно из подавленного состояния (372). Именно музыка, которая еще больше, чем поэзия, выражает абстрактные, непластичные и безличные чувства, в XIX веке достигла наибольшего богатства форм в своем развитии (372). Как же случилось, что музыка могла играть в этом царстве внешнего мира такую роль? Тут кроется противоречие, которое разрешимо лишь при помощи психоанализа: „Это взрыв человеческого сознания, компенсация за подавление духовных функций и отвергнутого, жаждущего „внутреннего мира“ (373). Функции не могут умереть, внутренний мир не может утонуть в ничто. Гармония человеческой жизни требует восстановления своего равновесия: кроме материальной своей действительности она ищет и другую ее форму — внутреннюю действительность в религии, философии и искусстве; эту роль ныне выполняет музыка. Вухария прав, что музыка зависит от состояния производительных сил, т. е. от инструментов, но это еще не все: она зависит также от всех духовных и социальных функций, от классовых отношений, государственного строя, психологии господствующего класса, форм общественной жизни, религии, философии, литературы и глубоких жизненных стремлений индивида, групп и эпох. Баха, напр., нельзя понимать без отвлеченной, индивидуальной религиозности его эпохи, — продукт реформации. Музыка XVIII века насыщена идеологией тогдашнего господствующего класса, а в звуках

Рихарда Штрауса чувствуется дух воинствующего германского империализма. Но все эти изменения в музыке, как последствия изменения общественного строя и производительных сил, касаются лишь формы. Сама сущность музыки не меняется. Она, как и в древние времена, выражает скорбь и радость, желание и страх. Ее основная функция независима от производственного процесса, она берет свое начало и даже прототип инструмента не из производственного процесса, а от ритмических и мелодичных звуков природы, песни птицы или ветра, движения эфира или шума водопада. Сущность музыки лежит в природе, она сверхчеловечна. Но факт процветания музыки при капитализме дает нам ключ к пониманию человеческого сознания. При помощи психоаналитического метода мы теперь в состоянии установить, что подсознательно играет очень значительную роль в художественном творчестве. А подсознательное в нашу эпоху—это столетиями угнетенные „внешним миром“ стремления и желания, „внутренний мир“ художника. Таким образом создалась прекрасная почва для реакции в области искусства, религии и философии. В каких формах эта реакция выливается в разных странах, зависит от национальных особенностей, традиций и социальных предпосылок.

III. Границы исторического материализма

Неравномерность развития искусства может быть двух родов: 1) искусство отстает от техники, или наоборот, и 2) данное искусство не соответствует, противостоит определенным общественным формациям. Второй случай неравномерности не может быть объяснен лишь общественным развитием, так как художественные произведения создаются не только взаимодействием чувств и факторов социальных, но и эмоциональными формами психической активности, часто подсознательным содержанием человеческой психики. Поэтому ясно: чтобы проникнуть в сущность художественного творчества, недостаточно наука о социальной жизни человека, т.е. марксизм; мы должны прибегнуть и к той науке, которая дает нам понятие об организации и деятельности человеческого сознания, т.е. к психоанализу (387).

Художественное произведение создается содействием трех различных сил: социальных, подлежащих законам науки об обществе — марксизму; явлений человеческого сознания, подлежащих закону психоанализа, и, наконец, жизненных явлений вообще, подлежащих законам космоса (387). Марксизм претендует на объяснение всех явлений в мире, в том числе и в искусстве, но это неправильно. В искусстве он объясняет лишь ту сторону творчества, которая зависит от социальной конструкции общества, и пасует там, где начинается сфера влияния человеческого сознания, как особой силы, доступной только психоанализу, не говоря уже о влиянии космических сил. Есть художественные произведения, которые нельзя рассматривать непосредственно как продукты социальной жизни. Различные направления фрейдизма рассматривают влияние подсозна-

тельного на искусство по-разному, но все они сходятся на одном: человеческая психика содержит целый ряд чувств и мыслей, присущих мировоззрению и психике примитивного человека.

Юнг рассматривает подсознательное, как общее всем людям, как то, что их всех объединяет, как глубокую основу, в которой дремлют старинные фантазии и символы и которая связывает современное человечество с первобытным.

Это „открытие“ психоанализа о влиянии подсознательного ничуть не умаляет научного значения марксизма. Подсознательное — это только особая форма традиции, а Маркс сам признает великую силу традиции, когда он говорит: „Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых“ („18 брюмера“).

Это место Маркса является пророческим и доказывает, что марксизм и психоанализ ничуть не противоречат друг другу. Такое противоречие получается лишь при механически каузальном объяснении Бухарина (390).

У Бухарина „надстройка“ выводится из „базиса“, и на основании „надстроечных“ явлений можно реконструировать базис. Поскольку речь идет о явлениях общего характера, автор с ним согласен. Но распространить эту схему на определенный случай и на определенную эпоху нельзя. Если взять, напр., средневековый европейский феодализм и феодализм в Японии, оба имеют ту же социальную структуру, моральные нормы и т. д. Но ядро, сущность этих двух обществ другая, и это другое как раз выявляется в высших, духовных сферах, в философии, религии, и искусстве. Унаследованные наклонности общественной группы и географическая среда могут создать при одинаковом экономическом „базисе“ различные „надстройки“ (393). Мы рассматриваем памятники готической архитектуры или поэмы Данте не только, как продукт феодального способа производства, в них нельзя недооценивать также и традиции римского и греческого искусства.

IV. Как создается „внутренний мир“

Исторический материализм учит, что наше сознание формируется воздействиями предметов внешнего мира на наши органы чувств; но человеческое сознание реагирует не на все ощущения одинаково; тут действуют пока нам еще мало известные психические законы; оно принимает те ощущения, которые связаны с жизненной целью данного индивида; решающее значение при этом выборе играет наша воля. В классовом обществе этот выбор определяется социальным положением индивида, т.е. его интересами, тем, что он хочет, требует или должен. Пример: консервативный помещик, писатель-импрессионист и социалистический агитатор наблюдают за скудным обедом деревенских батраков. Первый воспринимает красивый ландшафт, чистый воздух и восхваляет счастливую участь батраков по сравнению с душной фабричной жизнью городских рабочих. Второй — писатель импрессионист замечает лишь пестрый колорит окрестности.

разноцветные костюмы деревенских женщин и интересные для него деревенские типы: а третий—социалистический агитатор—видит только бедные хижины; скудный обед, невыносимый труд, усталость на лицах рабочих и бесчеловечную эксплуатацию. Стало быть, каждый воспринимает то, что его интересует, т. е. то, что в его интересах, как члена определенного общественного класса. И это называется „настоящая“, „правдивая“ и „реальная“ действительность! На самом деле, каждое из этих восприятий одностороннее и неполное и зависит от того, под каким углом зрения данный наблюдающий индивид рассматривает предмет. В классовом обществе восприятие всегда есть результат моторного питания, укрепляющего уже с самых молодых лет психический механизм человека до такой степени, что он может воспринимать окружающие его явления лишь в данном направлении. Все неприятные впечатления вытесняются из сознания в подсознательное (откуда их можно извлечь при помощи экспериментов психоанализа). Но подсознательные восприятия одного класса находятся как раз в сознании его класса антагониста и напоминаются, таким образом, постоянно. Оргии капиталистических „парвеню“ в больших городах не что иное, как попытка подавления неприятных чувств, напоминаний „греха“, эксплуатации народных масс. Чем больше кричат в буржуазных странах о „кровавой революции“ или „большевистских ужасах“, тем больше мы можем быть уверенными, что буржуазия лишь заглушает свой собственный террор (417).

Последние достижения психоанализа, доказавшие громадное влияние выбора восприятий или их вытеснения из сознания на оформление мировоззрения, в значительной степени укрепляют научную позицию исторического материализма; они дают ему недостающую до сего времени психическую основу. До сих пор марксизм был в состоянии исследовать лишь социальные и экономические факторы, но не мог их связать с психическими процессами. Этот пробел заполняет психоанализ, и в этом смысле его можно рассматривать, как продолжение марксизма (422).

Что имеет место в индивидуальном сознании, имеет также место и в сознании класса. Чем больше господствующий класс внутренне убежден в правильности своих действий, так, что даже считает себя представителем богов, тем меньше и незначительнее роль неприятного подсознательного, и тем больше бессмертных произведений искусства он создает (китайцы, ассирийцы, египтяне, римляне и греки). У названных народов господствовала прочная гармония между сознательным и подсознательным. Но как только эта гармония нарушается—а нарушается она восприятием впечатлений, возбуждающих подсознательное,—тогда психическая жизнь класса лишается равновесия, теряется в сомнениях—и искусство умирает, вернее, переходит вместе с властью к молодому уверенному в себе классу. Так было с буржуазией, то же будет с приходом к власти пролетариата. У художника самое верное чутье в этом отношении, от него не ускользнет и малейшая дисгармония.

У. Влияние общественных факторов на мировоззрение художника

Нас тут интересуют два вопроса: генезис мировоззрения художника и взаимоотношение мировоззрения художника и художественного произведения (438). У выше названного импрессионистического писателя нет своего индивидуального, внутреннего мира; он обрабатывает лишь воспринятые им явления внешнего мира—свет и тень, пестрые краски и т. п. Такое мировоззрение—продукт капитализма; а импрессионизм—„искусство низшего разряда“, он не может дойти до внутреннего переживания; наивысшее, на что импрессионизм способен, это—вызвать сожаление у зрителей. Мир настоящего художника, представителя искусства высшего порядка, гораздо богаче и красивее мира других людей. Такое искусство должно, независимо от среды, в которой оно создано, носить в себе черты не только социального явления, но и отражать психологию творчества художника. Эта способность через внешние восприятия действовать на внутренний мир, приводить в движение богатые душевные творческие силы и создавать гармонию между индивидуальным и общим миром—вот что отличает гения от одностороннего таланта (449). Из сюжета „батраки за обедом“ такой гений, может быть, создаст мадонну, семью или картину потрясающей бедности, пугающую богатых и призывающую угнетенных к борьбе; это зависит от того, принадлежит ли художник к традиционно-религиозной или критически-революционной среде. Поскольку и великий художник принадлежит к господствующему классу и его чувства выражают подсознательные воспоминания и чувства этого класса, его искусство стоит ближе к господствующему, нежели к угнетенному, классу, более понятно сытым, нежели голодным. Но произведение великого художника принадлежит всему человеческому роду, без различия класса, все его воспринимают и восхищаются им. Такое произведение искусства содержит в себе жизненные элементы обоих великих классов—антагонистов современного общества. Но это искусство возвышает эти элементы в сферу, где исчезает всякая враждебность и царствует красота. Оно вызывает воспоминания, дремлющие в обоих классах; оно рисует картину счастья для обоих классов; оно возвышается над ограниченностью и односторонностью обоих мировоззрений; оно обогащает один класс наилучшим из того, что имеется у другого класса“ (453). Эту картину автор себе представляет так: гениальное искусство вызывает у людей подсознательные воспоминания об их когда-то равном положении в природе; помещик, смотря на униженных рабочих на картине, увидит в них самого себя; социалистический агитатор также узнает в картине художественное произведение, красивое, очищенное от примесей классовой вражды.

Мечта о красоте и гармонии таким образом может быть осуществлена при антагонизме классов. Гениальное искусство должно стать источником исцеления для многочисленных страданий различных

классов и народов и целого ряда поколений (456). Это относится ко всем отраслям искусства: архитектуре, музыке, поэзии и т. д.

Краткий вывод: искусство не только классовое явление, его нельзя вывести всецело из социальных причин. Мировоззрение художника объединяет много элементов из социально-экономических явлений, но содержит также и много других, несоциальных элементов. И величайшие художники не витают свободно над обществом, а находятся под влиянием мировоззрения какого-нибудь класса, как, напр., Шекспир был под влиянием рыцарских традиций своего времени. Но тем не менее Шекспир принадлежит всему человечеству; его произведения имеют универсальное значение.

VI. Подсознательное, как элемент художественного творчества

Наше исследование о причинах неравномерности развития общества и искусства привело к тому выводу, что художественные произведения содержат элементы, которые не могут быть объяснены социальными факторами. Первые из этих элементов — это удивительная полнота жизни в высших художественных произведениях. Через восприятие этих произведений мы входим в мир, стоящий бесконечно выше обыденной жизни и социальной среды. Эта черта одинаково свойственна художественным произведениям всех времен и всех народов, как произведениям Данте, так и произведениям Толстого.

Предпосылки, лежащие в основе создания великой личности, нам пока еще неизвестны. „Мы даже не знаем, являются ли силы, создающие такую комбинацию (гения) материальными или имматериальными, являются ли они чем-то большим, нежели механическая сила, или нет“ (465). „Мы не знаем, каким путем создается художественный гений; мы знаем лишь его проявление“ (465). „Мы еще многого не понимаем в явлениях природы, и Искуль правильно говорит, что „мы окружены высшими действительностями, которые мы не можем воспринимать“. Это, конечно, не исключает решения проблемы при помощи науки в будущем. Автор полагает, что гении обладают какой-то диспозицией, посредством которой они сообщаются с высшей средой, недоступной простым смертным и кажущейся последним книгой за семью печатями; для них эта книга вечно и останется закрытой, если им ее не откроют эти избранные“ (467). Эта могучая интуитивная сила, при помощи которой гениальные люди воздействуют на бесконечно-великий мир, — эта сила лежит в подсознательном. „Ни одно художественное произведение не может создаться без помощи подсознательных душевных сил. Как ни велико участие сознательных сил в творчестве, особенно в произведениях техники, опыта и традиции, — источником инспирации всегда является подсознательное. Совершенное произведение искусства создается путем совместной творческой деятельности сознательного и подсознательного, но подсознательному принадлежит первенство: оно поэтому и кажется „даром богов“. Сознательно творящий художник может быть только хорошим

мастером“ (470). Не все отрасли искусства в одинаковой степени зависят от подсознательного: архитектура и скульптура — в меньшей степени, поэзия и музыка — почти всецело. В подсознательном лежит также и способность восприятия художественного произведения. Если мы потеряли путь к подсознательному источнику, то этот „потерянный рай“ для нас навеки потерян; путем технического обучения и долгого опыта мы можем достичь прекрасных навыков наслаждения искусством, но путь к высшему внутреннему миру для нас закрыт.

Что автор понимает под подсознательным, и каким законом оно подчиняется? По мнению автора, на этот вопрос отвечает, хотя еще не во всех отношениях удовлетворительно, современная аналитико-синтетическая психология, психоанализ. Происхождение подсознательного: подсознательное не есть явление сверх, естественное; оно — результат тысячелетнего развития человеческой культуры. Начиная от самого примитивного до современного человека, от поколения к поколению, через все эти тысячелетия большая часть человеческих желаний и чувств подавлялась; но они не исчезли совсем, а собираясь в подсознательном человека, образовали комплекс переживаний, так что „подсознательное стало нормальной составной частью человеческого сознания“. Содержание подсознательного: как установили психоаналитические эксперименты, содержание подсознательного архаично, т. е. исходит из детства человека; оно складывалось постепенно из неприятных чувств, вытесненных из сферы сознательной человеческой действительности. Содержание подсознательной действительности бесконечно богаче сознательной; оно содержит элементы, ничего общего с последней не имеющие; оно состоит из примитивных желаний и образов, которые проявляются во сне, но часто человек и не замечает, как он переносит часть этой внутренней жизни в свое творчество. „Открытие“ психоанализа, что подсознательное есть мать символа, дает нам возможность объяснить очень многое в художественном творчестве.

Функции подсознательного двоякого рода: оно выявляет человеческие желания и чувства в прошедшем и в будущем. Это подсознательное чувство объединяет стремления отдельных социальных групп в систему и пользуется для этого великими гениями, как Лютер, Кальвин, Кромвель, Робеспьер, Маркс и Ленин. Эти гении социального внешнего мира потом осуществляют стремления человечества в сфере рационального, сознательного, а великие художники собирают чувства и стремления человечества и осуществляют их в символах и великих художественных произведениях; их сфера деятельности — сфера иррационального и подсознательного. „Каждый из этих гениев объединяет своей деятельностью часть человеческой психики социальной жизни; каждый в отдельности несовершенен, один нуждается в другом, оба вместе взятые образуют полное человеческое сознание“ (478).

Эмпирически-подсознательное-современной аналитической философии не имеет ничего общего с трансцендентальным подсознательным Гартмана или мистиков. Подсознательное не метафизическое явление: оно производное от эмпирического опыта, оно зависит от материальных

факторов. Происхождение подсознательного из мифологических представлений и архаических символов восходит к глубокой древности. Чувства и представления примитивных народов сохранились еще в подсознательном современного человека, и Маркс совершенно прав, когда говорит, что греческий народный эпос действует и на современного человека. Массивно-варварские формы современного капитализма вызывают реакцию в психике человека, и он стремится пережить еще раз счастливое детство человеческой культуры.

Автор в конце книги еще раз подчеркивает, что он ничуть не хочет умалять научного значения марксизма; последний пользуется правом монополии в области анализа социальных явлений, в области же искусства лишь постольку, поскольку он обращается в мире внешних явлений. Все попытки сделать искусство рациональным, ограничить его лишь сферой внешнего мира, потерпели поражение. Пример: „пролеткульт“ в советской России. „Коммунизм должен, наконец, понять, что всю жизнь, всего человека нельзя рационализировать. Если бы это было возможно, как полагает Бухарин, это означило бы гибель всей культуры и поэзии, всякой углубленной душевной жизни и всякой красоты. Искусство замерло бы под каменными громадами“ (486). „Рационализация и механизация искусства — смертельная опасность для человечества“. И только коммунизм, кладущий в основу исторического процесса человека как творческую силу, может устранить эту опасность. Он спасет культуру тем, что не будет стоять на коленях перед идолами Рационального и Механического, а освободится от обожания материи и поклонения технике“ (487). Задача коммунизма состоит в том, чтобы привести в гармонию Сознательное с Подсознательным, рациональное с иррациональным.

Кажется, что нет надобности входить подробно в обсуждение всех положений Р.-Г.; у нее, с одной стороны, есть общие места, под которыми может подписаться всякий марксист. Но эти места дают очень мало, ибо они большей частью направлены против мнимых противников. Ведь ни Бухарин и никто из других марксистов никогда не утверждал того и не делал тех выводов, которые приписывает им автор; поэтому почти вся полемическая часть книги представляет бесполезное сражение с ветряными мельницами. С другой стороны, в книге много мест явно не марксистских и по характеру изложения, скорее, подходящих для художественной повести, чем для теоретического произведения. Я ограничился поэтому разбором трех основных заблуждений Р.-Г.

Проблему, которую поставил себе автор: исследовать роль подсознательного в художественном творчестве, может и должен ставить перед собой также каждый марксист-искусствовед; это тем более необходимо, что названная тема пока еще не получила надлежащей разработки в марксистской литературе. Марксизм не может отрицать и не отрицает значительной роли подсознательного в художественном творчестве, но он далек от общечеловеческой и внеклассовой трактовки подсознательного и считает, что нет никакой надобности „дополнить“ марксизм фрейдизмом или разными другими психоаналитическими направлениями. Такое „дополнение“ кажется лишь необходимым при

неправильном понимании основ марксизма, как это имеет место у Р.-Г. Первая и основная ее ошибка заключается в неправильном понимании взаимоотношений базиса и надстройки, в данном случае — развитие общества и искусства. По ее теории выходит, что влияние производственного процесса на искусство исчерпывается воздействиями „внешнего мира“ на форму и отнюдь не на сущность искусства. Экономический прогресс общества, повидимому, идет своим чередом, подчиняясь законам внешнего мира, а „настоящее искусство“ развивается согласно законам „внутреннего мира“. Неравномерность в таком случае рассматривается, как дисгармония между этими двумя мирами, когда один „мир“ насильственно подавляет другой (средневековье — царство духа, капитализм — царство материи). Движущие силы художественного прогресса понимаются, как существующие имманентно во „внутреннем мире“ художника и независимые от производственного процесса, а неравномерность рассматривается в духе самодовлеющего существования в развитии надстройки. Этот дуализм, положенный в основу анализа художественного творчества, чтобы очистить место для психоанализа, должен был привести ко всем тем непоследовательностям, путаным и наивным положениям, которыми страдает книга Р.-Г. Такое понимание неравномерного развития не марксистское; марксизм рассматривает эту неравномерность, как несоответствие надстройки базису, порожденное и обусловленное социально-экономическими отношениями назревающих новых социально-экономических условий. Сущность искусства не есть что-то обособленное от производственного процесса, а само искусство есть продукт производственного процесса. К этому дуализму неизбежно приведет всякая попытка рассмотреть экономику и искусство статически, выхватывая механически одну эпоху, забывая при этом взаимоотношения их в процессе исторического развития. Р.-Г. впадает в ту же ошибку, в которой она обвиняет „механистически-каузальных марксистов“. Все, что в человеческом сознании не порождено данным экономическим строем, извлечено из подсознательного и поэтому не может быть объяснено наукой об обществе, т.-е. марксизмом, так как подсознательный элемент человеческой психики не есть результат влияния общественных факторов. Но допустим даже на момент, что марксизм есть только наука об обществе, то разве это правильно? Если подсознательное не есть результат влияния общественных факторов данного социального строя, неужели оно тогда витает где-то свободно над обществом и не имеет своего экономического базиса? Если, например, в произведениях писателя капиталистической эпохи имеется влияние подсознательной дворянской психологии, то марксисту ясно, что это подсознательное имеет свой экономический базис в феодальном строе. Для объяснения этого влияния нет никакой надобности прибегать к психоанализу, тем более, что заслуга „открытия“ влияния подсознательного принадлежит вовсе не психоаналитической школе: оно было известно еще давно до нее. Зачем тогда, спрашивается, Р.-Г. понадобился психоанализ? Здесь обнаруживается вторая крупная ошибка — она рассматривает марксизм не как цельное мировоззрение,

обнимающее все явления человеческого бытия, а только как социологию, как науку об обществе. При таком ограниченном понимании марксизма Р.-Г. приходит к таким же выводам в области искусства, как официальный с.-д. философ Форлендер в области философии и этики: у марксизма нет этических норм, нужно его дополнить кантианством; у марксизма нет психологии,—говорит Р.-Г.,—нужно его дополнить психоанализом, это укрепляет его научную позицию. Нужно признать, что эта сторона марксизма еще мало разработана, но это еще никому не дает права соединить марксизм с идеалистическим учением. Что получается от такой „смычки“—лучшее доказательство путаная книга Р.-Г. Вышло не укрепление научной позиции марксизма, а отказ от его основ. Получилась не марксистская, а мелкобуржуазная идеалистическая теория искусства, несмотря на частые ссылки на Маркса и его учеников. О мелкобуржуазности уже свидетельствует характерная для Р.-Г. ориентировка, именно на К. Юнга, представителя правого крыла психоаналитической школы, а не на самого Фрейда. Юнг—типичный мелкобуржуазный представитель этой школы, примирившийся с церковью, смазавший сексуальное толкование неврозов и считающий причиной последних городскую капиталистическую обстановку; он призывает к уходу из городов в „здоровую“ и нравственную деревенскую среду и лечит путем нравственного и религиозного наставления. О мелкобуржуазности также свидетельствует некритический культ Руссо, общий Р.-Г. и Юнгу. Отсюда и идеализация всего докапиталистического искусства и враждебное отношение к рациональному искусству. Какой марксист может видеть свой художественный идеал в мистическом средневековье, в господстве духа над материей, религии над производством?

Неверно также положение Р.-Г., что в основе художественного творчества лежит главным образом подсознательное. Наоборот, прогресс искусства как раз заключается в рационализации его: сама Р.-Г. признала это раньше; в своей статье о мистицизме в современной литературе она говорит: „Поэзия пролетариата не может иметь ничего общего с мистикой, если под таковой понимать источник вдохновения таинственным, подсознательным и неизвестным. Поэзия пролетариата станет поэзией сознательных чувств и будет зиждиться на знании („Neue Zeit“, XX, 1, p. 439). Марксизм далек от отрицания или уменьшения роли подсознательного, но он не признает за ним первенствующей роли и не рассматривает его с общечеловеческой и внеклассовой точки зрения. Мы поэтому не можем согласиться с Р.-Г., что художественное произведение создается содействием трех сил: социальных, психологических и космических. Это только искусственный схематический выход из запутанного положения. Откуда взялся внутренний мир художника, которому Р.-Г. приписывает не социальное происхождение? Можно ли видеть в нем „реальную действительность“, самодовлеюще развивающуюся без всякого базиса? Азгор сам видит противоречивость своей теории и ищет выход в космических силах. Может быть,—говорит он,—революции совершаются, и гениальные произведения искусства создаются под влиянием особых,

теперешнему человечеству еще неизвестных, космических сил. Это уже мистицизм, абстрагирующий художественное творчество от своей естественной, социальной среды и переносящий его в какие-то сверхоблачные сферы.

Наконец, третья ошибка в теории Р.-Г.—отрицание классовой борьбы и определение гения-художника, как внеклассового существа, задача которого состоит в том, чтобы возвысить жизненные элементы обоих классов-антагонистов в сферу, где исчезает всякий антагонизм и царствует красота. Но где существует эта райская местность нам Р.-Г. так и не сообщила; осталось секретом и то, что собственно является критерием оценки превосходства античного или средневекового искусства перед капиталистическим. Осталось еще очень многое и многое неясным и путанным в книге Р.-Г.; она вращается в противоречиях и в порочном кругу, не зная другого выхода, кроме апелляции к неизвестным космическим силам. Но характернее всего для мелкобуржуазной, полумистической смены вех Р.-Г. отказ от классовой борьбы. Особенно явно эта „общечеловечность“ выступает в другой книге „Коммунизм и мораль“. Нормы поведения человека лежат, по мнению Р.-Г., не в классовых интересах и противоречиях, а гораздо глубже: они коренятся в „космическом чувстве единства человеческого рода“, имевшем место в первобытном обществе, вытесненном капитализмом и рационализмом и воскресшем в наши дни. „Это единство действительно существует, несмотря на расовые, национальные и классовые противоречия, так как его корни восходят к сфере, существующей вне времени“ (стр. 151). Такие места говорят сами за себя и лишней раз доказывают, что Р.-Г. отказалась от основ марксизма, хотя она на словах все время считает себя ортодоксальной марксисткой. Как совместить теперешнее „внеклассовое мировоззрение“ Р.-Г. хотя бы с ее собственным мировоззрением 25 лет тому назад? Тогда она писала: „Как в раковине шум моря, так в каждом изображении людей и их идейной борьбы, равно как и в описании нашего собственного сердца, должен слышаться отзвук общественного брожения“ („Neue Zeit“ XX, 1, p. 440).

После всего этого нам остается сказать очень мало о книге Р.-Г. Попытка „дополнить“ марксизм психоанализом потерпела полный крах. Р.-Г. применяет марксизм не как руководящую нить при анализе общественных и художественных явлений в процессе их исторического развития и взаимодействия, а как дуалистическую схему, составленную механическим соединением социологии и психоанализа. На такую попытку мы можем только ответить Р.-Г. словами Энгельса, написанными в 1890 году одному немецкому историку культуры по поводу полемики о книге Барта об Ибсене: „Что касается вашей попытки трактовать предмет материалистически, то я прежде всего должен сказать, что, если методом исторического материализма пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому выкраиваются исторические факты, то он превращается в прямую противоположность“, т.-е. в идеалистический метод.

Ф. Шиллер

С. В. Бернштейн-Коган. „Введение в экономию промышленности“, Центр. Управл. Печати ВСНХ СССР. М.—Л. 1926. Стр. 21.

А. М. Гинзбург. „Экономия промышленности“. Часть первая — „Промышленность и ее организационные формы“. ГИЗ. Москва—Ленинград. 1925. Стр. 328. Часть вторая — „Процесс производства и его элементы“. ГИЗ. 1927.

Его же. „Экономия промышленности“. Курс лекций, читанных на Московских Курсах Красных Директоров. Центр. Упр. Печати ВСНХ СССР. М.—Л. 1926. Стр. 65.

Этими тремя работами по существу исчерпывается современная русская литература по одной из важнейших частей системы прикладных экономических наук — экономии промышленности. Дореволюционная университетская наука не оставила нам в этой области наследства, хотя бы в малой доле соответствующего тому значительному месту, которое уделяется конкретным экономическим дисциплинам в западно-европейской литературе. Загнанная в тупик бесплодностью „психологических“ теоретических упражнений, буржуазная экономическая мысль именно эту ветвь экономических наук избирает своим излюбленным убежищем. Ибо здесь, за массой конкретных, узко-практических вопросов современной хозяйственной жизни, легче замаскировать полнейшую теоретическую беспринципность и беспомощность перед основными проблемами познания законов развития и гибели капиталистического общества.

Для марксиста экономия промышленности, как и все остальные соответствующие ей научные дисциплины (экономика сельского хозяйства, транспорта, труда, финансовая наука), неразрывно связана с общей теоретической экономией, обнажающей скелет, анатомическое строение капиталистического хозяйства в целом. Но представляя единственный надежный базис, исходную основу для научного познания современного хозяйства, теоретическая экономия все же не может заменить эти конкретные экономические науки, целиком включить их в предмет своего изучения. Ибо Марксова теоретическая экономия построена на анализе капитализма в чистом виде, она сознательно отвлекается, обходит всю массу отдельных конкретных условий, характеризующих в каждый момент поверхность капиталистической действительности. Основные законы, установившиеся теоретической экономией, одинаково действительны и для сельского хозяйства и для промышленности, для всего капиталистического хозяйства. Меняются лишь формы их проявления, и эти конкретные видоизменения, вызываемые своеобразными особенностями техники данной отрасли хозяйства, влиянием в большей или меньшей степени сохранившихся пережитков докапиталистических форм (главным образом в сельском хозяйстве), политики государства и т. п. моментами и подлежат изучению в порядке прикладных экономических наук. Таким образом, беря за данное, за исходное, общие абстрактные законы теоретической экономии, прикладная экономия, в данном случае наука о промышленности изучает именно ту конкретную массу специфических особенностей данной отрасли хозяйства, которая совершенно

сознательно и законно элиминируется и упрощается в порядке чисто теоретического анализа.

Это различие в задачах конкретных экономических дисциплин и теоретической экономии, естественно, обусловливает и существенные различия в методах, которыми эти науки оперируют. Метод Марксовой экономической теории — абстрактный анализ, вскрывающий нам общие закономерности дедуктивного характера, свойственные капитализму на всех стадиях его исторического развития. Конкретной экономической науке, в данном случае экономии промышленности, приходится оперировать главным образом методами индуктивного, в значительной степени и чисто описательного исследования, вскрывающего закономерности вторичного, преимущественно эмпирического порядка. Эти особенности метода конкретной экономии, экономии промышленности, можно иллюстрировать на примере всех важнейших проблем, входящих в круг этой науки. Только знание общих законов воспроизводства и накопления в капиталистическом хозяйстве может нам служить руководящей нитью в изучении сложных проблем экономики современной промышленности. Но вместе с тем, выводы и обобщения, получаемые нами в результате изучения конкретных форм финансирования, скажем, современного крупного трестированного предприятия, включенного в общую систему монополистического финансового капитала, тысячами нитей связанного со сложнейшей системой банков, взаимного участия (*Interessengemeinschaft*) в акционерном капитале других предприятий и т. п. — вся эта сумма закономерностей отнюдь не сохранит в полной мере своей значимости для финансирования промышленности более ранних форм и стадий капитализма. Точно также эмпирические законы и нормы ценообразования в промышленности, связанной картельными, синдикатскими договорами, существеннейшим образом отличаются от конкретных форм ценообразования в эпохи господства свободной конкуренции. Ограниченный, эмпирический характер закономерностей, которыми оперирует конкретная экономическая наука, в отличие от чисто теоретической экономии, таким образом, определяет особенности ее метода.

Методологически правильная постановка изучения конкретной экономии отдельных отраслей народного хозяйства должна избегнуть, однако, превращения этих дисциплин в учения об индивидуальном частном капиталистическом хозяйстве. Индивидуалистический подход, воплощающий идеологию отдельного капиталистического „хозяйствующего индивидуума“, свойственный буржуазной экономической науке в целом, здесь в этих прикладных дисциплинах заранее постулируется уже в самом названии их — „*Privatwirtschaftslehre*“ — „учение о частном хозяйстве“ — под этим титулом фигурируют конкретные экономические науки в германских университетах. С этой точки зрения все функциональные проблемы экономии промышленности, весь сложный комплекс вопросов работы промышленного предприятия сводятся к одному действительно центральному для отдельного капиталиста вопросу — о максимальной рентабельности, об условиях, обеспечивающих отдельному предпринимателю извлечение максимума прибыли, прибавочной стоимости.

Бессилие этой, законной для отдельного капиталиста, точки зрения максимальной рентабельности перед центральными проблемами современной экономики ясно для марксиста. Такие коренные проблемы экономики промышленности, как строение капиталов в ней, учение о современных формах, о внутрипромышленном обороте и соотношениях отдельных отраслей и т. п. поддаются решению лишь при подходе к промышленности, как к единой целостной системе в народном хозяйстве. Отдельное предприятие, „промышленная производственная единица“, по выражению автора одной из названных выше работ ¹⁾, изучается нами в экономике промышленности, лишь как конкретный объект закономерностей, регулирующих хозяйство в целом, ибо, замкнувшись в рамках отдельного предприятия, мы никогда не поймем ни систему финансирования, ни своеобразие процессов ценообразования, ни взаимоотношения промышленности с сельским хозяйством, — ни одной проблемы современной промышленности, включенной в систему финансового монополистического капитала.

С частнохозяйственным подходом к экономике промышленности неизбежно связан и „технический уклон“ в ней. Не экономические проблемы, не взаимоотношения между людьми в процессе производства, а техническая организация самого производства выдвигается в центр исследования в этой постановке. Технические вопросы „научной организации производства“, одобренные рецептами катедерсоциализма на предмет соглашения „труда с капиталом“, составляют в большинстве случаев тот суррогат, которым в виде бесчисленных руководств „практической экономики“ и „науки о частном хозяйстве“ подменяются конкретные экономические дисциплины.

Следы этой принятой в буржуазной литературе трактовки конкретных экономических дисциплин отчасти сказываются на одной из предлагаемых новых работ по экономике промышленности. Исходные экономико-теоретические позиции автора „Введения в экономику промышленности“ — проф. С. В. Берштейн-Когана — не получили достаточно четкого выражения в рамках рецензируемой работы; однако рассуждения по отдельным проблемам (напр., о законе убывающей производительности в сельском хозяйстве и промышленности, к которому мы вернемся ниже) не свидетельствуют о приверженности автора к марксистской экономической концепции. Значительно отклоняется от русла марксистской постановки предмета, на наш взгляд, и весь цикл проблем, рассматриваемых автором. Все проблемы экономики промышленности, как части народного хозяйства, связанной сложной сетью взаимоотношений с другими его частями — сельским хозяйством, торговлей, транспортом — оставлены автором в стороне. То обстоятельство, что автор за краткостью времени ставил себе целью дать лишь общее введение в предмет, которое должно лишь наметить основные проблемы курса и дать читателю веки к дальнейшей самостоятельной проработке предмета, лишь усугубляет, на наш взгляд, спорность выбранного автором пути исследования.

¹⁾ Коган-Берштейн — „Введение“, предисл., стр. 5.

Автор ставит своей задачей проведение точной границы между технической и хозяйственной сторонами проблем экономики промышленности, но по существу он эту границу переходит и остается преимущественно в сфере технической. Особенно ярко это сказывается на освещении основного закона развития промышленности — процесса концентрации и централизации. Марксовой теорией дано четкое и ясное разграничение экономического содержания этих терминов. Концентрация рассматривается, как процесс накопления, нарастания постоянного капитала по сравнению с переменным, как процесс роста органического состава общественного капитала. Централизация владения капиталом в его денежной форме служит экономической базой концентрации. Уяснение такой универсальной и важной формы централизации капитала, как акционирование, играющее в свою очередь роль государственного рычага в процессе концентрации промышленности, невозможно без выяснения взаимной связи этих двух сторон единого процесса.

Отказавшись от широкого экономического освещения общих процессов развития промышленности — концентрации и централизации капитала, автор сосредоточивается на специальных причинах „укрупнения производственной единицы“ (уже самая формулировка проблемы достаточно характерна для всей методологической установки автора). Но вытеснение мелких промышленных предприятий крупными встречает на своем пути ряд противодействующих моментов, создающих относительную устойчивость и обороноспособность ремесла, кустаря, домашней промышленности. И здесь, на анализе причин, приводящих к тому, что „эта тенденция и является только тенденцией, и было бы неправильно говорить о полном вытеснении мелких производственных единиц крупными“ (стр. 59), также сказывается общее стремление автора ограничиться рамками отдельного предприятия. Различие социально-экономических форм, скрывающихся за этим общим (и весьма условным) термином „мелкая промышленность“, совершенно не входит в поле зрения автора. Для экономиста - марксиста важна именно социальная природа мелкого предприятия, вся сумма взаимоотношений, вплетающих его в систему торгового капитала ¹⁾, либо превращающих формально самостоятельного „мелкого производителя“ в фактического наемного рабочего домашней капиталистической фабрики. Лишь с этой точки зрения возможна правильная оценка роли и места мелкой промышленности в современной системе народного хозяйства, а также причин ее относительной живучести и противодействия формам крупной промышленности. По поводу этого вопроса „о степени хозяйственной самостоятельности этих мелких технически самостоятельных единиц“ автор замечает лишь, что он „должен рассматриваться совершенно особо“.

Да и центральный вопрос исследования, поставленный автором, определение условий (пространственного размещения, времени, размеров и т. д.), дающих наиболее выгодную „комбинацию элементов производственной

¹⁾ Именно на эксплуататорской роли скупщика, объединяющего раздробленное мелкое производство, и построена экономическая характеристика кустарных промыслов, данная Лениным в „Развитии капитализма в России“.

единицы“, разрешим при данном подходе автора главным образом в плоскости технической, ибо с точки зрения отдельного предприятия, его наиболее выгоднейшей комбинации, нельзя дать правильного экономического анализа таких важнейших элементов издержек производства или себестоимости промышленной продукции, как сырье, рабочая сила, энергетическая база и ресурсы и т. д. (в схеме рецензируемого „Введения“ эти проблемы отсутствуют).

Трактовку отдельных вопросов учения о производственной единице—закон массового производства и сокращения издержек, комбинации отдельных элементов производственной единицы, тенденции специализации и интеграции—следует признать удачной по ясности и конкретности изложения ¹⁾. Удачны критические замечания по поводу теории Standort'a в промышленности (школа А. Вебера), отмечающие известную тавтологичность и излишний схематизм построений Вебера.

Но вместе с тем автор награждает аудиторию несравненно более бесплодными и бессодержательными рассуждениями о законе убывающей производительности последующих затрат капитала. Марксизмом давно уже доказана ошибочность и вредность этой немолодой теории в сфере ее зарождения—в земледелии. Тем более излишне для нас повторение ухудшенного варианта ее, нужного лишь разве буржуазным теоретикам для „вменения“ прибыли, прибавочной стоимости капиталу.

Что касается пределов, которые кладутся данным уровнем технического развития промышленности в концентрации производства, то конкретные иллюстративные материалы, конечно, совершенно необходимы в рамках курса экономики промышленности. Если в теоретической экономике допустимо и необходимо абстрагироваться от вопросов техники (и не только техники, но и экономико-политической организации, юридических форм хозяйства и пр.,—эту сторону автор обходит в конкретном исследовании, на наш взгляд, чересчур уж старательно), то в конкретной экономической дисциплине технические условия, правовые нормы, моменты экономической политики и создают своеобразие, „накладывают свою печать на проявление этих (общих) законов“ (Предисловие, стр. 4). Вопрос же о формах промышленности обойден автором столь тщательно, что в курсе вообще исчезла граница между современной крупной промышленностью со всеми специфическими для эпохи финансового капитала организациями и между зачаточными формами древности и средневековья. Обильный исторический материал, которым автор иллюстрирует исследование этих зародышевых форм промышленности, использован несколько в ущерб конкретным данным о современной промышленности Запада (не говоря уже о России, совершенно обойденной вниманием автора). Специфические отличия экономики современной промышленности, выделяющие ее из других исторических эпох, еще более смазаны и затусованы.

¹⁾ Здесь автором широко использованы известные статьи VI тома „С un'riss der Sozialökonomie“, в частности статья Фогельштейна, схема которого почти целиком принята автором в объяснении явлений интеграции и дифференциации промышленных предприятий.

Введенные автором в изложение графики и простые алгебраические выражения, несомненно, облегчат проработку курса для вузовцев; но, думается нам, наглядность и педагогическая ценность данного автором материала выиграла бы несравненно больше от приближения его к современности, в частности, к действительности хозяйства СССР.

Гораздо больше отвечают этой задаче конкретизации и приближения курса экономики промышленности к современной действительности обе рецензируемые книги проф. А. Гинзбурга. Первая часть рецензируемого курса лекций, читанных в Институте Народного Хозяйства, ограничивается лишь вопросами 1) взаимоотношений промышленности с другими важнейшими частями народного хозяйства—сельским хозяйством, торговлей и транспортом—и 2) формами современной промышленности. Автор дает большой и удачно систематизированный материал по этим, так сказать „внешним“, морфологическим проблемам промышленности. Дальнейшая разработка курса должна будет, на наш взгляд, восполнить некоторые пробелы именно в теоретическом обосновании проблем экономики промышленности, наблюдающиеся в рецензируемой книге, главным образом в тех случаях, где речь идет об известной увязке чисто теоретических положений с описательными материалами и конкретными выводами. Так, в главе о концентрации и монополистических формах промышленности при подробном описании преимуществ, вызывающих широчайшее распространение акционерной формы объединений, обойден характернейший для этой формы процесс создания и движения номинального капитала. Между тем характер дивиденда и учредительной прибыли в акционерном капитале, различие между нормой предпринимательской прибыли и „капитализированным титулом на доход“, являющееся источником фиктивного капитала, должно служить, на наш взгляд, исходным пунктом для экономического объяснения формы и роли акционерного капитала в промышленности.

Правильная в целом характеристика взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством также требует более глубокого теоретического уяснения основ антагонизмов и эксплуатации сельского хозяйства капиталистической промышленностью. Специфически-капиталистические основы этой эксплуатации, заложенной и в сфере обмена (различия в уровне общественно-необходимого рабочего времени в более отсталом сельском хозяйстве), и в сфере кредита (через рентные отношения), должны быть специально подчеркнуты для выяснения особенностей процесса индустриализации в нашем хозяйстве. Удачное в целом описание руководящей роли промышленности в народном хозяйстве также выиграло бы от выяснения обратной зависимости промышленности от сельского хозяйства, и главное, задерживающего влияния низкого уровня сельского хозяйства на индустрию, благодаря узкому рынку потребления и дешевизне рабочих рук.

В брошюре того же автора, представляющей курс популярных лекций, беглость теоретического обоснования, естественно, усугубляется необходимостью уложиться в пределах четырех лекций (лекции посвящены вопросам: 1) связи промышленности с сельским хозяйством и торговлей и 2) проблеме издержек производства и финансирования

промышленности). Однако, несмотря на вынужденную скудость материала, беглое теоретическое обоснование его, брошюра ценна своей правильной установкой, живостью и доступностью изложения и построением на данных нашей советской промышленности. В обеих рецензируемых книгах автору удалось избежать частнохозяйственного подхода к экономике промышленности, тесно увязать экономическую теорию со злобой дня нашей хозяйственной практики, выпукло подчеркнуть и внутреннее единство промышленной системы, с одной стороны, и неразрывную связь и подчинение ее народно-хозяйственному организму в целом, с другой стороны.

Нельзя не отметить, однако, недостаточную четкость методологических положений и исходных пунктов автора. Так, напр., характеристика метода экономии промышленности, как совершенно аналогичного методу теоретической экономии (и здесь и там „координированная индукция и дедукция“) (стр. 7), вытекает, повидимому, из недостаточно точного отграничения предмета конкретных экономических дисциплин от абстрактно-теоретической системы. С другой стороны, эта же специфическая природа предмета конкретной экономики расходится с характеристикой их, как составных частей политической экономии¹⁾.

Ибо тем самым отрицается вся аргументация (совершенно справедливая) автора в пользу построения экономики промышленности, как самостоятельной научной дисциплины прикладного порядка.

К развернутому анализу важнейших проблем экономии промышленности, вытекающих из самого производственного процесса, функциональной работы и жизни промышленной системы, А. М. Гинзбург подходит во второй части своего курса. Здесь автор последовательно переходит от общей постановки проблем ценообразования и издержек производства в промышленности к анализу их важнейших составных частей, вопросов сырья, рабочей силы, энергетики и топлива, издержек обращения. Вопросы финансирования и кредитования, планового регулирования, географического размещения и, наконец, взаимозависимости между отдельными отраслями, завершают в рецензируемой работе характеристику промышленности, как целостной системы в народном хозяйстве.

В пределах настоящей заметки не представляется возможным исчерпать весь богатый материал, систематизированный и разработанный в предлагаемом курсе. Остановимся лишь на нескольких общих моментах.

Как и в первом томе, ряд проблем, логически расположенных на рубеже между областями чисто теоретического исследования и конкретно-эмпирического анализа и описания, нуждается в некотором уточнении и разработке. Так, анализ важнейших составных частей калькуляционного расчета приобрел бы, на наш взгляд, гораздо более глубокое освещение при сопоставлении этих практически учитываемых

¹⁾ Это положение, проскальзывающее в рецензируемой книге А. Гинзбурга, прямо формулировано им в другом месте. В предисловии к книге Розенфельда „Промышленная политика СССР“, изд. „Плановое хозяйство“ 1926 г., экономия промышленности сопоставляется, как часть политической экономии, с промышленной политикой, являющейся лишь частью общей экономической политики.

элементов издержек производства со строением стоимости товара в теоретической постановке. Известно, например, насколько принципиально разнородные элементы объединяются под общей рубрикой накладных расходов. Далее, перенос стоимости основного капитала на вновь созданный товар, теоретически совершенно не вызывающий затруднений, на практике находит далеко не ясное выражение в различных способах списывания амортизационных расходов. Налоговые и акцизные статьи, теоретически представляющие совершенно неоспоримую часть создаваемого в промышленности прибавочного продукта, находят также своеобразное отражение в калькуляционных расчетах. В проблеме финансирования промышленности теоретическое решение вопросов накопления должно быть сопоставлено с разнообразием форм и способов мобилизации средств и из других, в том числе и не капиталистических элементов хозяйства, и за счет сбережений населения, представляющих зачастую своего рода отчисление из переменного капитала и т. д. Этот путь от абстрактно-теоретической категории к сложному сплетению явлений на поверхности хозяйства должен, на наш взгляд, служить руководящей нитью в построении конкретной экономической дисциплины. Попутно отметим недостаточность данного автором анализа процесса периодического высвобождения и перелива капиталов между отдельными отраслями промышленности, а также отсутствие характеристики различных форм кредита и их значения для движения капиталов в промышленности.

Спорным представляется нам то самодовлеющее значение в качестве фактора издержек, вернее себестоимости продукта, которое автор приписывает моменту издержек обращения в промышленности. Тем более, что в смысле архитектоники именно эта глава во многом повторяет положения, относящиеся к главе о взаимоотношениях между промышленностью и торговлей, включенной в первую часть настоящей работы. С другой стороны, автор несколько недооценивает значение таких моментов, как стандартизация, нормализация и научная организация производства. Наиболее рациональная комбинация важнейших ингредиентов производства имеет, на наш взгляд, значение самостоятельного фактора издержек производства не в меньшей степени, чем момент издержек обращения. Это в особенности целесообразно при данной автором постановке вопроса об издержках производства, как проблеме народно-хозяйственного значения.

Недостаточно убедительными представляются нам возражения автора критикам, оспаривавшим теоретическую правильность сравнения абсолютных размеров производительности труда в различных отраслях промышленности (см. стр. 176—177). По мнению автора, такой отказ от сравнения абсолютных величин производительности в статическом разрезе равносильно отрицанию роли стоимостных сравнений в товарном обществе. Вопрос действительно сводится к правильному пониманию Марксовой категории стоимости, ибо представление о стоимости, как о некоей абсолютной и сознательно, рационально вычисленной величине, такое представление, близкое известным теориям „конституированной ценности“, решительно противоречит Марксовой постановке проблемы.

промышленности). Однако, несмотря на вынужденную скудость материала, беглое теоретическое обоснование его, брошюра ценна своей правильной установкой, живостью и доступностью изложения и построением на данных нашей советской промышленности. В обеих рецензируемых книгах автору удалось избежать частнохозяйственного подхода к экономии промышленности, тесно увязать экономическую теорию со злобой дня нашей хозяйственной практики, выпукло подчеркнуть и внутреннее единство промышленной системы, с одной стороны, и неразрывную связь и подчинение ее народно-хозяйственному организму в целом, с другой стороны.

Нельзя не отметить, однако, недостаточную четкость методологических положений и исходных пунктов автора. Так, напр., характеристика метода экономии промышленности, как совершенно аналогичного методу теоретической экономии (и здесь и там „координированная индукция и дедукция“) (стр. 7), вытекает, повидимому, из недостаточного точного ограничения предмета конкретных экономических дисциплин от абстрактно-теоретической системы. С другой стороны, эта же специфическая природа предмета конкретной экономики расходится с характеристикой их, как составных частей политической экономии¹⁾.

Ибо тем самым отрицается вся аргументация (совершенно справедливая) автора в пользу построения экономии промышленности, как самостоятельной научной дисциплины прикладного порядка.

К развернутому анализу важнейших проблем экономии промышленности, вытекающих из самого производственного процесса, функциональной работы и жизни промышленной системы, А. М. Гинзбург подходит во второй части своего курса. Здесь автор последовательно переходит от общей постановки проблем ценообразования и издержек производства в промышленности к анализу их важнейших составных частей, вопросов сырья, рабочей силы, энергетики и топлива, издержек обращения. Вопросы финансирования и кредитования, планового регулирования, географического размещения и, наконец, взаимозависимости между отдельными отраслями, завершают в рецензируемой работе характеристику промышленности, как целостной системы в народном хозяйстве.

В пределах настоящей заметки не представляется возможным исчерпать весь богатый материал, систематизированный и разработанный в предлагаемом курсе. Остановимся лишь на нескольких общих моментах.

Как и в первом томе, ряд проблем, логически расположенных на рубеже между областями чисто теоретического исследования и конкретно-эмпирического анализа и описания, нуждается в некотором уточнении и разработке. Так, анализ важнейших составных частей калькуляционного расчета приобрел бы, на наш взгляд, гораздо более глубокое освещение при сопоставлении этих практически учитываемых

¹⁾ Это положение, проскальзывающее в рецензируемой книге А. Гинзбурга, прямо сформулировано им в другом месте. В предисловии к книге Розенфельда „Промышленная политика СССР“, изд. „Плановое хозяйство“ 1926 г., экономия промышленности сопоставляется, как часть политической экономии, с промышленной политикой, являющейся лишь частью общей экономической политики.

элементов издержек производства со строением стоимости товара в теоретической постановке. Известно, например, насколько принципиально разнородные элементы объединяются под общей рубрикой накладных расходов. Далее, перенос стоимости основного капитала на вновь созданный товар, теоретически совершенно не вызывающий затруднений, на практике находит далеко не ясное выражение в различных способах списывания амортизационных расходов. Налоговые и акцизные статьи, теоретически представляющие совершенно неоспоримую часть создаваемого в промышленности прибавочного продукта, находят также своеобразное отражение в калькуляционных расчетах. В проблеме финансирования промышленности теоретическое решение вопросов накопления должно быть сопоставлено с разнообразием форм и способов мобилизации средств и из других, в том числе и не капиталистических элементов хозяйства, и за счет сбережений населения, представляющих зачастую своего рода отчисление из переменного капитала и т. д. Этот путь от абстрактно-теоретической категории к сложному сплетению явлений на поверхности хозяйства должен, на наш взгляд, служить руководящей нитью в построении конкретной экономической дисциплины. Попутно отметим недостаточность данного автором анализа процесса периодического высвобождения и перелива капиталов между отдельными отраслями промышленности, а также отсутствие характеристики различных форм кредита и их значения для движения капиталов в промышленности.

Спорным представляется нам то самодовлеющее значение в качестве фактора издержек, вернее себестоимости продукта, которое автор приписывает моменту издержек обращения в промышленности. Тем более, что в смысле архитектоники именно эта глава во многом повторяет положения, относящиеся к главе о взаимоотношениях между промышленностью и торговлей, включенной в первую часть настоящей работы. С другой стороны, автор несколько недооценивает значение таких моментов, как стандартизация, нормализация и научная организация производства. Наиболее рациональная комбинация важнейших ингредиентов производства имеет, на наш взгляд, значение самостоятельного фактора издержек производства не в меньшей степени, чем момент издержек обращения. Это в особенности целесообразно при данной автором постановке вопроса об издержках производства, как проблеме народно-хозяйственного значения.

Недостаточно убедительными представляются нам возражения автора критикам, оспаривавшим теоретическую правильность сравнения абсолютных размеров производительности труда в различных отраслях промышленности (см. стр. 176—177). По мнению автора, такой отказ от сравнения абсолютных величин производительности в статическом разрезе равносильен отрицанию роли стоимостных сравнений в товарном обществе. Вопрос действительно сводится к правильному пониманию Марксовой категории стоимости, ибо представление о стоимости, как о некоей абсолютной и сознательно, рационально вычисленной величине, такое представление, близкое известным теориям „конституированной ценности“, решительно противоречит Марксовой постановке проблемы.

По Марксу, все своеобразие формы стоимости как раз и заключается в ее проявлении лишь *a posteriori*, в невозможности вычислить прямым путем и сопоставить различные трудовые затраты. Впрочем представление о стоимости, как о сумме материальных, физиологических затрат, поддающихся прямому учету, проскальзывает и в других местах настоящей работы, в частности, при оценке опытов и возможностей психотехнического анализа рабочей силы.

Главы о сырье и энергетическо-топливных проблемах промышленности следует считать интереснейшей и весьма удачной попыткой анализа и освещения Марксовой теорией областей, которые до сих пор служили достойным „ползуцей эмпирии“ и безнадежного смещения техники и экономии. Революционизирующее значение электрификации следовало лишь больше подчеркнуть в связи с проблемой географического размещения промышленности. Здесь автор правильно использует здоровое ядро в учении Вебера, подвергая критике излишнюю абстрактность и схоластичность его схемы.

Наибольшую трудность, несомненно, представляет исследование проблем экономии промышленности в системе хозяйства СССР. Многообразие конкретной экономии здесь усложняется тем, что капиталистические категории и терминология фигурируют в конкретном хозяйстве в качестве представителей нового социального содержания. Вытекающие из этого опасности некритического перенесения капиталистических категорий на наше хозяйство ярко подтверждаются на рассуждениях автора о проблеме ценообразования и средней нормы прибыли в промышленности СССР. „Анализируя различия, существующие в ценообразовании нашем и капиталистическом, надо еще поставить дальнейший вопрос, говорит автор (стр. 340), может ли наше государство, несмотря на различные представляемых им классовых сил и на различные преследуемых социально-политических задач, игнорировать те факторы ценообразования, которые действуют в товарно-капиталистическом хозяйстве?.. Существующая практика дает на это достаточно ясный ответ. Неверно, будто у нас вовсе не существует средней нормы прибыли. Мы видим уже в настоящее время значительное количество предприятий, дающих определенную прибыль, при чем величина этой прибыли колеблется от одной отрасли промышленности к другой. Эта прибыль имеет свою минимальную границу в ссудном проценте, который существует и в нашем государственном хозяйстве“. Вряд ли кто-либо возьмется в настоящее время оспаривать выдвигаемый автором факт прибыльности ряда отраслей промышленности и колебания этой прибыли по отдельным предприятиям и отраслям. Но этот бесспорный факт отнюдь не может служить доказательством утверждению, что в нашей промышленности выравнивание прибыли по средней норме имеется налицо и, главное, выполняет свою основную задачу — распределение капиталов в неорганизованном хозяйстве. Средняя норма прибыли и в капиталистическом хозяйстве никогда не находит прямого численного выражения. Факт весьма значительного колебания фактической нормы прибыли по различным отраслям и предприятиям в капитализме бесспорен. Но тяготение индивидуальных прибылей к средней

общественной норме, кстати, сильно затрудненное уже и в монополистической системе, играет роль того механизма распределения капиталов, перелива их между отдельными отраслями, известного приспособления к спросу, которое соответствует распределению труда непосредственно на основе закона стоимости в простом товарном производстве. Эта существеннейшая задача стихийного регулирования, составляющая внутреннее содержание категории средней нормы прибыли в капиталистическом хозяйстве, не может быть отнесена к нашему хозяйству, где прежде всего отсутствует важнейшая предпосылка выравнивания прибыли по средней норме — возможность свободного перелива капиталов в промышленности. И если, по мнению автора, механика установления цен в нашей государственной промышленности „по внешности, по крайней мере, целиком воспроизводит практику цен производства“ (стр. 349), то эта внешность не должна закрывать принципиально новое содержание, в значительной мере характеризующее процесс ценообразования в нашей промышленности. И в капиталистическом хозяйстве имеет место известное регламентирование и маневрирование в установлении цен. Так, практика монополистических объединений знает случаи прямого установления убыточных цен на отдельные части продукции, погашаемых за счет прибылей других частей производства. Но в нашем хозяйстве количественное расширение объема регулирования цен уже перерастает в новое качество, воплощающееся в планировании не частного, индивидуального, а народно-хозяйственного значения. Автор склонен расценивать существующий опыт регулирования промышленных цен в порядке наркомторговых директив, как некий отрицательный момент, порожденный обстановкой товарного голода и приводящий к подавлению коммерческого начала в жизни нашей промышленности. Но нам думается, что даже самая справедливая критика существующей ведомственной практической работы по регулированию цен не должна переходить в плоскость отрицания самого принципа планового воздействия на цены, объективная возможность и необходимость которого заложена в системе нашего хозяйства.

Приведенные беглые замечания лишь иллюстрируют всю сложность и трудность проблем, стоящих перед экономией промышленности, поскольку она должна нам помочь в решении проблем нашей хозяйственной системы, жизни гос. промышленности.

Несмотря на сравнительное обилие марксистской литературы по отдельным проблемам конкретной экономии, задача завоевания этого „второго этажа“, естественно завершающего систему экономического образования, еще стоит в полном объеме перед марксистской экономической мыслью.

Рецензируемые работы, несомненно, представляющие интересный и ценный шаг в разработке одной из важнейших областей конкретной экономической науки, лишней раз подчеркивают настоятельность этой задачи.

Е. Хмельницкая

Ю. Митлянский. *Денежное обращение и товароборот. Проблема эмиссии и теория рынка.* С предисловием В. Базарова. Гиз. 1927. Стр. 219. Ц. 3 р.

В годы падающей валюты книжный рынок непрерывно наводился литературой, посвященной денежному обращению. Достаточно однообразная по своему содержанию, литература эта уже изрядно надоела читателю-экономисту; поэтому, быть может, не один читатель возьмет в руки вышеназванную книжку не без некоторого недоумения: что, мол, можно сказать еще нового по этой части? Более внимательное ознакомление с этой работой рассеет значительную долю подобных сомнений. Как бы ни относиться к целому ряду положений автора, следует признать, что его работа бесспорно представляет собой известный интерес.

В настоящее время чувствуется большая нужда в экономических исследованиях, расположенных на полпути между абстрактной теорией хозяйства и конкретно-описательными экономическими работами.

Если последние не дают обобщающих выводов, могущих служить практическим руководством в дальнейшем строительстве, то совершенно абстрактная теория, превращаясь зачастую в своего рода „философию хозяйства“, чрезвычайно далека от хозяйственной практики. Работа тов. Митлянского приближается к типу средних между конкретно-описательными и чисто-абстрактными исследованиями, к типу, представляющему в настоящее время значительный интерес не только теоретический, но и практический.

Содержание работы может быть подразделено на три, неравномерные по своему объему, части. Большая часть работы посвящена разбору и описанию механизма товарооборота с точки зрения взаимозависимости и взаимосвязи между денежным обращением и товарными массами; сюда же относится глава о кредите. Далее идет отдельная глава, посвященная политике цен и имеющая самостоятельное значение. Наконец, две последние главы посвящены теории рынка. Скажем тут же, что эта часть работы, где автор занимается, между прочим, разбором теории Р. Люксембург, не представляет собой чего-либо нового. Впрочем, автор на это и не претендует, оговаривая, что, несмотря на значительное совпадение его критики с критикой Н. Бухарина, он ознакомился с работой последнего лишь после сдачи своей книги в печать.

Обратимся к первой части работы, посвященной соотношениям между товарооборотом и эмиссией. Автор берет в качестве исходного пункта своего анализа не „хозяйство вообще“, а хозяйственную систему, обладающую характерными особенностями современного хозяйства СССР; сюда относится сосредоточение в руках государства подавляющей доли средств производства (а, стало быть, и товарной массы) в области промышленности, монополия внешней торговли и т. п. Автор пытается определить, с одной стороны, какие требования следует предъявлять к денежной системе в хозяйственном комплексе такого типа, а с другой стороны—какую систему мероприятий должно осуществлять государство для сохранения равновесия между товарооборотом и денежной массой. Ставя своей задачей всемерное развитие производительных сил

страны, и в первую очередь—обобщественной крупной индустрии, советское государство должно полностью использовать возможные ресурсы эмиссии. Но дело в том, что существует очень чувствительная граница, при переходе которой эмиссия может вести к инфляции со всеми отрицательными последствиями, которые эта последняя с собой приносит. Точное предвидение всякого рода конъюнктурных колебаний в условиях нашей страны, где сельское хозяйство в значительнейшей степени подвержено всяким случайностям стихий, совершенно невозможно. Единственный путь, при помощи которого государство может сколько-нибудь обеспечить сохранение равновесия в народном хозяйстве,—это политика создания резервов, и в первую очередь—товарного фонда, дающего возможность маневрирования и воздействия на рынок.

Необходимость накопления резервов в нашем хозяйстве в течение последних лет признана руководящими органами одной из важнейших задач. Без сомнения, хозяйственные затруднения, возникшие вследствие просчетов в планировании осенью 1925 г., были бы изжиты с гораздо меньшими потерями, если бы в соответствующие моменты оказались запасы резервы, при помощи которых удалось бы хоть отчасти заткнуть наиболее зияющие диспропорции и провалы. Заслугой автора является то обстоятельство, что он с достаточной четкостью поставил вопрос о накоплении резервов еще задолго до возникновения хозяйственных заминок истекшего года. Тем больше значения имеет даваемый автором анализ механизма товарообращения и роли и значения товарного фонда, при помощи которого—на ряду с соответствующей политикой денежного обращения—государство может восполнить те совершенно неизбежные пробелы в области планирования, его точности и непогрешимости, которые (пробелы) суждены нам еще долгое время. „Товарный фонд в экономике должен играть такую же роль, как возвышенные резервуары и водонапорные башни в водопроводных сооружениях. Без резервуаров было бы очень затруднительно регулярное водоснабжение вследствие постоянных колебаний потребления воды“. Запас воды в резервуаре служит для выравнивания этих постоянных колебаний и обеспечивает таким образом бесперебойную работу всей сети. Точно так же нам необходимы товарные резервы, накапливаемые в периоды относительной насыщенности рынка, если мы хотим обеспечить бесперебойное функционирование всего народно-хозяйственного организма. Автор далее в общем правильно характеризует ту связь и соотношение, которые существуют между резервами в золотой и товарной формах.

Остановимся теперь на главе о политике цен. Эта глава заслуживает самого критического отношения. Мы здесь на примере нашего автора видим те опасности, которые стоят вообще перед исследовательскими попытками подобного рода. В самом общем виде эти опасности могут быть сведены к незаконной абстракции от таких особенностей советской экономики, которые для нее до чрезвычайности характерны. Результатом же подобной абстракции может быть лишь полнейшая непригодность полученных выводов и теоретических положений для нашей хозяйственной практики.

Автор следующим образом ставит вопрос о политике цен: „При продолжающемся повышении производительности труда спрашивается, какие цены мы должны поддерживать. Следует ли понизить цены товаров пропорционально понижению их трудовой стоимости и повышению производительности труда, оставляя денежную массу без изменения, или же поддерживать цены на прежнем уровне и повысить цену единицы трудовой стоимости, соответственно увеличив количество денег в обращении?“ (стр. 133). Автор совершенно справедливо считает основной задачей момента накопление и расширение промышленного производства. Далее он говорит: „Если подойти к вопросу исключительно с точки зрения потребительской, то вопрос сводится к тому, что важнее: увеличить ли путем снижения цен потребление той части населения, которая уже теперь имеет доход, или путем расширения производства предоставить доход той части населения, которая находится без работы и вовсе не имеет дохода“ (стр. 138). Безо всяких колебаний автор склоняется ко второму решению вопроса и заявляет: „Это значит, что цены должны оставаться стабильными, а спрос — приводится в соответствие с увеличивающимся предложением путем эмиссии“. Результат подобной политики цен представляется автору в следующем виде: „Накопление капитала при этом происходит двойным образом. Во-первых, промышленность получает непосредственно добавочную прибыль от повышения производительности труда при стабильных ценах. Во-вторых, эмитируемые деньги образуют новый денежный капитал, предоставляемый промышленности в кредит. Этими двумя путями промышленности доставляются денежные средства, за которые она приобретает соответствующие реальные ресурсы, и, таким образом, добавочная часть общественного продукта, получаемая от повышения производительности труда, вместо того, чтобы достаться потребителям и в процессе потребления исчезнуть, капитализируется и направляется на дальнейшее расширение производства... Капитализируясь, она служит основанием для дальнейшего накопления в геометрической прогрессии (по формуле сложных процентов)“ (стр. 138—139). Единственная поправка, которую автор далее вносит в этот набросок политики цен, заключается в признании им необходимости повышения реальной зарплаты по мере роста производительности труда. При стабильных ценах это повышение реальной зарплаты достигается путем повышения номинальной величины последней, в отношении, например, равном половине коэффициента роста производительности труда.

Перед нами таким образом довольно целостная концепция. Первое, что сразу же бросается в глаза, это — полное умалчивание о тех контрагентах промышленности, за счет которых будет происходить столь блестящий процесс капитализации. Лишь в одном месте упоминается о „частном мелком производстве“, да и то лишь для того, чтобы выставить тезис: „стабилизация цен (при росте производительности труда) означала бы увеличение социалистического накопления за счет частного потребления и накопления“ (стр. 154). Легко заметить, что стоило бы нашему автору лишь поставить перед собою конкретный вопрос (хотя бы в самой общей форме) о взаимоотношениях, связи

и взаимозависимости между крупной социализированной индустрией и „частным мелким производством“ в нашей стране и в наше время, — и все его построение разлетелось бы как дым. Он был бы тогда вынужден признать, что наша промышленность работает сейчас при гораздо более высоких издержках производства, чем в довоенное время и чем промышленность других стран. Требуется, стало быть, значительное „повышение производительности труда“, сопровождаемое соответствующим снижением цен, для того лишь, чтобы „частное мелкое производство“ смогло добывать продукты промышленности по ценам, тяготеющим к довоенным, а далее — к современным заграничным. Далее автор убедился бы, что от высоты промышленных цен зависит во многих случаях „хозяйственное поведение“ мелкого частного товаропроизводителя, которого нельзя, например, заставить покупать товары, когда он не хочет и не может платить слишком высокие цены, и, что еще хуже, пожалуй, нельзя заставить продавать — и даже производить — те товары, которые нужны промышленности в качестве сырья, рабочим — в качестве продовольствия и внешней торговле — в качестве основного вывозного фонда. От всех этих вопросов автор абстрагирует при помощи следующей фразы: „Вопрос о политике цен в разных отраслях и в особенности вопрос о соотношении цен сельскохозяйственных и промышленных товаров чрезвычайно сложен и требует специального обсуждения“ (стр. 155—156). Это — все, больше ни слова не найти во всей работе по этому вопросу. Каждый читатель согласится, что если это считать анализом проблемы, то трудно будет определить, что является издевательством над проблемой. В самом деле, ставится вопрос о политике цен, о политике цен госпромышленности по отношению к частному хозяйству прежде и раньше всего, а в то же время откладывается до лучших времен вопрос о „соотношении цен сельскохозяйственных и промышленных товаров“.

Чрезвычайно скучно было бы здесь повторять общеизвестные истины насчет необходимости смычки с основной массой крестьянских хозяйств и т. п. Заметим лишь, поскольку автор выступает в роли защитника безработных, что политика стабильности высоких цен на промтовары являлась бы наилучшим способом неслыханного форсирования роста безработицы. Ведь не следует забывать, что не одни лишь предметы индивидуального потребления „мелкое частное хозяйство“ получает от госпромышленности; напротив, именно госпромышленность (и отчасти импорт) доставляет крестьянству основную массу орудий производства. При стабильности высоких цен на последние все более широкие слои крестьян будут терять хозяйственную самостоятельность и заливать города таким потоком безработных, который не сможет быть всосан даже за счет увеличившихся норм промышленного накопления; соотношение сельского и промышленного населения в нашей стране делает это обстоятельство совершенно очевидным.

Разбор „политики цен“ нашего автора приводит, таким образом, к следующему выводу. Каждое конкретное снижение цен, в зависимости от обстоятельств, может оказаться правильным или ошибочным мероприятием; решение этого вопроса является делом подробного

исследования всех предпосылок, условий и последствий данной меры. С этой точки зрения каждый конкретный случай снижения цен можно оспаривать, анализируя его возможные результаты и последствия в хозяйственной обстановке каждого данного момента. Но общая линия на снижение цен по мере понижения издержек производства и роста производительности труда (а иной раз даже забегая вперед по отношению к этим величинам) является для нашей страны и нынешнего периода единственно приемлемой. Ошибка нашего автора двойная: с одной стороны, он незаконно отвлекается от таких особенностей советской экономики, которые оставлять безнаказанно вне поля своего зрения никак нельзя; с другой же — он генерализирует, пытается дать всеобщую значимость своему тезису, который лишь при вполне определенных условиях мог бы оказаться справедливым.

В самом деле, попробуем поставить перед собой вопрос: при каких предпосылках оказался бы приемлемым тезис нашего автора насчет стабилизации промышленных цен? Как мы убедились выше, это предложение неприемлемо в условиях мелкокрестьянской страны с небольшим сравнительно сектором социалистической госпромышленности. Может быть, в таком случае, этот тезис оказался бы справедливым в случае прямо противоположном, т.е. в стране, где предприятиям социалистического типа в качестве потребителей их изделий противостоят одни лишь работники обобществленного хозяйства, — в стране, лишенной, таким образом, „третьих лиц“? Стоит лишь представить себе этот случай, чтобы понять, что его осуществление обязывало бы нас к совершенно иной постановке вопроса. Перед нами был бы уже вполне готовый социализм (так как никаких „остатков“ прежних хозяйственных формаций не сохранилось, по нашему предположению); вопрос мог бы стоять лишь в отношении той или иной пропорции в разделе совокупного продукта на необходимую (потребляемую) и прибавочную (в основном — накопляемую) части. Если представить себе по аналогии сохранение существующих экономических терминов (а не категорий, ибо социальное содержание этих терминов будет совершенно иным), то эта проблема может быть технически с одинаковым результатом разрешена как при помощи снижения „цен“ в определенной пропорции к росту производительности труда при стабильной „зарплате“, так и при помощи стабилизации „цен“, сопровождаемой повышением „зарплаты“ в определенной пропорции к возросшей производительности труда.

Таким образом мы видим, что постановка вопроса, предложенная автором, имеет какой-либо смысл лишь при условии наличия „третьих“ (или, если хотите, с точки зрения одноклассового социалистического хозяйства — „вторых“) лиц. Возникает вопрос, кем должны быть эти „вторые“ лица, чтобы рассматриваемая политика стабильности цен могла быть признана правильной. По нашему мнению, лица эти должны оказаться одним из двух: либо частными капиталистами, либо рантье. Политика стабильности цен оправдывалась бы в стране, где пролетариат овладевает в качестве фундамента для социалистического хозяйства лишь крупной индустрией, оставляя среднее и мелкое капита-

листическое производство в руках частных, в стране, где вдобавок не сохранилось сколько-нибудь сплошных масс и слоев мелкого простого товарного производства. В этом случае стабилизация цен социалистического сектора хозяйства являлась бы одним из методов постепенной экспроприации частного капитала. Не менее полезной оказалась бы такая политика и в том случае, когда соц. сектору хозяйства в качестве потребителей его продуктов противостоял бы обширный слой рантье; подобное гипотетическое, мыслимое лишь в теории положение создало бы, например, в случае осуществления того „пути к социализму“, который в бурные годы революции в Центральной Европе намечался Отто Бауэром и другими социал-демократическими центристами. Согласно этим планам, экспроприация капиталистического класса происходит в порядке выкупа; дальнейшей задачей социализированного народного хозяйства является постепенное изъятие этих выкупных сумм теми или иными методами; на ряду, скажем, с налоговой политикой линия на стабилизацию цен соц. сектора могла бы мыслиться в качестве одного из таких методов. Разумеется, весь этот случай крайне перелез в современной мировой обстановке.

Таким образом, общий вывод, к которому нас приводит рассмотрение этой, во многих отношениях интересной, работы, сводится к следующему: весьма любопытна и полезна попытка анализа механики товарооборота и денежного обращения; возможно, что дальнейшие исследования в этой области видоизменят в той или иной мере выводы нашего автора. Зато совершенно лишней является глава о политике цен, где неправильная сама по себе точка зрения автора не находит себе даже какое-либо принципиальное обоснование или защиту, и попросту декретируется совершенно голословно и „местами“ даже наивно (вопрос о соотношении с.-х. и пром. цен, и вытекающих из них

К числу литературных недостатков работы следует отнести местами довольно небрежный язык. Например, это все только деньги не начали обесцениваться, доллар не вынул из обращения. Как только пожелаете, можете сделать (стр. 24). о величии востор

В нашей философской критической литературе впервые в нашей истории социализма и материализма. В нашей философской критической литературе впервые в нашей истории социализма и материализма.

Справедливо утвердили мы, в том, что он (Хочется рассмотреть соединимое: Маркса с Революцией. Пройдем и идеологию, и материализм с материализмом. Связи между ними. Принципиальной бессодержательной диалектикой как критической формальной логикой; марксизма как теории познания с рационализмом и пр. и пр. Эти совершенно справедливые упреки т. Варьяшу мы считаем теперь, в связи с появлением его „Истории новой философии“, недостаточными.

Теперь можно точнее определить философские воззрения нашего появившегося историка. Не трудно показать, что эклектизм его по преимуществу терминологичен. За марксистскую внешностью, за словами о марксизме и диалектике на деле скрывается доподлинный идеализм. Если и можно говорить об эклектизме т. Варьяша, то только в смысле попытки непосредовательно сочетать одно философское идеалистическое воззрение с другим. Вот почему спор с т. Варьяшем есть спор о двух совершенно различных философских программах.

Уже в 1923 году он определил в основном свои философские воззрения в статье „Формальная и диалектическая логика“¹⁾. Это произведение имеет существенное значение для характеристики философской физиономии т. Варьяша. Статью можно рассматривать, как методологическую программу и манифест дальнейшей его философской деятельности. Там уже сделана особенно характерная для него недальнейшая попытка отождествления диалектической логики с формальной калькулятивной логикой ресселевского толка. Там уже явственно выявлена исходная нематериалистическая посылка автора от сознания к материи и действительности, от формальной логики к диалектике. Много там самых обыденных для формальной логики, но неприемлемых для марксиста вещей, вроде того, напр., что из понятия импликация, которое „является самым важным для логики“, „строго аналитически могут быть выведены также и элементарнейшие истины диалектической логики: 1) переход количества в качество, 2) скачки и непрерывность развития, 3) постоянство законов и изменения—словом, вся характеристика мировых явлений, как процессов“²⁾ (курсив мой. Г. Д.).

Такая же идеалистическая и сугубо формально-логическая установка характерна и для всей „Истории новой философии“. Во всем— в характеристике отдельных философских учений и развития философской мысли в целом, в определении социальных корней и пр.—строго соблюден формально-логический подход и положена в основу идеалистическая посылка о примате сознания. Все характеризует эту манеру нашего историка—как и то, о чем он говорит, так и то, о чем он умалчивает.

Прежде всего о последнем. До сих пор мы считали, что основное, характеризующее философские учения,—это постановка вопроса об отношении сознания и материи. Ответ на эту проблему является решающим для разделения философских направлений. И в сущности, основная задача истории философии и сводится к тому, чтобы показать, как в историческом разрезе; соответственно с эпохой и социальными условиями, видоизменялись ответы на этот кардинальный вопрос всякой философии. Без постановки этого вопроса история философии не может быть, конечно, истинной философией.

Как раз об этом—то вопросе т. Варьяш старательно умалчивает или преподносит его в жестоко „смазанном“ виде. Он предпочитает

¹⁾ „Под знаменем марксизма“ № 6—7. 1923 г.

²⁾ „Под знаменем марксизма“ № 6—7. 1923 г., стр. 221.

говорить о чем угодно другом и особенно о „высоких“ математических и физических „материях“, но только не об этом. Так, например, характеризует философию Декарта, он достаточно подробно останавливается на трех законах движения, сформулированных великим философом (целая глава; стр. 89 и сл.—ч. I), выводит вместе с последним уравнение прямой и линии второго порядка, спорит о понятии силы и о др., не имеющем, к сожалению, прямого отношения к делу.

Но где же характеристика дуализма Декарта, противоположности сознания и материи, мышления и протяжения, его метафизики и физики? Где характеристика причин возникновения этого дуализма, связи его с механическим мировоззрением и социальными условиями? Где характеристика формы, в какую вылился этот дуализм, связи его с другими проблемами и влияния его на дальнейшее развитие философской мысли? Об этом нет ничего. Даже буржуазные историки философии—надо отдать им дань преимущества по сравнению с нашим автором—и те не забывали остановиться на этом существенном вопросе¹⁾. Не лучше обстоит дело и с разбором системы Спинозы. На ряду с бесполезнейшими рассуждениями о том, как Кантор смотрел на актуальную бесконечность и что следует разуметь под выражением „р включает q“ и пр., выставлен ряд чрезвычайно спорных или, вернее, бесспорно неприемлемых для марксизма положений.

Великий мыслитель, предшественник современного материализма, неузнаваем после „обработки“ его т. Варьяшем! Один из центральных материалистических пунктов спинозизма—учение о субстанции и природе—совершенно изуродовано. Субстанция Спинозы, по мнению нашего историка, оказывается „подновленным древне-еврейским понятием бога“ (стр. 188, ч. I), представляя собою, в то же время, „мировую всеобъемлющую закономерность в объективном смысле“ (стр. 143, ч. I). Система Спинозы проникнута пассивностью мистицизмом (стр. 185, ч. I) и т. д., и т. п. Мы не имеем возможности сейчас останавливаться на критике этих и множества других странных и неприемлемых для марксиста положений. Необходимо, однако, отметить, что в русской марксистской литературе с подобным же толкованием Спинозы в „еврейском“ духе и со стремлением уничтожить материальность субстанции Спинозы в факте голой закономерности выступала уже Л. И. Аксельрод²⁾. Взгляды т. Варьяша в этом отношении не новы. Л. И. Аксельрод нашел себе последователя. Трогательно, вообще, наблюдать единство бывшего ортодокса с новоявленным историком, который хочет под марксизм подвести „прочную“ идеалистическую базу.

На ряду со всеми этими положениями, нет и здесь самого главного—вопроса об отношении сознания и материи. Нет основного, что роднит философию Спинозы с нами, с диалектическим материализмом, что неоднократно подчеркивалось, в особенности Г. В. Плехановым. Мы не находим разбора учения Спинозы об единстве сознания и материи. Можно не соглашаться с этим единством, в трактовке

¹⁾ См., напр., Куно Фишер. Виндельбанд и др.

²⁾ „Кр. Новь“ 1925 г. № 6—7.

Спинозы, но пропустить его совершенно непростительно. Пропущен самый центральный пункт, под углом зрения которого только и может быть понята вся система Спинозы и, в частности, его основное философское произведение „Этика“.

Философия Бэкона в изображении т. Варьяша почти ничем не отличается от схоластики. Его теория индукции „ничуть не лучше, чем Аристотелева силлогистика“ (стр. 8, ч. II). Классификация наук схоластична (стр. 6). Мир Бэкон познавал „по аналогии с юридическими явлениями“ (стр. 14). К математике Бэкон относился отрицательно потому, что не освободился „от влияния средневековья“ (стр. 7). „Как и Аристотель, Бэкон усматривает сущность вещей в наипростейших качествах“ и является сторонником его „теории субстанциональных форм“ (стр. 7) и т. д. и т. д.

Самого же главного — материалистического решения Бэконом вопроса об отношении сознания к материи, его попытки создать материалистический метод, опирающийся на опыт и действительность — этого нового, что противопоставил схоластике „родоначальник английского материализма и всей опытной науки новейшего времени“ (К. Маркс) и тут не заметил наш историк.

Такая же манера абсолютного замалчивания вопроса об отношении сознания к материи или „смазывания“ его различными, не относящимися к делу вещами, строго соблюдается нашим автором и в разборе других философских направлений.

Это обстоятельство происходит не случайно и не потому, что т. Варьяш, как это иногда бывает, „превзойдя“ марксизм, не заметил его основ и азов.

Если б это было только так, это еще полбеды. Но дело обстоит иначе. Т. Варьяш умалчивает о вопросе об отношении сознания и материи потому, что он его заменяет другим более важным, по его мнению, вопросом. Здесь подкоп идет под самые основы философии марксизма. Таким существенным вопросом является для него тот или другой взгляд философа на теорию суждения и абстракции. В зависимости от того, какую теорию суждения и абстракции (последняя всегда „является следствием теории суждения“ принимает тот или другой философ — он приходит, по мнению нашего автора, к идеализму или к материализму¹⁾.

„Для всякой философии характерна ее теория суждения“ (стр. 63, ч. II). „Если мы примем схоластическое учение о суждении, то это логически неизбежно приведет нас к идеализму; если же мы признаем другое учение о суждениях, основывающееся на теории отношений,

¹⁾ Мы должны отметить, что обычные упреки т. Варьяшу, будто бы он в основу разделения философских учений на идеализм и материализм кладет понимание принципа причинности, только относительно справедливы. В своем введении в „Историю новой философии“ наш автор действительно заявляет, что „отличие между материализмом и идеализмом в понимании причинности является самым радикальным, какое только можно мыслить“ (стр. 13, ч. I; курсив автора). Но затем явно непоследовательно он сводит фактически принцип причинности к тому или другому пониманию абстракции и суждения и кладет последнее в основу разделения философских направлений.

то этим открывается дверь для материализма“ (стр. 236, ч. I). Этим критерием пользуется тов. Варьяш в разборе и критической оценке философских учений.

„Таким образом, логическая функция суждения и теория абстракции (являющаяся всегда следствием теории суждения) образует ту основу, на которой покоится все стройное здание философии Гоббса“ (стр. 64, ч. II). Теория абстракции „является логической основой всей системы Локка“ (стр. 121, ч. II). Теория абстракции Беркли „или, вернее, критика абстрактных идей представляет стержень всех рассуждений Беркли“ (стр. 129, ч. II). „Далее, с теоретико-познавательной точки зрения чрезвычайно важно Лейбничево учение о суждениях, которое, будучи последовательнее аристотелевской и схоластической теорий, ведет необходимым образом к монадологии“ (стр. 235, ч. I).

Мы согласны, разумеется, с тем, что в общей характеристике философских учений теория суждения и абстракции имеет большое значение. Тому или другому виду идеализма и материализма соответствует, если он достаточно последователен, та или другая теория суждения. Несомненно, что и философия диалектического материализма не безразлична к этому вопросу и имеет вполне определенную теорию суждения. Но марксист самым решительным образом должен высказаться против того, чтобы эту теорию, как хочет тов. Варьяш, сделать критерием основного разделения философских направлений. Марксистский подход, формулированный Энгельсом, мы попрежнему считаем неизбывным. Здесь, в этом пункте, т. Варьяш совершенно явственно становится на идеалистическую точку зрения. В самом деле: исходный пункт всякого идеализма — от сознания к материи — является также исходным для нашего историка философии. Сознание или, вернее, отдельная область последнего — характеристика мыслительных процессов — об является фундаментом философских построений. Логика человеческого мышления со своим аппаратом — процессами суждения, абстракции и пр. — гипостазирована, универсализирована и определяет мирозерцание. Логика человеческого мышления, как учение о законах его движения, подставляется вместо методологии — как учения об общих законах движения материи (в том числе и человеческого мышления). Диалектический материализм против подобного выпячивания и гипостазирования законов мышления. Методология, с точки зрения марксистской философии, определяет и подчиняет теорию познания и логику человеческого мышления. Не от человеческого мышления и сознания к методологии и действительному миру, а, наоборот, от этого последнего к человеческому сознанию и его законам.

В этом существенное отличие диалектического материализма от идеализма и в частности от гуссерлянизма и ресселянизма, исходящего из идеи „чистой логики“, т. е. от логики человеческого мышления, и от кантианства, исходящего из теории познания.

Так т. Варьяш оказался в плену у идеализма.

Но даже и он сам — где уж тут говорить о последовательности! — не может строго провести свой принцип примата сознания и в частности примата теории суждения. Пусть он скажет, почему одна и та же

теория суждения и абстракции, с небольшими вариациями, в одном случае приводит к идеализму, в другом—к дуализму, в третьем—к материализму? Почему Гоббс был „последовательным“, „чистым“ материалистом, Локк—дуалистом, а Беркли и Юм—идеалистами, хотя они придерживались одной и той же номиналистической теории суждения? Почему Лейбниц был идеалистом, Декарт—дуалистом, а Спиноза—материалистом, хотя всем им была обща предикативная теория суждения? Бесплезно ждать вразумительного ответа от нашего историка: он явно и безнадежно путает и не может свести концов с концами.

Наиболее любопытна для характеристики проводимого т. Варьяшем принципа примата сознания глава, носящая скромное название „Приложение“ к системе спинозизма (стр. 203—215, ч. I). Здесь т. Варьяш делает попытку путем умозаключения чисто умозрительным, логическим путем вывести материю, действительность, бытие внешнего мира¹⁾.

Мы не будем разбирать ход „доказательства“ т. Варьяша по той простой причине, что такого умозрительного доказательства бытия внешнего мира, как это должно быть ясно каждому марксисту, нет и быть не может. Нам интересует другое. Мы хотим лишь показать формальную ограниченность мысли нашего горе-историка, его крепкую плененность идеалистическими принципами. Итак, задача поставлена: надо убедить человечество и доказать бытие внешнего мира. Эта задача, как и сознает сам т. Варьяш, является—только в иной форме, с иным объектом—возобновлением онтологического доказательства бытия божия. Средства к осуществлению задачи—это столь любезные сердцу калькулятивного формального логиста импликация и дисъюнкция. „Понимание импликации, как дисъюнкции, где первый член выступает в отрицательной, а второй—в положительной форме, играет огромную роль в теории познания и вообще во всех науках“ (стр. 204, ч. I; курсив автора). Раньше, в своей статье „Формальная и диалектическая логика“, т. Варьяш обещал с помощью импликации вывести „все характеристики мировых явлений, как процессов“, теперь он „выводит“ с помощью все того же чудесного „философского камня“ самое материю и природу. Добрая половина главы посвящена поэтому нудным рассуждениям на тему о том, что „*p* включает *q*“ и т. п. Ансельмовское доказательство бытия божия не удовлетворяет все-таки нашего историка—оно страдает, по его мнению, многими дефектами. „Таким образом, чтобы сделать из ансельмовской дисъюнкции заключение о существовании бога, нужно было бы доказать: 1) что эта дисъюнкция верна; 2) что представление о несовершеннейшей сущности предметно“ (стр. 211, ч. I; курсив автора).

Другое дело Спиноза. Он „возобновил в гениальной форме онтологическое доказательство: умозаключение от необходимости (сущности)

¹⁾ Впрочем, тов. Варьяш оговаривается и полагает, что „...субстанция, т. е. материя, вовсе не должна получаться обязательно в итоге умозаключения. Умозаключение здесь скорее исключение, чем правило“ (стр. 142, ч. II). Упомянутая нами глава и является как раз исключением из этого правила.

известного понятия к существованию соответствующего предмета, не имеющее силы в случае доказательства бытия божия, вполне правильно и правомерно в применении к природе“ (стр. 146, ч. I; курсив мой. Г. Д.). „Но на самом деле Спиноза нашел ту единственную форму онтологического доказательства, где оно действительно может иметь смысл и силу: он, именно, внес в дисъюнкцию природу как целое“ (стр. 211, ч. I, курсив автора). Таким образом, человечество может вздохнуть свободно, ныне вторично (после дней творения) тов. Варьяшем, вкупе со Спинозой, мир призывается к жизни. Посредством импликаций и дисъюнкций чистым умозрительным онтологическим путем творятся материя, природа и действительность. Хвала великому Ансельму Кентерберийскому, хвала Спинозе и особенно т. Варьяшу! Мы не будем останавливаться на дальнейших „рассуждениях“ нашего чародея, связанных с его „доказательством“ бытия природы. Дальше, оказывается, что из одного определения природы „вытекают и оба первые атрибуты“—мышление и протяжение—и все остальные бесконечно многие атрибуты“ (стр. 214, ч. I). Затем „аксиомы геометрии следуют из определения протяжения, из него следуют также и геометрические теоремы“ (стр. 216, ч. I) и т. д. и т. п. Примат сознания утверждён. В этом сознании утверждён примат суждения и абстракции, и, наконец, над всем этим, на самом верху, вроде Далай-Ламы, возвышается импликация, из которой выводится все и которая является „демпургом действительности“. Этому вполне соответствует совершенно неверная оценка т. Варьяшем значения новой философии по сравнению со средневековой и древней. На первый план он выпячивает „открытие сознания“. Постановка „проблемы сознания“, по его мнению, есть исключительная и главнейшая заслуга новой философии. „Грань между новой и старой эпохой в истории человеческой культуры заключается, между прочим, и в том, что в новое время, в качестве актуальной проблемы, выступила проблема сознания“ (стр. I, ч. II; курсив автора¹⁾). Вот почему, когда наш историк говорит о родоначальниках новой философии—Бэкоме и Декарте, он прежде всего хвалит их за постановку „проблемы сознания“. „Эта характернейшая черта новой философии наблюдается уже у того мыслителя, от которого обыкновенно считают начало новой культурной эры: у Бэкона“ (стр. 1, ч. II). „Открытие сознания“ Декартом наш историк посвящает целую главу под таким же названием (к слову сказать, самую большую из всего того, что им написано о Декарте). „Открытие эзопиана было, несомненно, величайшим культурно-историческим деянием Декарта“. „У Декарта новая проблема (проблема сознания. Г. Д.) выступила на передний план и стала основным стержнем его системы“

¹⁾ Слова „между прочим“, фигурирующие в этой цитате, не должны смущать читателей. Здесь т. Варьяш говорит о различии культур, а не о различии философском и идеологическом. В этом различии „проблема сознания“, так нужно разумеет т. Варьяша, стоит на ряду и „между прочим“ с другими проблемами—техникой, организацией общества и др. Что же касается истории философии, то немного дальше он определенно говорит, что постановка „проблемы сознания“—„характернейшая черта новой философии“ (стр. 1, ч. II).

(стр. 101, ч. I; курсив мой. Г. Д.) Нечего и говорить, насколько такая оценка новой философии, обычная для историков-идеалистов, расходится с марксистскими взглядами. С марксистской точки зрения, наоборот, новая эпоха в истории философии характерна прежде всего постановкой проблемы материи. Величайшая заслуга Бэкона и Декарта состоит прежде всего в том, что они не замкнулись в душевой и тесной сфере сознания, а обратили свой взор к миру, материи, опыту, природе. И только благодаря этому они правильно разрешили и проблему сознания.

И, наконец, этому проводимому нашим историком философии идеалистическому принципу—примату сознания—соответствует, ничем не оправдываемое и с марксистской точки зрения, выпячивание роли психологии. Последняя, по его мнению, призвана играть в настоящее время, в эпоху пролетарских революций, ту же роль, какую в условиях буржуазного развития имела техника и связанные с нею технологии и математика (см. стр. 106—107, 318, ч. I). Особенно же т. Варьяш выпячивает роль бессознательного. Открытие бессознательного, по мнению т. Варьяша, одно из самых великих завоеваний новой эпохи и марксизма. В связи с этим он неоднократно и любовно останавливается на „революционерах“ современной психологии, на учении Фрейда и психо-патологической школы. Свою периодизацию в развитии идеологических структур он строит, придерживаясь фрейдовской классификации психических функций (сгущение, вторичная обработка и пр.; сравни стр. 3 и 4 со стр. 49, ч. I).

Мы не будем останавливаться на этом фрейдистском уклоне нашего историка. Он неоднократно и достаточно был освещен в нашей критической философской литературе. Вдобавок мы должны заметить, что, несмотря на эту несомненную склонность к фрейдизму, у нашего автора его воззрения в целом не могут быть охарактеризованы, как „психо-патологический идеализм“. Если учесть преувеличенное, непропорционально большое внимание, какое он уделяет Лейбницу (в шесть раз больше, по количеству страниц, чем Бэкону, в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем Декарту, и т. д.), похвалы, какие он рассыпает этому философу; если присмотреться к бесчисленным математическим иллюстрациям, к рассуждениям о трансфинитных числах, об актуальной бесконечности и пр. и пр.; если иметь в виду его ссылки на современных логистов, особенно Ресселя, Кассирера, Гуссерля, и, наконец,—самое главное—если учесть его исходный пункт от сознания, от теории суждения, от импликаций и дисъюнкции, от „ p и q “—если все это учесть, мы сможем легко определить воззрения т. Варьяша и ту манеру, с которой он трактует философские учения. Это идеализм, по преимуществу формально-логического, калькулятивного, ресселевского толка. Вот почему, если можно говорить об эклектизме т. Варьяша, то только в особенном, условном смысле. Его нельзя назвать эклектиком по отношению к нам, к марксизму. По своей сущности т. Варьяш идеалист. В лучшем случае—идеалист, недостаточно себя осознавший. Марксизм его ограничивается по сути дела терминологией. Но в своем идеализме т. Варьяш действительно эклектик. Если он особенно тяготеет к Ресселю,

то все же не забывает и Гуссерля, а в целом идею логизма, идею „чистой логики“ не выдерживает последовательно до конца. Логизм он хочет как то сочетать с психологизмом (фрейдизмом). Здесь действительно он эклектик. Фрейд, наверное, упрекнул бы его в излишнем пристрастии к Ресселю, а этот, наоборот, в излишнем психологизме. Одновременно т. Варьяш совпадает и с нашими механистами в своем чрезмерном уважении к механике. Но и здесь соприкосновение подобно тому, какое имелось у идеалиста Лейбница с материалистом Спинозой.

Таков облик нашего автора, такова его „методология“, его манера трактовки философских учений. Вкратце ее можно формулировать следующим образом: вместо диалектики—формальная логистика, вместо методологии—формальные законы человеческого мышления, вместо материи—сознание, вместо материализма—идеализм. Мы не будем останавливаться на потугах нашего автора к „историко-материалистическому“ объяснению философских учений. Хотя т. Варьяш и говорит, „что всякий мыслитель, лишь только он начинает думать о проблемах общества, становится поневоле диалектиком“ (стр. 106, ч. II), по это положение, не говоря уже о неверности его вообще, особенно неверно в отношении к самому т. Варьяшу. В своем подходе к обществу и историческим проблемам он неизменно остается приверженцем формально-калькулятивной логики и метафизики. Погрешности т. Варьяша в этом отношении разобраны уже в рецензиях на его книги т.т. Лемусом и Лушолом¹⁾.

В заключение необходимо сказать несколько слов о построении его истории новой философии. Наш автор почему-то считает своим долгом из главы в главу пересказывать содержание философских систем. Так, например (мы нарочно делали сравнение), из главы в главу пересказывается локковский „Опыт о разуме“, гоббсовские „Основы философии“, спиннозовские „Трактаты“ и „Этика“ и пр. (даже названия §§ строго совпадают). Благодаря такому характеру построения можно написать не только 140 печатных листов, как это мы с испугом узнали из введения, а 140 со многими нулями.

Много есть еще других больших и малых вопросов, на которых нужно было бы остановиться, перетряхнуть и вывернуть их внутреннюю подкладку. Однако сказанного вполне достаточно для того, чтобы иметь достаточно полное представление об этой новой „Истории новой философии“; дальше продолжать это занятие мы не имеем ни времени, ни охоты.

Г. Дмитриев

1) „Под Знаменем Марксизма“ 1926 г. №№ 7—8, 9—10.

Ответ В. Ф. Перверзеву ¹⁾

В. Ф. Перверзев взял на себя труд проверить цитаты из Плеханова, приведенные в моей книге „Социологический метод в литературоведении“, и пришел к заключению, что я вкладываю в цитируемые места „такой смысл, какого они не имеют в тексте у автора“, и что, следовательно, мои ссылки на Плеханова „сплошное недоразумение“. Желая ослабить или уточнить свой упрек, В. Ф. Перверзев оговаривается, что он вовсе не хочет сказать, „что перед нами преднамеренное искажение чужой мысли: перед нами та aberrация, которая свойственна огромному большинству цитирующих, потому что человек, охваченный своей мыслью, склонен всюду видеть то, что ему хочется видеть... Это — непонимание от наполненности своей собственной мыслью“ (273). Конечно, подсудимому приятно слышать из уст судьи смягчающие вину обстоятельства и притом столь лестные, как „заполненность своей собственной мыслью“. Конечно, легче становится на сердце, когда узнаешь, что проявленная мною „aberrация“ „свойственна огромному большинству цитирующих“. Но все же хотелось бы принадлежать к тому меньшинству, которое умеет цитировать правильно. Себя самого В. Ф. Перверзев, без сомнения, причисляет к этой категории. Скажу более: каждый ученый, большой или малый, обязан принадлежать к этой категории. Я предпочитаю прямую постановку вопроса.

Элементарное методологическое правило для цитирующего состоит в том, чтобы определять смысл цитаты из контекста. В своей книге я неизменно держался этого принципа. К сожалению, В. Ф. Перверзев не всегда соблюдает его по отношению ко мне, хотя для него я тоже являюсь цитируемым автором.

Моя книга „Социологический метод“ распадается на две неравные по объему части. Взявши за основу марксистский тезис, что сознание определяется общественным бытием, — в первой части я трактую об общественном бытии, а во второй говорю о сознании, о том, как оно образуется под влиянием общественного бытия и как реагирует на последнее. Мои цитаты в первой части (в частности и из Плеханова) можно назвать прямыми, так как они приводятся с сохранением того места в контексте, какое имеют в оригинале: цитируемые авторы (в том числе и Плеханов) писали именно об общественном бытии как фундаменте для сознания. В другом положении находился я, когда разрабатывал вопросы, составившие содержание второй части. Здесь нередко мне приходилось ставить и решать такие проблемы, которых Плеханов или не касался вовсе, или касался попутно, на ходу своей полемики. Однако я дорожил и такими мыслями Плеханова, которые брошены им вскользь. Случалось, что в тексте он развивает свой ряд мыслей, направленных к укреплению марксистского взгляда на „фундамент“: я, запятый во второй части выяснением специфической жизни литера-

туры, как „надстройки“, беру иногда попутное замечание Плеханова и вставляю его в свой ряд мыслей. Все инкриминируемые мне случаи В. Ф. Перверзев берет как раз из второй части и толкует их ошибочно, главным образом, потому, что не принимает во внимание высказанных мною соображений. А это существенно меняет дело.

Остановлюсь на тех цитатах, которые заподозрены В. Ф. Перверзевым.

1) На стр. 117 я цитирую слова Плеханова о свободе, как сознательной необходимости¹⁾, — слова, направленные против тех, кто склонен приписывать марксистскому миропониманию „фатализм“ и „квинтизм“. Для вразумления этих лиц, и в частности Штаммлера, Плеханов несколько ранее, действительно, апагизирует пример последнего с луной. Вообразим, — рассуждает Плеханов, — что луна обладает сознанием, но сознанием идеалистическим, и что она, вследствие этого, испытывает „огромное наслаждение“ от своего положения в небесном пространстве. Но, если бы луна прониклась марксистским взглядом на свое движение, то и это открытие не сделало бы ее неспособной к движению, потому что „сознание необходимости прекрасно уживается с самым энергичным действием на практике“ (пример — Магомет и Наполеон, которые считали себя избранными судьбы). Вот какой смысл содержится в аналогии с луной. В. Ф. Перверзев толкует его неточно (274 — 275), разом искажая и мои мысли: вопрос здесь не в обусловленности сознания, а в том, как тот или другой характер сознания отражается на волевых устремлениях. Большим контекстом для моей цитаты (как для примера с луной) служит, конечно, общий взгляд Плеханова на проблему личности. Он достаточно известен. В приведенной мною цитате В. Ф. Перверзеву надлежало бы обратить внимание на выставленное Плехановым условие, что „данные мои действия являются в то же время наиболее для меня желательными из всех возможных действий“ (курсив мой). Этой мысли, полагаю, несколько не противоречит моя фраза, что „при одной и той же социальной ситуации перед человеком все-таки несколько дорог“. Пусть В. Ф. Перверзев кстати подумает и над заключительными словами Плеханова в той же главе. „Пока личность не завоевала этой свободы мужественным усилием философской мысли, она еще не вполне принадлежит самой себе и своими собственными нравственными муками платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости. Но зато та же личность... и т. д. Марксизм в понимании Плеханова (да, разумеется, не одного только Плеханова) не отрицает способности человека „сознательно относиться к ходу жизни и проявлять свою творческую инициативу“. А у меня на 117 стр. только это и сказано.

2) Цитата на 118 — 119 стр., в противоположность предыдущей, представляет уже тот случай, когда из комплекса мыслей Плеханова я извлекаю нужную мне идею. На стр. 119 это прямо и оговорено. Плеханов развивает свой ряд мыслей, я — свой. В одной точке эти ряды пересекаются, но, конечно, не совпадают. Признавая, что человеческое мышление имеет „свои особенные законы“, Плеханов делает ударение на том, что законы мышления не являются „последней причиной, основным двигателем умственного развития человечества“. Не отрицая последнего, я занят выяснением процесса создания идеологии и прежде всего „своими особенными законами мышления“. Опущенные

¹⁾ См. его статью в 16-й книге „Вестника Коммунистической Академии“.

¹⁾ В начале цитаты, как она приведена В. Ф. Перверзевым (274), выделено важное слово „объективной“.

мною примеры с желудком и пищей, а также с падающим шаром, ничего нового не прибавляют. При определении результатов пищеварения имеет значение как пища (ее происхождение и качество), так и желудок (пищеварение); для определения результатов падения шара необходимо знать не только то, откуда взялась наклонная плоскость, но также законы механики. О „пище“ или „наклонной плоскости“ шла у меня речь в первой части книги, а здесь я говорю о „законах пищеварения“ и „законах механики“, чтобы понять результаты всего процесса¹⁾. Комментарии же В. Ф. Переверзева насчет „ничтожности для историка идеологий законов сознания“ для меня не обязательны. Предполагать, что идеи возникают как-то помимо сознания, и последнее участвует только в сочетании идей, значит проповедывать социологическую метафизику. Ведь тот же Плеханов утверждает, что в глазах диалектического материалиста „права разума необъятны и неограниченны, как и его силы“ (цитировано мною на стр. 118).

3) Мой „комментарий“ к цитате на стр. 120 истолкован В. Ф. Переверзевым неверно. Цитата из Плеханова приведена мною в подкрепление лишь того, что сказано непосредственно перед ней, именно, что у идеолога есть предшественники и современники, „чьи идеологии воздействуют на работу его мысли“. У Плеханова (в моей цитате) говорится точь-в-точь то же самое. Абзац, следующий у меня за цитатой из Плеханова, представляет развитие моей мысли о преемственности и эволюции идеологий. Плеханову этой мысли я не навязываю. Тут общий и пока еще спорный вопрос об эволюционном и каузальном моментах развития.

4) Пример с цитатой на стр. 124—125, который В. Ф. Переверзев считает „еще более резким“, опять освещен весьма произвольно. В цитате из Плеханова и в моих рассуждениях речь идет о субъективном сознании идеолога, а не об объективных условиях, определяющих ход его мышления (об этом достаточно говорилось в других местах моей книги). Дальнейшие мысли Плеханова, которые напоминает нам В. Ф. Переверзев, несколько не опровергают тезиса, что идеологам нередко бывает свойственно „вполне самоотверженное отношение“ к вещам и что субъективно они могут придавать своим идеям не классовое, а общее значение. Об объективно, конечно, доказывает Плеханов, дело обстоит иначе. Но для меня в данном месте существенна именно психология мыслителя, его субъективное сознание.

5) Особенно сильно, думает В. Ф. Переверзев, „ретушировал“ я Плеханова на стр. 134 и 135. Моему критику следовало бы сказать, что у меня не только свой „нажим“, но здесь я как раз полемизирую с Плехановым. Тогда, разумеется, вся цепь его аргументации распалась бы сама собою. Во всяком случае нужно отнести к числу открытий В. Ф. Переверзева, будто Плеханов в своих рассуждениях о методе Гизо в действительности „говорит только то, что социально-исторический анализ Гизо был далеко не полон, и что если бы можно было дать полный анализ, то познание привело бы нас к рецепту получения великих писателей“. В том-то и вопрос—можно ли дать столь полный анализ?

¹⁾ В цитате из моей книги, как она приведена у Переверзева на стр. 276, отсутствует несколько слов, что искажает ее смысл.

Таким образом, во всех случаях, на которые указал В. Ф. Переверзев¹⁾, цитаты из Плеханова имеют тот смысл, какой вкладывал в них сам автор. Но, как и всякий другой исследователь, я считал себя в праве давать цитатам то применение, какое было нужно для моих целей.

Утверждение В. Ф. Переверзева, что мои ссылки на Плеханова есть „сплошное недоразумение“, остается совершенно недоказанным.

П. Сакулин

21/XI 1926 г.

По поводу ответа П. Н. Сакулина

В заключительной части своего ответа П. Н. Сакулин разъясняет мне, что он не изменял смысла цитируемых им из Плеханова строк, а только „давал им то применение, какое было нужно для его целей“. Едва ли стоило это разъяснять, когда с развития именно этой мысли и начинается моя заметка. Я резко подчеркивал, что дело у меня идет не о прямом искажении текстов и мыслей Плеханова, а именно о „применении их для своих целей“, о включении их в качестве созвучных в такой порядок идей, с которым они не только не вяжутся у Плеханова, но против которого им заостряются. Если П. Н. Сакулину кажется, что применение чужих высказываний для своих целей не есть вкладывание в них такого смысла, какого они не имели у их автора, я не буду возражать. Я не охотник спорить о словах. Согласен, что, цитируя Плеханова, П. Н. Сакулин не вкладывает в цитаты такого смысла, какого они не имеют у их автора, а только „применяет их для таких целей“, которые совершенно чужды Плеханову.

Об этом я и говорил, разбирая отдельные цитации.

Неясно поэтому, что же собственно оспаривает Сакулин, возражая мне по пунктам. Я утверждал, что строки, направленные у Плеханова на защиту детерминизма от всевозможных адвокатов автономного сознания, разъясняющие этим адвокатам, что нет никакой свободы вне необходимости, что свобода это необходимость, ставшая желанием, в цитации Сакулина развиваются в ограничение детерминизма и допущение хотя бы в известных пределах автономного, недетерминированного сознания. В своем ответе П. Н. Сакулин не возражает, что Плеханов в приведенных строках хлопчет об ограждении принципа необходимости от покушений адвокатов свободы и что сам он хлопчет об ограждении принципа свободы от покушений последовательных детерминистов. На большее я не претендовал и не претендую.

По поводу следующей цитаты я даю следующую формулу различия между значением плехановских строк в его тексте и в тексте у Сакулина: „Хотя идеи сочетаются по законам сознания, но к истории идей эти законы не имеют отношения, ибо исторический ход определяется историческим ходом вещей,—рассуждает Плеханов; хотя исторический ход идей и определяется ходом вещей, но в истории идей имеют значение и законы сознания,—читает это рассуждение Плеханова Сакулин“. Оспаривая мои соображения в этом пункте, Сакулин пишет: „Признавая, что человеческое мышление имеет свои особенные

¹⁾ К сожалению, у него есть безответственный намек еще на какие-то цитаты (273).

законы, Плеханов делает ударение на том, что законы мышления не являются последней причиной, основным двигателем умственного развития человечества. Не отрицая последнего, я занят выяснением создания идеологии прежде всего своими особенными законами мышления". Не спорю, и откровенно говоря, несаяно понимаю, с чем спорит Сакулин.

Упрекая меня в „неверном истолковании“ его комментария в цитате о преемственности идеологии, Сакулин говорит, что абзац, следующий у него за цитатой из Плеханова, не является к ней комментарием и представляет развитие собственной мысли. Совершенно, однако, очевидно, что если бы собственная мысль не представлялась созвучной с мыслью Плеханова, она не следовала бы за этой цитатой. Во всяком случае верность того, что в цитате Плеханова не содержится идеи эволюционного развития, независимо от каузального, которую развивает Сакулин в связи с приведенной цитатой, не оспаривается. А я только это и имею в виду сказать по поводу данной цитаты. Неизменно то же повторяется в следующей цитатой, относительно которой Сакулин не отрицает, что он делает в ней существенным то, что не было существенным для ее автора. Последнюю из отмеченных мною цитат Сакулин рекомендует рассматривать не как цитацию, а как полемику. В известном смысле все рассмотренные выше цитаты можно рассматривать, как полемику. Во всяком случае в данной цитате не больше, и не меньше полемики, чем в других. Читайте: „Конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения, но это еще ничего не доказывает... То-есть, — поясняет Сакулин, — не доказывает того, чтобы гений был абсолютно независим от влияния и чтобы от его личной воли всецело зависело движение жизни. Но бесспорно и то, что степень таланта определяется именно высотой индивидуальности и что роль творческой личности не безразлична для течения самого процесса литературной жизни“.

„Мы помним о зависимости писателя от класса или социальной группы. Но ошибочно думать, что этой зависимостью можно объяснить все творчество большого писателя“. „Смешно было бы сказать, — говорит Плеханов, — что Гизо перечислил все те исторические условия, которые вызвали появление драм Шекспира. Кто был бы в состоянии сделать подобное перечисление, тот мог бы прописать историю рецензентов для производства гениальных писателей“.

Что это — полемика, или апелляция к авторитету Плеханова?

Нам кажется, что и здесь мы имеем то „применение цитаты, какое было нужно для своих собственных целей“, то цитирование со своим нажимом, которое превращает цитаты Плеханова в какие-то намеки на развертываемую Сакулиным систему мыслей, в действительности не могущую иметь с ними никакого соприкосновения, кроме полемического.

Это я сказал и, кажется, доказал в своей заметке.

В. Переврзев

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДЕКАБРИСТАХ ¹⁾

Декабристы в иностранной литературе

190. A. P. Publications récentes parues en Russie. — Le Monde Slave (Paris) 1925, № 12, p. 476 — 479.

191. A. P. Nouveaux documents sur les Décabristes. — Le Monde Slave (Paris) 1925, № 12, p. 479 — 480.

192. Eine politische Dichtung Puschkins. — Hamburger Korrespondenz 1925, 25 Okt.

193. Kaj. Die Dekabristen-Verschöpfung. (26 Dezember 1825). — Frankfurter Zeitung 1925, 30 Dez.

194. Legras, Jules. Autour des Décabristes. — Le Monde Slave 1925, № 12, p. 350 — 373. Польское и немецкое влияния на развитие идей декабристов. Обзор воспоминаний Волконского, Оболенского, Якушкина. Пестель — немец. Восхваление русской женщины в лице Трубецких, Волконских, следовавших за мужьями в Сибирь.

195. Legras, Jules. Bibliographe décabriste. Livres parus en France. — Le Monde Slave (Paris) 1925, № 12, p. 473 — 476. — Реферат франц. издания романа Д. Мережковского «14 декабря» (Edition Bossard, Paris, 1921, 1 vol. in 12, 418 p. 6 fr. 50) и русск. издания книги кн. С. Волконского «О декабристах по семейным воспоминаниям» (Изд. Павлоцкого. (1924)». 174 стр., с илл.). См. № 213.

* 196. Merejkowski, Dmitri Sergievich. December the fourteenth; tr. from the Russian by Nathalie A. Duddington. New-York, International publisher. 1925 VII+319 p.

* 197. Merejkowski, Dmitri Sergievich. December the fourteenth; tr. from the

Russian by Nathalie A. Duddington. London, J. Cape. 1925. 7 s. 6 d.

198. Metzler, A. Von dr. Decabristen-Aufstand. — Vossische Zeitung 1925. 24 Dez.

199. Milloukov, P. La place du Décabriste dans l'évolution de l'intelligence russe. — Le Monde Slave 1925, № 12, p. 333 — 349.

200. Mirkin-Guetzévitch, B. Les idées politiques des Décabristes et l'influence française. — Le Monde Slave 1925, № 12, p. 374 — 384.

201. Moysset, Henri. L'insurrection décabriste. — Le Monde Slave (Paris) 1925, № 12, p. 321 — 333. Положение в Австрии. Меттерних. Обзор революционных партий 1816—1817 г. г. Пестель. Рылеев.

202. Remisow, Alexis. Lettres de la famille Pestel. — Le Monde Slave 1925, № 12, p. 385 — 399. Письма (20) Пестелей: Ив. Бор. (2), Елиз. Ив. (р. Крок) (16) и Софии Ив. (2) к Колечицким Петру Петр., Анаст. Ив. (р. Лыкошиной) из имения Пестелей Васильева в Шелканово (Колечицких) за время 1824 — 1827 г. г. В предисловии необходимые сведения о корреспондентах и извлечения из дневника А. И. Колечицкой (записи 4 янв., 2 апр. и 23 авг. 1826 г.). — Оригиналы для снятия копий были предоставлены А. А. Рачинской. — Извлечено из печатающейся книги автора «La vive vivante», составляющей 2-й том серии: Rossijska v pismenakh (Où la Russie se raconte), первый том которой вышел в 1922 г. в Берлине в изд-ве «Геликон» (на русск. яз.) Ср. русск. текст этих же писем — № 222.

¹⁾ См. „В. К. А.“, кн. 16.

203. **Rubiner, Frida.** Die Dekabristen. Zum 100 Jahrestag des Petersburger Aufstandes am 14 Dezember 1825.—Die Rote Fahne 1925, 15 Dez.

204. **Sibiriatkow, W.** Le centenaire de l'insurrection des decabristes.—L'Humanité (Paris) 1925, 29 Dec.

205. **Stichospak, Nadine.** Les Decembristes de Russie. (1825).—Europe (Paris) 1925, № 36, 16 Dec., p. 453—469.

206. Les rapports de l'ambassade de France à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Decabristes. Nicolas P. Wakar.—Le Monde Slave (Paris) 1925, № 12, 447—472.—Дипломатическая переписка гр. Ла-Феррона (le comte de La Ferrounays, franc. посла в С. Пбурге) и принца Сент-При (le vicomte Saint-Priest, чрезвычайного посла Карла X-го) с франц. министром иностранных дел бароном Дамасом (baron de Damas). Ср. № 211.

207. **Vilenski-Sibiriatkof, (W)³.** Le centenaire de l'insurrection des decabristes.—Le Drapeau Rouge (Bruxelles) 1925, 30 Dec.

208. **Yarmollinsky, Avrahm.** Russian Decembrists to be commemorated. Preparation under way for celebrating hundredth anniversary of revolt believed to have watered seed of revolution the uprising of 1825. By Avrahm Yarmollinsky.—The New York Times, 1925, 20 dec.

209. **A. P.** Les commémorations russes du centenaire des Decabristes.—Le Monde Slave (Paris) 1926, I, 134—139.—A Paris. A Prague. En. U. R. S. S. En Ukraine.

210. **Strach, S.** La littérature russe sur le Decabriste.—Le Monde Slave (Paris) 1926, I, 124—134.

211. Les rapports de l'ambassade d'Autriche à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Decabristes.—(Nicolas P. Wakar).—Le Monde Slave (Paris) 1926, I, p. 89—124; II, p. 293—315.—Дипломатическая переписка гр. Лебцельтерна (le Comte de Lebzelter, австрийский посол в С. Пбурге) с австр. министром иностранных дел бароном Меттернихом.—Ср. № 206. **Мельгунов, В. И.** Восстание декабристов. (См. № 212). **Мельгунов, В. И.** Восстание декабристов. Описание восстания декабристов. Из издания «Стихотворения декабристов» (См. № 212). **Мельгунов, В. И.** Восстание декабристов. Описание восстания декабристов. Из издания «Стихотворения декабристов» (См. № 212). **Мельгунов, В. И.** Восстание декабристов. Описание восстания декабристов. Из издания «Стихотворения декабристов» (См. № 212).

ckerei W. F. Häcker. 1926. (26 × 18). Загл. лист + (2) стр. + 111 стр. + (4) вкладных листа снимков.—Снимки; Der 14 Dezember 1825 auf dem Senatsplatz in Petersburg nach einem Aquarell von Colmann. (Перед загл. листом).—Fürst Grigorij Ssemjonowitsch Wolkonski nach dem Gemälde von B. Borowikowski (9).—Fürst Ssergei Grigorjewitsch Wolkonski nach dem Gemälde von Day a. d. Jahre 1820. (17).—Fürstin Marja N. Wolkonski nach dem Aquarell des Dekabristen Bestuschew (49).—Ср. № 213.

212a. **Melniková-Papoušková, N.** O ženách dekabristu.—Akademie. Revue socialistická s literární přílohou: Rudé Květy. Praga. R. XXIX. C. 8. 1925, 15 prosince. Příloha, 49—53.

212b. **Bldo, J.,** univ. prof. O ruských dekabristech. (Ke 100 výroci významné historické události).—Národní politika (Praga) 1925, 18 prosince. Ročník XLIII.

212v. **V. Rusku** pred sto lety.—Lidové noviny (Praga) 1925, 16—18, 20—21 prosince. Ряд статей редактора газеты Кенига («Как готовилась почва для восстания декабристов» (16. XII); «Наполеоновские войны и их влияние на русскую молодежь» (17. XII); «Тайные общества и их стремления» (18. XII); «Трагедия декабрьского восстания» (20. XII); «Причины неудачи декабрьского восстания. Значение декабристов» (21. XII).

212r. **Kizevitter, A. A.** prof. Die Dekabristen. Zum heutigen 100 Jahrestag der ersten russischen Revolution.—Prager Presse. Morgen-Ausgabe. 1925, 25 Dezember.

212a. **Kizevitter, Alex.,** prof. Myslenky i dilu dekabristu.—Národní osvobození 1925, № 353, 25 prosince, strana 17. С илл.

212e. **Melniková-Papoušková, N.** O ženách dekabristu.—Akademie. Revue socialistická s literární přílohou: Rudé Květy. Praga. R. XXIX. C. 8. 1925, 15 prosince. Příloha, 49—53.

212f. **Slavík, Jan.** Dekabristé. (K stému výroci povstání).—Slovanský přehled (Praha), rocn. XVIII, c. 1 (leden 1926), 31—39.

212h. **Charvát, V.,** dr. Dekabristé. (Povstání 27. XII. 1825).—Právo lidu 1925, 25. XII. C. 300. Ročn. XXXVI. Ústřední organ Československé sociálně demokratické strany dělnické.

212k. **Oslava památky dekabristu v Praze.**—Lidové noviny (Praha) 1925, 28 prosince.

212l. **Puskin a dekabristé.**—Lidové noviny (Praha) 1925, 28 prosince.

212m. **Revolucionári-idealisté. K stému výroci dekabristického povstání.**—Lidové noviny (Praha) 1925, 28 prosince. Автор—редактор газеты—Кениг.

212n. **Hostovsky, Josef.** Romantika hnutí dekabristického.—Tribuna (Praha) 1925, 30 prosince.

212o. **Pamiatke Dekabristov.**—Robotnické Noviny (Ratislava) 1925, 30 decembra.

212p. **Sloleté výroci dekabristického revoluce.**—Slovácko. Komunický obdeník. V Hodonine v patek 1 ledna 1926.

213. **Волконский, кн. Сергей.** О декабристах. По семейным воспоминаниям. Париж, Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и К°. Тип. Зинабург и К°. Berlin S. a. (1924)³. (21×15). 174+(1) стр.+3 вклад. листа портр.—Портреты: Князь Сергей Григорьевич Волконский. С портрета Г. Дау, находящегося в Зимней Дворце. 1820. К стр. 7.—Княгиня Мария Николаевна Волконская с сыном Николаем. С акварели Соколова 1826 г. 81.—Княгиня Мария Николаевна Волконская. С посмертного портрета раб. Н. Гордзижани 1860 г. 145.—Рец.: Соврем. Зап. XXIII (Париж, 1925). стр. 500—505. С. Мельгунов—Руль (Берлин) 1924, 5 нояб. У. I.—См. еще № 195.—Ср. № 212.

213a. **Росгиславов, М. Арест В. К. Кюхельбекера.** (К событиям 14—26 декабря 1825 г.).—Руль (Берлин) 1924, № 1236, 25 дек.

213b. **Ольховский, П.** Пятьдесят лет тому назад. Из воспоминаний офицера-павловца.—Возрождение (Париж) 1925, 6 февр.

213в. **Вишняк, Марк.** Декабристы и история.—Дни (Париж) 1925, № 888, 25 дек.

213г. **Строев, В.,** проф. О дуэли Чернова и Новосильцева.—Руль (Берлин) 1925, 9 авг.—Поправки см. № 213д.

213д. **Оболенский, кн. Д. Д.** Историческая справка.—Руль (Берлин) 1925, 20 авг. По поводу заметки проф. В. Строева о дуэли Чернова и Новосильцева. (Там же 1925, 9 авг.).—Ср. ответную заметку В. Строева в а. (Там же 1925, 26 авг.).

213е. **Чужанинов.** Сто лет тому назад.—Русь (София) 1925, 4 сент.

213ж. **Ильичев, Б.** Рылеев.—Парижский Вестник 1925, 29 сент.

213з. **Делонз, София.** Старая Москва.—Дни (Париж) 1925, 22 ноября, 6 и 20 дек. и 1926, 5 мая и 28 июня.—Автор—внучатая племянница М. А. Дмитриева-Мамонтова. О последнем есть краткие рассказы, беглое упоминание имеется еще о М. А. Бестужеве (в № от 22 ноября).

213и. **Ходнев, Д.** 14 декабря 1825 г. (Из архива л.-г. Финляндского полка).—Русское Время (Париж) 1925, 22 и 23 дек.—На самом деле по печатным источникам.

213к. **Борщян, И. К.** Декабрьское движение в отражении французской прессы.—Парижский Вестник 1925, 25 дек.—По современным событиям газетам: «Le Drapeau Blanc», «L'Étoile», «Le Quotidien», «Journal des débats», «Le constitutionnel».

213л. **Минцлов, С. Р.** Деды.—Дни (Париж) 1925, № 888, 25 дек.—Жизнь М. А. Бодиско в имени по возвращении из ссылки. По семейным воспоминаниям.

213м. **Симанский, П. К.** Библиография 14 декабря.—За Свободу (Варшава) 1925, № 324 (1726), 25 дек.—Описание рукописного сборника 1826 г.: «Современная история. О кончине Государя императора Александра I».

213н. **Шалфейс, Б.** Лифляндский генерал-губернатор в роли декабриста.—Сегодня (Рига) 1925, № 291, 25 дек.—Рассказ А. А. Суворова о своем аресте в связи с 14 декабря и о допросе его Николаем I.—Первоначально рассказ этот был опублико-

кован в газете «Остзейский Вестник» за 1859 г.

213о. **Брызгалова, М. В.** Воспоминания внуки декабриста.—Руль (Берлин) 1925, 25 и 29 дек.—Со слов родителей сообщает о жизни в Сибири и главным образом о прабабушке А. И. Анненковой.

213п. **Крымский, В.** Декабристы.—Новое Русское Слово (Нью-Йорк) 1925, 26 дек.

213р. **Оболенский, кн. Д. Д.** Воспоминания о декабристах.—Новое Время (Белград) 1925, №№ 1400, 26 дек. и 1401, 27 дек.—Рассказы о встречах с В. М. Голициным, Н. А. Загорещким, М. М. Нарышкиным, П. П. Свиным, П. Н. Свистуновым и Н. Р. Цебриковым.

213с. **Окунцов, Ив.** Декабристы в Восточной Сибири.—Новое Русское Слово (Нью-Йорк) 1925, 26 дек.

213г. **Полесский, В.** Мысли о декабристах.—Новое Русское Слово (Нью-Йорк) 1925, 26 дек.

213у. **Полонский Г.** Тайна декабристов.—Новое Русское Слово (Нью-Йорк) 1925, 26 дек.

213ф. **Вакар Н. П.** Николай I-й и декабристы. (По неизвестным документам).—Последние Новости (Париж) 1925, № 1742, 27 дек., стр. 2—3, Фельетон.—С выдержками из дипломатической переписки гр. де-Ла-Ферронне. Ср. № 206.

213х. Годовщина восстания декабристов.—Последние Новости (Париж) 1925, № 1742, 27 дек.

213ц. **Н. Э.** Идеалы декабристов.—Русский Голос (Харбин) 1925, 27 дек.

213ч. 14 декабря 1825 г.—Русский Голос (Харбин) 1925, 27 дек.—Передовица без подписи.

213ш. **Яблоновский, А.** Еретические мысли.—Возрождение (Париж) 1925, 27 дек.

213щ. **Максимович, Е.** Декабристы.—За Свободу (Варшава) 1925, 30 дек.

213з. **Алданов, М. А.** Отрывки. (О декабристах).—Дни (Париж) 1925, № 888, 25 дек.

213э. Декабристы.—Дни (Париж) 1925, № 888, 25 дек. Передовица.

213ю. **Кизеветтер, А.** Столетие декабристов.—Руль (Берлин) 1925, № 1541, 25 дек.

214. **Алданов, М. А.** Сперанский и Декабристы.—Соврем. Зап., XXVI (Париж, 1925), 224—240.

215. Доклад и донесение **С. Николаева**. Письменный доклад полковника С. С. Николаева барону Дибичу (18. XI. 1825 г.).—Воля России (Прага) 1926, XII, 46—58.—Стр. 48—58: дневник Николаева. Записи с 18. XI. 1825 по 6. I. 1826.—Ср. №№ 216, 223.

216. Донесение **Шервуда**.—Воля России (Прага) 1925, XII, 42—46. Собственноручная рукопись донесения Шервуда, написанная им для С. С. Николаева и предназначенная им Дибичу. Резюме донесения см. у Шильдера—Имп. Александр I, т. IV, 408—418. Рукописи Шервуда не было у Шильдера.—Ср. №№ 215, 223.

217. **Изюмов, А.** Литература о декабристах за последние годы.—Славянская Книга (Прага) 1925, XI, дек., 245—260.

218. **Мережковский, Д. С.** 1825—1925.—Современ. Записки XXVI (Париж, 1925), 218—223.

219. Несколько документов о декабристах. Сообщ. **С. Мельгунова**.—На Чужой Стране, XIII, (Прага, 1925), 172—176.—Официальная переписка министра иностранных дел Нессельроде с послом в Париже Поццо-ди-Борго. Циркулярное обращение Нессельроде к дипломатич. представителям России за границей, в котором он информирует их о приговоре над декабристами.—Из Архива Русского Посольства в Париже.

220. **П. М.—ский (Мстиславский, П.)**. Литература о декабристах в Советской России (1918—1925).—Воля России (Прага) 1925, XII, 160—163.

221. Рассказ очевидца о казни декабристов.—Воля России (Прага) 1925, XII, 58—60. Перепеч. из изд. Стих. Рыльева, Лейпциг, 1862 г.

222. **Ремизов, Алексей.** Живая жизнь. Россия в письменах. (Письма Пестелей. 1824—1827).—Воля России (Прага) 1925, XII, 3—18. Ср. № 202.

223. **Рубакин, Н. А.** Рукописи Шервуда и Николаева.—Воля Рос-

сии (Прага) 1925, XII, 36—41.—Ср. №№ 215, 216.

224. **Слоним, Марк.** Предтечи и потомки, 1825—1925.—Воля России (Прага) 1925, XII, 61—74.

225. Неизданные отрывки из романа Л. Н. Толстого «Декабристы». 1. Тихон Полнер: Предварительные замечания. 2. Л. Н. Толстой: Отрывки из романа.—На Чужой Стране. Историко-литературные сборники. Под ред. В. А. Мякотина, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и С. П. Мельгунова. (№) XIII. Прага. 1925. Стр. 5—28.—Рукопись получена редакцией из портфеля изд. «Задруга».—Четыре начала романа. 1. «Пути жизни».

2. Выезд в церковь ген. Бурцева; похождение Ивана Федотова (в церкви, у попа, дома и в поле). 3. «1818 год. Пролог». 4. Сходка крестьян в с. Никольском на Зуше.

226. **Цетлин, Мих.** О 14-м Декабря.—Современ. Зап. XXVI (Париж, 1925), 241—257.

226а. **Алданов, М. А.** Памяти декабристов.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 43—45.—«Статьи М. А. Алданова, П. Н. Милокова, С. П. Мельгунова и В. А. Мякотина представляют собой воспроизведение речей, произнесенных на торжественном заседании Акад. Союза в Сорбонне 27 декабря 1925 г.». Ср. №№ 226г, 226и, 226л.

226б. **Кизеветтер, А. А.** Спорные вопросы в истории декабристов.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 103—111.—Идеология декабристов.—Поведение их на следствии. Poleмика с М. Н. Покровским и Кириком Левиным («История России в XIX в.» изд. Гранат), с Н. Рожковым («Русское Прошлое», вып. I, 1923 г.).

226в. **М. (Мельгунов, С. П.)**. К характеристике декабристов.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 86.—По записке дек. Н. В. Басаргина, опубликованной Е. Е. Якушкиным (КС. 1925, № 5). Ср. № 630.

226г. **Мельгунов, С. П.** Идеализм и реализм декабристов.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 69—85.

226д. **Мельгунов, С. П.** «Monde Slave» о России.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, Среди книг, стр. 299—308.—Стр. 300—302: обзор содержания декабрьской книжки журнала за 1925 г. со статьями о декабристах II. Н. Милокова, проф. Лерга, Миркина-Гецевича, публикации Н. П. Вакара (донесения Лаферронне) и библиографией о декабристах.

226е. **С. М. (Мельгунов, С. П.)**. «Легенда» о декабристах.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 46.

226ж. **С. М. (Мельгунов, С. П.)**. Николай I и декабристы.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 1/XIV, Факты и заметки, стр. 298.—Запись дек. Лорера о допросе Николаем I Назимова. С копии записок Лорера, находящейся в Париже и принадлежащей г. Константинову.

226з. **С. М. (Мельгунов, С. П.)**. «Трагедия одиночества» декабристов.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 68. Сочувствие декабристам со стороны народных масс и тогдашнего общества.

226и. **Милоков, П. Н.** Роль декабристов в связи поколений.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 47—67.

226к. **Миркин-Гецевич, Б. С.** Французское влияние в идеологии декабристов.—Последние Новости (Париж) 1926, № 1742, 27 дек., стр. 2.

226л. **Мякотин, В. А.** Декабристы в их преобразовательных планах.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 2/XV, стр. 87—101.—«Орден Русских Рыцарей».—Никита Муравьев.—П. И. Пестель.—Общество Соединенных Славян.

226м. **Зензинов, В.** О декабристах. Из семейной хроники.—Дни (Париж) 1926, № 893, 1 янв. Детские впечатления от встреч с Д. И. Завалишиным. История издания отцом автора сборника: «Декабристы. 86 портретов».

226н. **Айхенвальд, Ю.** Литературные заметки.—Руль (Берлин) 1925, 6 янв.—Характеристика А. И. Одоевского и К. Ф. Рыльева.

2260. **Винокуров, М. З.** «Месяцеслов» с записями декабриста Якубовича. (Библиографический очерк).—Дни (Париж) 1926, № 900, 10 янв.—По экземпляру библиотеки Юдина (ныне конгресса Сев.-Амер. Соед. Штатов в Вашингтоне).—Настроения Якубовича в последние годы жизни.

2261. **Гофман, М. Л.** Пушкин и декабристы.—Руль (Берлин) 1926, 14 февр.

2262. **Амфитеатров, А.** Декабризм и декабристы.—За Свободу (Варшава) 1926, №№ 50 и 51 3 и 4 марта

Декабристы в русской художественной литературе и искусстве.

1. Стихотворения.

227. **Асеев, Ник.** Декабристам. Три стихотворения. I. Декабрьский туман («Петербургский, холодный туман...»).²—II. «Если ты начинаешь стареть»... III. Сияние гусары. («Раненым медведем мороз дерет...»).²—Новый Мир (М.) 1926, III, 31—35.

228. **Ашукин, Николай.** Декабрист в Сибири. («Всю ночь метель в окно стучится...»).²—КН. 1925, № 53, 27 дек., 1252.

229. **Большаков, Конст.** Четырнадцатое декабря. («Здесь бурь морозы не растили...»).²—КНовь 1925, X, дек., 117—118.—Ср. №№ 230 и 231.

230. **То же.**—РПуть (Омск) 1925 25 дек. С илл. Ср. №№ 229 и 231.

231. **То же.** Боз подписи.—Т. (Клиницы) 1925, 29 дек. Ср. №№ 229 и 230.

232. **Виленский, Давид.** Восставшим. В столетие. («Декабристы—не слово, а струна...»).²—КТатария 1925, 25 дек.

233. Первые шаги. Сборник литературного кружка при журнале «Работница и Крестьянка». Под ред. С. Юрина. Л., изд. и тип. им. Евг. Соколовой. Рабоч. Изд-ва «Прибой». 1926. (20×14). 95 стр. 45 коп. (Сектор «Работница и Крестьянка»). 8.125 экз.—Стр. 48: Памяти декабристов. («Из искры воз-

горится пламя...»).² П. Расковья Гриневиц (Завод «Генкс»).

232а. **Емелин, Степан.** Их путь. («Ушедшие в великий мрак...»).²—ЛП. 1924, № 297.

234. **Еферов, В.** Российская пурга. (Памяти декабристов). («На глади вод дворянского пруда...»).²—Ком. 1925, 25 дек.

235. **Зенкевич, Михаил.** Пестель. («Ужасно это дело, но...»).²—РПуть (Омск) 1925, 25 дек.

235а. **Келлер, И.** Казнь. Из поэмы «Белая Ночь».—Уральский Р. 1926, 1 авг.—Нач.: «Расвет начинался скупом»....

236. **Лавренев, Борис.** Декабристы. («Деспотичество? Перед законом...»).²—Звезда (Л.) 1925, № 6(12), с. 44.

237. **Молчанов, Иван,** 14 декабря 1825 года. («Мятежь завывала, упряма и зла...»).²—П. 1925, 30 дек.

238. **Несмелов, А.** Декабристы. («Вы помните призыв Карамзина...»).²—ССибирь 1925, 25 дек.

239. **Ростопчина, гр. Е. П.** Послание к страдальцам. («Соотчичи мои, заступники свободы...»).² С примеч. Г. П. Георгиевского.—Дек.², 7—8, 9—17 (примеч).—Написано вслед за исполнением приговора над декабристами. Печатается по новому автографу стих, поднесенного автором дек. 3. Г. Чернышеву в конце 40-х или нач. 50-х гг. Хранится в Отделе рукоп. Публичной биб-ки СССР им. В. И. Ленина среди бумаг П. С. Киселева.

239а. **Огарев, Н. П.** На смерть декабристов. (26 июля 1826 г.)—КСевер 1926, 25 июля.—Нач.: «Каховский, Пестель, Муравьев...»

240. **Полежаев, А. И.** Неизданное стихотворение. «Ай, ахти! ох, ура... Примечания Н. В. Измайлова.—Атеней, III (1926) 12—13 и 31 примеч.

241. **Скуратов, Михаил.** Декабристам. («В страну варначьей дикой воли... Иркутск»).²—Комсомольская П. 1925, 30 авг.

242. **Чечин, Михаил.** Памяти декабристов. («Каре гвардейским круто скручен... Москва 1925»).²—БР. 1925, 28 дек.

242а. **Шилейко, Т.** Пяти. (Стих.: «Июльский день встает декабрьской...»).²—ЛП. 1926, 25 июля.

243. **Языков, Н. М.** (Стихотворение памяти К. Ф. Рылеева).² («Не выль убранство наших дней... 7 августа 1826 г.»). Примечания Н. В. Измайлова.—Атеней, III (1926) 1 и 30—31 примеч.

244. **Декабристу.** Стихотворение неизвестного. (Г...ву. «С глубоким трепетом волненья»).² Сообщ. Николай Бродский.—КС. 1926, № 1 (22), стр. 143—144.—Могло быть написано только до 14 дек. 1825 г.

245. **Лернер, Н. О.** Ad Decabristiana. 1. 14 декабря в народной песне («Молодой солдат да на часах стоит...»).² 2. «Ростопчинская шутка» о декабристах. 3. Стихи Д. Л. Крюкова (?) («Над вашей памятью кровавой...»).²—Бунт дек., 397—399.

2. Пьесы.

246. **Лернер, Николай.** Декабристы. (Николай I). Историческая пьеса в 5 действ. и 9-ти картинах. М. Изд-во МОДП и К^о, тип. Учебная ЦДКВРМ, 1926 (1925).². (17×13). 88 стр. 80 коп. (Союз Революционных Драматургов). 3.000 экз.

247. **Толстой, Алексей и Щеголев Павел.** «Полина Гебль». (Декабристы). Драматическая поэма (в девяти картинах).²—Новая Россия (М.) 1926, № 1, янв., стбц. 35—58. Ср. 248.

248. **Толстой, Ал. и Щеголев, П.** «Декабристы». Драматическая поэма. (Картина 5-я).²—ВМ. 1926, № 29(637), 5 февр.—Ср. № 247.

249. **Яхонтова, Марианна.** «Декабристы». Драма в пяти действиях.—Перевал. Сборник № 3. Под ред. Артема Веселого, А. Кастерина и М. Светлова. М. (и) Л., Госуд. Изд-во. 1925. Стр. 101—175. Ср. № 250.

250. **Яхонтова, Марианна.** Декабристы. Драма в пяти действиях. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» в Мск. Госуд. Изд-ва. 1925. (18×13. 5). 117 стр. 65 коп. 5.000 экз. Сюжет из восстания Чернышевского полка. Ср. № 249.—Рец.: ПР. 1926, II, март. 222—223. В. Волькенштейн.—СибО. 1926, I—II, янв.—апр. 239. М. Н. Никитин.

3. Проза.

251. **Алтаев, Ал.** Семеновский бунт. Из истории революционного движения 1820 года. (Повесть).² С предисл. С. А. (Я.)² Штрайха. М. (и) Л., Молодая Гвардия, типолитография 3-я «Транспечати» в Мск. 1926. (15×11). 64 стр. 20 к. Библиотека Юного Пионера). 10.000 экз.—Рец.: Кн. 1926, № 20. С. Огнев.

252. **Алтаев, Ал.** Бунтари. Роман из эпохи декабрьского восстания 1825 года. Третья тысяча. М. (и) Л., «Земля и Фабрика», Государственная учебно-практ. школа-типография имени тов. Алексева в Лгр. 1926. (24×16). 237 стр. 2 руб. 25 коп. 4.000 экз.—Обложка: Анатолий Толоконников.—Рец.: СЮг. 1926, 16 июня. Бор. Оленин.—Книгу в Массы 1926, № 10—11.—Там же. № 12.—И. 1926, 31 авг. Вл. В.

253. **Алтаев, Ал.** Декабрята. Из истории восстания декабристов. М. (и) Л., «Земля и Фабрика», тип. Рабоч. Изд-ва, «Прибой» им. Евг. Соколовой в Лгр. (1926).². (18×14). 148 стр. 1 руб. 4.000 экз. Рец.: И. 1926, № 120, 27 мая.—Ком. 1926, № 120, 28 мая. Фантом.—СЮг. 1926, 16 июня. Бор. Оленин.—Кн. 1926, № 23—24, 25 июня, стр. 44. Е. Гальперин.—НГ. 1926, 31 авг. Энгель.

254. **Большаков, Конст.** Медная пуговица. Исторический рассказ.—КН. 1925, № 53, 27 дек., 1248—1252. С илл. С. В. Чехонина, Д. Н. Кардовского и др.

254а. **Григорьев, Сергей.** Флейщик Фалалей Повесть о четырнадцатом декабря. Илл. В. Милавского. М. (и) Л., изд. и нотопечатня в Мск. Госуд. Изд-ва. 1926. (1925).². (18×14). 172 стр., с илл. (4) стр. объявл. 55 коп. (Новая Детская Литература. Старший возраст). 15.000 экз.—Рец.: П. 1926, № 107 (3336), 12 мая, 5. Г—ков.—Кн. 1926, № 18, 14 мая, 36. С. Огнев.—ПР. 1926, IV, июнь. 221. М. Гершензон.

255. **Дюма Александр (Отец)** (Dumas, A.)¹ Учитель фехтования. (Le maître d'armes).¹ Историче-

скин роман из времен декабристов. Перев. с франц. Г. И. Гордона Л., Изд-во «Время», тип. Торг. Палаты. 1925. (20×14). 228+(2) стр.+(2) стр. об'явл. 1 руб. 25 коп. 4.100 экз.—Обложка: Ю. Черкесов. Предисловие: И. Неуструев.—Рец.: ПР. 1925, VIII, дек., 250—251. Н. Пиксанов.

256. **Марич, М.** Аракчеевщина. (Из ром. «Северное сияние»).—КНовь 1925., дек., 15—27.—Фигурирует дек. Н. В. Басаргин.

257. **Марич, М.** Северное сияние. Роман из эпохи декабристов. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» Госуд. Изд-ва (в Мск)². 1926. (МСМХХVI). (20×14). 382+(2) стр. 1 руб. 80 коп. 5.000 экз.—Рец.: П. 1926, № 134 (3363), 13 июня. А. Коротков.—Звезда (Пермь) 1926, 23 авг.—Учительская Газета (М.). 1926, 7 авг. Лев Фанштейн.—Коммуна (Самара) 1926, 15 авг. Л. Ф. (Лев Фанштейн)³.—Ком. 1926, 11 авг. (Лев Фанштейн)³.—Курская П. 1926, 20 авг. (Лев Фанштейн)³.—РПуть (Омск) 1926, 15 авг. (Лев Фанштейн)³.—Пролетарская Мысль (Златоуст) 1926, 14 авг. (Лев Фанштейн)³.—Кузбас (Шегловск) 1926, 13 авг. Л. Ф. (Лев Фанштейн)³.—СЮг 1926, 19 авг. Е. Р.—Кн. 1926, № 26. В. К.—Борьба (Сталинград) 1926, 29 авг. Новое о декабристах.—ПР. 1926, VI, сент., 209—210. Виктор Гольцев.—Звезда (Новгород) 1926, № 196, 31 авг. Л. Ф. (Лев Фанштейн)³.—КЗапорожье (Владивосток) 1926, № 1806, 25 авг. Л. Ф. (Лев Фанштейн)³.

257а. **Марич, М.** Казнь. (Из романа «Северное сияние», ч. II).—Прожектор (М.) 1926, № 15 (86), 15 авг., 6—7. С илл.: К. Рылеев. Памятник декабристам. Внучка Рылеева—Церетелли—на закладке памятника.

258. **Никулин, Л.** Николай Пальович. (Отрывок из повести).—ВМ. 1925, 24 дек.—Дек. В. С. Норов.—Из повести «Розовая вода», которая будет напечатана в январской книжке журнала «Новый Мир». Напечатана не была.

259. **Никулин, Л.** Век назад. (Рассказ с иллюстр.)³.—Экран (М.). 1926, № 1(38), 1 янв., стр. 4—5—

1-я часть его же рассказа «Декабрист», напеч. в ж. «Красная Панорама» (М.) 1926, № 1(95), 1 янв. Ср. № 260.

260. **Никулин, Л.** Декабрист (В. С. Норов)². Рассказ.—КПанорама 1926, № 1(195), 1 янв., 1—6. С илл. Ср. № 259.

261. **Раткевич, К. В.** Тайном Обществе. (Декабристы). Повесть. Л., тип. Военная Глав. Управлен. Раб.-Кр. Кр. А. 1926. (20×14). 263 стр., с илл. 1 руб. 35 коп. 4.000 экз. Обложка: Н. У.—Рец.: КГ. Вв. 1926, 7 янв. В Р.

262. **Тынянов, Юрий.** Кюхля. «Повесть о декабристе».—КГ. Вв. 1925. 3 дек.—Отрывок, относящийся к побегу В. Кюхельбекера. Ср. № 263.

262а. **Тынянов, Юр.** Кюхля. «Повесть о декабристе».—Рулъ (Берлин) 1925, № 1541, 25 дек.—Отрывки.

263. **Тынянов, Юрий.** Кюхля. «Повесть о декабристе». (В. К. Кюхельбекере)². Л., Издательство «Кубуч» (Комиссия Улучшения Быта Учащихся)³. Типо-лит. «Красный Печатник» Гостехиздата. 1925. (26×18). 296 стр., с илл. и портр. 2 руб. 60 коп. 6.000 экз.—I. Стихи на стр. 140 из неизданной до сих пор трагедии Кюхельбекера «Аргижане» даны по списку, хранящемуся в Пушкинском Доме при Академии Наук.—2 Объявление о поимке Кюхельбекера на стр. 257 воспроизведено впервые по подлиннику, хранящемуся в Пушкинском Доме при Академии Наук.—Рец.: ВМ. 1926, 30 янв. Юр. С.—в.—Новый Мир (М.) 1926, II, 199—200. Ник. Асеев.—КНовь 1926, III, 258—260. Иван Розанов.—Молодая Гвардия (М.) 1926, III, 214—215. А. Г.—Комсомолия (М.) 1926, IV, 95. Г. Мунблит.—П. 1926, № 107 (3336), 12 мая, 5. Г.—ков.—ПР. 1926, III, апр.—май, 214—215. И. Сергиевский.—Звезда. (Л.) 1926, № 2, 278—279. Е. Мустангов.—К. С. 1926, № 6 (27), стр. 260—261. Н. Бродский.

263а. **Тынянова, Лидия.** Рылеев. Рис. (и обложка)² Е. Сафонова И. М. (и) Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва в Лгр. 1926. (26×18). 56 стр. 50 коп. (Повесть для Юношества). 7000 экз.—Рец. Комсомольская П. 1926, № 159 (342).

14 июня. А.—вич.—ССибирь 1926, 5 сент. Г. В.

264. **Чулков, Георгий.** Кинжал. Рассказ.—Альманах артели писателей. Круг. Кн. 5. (М., 1925), стр. 93—120.—Рец.: ПР. 1925, VIII, 123. (А. Лежнев. Литературные заметки).

4. Музыка. Театр. Живопись.

265. **Богуславский, С. (Сергей).** Что не ветер шумит. Слова декабриста Бестужева-Марлинского. Голос с фортелиано. М., Музсектор Госиздата, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 5 стр. (Б. ц.). 2.500 экз.—Обложка: М. Логинов.

266. **Золотарев, В.** Декабристы. Опера. (Либретто В. Ясиновского)². № 1. Ария Рылеева (тенор). («Волконский здесь»... Из 2-го действия, 1-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 12 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

267. **Золотарев, В.** Декабристы. (Либретто В. Ясиновского)². № 2. Романс Рылеева у клавирина. (Для тенора. «Весенний вечер»... Из 2-го действия, 1-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 12 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

268. **Золотарев, В.** Декабристы. (Либретто В. Ясиновского)². № 3. Ариозо Волконского (баритон). («Я здесь, что б вам сказать»... Из 2-го действия, 1-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 6 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

269. **Золотарев, В.** Декабристы. Опера. (Либретто В. Ясиновского)². № 4. Сцена письма Рылеева перед казнью. (Для тенора. «Да, близок мой конец»... Из 4-го действия, 1-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 11 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

270. **Золотарев, В.** Декабристы. Опера. (Либретто В. Ясиновского)². № 5. Письмо Пушкина Декабристам (Волконский, баритон). («Прочти его, прочти!»... Из 4-го действия, 2-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный

сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 5 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

271. **Золотарев, В.** Декабристы. Опера. (Либретто В. Ясиновского)². № 6. Ответ Одоевского на послание Пушкина декабристам (тенор). («И пусть ответ из мертвых рудников»... Из 4-го действия, 2-я картина)². М., Госуд. Изд-во. Музыкальный сектор, нотопечатня «Гиза». 1925. (35,5×26,5). 7 стр. (Б. ц.). 1000 экз.

272. **Лобачев, Г.** Декабристам. (Слова: «Над вашей памятью кровавой»... Д. Л. Крюкова?)². Смешанный хор с ф.-п. 1825—1925. М., Музсектор Госиздата, нотопечатня «Гиза». 1925. (26,5×18). 7 стр. (Б. ц.). 5.000 экз.—Обложка: М. Логинов.

273. **Рославец, Ник.** Из цикла: «Декабристы». Послание в Сибирь Декабристам. 1825—1925. Слова А. Пушкина. Голос с фортепиано. М., Музсектор Госиздата, нотопечатня «Гиза». 1925. (36×26,5). 7 стр. (Б. ц.). 5.000 экз.—Обложка: М. Логинов.

274. **Рославец, Ник.** Из цикла: «Декабристы». Ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина. Слова декабриста А. И. Одоевского. Голос с фортепиано. М., Музсектор Госиздата, нотопечатня «Гиза». 1925. (36×26,5). 7 стр. (Б. ц.). 5.000 экз.—Обложка: М. Логинов.

275. **Рукин, П.** А и скучно же мне. Двухголосый хор с ф.-п. Слова декабриста К. Рылеева. (Мелодия П. Рукина (по народным мотивам). Фортепианное сопровождение Н. Жилыева)². М., Музсектор Госиздата, нотопечатня «Гиза». 1925. (26,5×18). 3 стр. (Б. ц.). 5.000 экз.—Обложка: М. Логинов.

276. **Бродский, Н.** Декабристы в русской драматургии.—Искусство Трудящимся (М.) 1925, № 57, 29. дек., стр. 3—4.

277. **Декабристы.** (К постановке в московском большом театре).—КГ. Вв. 1925, 24 ноября.—Беседа с зам. директора Сорокиным о предстоящей постановке оперы Золотарева.

278. Программы Гос. Академических театров. (Еженед. журнал)².

1925 № 15, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31 декабря, 1, 2, 3 января. М., Издатель: Центр. Хоз. Отдел. Управл. Гос. Ак. театрами. Ответственный редактор К. Н. Савельев. Тип. «Красный Печатник». (26×18). (2)+(3—34)+(2) стр. 20 коп. 25.000 экз.—Обложка: худ. Фридагто — Программа и либретто к постановке оперы «Декабристы» Золотарева в Гос. Большом театре 26, 27 и 29 дек. Стр. 17.—Информация: Столетний юбилей восстания декабристов (выставка в Акад. Наук в Лгр.)². Место казни декабристов. Музыкальная литература к юбилею декабристов. Театры и юбилей декабристов. «Декабристы» в Большом театре. 12.—Снимки: Обложка журнала «Полярная Звезда» Искандера. Лондон (1858 г.). Из коллекции Л. Л. Исаева. 9.—Декабристы (Лубок). (Снимок с обложки книги: Малиновская, С. Декабристы. М., Гиз, 1925)³. 12.—БАТ. «Декабристы». Макет (Сенатская площадь) художников Петровского, Сапегина и Меншутина. 10.—То же. У Рылева. 11.—То же. У Раевских. 14.

279. **Богуславский, Сергей**. Декабристы (Гос. Большой театр)—НГ. 1926, № 1, 1 янв.—О постановке оперы Золотарева.

280. **Блюм, Б.** Театральные заметки. Неделя о декабристах.—ЖИ. 1926, № 1 (1080), 5 янв., 19—20.—Пьеса «В 1825 году» Венкстерна (МХАТ 2-й) и опера «Декабристы» либретто В. А. Ясиновского, музыка В. А. Золотарева (Моск. Большой театр). Ср. № 283.

281. **Браудо, Евгений**. Две оперных новинки. 1. Степан Разин (Экспер. театр). 2. «Декабристы» (Б. А. Т.)—ЖИ. 1926, № 2 (1081), 12 янв., 13.

282. **Браудо, Е.** Музыкальная Москва.—ПР. 1926, II, март, Обзорные искусства и литературы, 120—123.—Стр. 121: «Декабристы» в Моск. Большом театре.

283. Письмо в редакцию. **В. А. Золотарев, В. А. Ясиновский**.—ЖИ. 1926, № 6 (1085), 9 февр., 23.—По поводу статьи тов. Б. Блюма о либретто «Декабристов» (ЖИ. 1926, № 1). Ср. № 280.

284. Пьеса о декабристах. «В 1825 году».—ВМ. 1925, 22 окт.—К готовящейся постановке пьесы Венкстерна во 2-м Худож. театре. Изложение содержания.

285. **Н. А. Венкстern**. В 1825 году. Но вы погибли не напрасно, что вы посеяли взодет. Программа. М., Изд. МХАТ 2, «Мосполиграф». 16-я тип. (1925)². (27×18). (4) стр. (Б. ц.). 1.000 экз.—Обложка: Сергей Чехонин. 1925.

286. **Блюм, В.** «В 1825 году». (Постановка пьесы Венкстern в МХАТ 2-м)².—РГазета 1925, 29 декабря.

287. Памяти декабристов. (Литературное утро в МХАТ)².—РГазета, 1925, 29 дек.

288. **Соболев, Юр.** Художественный Театр (Второй)²—памяти декабристов.—И. 1926, 12 янв.—О постановке пьесы Н. А. Венкстern.

289. **Марков, П.** Театральный сезон 1925/26 г.—ПР. 1926, III апр.—май, Обзорные искусства и литературы, 101—111.—Стр. 104: «1825 г.» в МХАТ II.

290. **Е. Г.** «В 1825 году».—Искусство 1926, I, 69.—Во 2-м МХАТ е.

291. **Соболев, Юрий**. «Николай I и декабристы».—И. 1926, № 116 (2747). 22 мая, стр. 5.—Утро, посвященное памяти дек-в, в МХАТ е.

291а. Московский Художественный Театр. «Николай I-й и Декабристы». Текст по инсценировке А. Р. Кугеля. (Программа)². (М.)³, изд. МХАТ, тип. 1-й Моск. Труд. Арт. (1926)². (24×17). (4) стр. Бесплатно. 1200 экз.

292. **Черкасский, А.** О последних московских постановках.—Комсомолия (М) 1926, II, 66—70.—Стр. 66—67: постановка пьесы Венкстern «В 1825 году» в МХАТ 2-м. С илл.

293. **Селиванов, Арк.** Вечер памяти декабристов. (В Актее театре оперы и балета).—КГ. Вв. 1925, 30 дек.

294. **Молков, Н.** «Полина Гельб».—ЖИ. 1926, № 2 (1081), 12 янв., 10.—Об исполнении двух картин из оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы» (на текст А. Толстого и П. Е. Щеголева) в Ленингр. Академич. театре оперы и балета.

295. **И. С. У** костра истории. Историческая справка. Декабристы в изображении местной труппы.—О постановке «Николай I» (Н. Лернера)².—Т. (Клиницы) 1925, 29 окт.

296. Кинокартины о декабристах.—И. 1926, 30 янв.—О приступе «Севзапкино» к созданию двух кинокартин: «Декабристы» и «Русские женщины».

297. **Маровский, В.** «Восстание декабристов».—НВГ. 1926, 15 февр.—Описание момента с'емки фильма «Восстание декабристов».

298. **Ардov, В.** Прогулка в историю.—СЭкран 1926, № 12, 23 марта, 2. С илл.

299. Декабристы и кино.—КН. 1926, № 13, 28 марта, стр. 22.—Снимки-фильмы в Ленинграде. С илл.

300. **Келлер, Иосиф**. «Декабристы». (Письма из Ленинграда).—Уральский Р. 1926, 3 апр.—Кинос'емка.

301. **Анненкова, Варвара**. Как я играю Полину Гельб. Очерк правнучки декабриста И. А. Анненкова—артистки В. П. Анненковой.—О. 1926, 17 (161), 25 апр., стр. 13 нен. С илл.

301а. Т. Юг на Севере.—СЭкран. 1926, № 31, 3 авг., стр. 2. С илл.: «Пламенеющий полюс». (Постановка режиссера Ивановского). Момент с'емки на ленинградской кино-фабрике («Ленинградкино»)².—То же. Сцена восстания* Черниговского полка.—То же. Площадь в городе Василькове, построенная на ленинградской кино-фабрике.

302. К иконографии декабристов. Сообщ. А. А. Сергеев.—КА., т. VI (М. 1924), стр. 260.—Публикуется отрывок из всеподданнейшего отчета III отделения соб. е. и. в. канцелярии (за 1845 г.), могущий объяснить происхождение некоторых дагеротипных портретов декабристов.

302а. **Троцкий, И.** О декабристах-художниках. (Исторические заметки). Искусство 1925, № 9, стр. 16—21. С илл.

303. **Исаков, С.** 14-е декабря в живописи.—ЖИ. 1925, № 51 (1078), 22 дек., 9. С илл.

303а. **В. Б. (Базилевич, В.)³**. До малюнок на стор. 61, 67 и 75.—Дек. на Украйни, 100. К илл. Де-Ла-Флиза. См. №№ 83а, 114а.

304. **Грузинский, А. Е.** К рисункам.—Дек. 2, 248—250.—Рис. см. № 83.

304а. Красная Нива 1926, № 42, 17 окт.—Снимки: С. Чехонин. Ваза в память столетия восстания декабристов (стр. 14)—3. Обылецкая я. Блюдо «Декабристы».

Декабристы и русские писатели.

(Пушкин. — Грибоедов. — Жуковский. — Некрасов.—Л. Толстой — Достоевский. — Шевченко).

305. **Кужухов, В.** Декабристы и русские художники.—КГ. Вв. 1924, № 294 (684), 24 дек.—Пушкин о декабристах.—Попытки Л. Н. Толстого написать декабристов.—Отношение к ним Ф. М. Достоевского.—Проект Шевченко.—Скульптура художника Данько.

306. **Пиксанов, Н. К.** Русские писатели в неизданных воспоминаниях В. Н. Григорьева. (Пушкин, Грибоедов, Рылеев, Бестужев и др.).—Современник 1925, I, 127—140.

307. **Вернадский, Георгий**. «Медный всадник» в творчестве Пушкина. Slavia 1924, roenic II, sesit 4 str. 645—654.—Отображение восстания 14 декабря в поэме. Ср. № 308.

308. **Вернадский, Г. В.**, проф. Пушкин, как историк.—Учен. Зап. Основан. Русск. Учебн. Коллегией в Праге. Т. I, вып. II (Прага, 1924), 61—79.—Стр. 68. Те же соображения, что и выше. (См. № 307).

309. **Лернер, Н.** Памяти Пушкина. Рылеев и Кюхельбекер 14 декабря 1825 года.—Б. 1924, № 25, стр. 3—8. Со снимком: Рылеев и Кюхельбекер 14 декабря 1825 года. Неизданный рисунок Пушкина.

309а. Пушкин о декабристах. (Воспроизведение рисунка А. С. Пушкина. «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года» и авто-портрет Пушкина)².—Всемирная Иллюстрация 1924, № 3—4, стр. 31.

310. **Модзалевский, Б. Л.** Пушкин под тайным надзором. Очерк Б. Л.

Модзалевского. 3-е изд. (Л.)². «Атеней», тип. Росс. Госуд. Академии. 1925. (17×12). 106 стр. 90 коп. (Труды Пушкинск. Дома при Росс. Акад. Наук)¹. 2.000 экз.—Рец.: Новый Мир (М.) 1925, VIII, 158—159. Л. Бродский.

311. **Гофман, М. Л.** Пушкин и Рылеев.—Недра, VI (М. 1925), 195—209. Ср. № 312.

312. **Гроссман, Л. П.** Пушкин или Рылеев?—Недра, VI (М. 1925), 210—229.—Возражения М. Л. Гофману на его статью «Пушкин и Рылеев» (Недра, VI) и доводы за принадлежность послания «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») Пушкину, а не Рылееву. Ср. № 311.

313. **Лернер, Н. (О.)³.** Пушкин о казенных декабристах.—КГ. Вв. 1925, 9 дек.—С рис. Пушкина из тетради Румянц. музея, № 2368. л. 38.

314. Пушкин и декабристы. (В предисловии: «От Пушкинского Дома» Н. А. Котляревского).—Дек. XI—XII.—Стр. XIV: тоже (В предисловии: «От редакторов» Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксманна).

315. Эпиграммы А. С. Пушкина.—В. 1925, 25 дек.—Фонарь.—Подражание французскому.—Эпиграммы на Николая I.—К бюсту Николая I.

316. Послание А. С. Пушкина в Сибирь. (Декабристам).—Ответ А. С. Пушкину декабриста А. И. Одоевского.—В. 1925, 25 дек.

317. **Мануйлов, В.** Пушкин. (Стих. «В тяжелых канделябрах, на столе... Баку»²).—БР. 1925, 28 дек.—Ответ Пушкина царю, что был вместе с декабристами на площади 14 дек.

318. Загадка X главы «Евгения Онегина».—Кн. 1926, № 9 (130), 6 марта, Литературная хроника, 41.

319. **Зильберштейн, И.** Из бумаг Пушкина. (Новые материалы). М., Изд-во «Огонек», «Мосполиграф». Типо-литография школы ФЗУ им. Борщевского. 1926. (15×11). 64 стр. с илл. 15 коп. (Б-ка «Огонек». № 102)¹. 5.000 экз.—Стр. 56—59: Пушкин и декабристы, со снимком: «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1824 г.» (Воспроизво-

дится непосредственно с подлинника) (стр. 57).

319а. **Благой, Д.** Миф Пушкина о декабристах. (Социологическая интерпретация «Медного Всадника»).—ПР. 1926, IV, июнь, 5—23; V, июль—авг., 15—33.—Прочитано 7/III—1926 в заседании Пушкинской Комиссии О-ва Любителей Российской Слоvesности.

320. «Дело» пис. Грибоедова.—И. 1925, 9 авг.—Ср. №№ 321—323.

321. Дело А. С. Грибоедова.—И. 1925, 29 сент.—Ср. №№ 320, 322, 323.

322. А. С. Грибоедов—декабрист.—КГ. Вв. 1925, 29 сент.—Находка «дела» Грибоедова о принадлежности его к «декабристам» в имении б. гр. Уварова (Холмск. вол., Смоленск. губ.).—Ср. №№ 320, 321, 323.

323. В. Ч. Грибоедов и декабристы. (По новым документам).—НГ. 1926, 24 янв.—Ср. №№ 320—322.

324. А. С. Грибоедов и декабристы. (По архивным материалам).—Щеголев. Дек., 85—125 (с публикацией «дела о Грибоедове»; в «деле»—письмо Е. П. Оболенского к Николаю I (21. I. 1826), 102—103; акт вопроса Вас. Сухачева, 119—123; показания А. И. Одоевского, Рылеева, Трубецкого, А. Бестужева, Бестужева-Рюмина, С. Муравьева-Апостола и др.).

325. **Модзалевский, Б. Л.** Жуковский и братья Тургеневы.—Дек., 149—154.—Письмо В. А. Жуковского к имп. Николаю I от 22 июня 1831 г. в защиту А. И. Тургенева, взятого под подозрение из-за преданности его осужденному брату.—152—154.—Есть упоминания и о Н. И. Тургеневе.

326. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Н. Свистуну. С предисловием Б. Сыроечковского.—КА. Т. VI (1924), 235—242.—Предисловие Б. Е. Сыроечковского. 235—237. — Письма Л. Н. Толстого к П. Н. Свистуну: 1 (Апр. 1878)². 238.—2. 19 мая (1878)³. 239.—3. (25 дек. 1878)⁴. 239.—Примечания. 240.—«Письма интересные и по указаниям на ход работы Толстого над романом «Декабристы», и как материал для ха-

рактеристики отношений его к бывшим участникам восстания 14 декабря и их времени».

327. **Толстой, Л. Н.** Декабристы. Неизданные отрывки из романа. Вступ. статья М. Цявловского. М., Изд-во «Огонек» и типо-хромолит. «Искра Революции» Мосполиграфа. 1925. (15×11). 48 стр. 15 коп. (Б-ка «Огонек» № 85)¹. 50.000 экз. На обложке: «Л. Толстой». Работа над романом «Декабристы» и портрет Л. Н. Толстого (1862 г.).

328. Памяти декабристов.—И. 1925, 30 дек.—Выставка «Толстой и декабристы» в Толстовском музее в Москве.

329. **Цявловский, М.** Письма декабристов: П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому.—Тайные общества, 199—208.—Письма (4) П. Н. Свистунова: 20. III. 1878 (стр. 200); Москва. 10. V. 1878 (201); Москва. 30. XII. 1878 (202); 10. XI. 1881 (204).—Письма (5) А. П. Беляева: Москва. 6. III. 1878 (205); Москва. 10. IV. (1878) (206); Москва. 3. V. (1878) (207). Москва. 21. I. (1879) (207); Москва. 5. II. (1879) (208).

330. **Данилин, Ю.** «Декабристы». Роман, задуманный Л. Н. Толстым. Доклад проф. М. А. Цявловского (в Толстовском музее).—ВМ. 1926, 6 янв.—Ср. № 331.

331. **Д. (Данилин, Ю.)³.** Где она? Записка Николая I о казни декабристов.—ВМ. 1926, 7 янв.—Передача содержания доклада М. А. Цявловского о работе Л. Толстого над «Декабристами» в части, касающейся рассказа о полученной Толстым от В. В. Стасова копии с собственноручной записки Николая.—Ср. № 330.

332. Работа Л. Н. Толстого над романом «Декабристы». (Реферат доклада М. А. Цявловского).—Кн. 1926. № 1 (122), 8 янв., Литературная хроника, 44. Ср. №№ 330, 331.

333. **Чуковский, К.** Некрасов и декабристы. (По неизданным материалам).—КГ. Вв. 1925, 14 нояб.—Первоначальный план «Русских женщин».—См. еще буквальную перепечатку в газ. «Катария» 1925. 22 ноября. Ср. № 335а.

334. **Чуковский, К.** Некрасов и декабристы. (По неизданным материалам).—КГ. Вв. 1925, 23 нояб.—В. А. Бечасный. Анекдоты и стихи о нем в записи Некрасова, а также и др. его записи об Арт. и Никите Муравьевых.—Ср. № 335.

334а. **Чуковский, К.** Некрасов и декабристы. По вновь найденным материалам. Очерк.—О. 1926, № 2 (146), стр. 7 нен.

335. Некрасов и декабристы. (Бечасный)². (По неизданным материалам).—БР. 1925, 28 дек. Без подписи.—Перепеч. № 334. Ср. № 335а.

335а. **Чуковский, К.** Некрасов. Статьи и материалы Л., Изд-во «Кубуч». Типо-лит. «Красный Печатник» Гостехиздата. 1926. (23×15). 395 стр. 3 руб. 75 коп. 4.000 экз.—Стр. 368—374: Некрасов и декабристы. (По неизданным материалам). I. Первоначальный план «Русских женщин» (368—71). II. О Бечасном анекдоты (372—74). Ср. №№ 333 и 334 (первопечатный текст).

336. **Евгеньев-Максимов, В. Е.** Декабристы и «декабристы» в поэзии Некрасова.—Звезда (Л.) 1926, № 6 (12). История литературы и критика, 265—290.—Новое историко-литературное рассмотрение поэмы «Дедушка» и «Русские женщины»: «Кн. Трубецкая» и «Кн. Волконская». Использованы подлинные рукописи поэм и неизданные письма М. С. Волконского к Некрасову (20. II. 1864; 10. VI. 1872; 12. X. 1872; 30. X. 1872).

337. **Покровская, Е. Б.** Достоевский о декабристах.—Дек., 317—324.

338. **Гофман, Л. Г.** Декабристы и Достоевский.—Тайные общества, 192—198.

338а. **Филипович, П.** Шевченко и декабристы.—Шевченковский збирник, I. Під ред. П. Филиповича. Київ, вид «Сорабкоп». 1924. Ст. 25—41.—Ср. № 339.

338б. **Шевченко, Т.** Дневник. Редакция, вступительная статья и примечания И. Я. Айзенштока. (Харьков)³, изд. и типо-цинография Кооперативного Издательства «Пролетарий». 1925. (26×18). XXXI+287+(1) стр.+7 вклад. лист. портр. и снимок 2 руб. 20 коп. 6.000 экз.—

Встречи с декабристами И. А. Анненковым, 1857 г. (стр. 105), А. Н. Муравьевым, 1857 г. (134), С. Г. Волконским, 1858 г. (144), В. И. Штейнгелем, 1858 г. (161). См. еще по указателю имен и примечания.

339. Филиппович, П. Шевченко и декабристы. (Киев)³. Державне Видавництво України. Держтрест «Книвь-Друк», 2-га друк. 1926 (17,5×12). 106+(1) стр., с илл. 55 коп. 3.000 экз.

Популярная литература о декабристах.

(Учебники, хрестоматии, сборники, книги для народа, книги для детей).

1. Книги и брошюры.

340. Ашукин, Н. Декабристы. История восстания 14 декабря 1825 года. С рисунками. М., Изд-во «Красная Новь». Главполитпросвет. 1924. 8^о. 56 стр., с илл.—Рец.: «Вест. Книги» (М.) 1924, XI—XII, 171. В. Ст. (Сторожев, В.?)³.—Среди книг (Пгт.) 1924, № 1, март, 16—17.—Изв. Одесск. Губ. Ист. К-та 1925, № 1529, 8 янв. Е. Сказин.

341. Вознесенский, С. Экономическое развитие и классовая борьба в России XIX и XX вв. Том I. Составил С. Вознесенский. Пгт., Рабочее Изд-во «Прибой», Госуд. тип. имени тов. Зиновьева. 1924. (26×18). 318 стр.+(2) стр. объявл. (Б. ц.). 8.000 экз. Стр. 151—187: Декабристы.

* 342. Левин, Кирик. Декабристы. История збройного повстання 14 грудня 1825 року. Павлоград. Державне Видавництво України. гостипографія. (1924). 8^о. (2)+(5—46)+(1) стор.

343. Алгасов, В. А. Декабризм и декабристы. 1825—1925. Хрестоматия. Государствен. Научно-Методологическим Комитетом Наркомпроса УССР рекомендовано как пособие-хрестоматия по истории революционного движения для школ поллитграмоты, совпартшкол и ВУЗ'ов всех специальностей. Харьков, 2-я типо-литография Госуд. Изд-ва Украины. 1925. (24×16). 349+(2) стр. 2 руб. 05 коп. 5.000 экз.—Библиография о декабризме и дека-

бристах. А. А. Шилов (перепечатка из его указателя: «Что читать по истории русского революционного движения?» Пб. 1922)³. Стр. 329—344.—Хронологический указатель. В. А. 345.

344. Алексеев, В. П. Николай I и декабристы. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев, тип. 16-я «Мосполиграф». 1925. (18×13). 15 стр.+(1) стр. объявл. 5 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 26). 50.000 экз.—Обложка: Виктор Андерс.

344а. Багалий, Дм., акад. Декабристы на Украине. Харьков, Державне Видавництво України, Перша Друкарня им. Г. І. Петровського. (1926). (17×13). 56 стор., с илл. 65 коп. 1.000 пр.

345. Бродский, Н. Л. и Львов-Рогачевский, В. «Красный декабрь». От 14 декабря 1825 г. к декабрю 1905 года. Революционные мотивы русской поэзии. Л., «Коопер. Кн-ское Тво!» «Колос», тип. учебная 1-го Дома-Коммуны. 1925. (1926)³. (23×15). 244 стр. 1 руб. 75 коп. 6.000 экз.—Гл. III. Декабристы. (Стих. В. Ф. Раевского, К. Рылеева, А. Бестужева, А. Пушкина, А. И. Одоевского)². Стр. 23—29 и 220—221 примеч.

346. Виленский-Сибиряков, Вл. Два юбилея. Декабристы.—Революция 1905 года.—М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политич. Каторжан и Сс.-Поселенцев, «Мосполиграф», 16 тип. 1925. (17×13). 31 стр.+(1) стр. объявл. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 22—23). 50.000 экз.—Обложка: Н. П.—Рец.: Пролетар. Рев. (М.) 1925, II, 262—263. Ф. Залесская.

347. Войтоловский, Л. История русской литературы XIX и XX веков. Часть первая. Пушкин—Достоевский. Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета допущено для школьных библиотек. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» в Мск. Госуд. Изд-ва. 1926. (27×18). 248+(1) стр. 1 руб. 80 коп. 10.000 экз.—Обложка: Петр Алякринский.—Стр. 51—53: К. Ф. Рылеев.

—Александр Одоевский.—Александр Марлинский.

349. Грекулов, Ефим. Первое вооруженное восстание против царизма. (Декабристы). М., Изд-во «Знание», тип. Произв.-Торг. Отд. МОНО при 1-м Институте глухонемых, 1925. (23×15). 120 стр. 75 коп. (Клубные Вечера). 7.000 экз.—Рец.: РГазета 1925, 15 дек. А. Ша (Шафир, А.)³.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—Кн. 1925, № 25 (106). 22 июля, 6—7. Клубист.—КС 1925, № 6(19), стр. 271—272. Е. Сказин.

350. Городцов, И. 1825 год (14 декабря). Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1925. (1926)³. (20×13). 64 стр. 30 коп. 7.000 экз.—На обл. автор.—А. И. Городцов.—Рец.: Молодой Р. (Ростов-н-Д.) 1926, № 1, 6 янв.—ССиб. 1926, № 14, 17 янв.

351. Общественно-историческая энциклопедия. Под общей ред. проф. И. Н. Бороздина и проф. Б. И. Горева. Том I. А.—Е. М. (и) Л., Центральное Товарищество «Кооперативное Издательство». 1925. Стбц. 618—627: Декабристы.

352. Декабристы. (К столетию заговора)². 1825—1925. Сборник статей и материалов. Под ред. и с предисловием С. Я. Штрайха, М., Молодая Гвардия, тип. «Дер Эмес». 1925. (21×15). 286+(2) стр., с илл. 1 руб. 40 коп. (К Столетию Восстания Декабристов). 5 000 экз.—Обложка: И. Р.—Рец.: КС. 1925, № 8(21), 286—287. Н. Лернер.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—Молодой Р. 1926, № 1, 1 янв.—Набат Молодежи (Хабаровск) 1925, № 12, 26 дек.—Резервы (Сталинград) 1925, № 50, 11 дек.—Гудок (М.) 1925, № 289, 18 дек.—Железнодорожник (М.) 1925, № 11—12, дек.—КЧерноморье 1925, № 295, 25 дек.—Молодой Р. 1925, № 65, 9 дек.—Путь Молодежи (Новониколаевск) 1925, № 80, 10 дек.—Путь Молодежи (Брянск) 1925, № 6, 28 ноября.—ВТ. 1925, № 269, 24 ноября.—Коммуна (Калуга) 1925, № 261, 17 ноября.—Брянский Р. 1925, № 257 (1948), 11 нояб.—КЗнмя (Томск) 1925, № 286, 13 дек.—Кн. 1925, № 36—37 (117—118), 30

нояб., 17—18. Е. Сказин.—Молодой Ленин (М.) 1925, № 286 (654), 15 дек. Сем Сем-ый.—Юн. Комм. 1925, 3 дек. А-л-др Перимов.—К комсомольской политучебке на 1925—1926 г.г. Каталог изданий Мол. Гвардии (к предстоящему выходу из печати, с аннотацией.—отзывом).—КНовь 1926, IV, 237. И. Браславский.—Современ. Записки, т. XXVIII (Париж, 1926). Критика и библиография, 504. А. Кизеветтер.

353. Декабристы. (Сборник статей)². М., Изд-во Гудок, «Мосполиграф». 13-я тип., «Мысль Печати ка». 1925. (23×15). 31 стр. (Б. ц.). (Прилож. к газ. Гудок. Книга 43) 50.000 экз. Обложка: Миладский.—Авторы статей: Вл. Виленский - Сибиряков, С. Малинов.

354. Добрускина - Михайлова, Г. Н. Декабристы. Ростов-н-Д. Донское Отд-ние О-ва Политкаторжан и Ссылно-Поселенцев, тип. Крайполиграфшколы. (1925)³. (17×13). 32 стр. 7 коп. 2 000 экз.—Рец.: Кн. 1926, № 1, (122), 8 янв., 24—25. Е. Сказин.

355. Дружинин, Н. М. Кто были декабристы и за что они боролись. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев. 1925. (17×13). 112 стр., с илл. 35 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 15—19). 50.000 экз.—Рец.: ЗВ. 1925, 25 дек.—РГазета 1925, 15 дек. А. Ша (Шафир, А.)³.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—Пролет. Рев. 1926, № 2(49), 255—256. Е. Мороховец.—Кн. 1925, № 25(106), 22 июля. Е. Сказин.—Б. 1925, № 6(34), стр. 238—239. Л. Гофман.—КЛетопись 1926, № 2(17), стр. 191. И. Троцкий. Из юбилейной литературы о декабристах.—Ср. № 390а (2-е изд.).

356. Дубровский, К. В. Декабристы. Историко-революционная хрестоматия. К столетию восстания декабристов. 1825—1925. С предисл. В. Д. Виленского - Сибирякова. М., «Красная Звезда». типо-лит. 1-я Госуд. в Калуге. 1925. (1926)³. (23×16). XII+168+II стр.+(10) вклад. лст. портр. и

илл. 1 руб. 50 коп. 7.000 экз. Обложка: М. Плаксин.—Рец.: КС. 1926, № 4(25), Библиография, 261—263 А.

357. История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том I. Л., Госуд. Изд-во, тип. им. Н. Бухарина. 1926. (24×16). 428 стр. 2 руб. (Б-ка Общественного воспитания). 20.000 экз. Обложка: А. Н. Лео.—Стр. 319—404, 418: Декабристы.—Рец.: ПР. 1926, II, март, 168—169. М. Нечкина.

358. Клевенский, М. Декабрист Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев, «Мосполиграф» 16-я тип. 1925. (17×13). 32 стр., с портр. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 38—39). 35.000 экз.—Обложка: Виктор Андерс.

359. Коц, Е. Декабристы. (Популярный очерк).—Л., Изд. и тип. им. Евг. Соколовой Рабоч. Изд-ва «Прибой». 1925. (19×13). 80 стр. 25 коп. 20.130 экз.—Рец.: РП. 1926, 9 янв. И. Д.—КГ. 1925, 4 дек. А. Шлосберг.—РКЛич 1925, № 294, 25 дек. Б.—ЗВ. 1925, 25 дек.—Молодой Ленинец (М.) 1925, 5 янв. А. П.—ЛП. 1925, № 287, 27 дек.—СЮг 1925, № 283, 10 дек.—КЖурнал для Всех 1925, № 12.—На Вахте (М.) 1926, № 10, 13 янв.—Забайкальский Р. 1925, № 293, 22 дек.—Книгу в Массы (М.) 1925 № 4, дек.

360. Кто такие были декабристы. 1825—1925. (Л.), Общество Ревнителей Истории. Госуд. тип. им. Ивана Федорова. 1925. (23×15). 24 стр. (Б. ц.). 20.000 экз.—Об'яснительный текст к плакату 14-е декабря 1825 г.

361. Лозинская, Т. «Декабристы». Эскурсия. Под ред. Н. А. Кузнецова и К. В. Ползиковой-Рубец. Л., изд-во Книжного Сектора ЛГОНО. Уч. тип. 1-го Дома Коммуны. 1925. (24×16). 24+(2) стр. 35 коп. (Серия. Эскурсионная Практика Ленинградского Отдела Народного Образования под общей ред. Н. А. Кузнецова). 3.000 экз.—На Сенатской площади. Стр. 4.—В Музее Революции. 10.—Библиография (2 страницы).—Рец.:

Кн. 1925, № 18(99), 24 мая, 10 Е. Сказин.—Гудок (М.) 1925, 18 дек.

362. Львов-Рогачевский, В. Введение в изучение литературы дореформенной России. М. (и) Л., Госуд. Изд-во, типо-литогр. «Красный Печатник» в Лгр. 1925. (20×14). 238 стр.+(2) стр. объявл. 1 руб. 40 коп. (Критико-Биографическая Серия). 5.000 экз.—«Либералисты» 20-х гг. Стр. 27—32; др. упом. о дек-х—49, 51, 58, 59 и др.

363. Малиновская, С. Декабристы. Исторический очерк. С портретами декабристов. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» в Мск. Госуд. Изд-ва. 1925. (18×14). 56 стр., с портр. 25 коп. (Новая Библиотека для Детей и Юношества). 10.000 экз.—Обложка: Б. Т.—Рец.: П. 1925, № 279, 6 дек. Е. Сказин.—Молодой Ленинец (М.) 1926, 5 янв. А. П.—КНовь 1926, IV, 236—237. И. Браславский.

364. Маркелов, М. Декабрист Павел Иванович Пестель. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев, «Мосполиграф», 16-я тип. 1925. (1926)*. (17×12). 24 стр., с илл. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 50—51). 35.000 экз.—Обложка: Виктор Андерс.

365. Оксман, Ю. Г. Декабристы. Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Моздалевского. М. (и) Л., Госуд. Изд-во, 1-я Образовая тип. в Мск. 1926. (24×16). IV+483 стр.+(1) стр. объявл. 2 руб. 75 коп. (Центрархив). 7.000 экз.—На обл. подзаголовков: «Сборник отрывков из источников».—Обложка: А. Т.—Рец.: Уральский Р. 1926, № 152, 7 июня.—ПР. 1926, VII, окт.—ноябрь. 148—150. М. Нечкина.—КЛетопись 1926, № 5(20), стр. 154—155. И. Троицкий.

366. От вольтерьянца до марксиста. Художественные страницы по истории русской культуры. Т. I. Ред. и примеч. Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова. М. (и) Л., Изд. Л. Д. Френкель. 1925.—Стр. 41—80, 529: Декабристы.

367. От декабристов до 1905 г. Книга первая. (Харьков)*, Юноше-

ский Сектор издательства «Пролетарий». 1925. 8°. 222+(1) стр., с илл. (В Помощь Школе. История революций в отражении художественной литературы. В четырех книгах. Под ред. И. С. Рабинэвича). Стр. 5—76: Декабристы.

368. Полтавский, И. Героическое в русской революции. С предисл. Б. И. Горева. В двух томах с 112 рис. и портр. в тексте, Том первый. М. (и) Л., Изд-во Л. Д. Френкель. 1925. (19×14). 362 стр., с илл. Стр. 71—147. Гл. IV. Декабристы.—Рец.: Вест. Книги. (М.) 1924, № 11—12, стр. 67—68. М. Клевенский.

369. Раткевич, К. Первые борцы против самодержавия. (Декабристы)¹. Отрывки из воспоминаний, конституционных проектов и показаний декабристов. Л., Рабочее Изд-во «Прибой», Государств. тип. им. тов. Зиновьева. 1925. (23×15). 216 стр. 1 руб. 20 коп. 6000 экз.—Рец.: ЛП. 1925, № 289, 17 дек.—Коммуна (Калуга) 1926, № 12, 15 янв.—КНовь 1926, IV, 237, И. Браславский.—ПР. 1926, V, июль—авг., 161—163. М. Нечкина.

370. Рожков, Н. Рассказы из русской истории для самообразования. Девятнадцатый век. Л. (и) М., Изд-во «Книга». 1925. 232 стр.—Стр. 52, 54, 55, 73—86: Декабристы.

371. Сказин, Е. В. Восстание 14 декабря 1825 года. М. (и) Л., Московский Рабочий, тип. изд-ва МГСПС «Труд и Книга» (в Мск)². 1925. (23×15). 84 стр. 50 коп. 7000 экз.—Стр. 81—84: Краткий библиографический указатель.—Рец.: КС. 1925, № 8 (21), 288. Л. Г.—КСевер 1925, № 259, 12 нояб.—Орловская П. 1925, № 267, 22 нояб.—Молодой Ленинец (М.) 1926, 5 янв. А. П.—И 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—РГазета 1925, 15 дек. А. Ша. (Шафчр. А)³.—КЗнамя (Томск) 1925, № 286, 13 дек.—КЗнамя (Владивосток) 1925, № 49, 9 дек.—Просвещение на Транспорте (М.) 1925, XI.—Путь Молодежи (Новониколаевск) 1925, № 80, 10 дек.—Деревенский Коммунист (М.) 1925, № 23, 1 дек.—Звезда (Пермь) 1925, № 272, 23 нояб.—

Голос Молодежи (Самара) 1925, № 214, 9 дек.—Кузбасс (Щегловск) 1925, № 266, 23 дек. КМолодняк 1925, № 49, 9 дек.—В. 1925, № 293, 25 дек.—ВТ. 1925, № 269, 27 нояб.—Коммуна (Калуга) 1925, № 261, 17 нояб.—Пролетарский Путь (Ульяновск) 1925, 1 дек.—Псковский Набат 1925, № 377, 3 дек.—Рупор Комсомольца (Астрахань) 1925, № 46, 4 дек.—Фабрично-завод. Профсоюзная Библиотека (М.) 1925, № 22, 1 нояб.—Пролет. Рев. 1926, № 2 (49), 254—255. Е. Морозовец.—КНовь 1926, IV, 235—236. И. Браславский.

372. Фигнер, В. Н. Жены декабристов. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев, «Мосполиграф», 16-я тип. 1925. (17×12). 18 стр.+(2) стр. объявл. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка» № 49). 50.000 экз.—Обложка: (Виктора Андерса)⁴.

373. Черновский, А. и Гаврилов, М. Четырнадцатое декабря. Сборник к столетию восстания декабристов. Составили: А. Черновский и М. Гаврилов. Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1925. (1926)*. (24×16). 224 стр. 1 руб. 60 коп. 7000 экз.—Обложка: Н. А.—Стр. 210—222: Справочные материалы. Хронология (210). Список осужденных декабристов (211). Ленинградский Музей Революции (213). Иконография (216). Библиография (217—222).—Рец.: Книгу в Массы. (М.) 1926, № 5.

374. Чулков, Георгий. Мятеежники 1825 года. М., Кн-во «Современные Проблемы». Н. А. Столяра, тип. М. К. Х. им. Ф. Я. Лаврова. 1925. (17×13). 295+(1) стр., с портр.+(7) стр. объявл. 1 руб. 50 коп. (Б-ка Декабристов). 5.000 экз.—Обложка худож. В. Р.—Содержание. Предисловие. Стр. 3.—От автора. 13. П. И. Пестель. 17.—К. Ф. Рыдеев. 43.—С. И. Муравьев-Апостол. 75.—Г. С. Батеньков. 110.—П. Г. Каховский. 11.—Братья Борисовы. 189.—М. С. Лукин. 223.—В. К. Кюхельбекер. 265—295.—Стр. 15, 41, 73, 107, 139, 186, 187, 221, 263: портреты упомянутых выше декабристов.—Рец.: Пролетарский Путь.

(Ульяновск) 1925, 18 дек. Подпись: №.—ВМ. 1925, 1 дек. Е. В.—ЗВ. 1925, 25 дек.—Пролет. Рев. 1926, № 2 (49), 254. Е. Морюховед.—ПР. 1926, III, апр.—май, 174—175. М. Нечкина.—Голос Минувшего на Чужой Стране (Париж) 1926, № 3/XVI, Среди книг, 299—302. С. Мельгунов.

375. Чулошникова, А. (П.)² и Садилов, П. (А.)². Русская деревня в прошлом и настоящем. Т. I. Составили А. Чулошников и П. Садилов. Л., изд. и тип. им. Евг. Соколовой Рабоч. Изд-ва «Прибой». 1925. (23×15). 250 стр.+ (6) стр. об'явлений. 1 руб. 75 коп. 6125 экз.—Стр. 67—74: VII. Декабристы и крестьянство.

376. Штрайх, С. Я. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев, «Мосполиграф», 16-я тип. 1925. (17×13). 24 стр., с портр. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка». № 34). 50.000 экз.—Обложка: В. Андерс.

377. Штрайх, С. Я. Декабрист П. Г. Каховский. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев. тип. 16-я «Мосполиграф». 1925. (17×13). 24 стр., с портр. 10 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка». № 30—31). 50.000 экз. Обложка: Виктор Андерс.

378. Штрайх, С. Я. Декабрист К. Ф. Рылеев. (Очерк жизни и деятельности)². М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев. тип. 16-я «Мосполиграф». 1925. (17×12). 16 стр. 5 коп. (Дешевая Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка». № 32). 35.000 экз.—Обложка: Виктор Андерс.

379. Штрайх, С. Я. Заговор декабристов. М., тип. «Дер Эмес». 1925. (20,5×14,5). 14 стр. (Отд. оттиск из сборника «Декабристы», изд. «Молодая Гвардия». Москва. 1925 г.)¹.

380. Штрайх, С. Я. Заговор и восстание декабристов. 1825—1925. Очерк. М., Изд-во «Огонек», 13-я тип. «Мосполиграф» «Мысль Печатника». 1925. (14,5×11,5). 63 стр. 15 коп. (Б-ка «Огонек». № 76)¹. 50.000 экз.

381. Шуйский, П. Декабристы. Очерк из истории революционного движения в России. Екатеринбург. тип. изд-ва «Звезда». 1925. (17,5×13). (2)+III+(3—52) стр. 20 коп. (Екатеринславское Отделение Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылно-поселенцев. К Столетию Юбилею Восстания Декабристов (1825—1925). 3.000 экз.

382. Щелканов, П. А. История революционного движения. (Конспекты, лекции и методические указания). М., Диапозитивная мастерская Центросоюза, тип. Центросоюза. 1925. (22×15). 240+(1) стр.+ (3) стр. об'явл. 1 руб. 50 коп. (Конспекты лекций к световым картинам. (С приложением каталога картин). Вып. II). 5000 экз.—Стр. 97—100, 237: Декабристы.

383. Войтоловский, Л. Декабристы. 1825—14 декабря 1925. М(и)Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» Госуд. Изд-ва в Мск. 1926. (23×15). 32 стр. 25 коп. 7.000 экз.—Рец.: КС: 1926, № 5 (26), Библиография, 282—285. С. Мильман.

383а. Войтоловский, Л. Н. Героизм революции. Историко-литературная хрестоматия XIX и XX вв. Составил Л. Н. Войтоловский. Том первый. Эпоха буржуазных революций 1789—1861 г.г. М(и)Л., изд. и тип. 1-я Образцовая Госуд. Изд-ва в Мок. 1927 (1926)². (23×16). 319 стр. 1 руб. 75 коп. 7000 экз.—Стр. 81—133: Декабристы. (Отрывки из показаний декабристов и художеств. литературы)².

384. Декабристы. Материалы и документы. Под ред. и с примеч. М. И. Мебеля. Харьков, изд. и первая тип. изд-ва «Пролетарий». 1926. (27×18). (4)+8+272 стр. 2 руб. 40 коп. 4.000 экз.—Рец.: КС. 1926. № 4(25), Библиография, 263—264. А.—Пути Революции (Харьков) 1926, кн. II—III (5—6), Библиография, 251—252. П. Шуйский.

385. Иваницкий, С. Вождь декабристов. (П. И. Пестель). Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1926. (20×13). 52 стр. 45 коп. 3.000 экз.—Библиография: «Рекомендуемая литература» (на 1 странице).

386. Иоффе, З. Г. Декабристы. (Л), изд. и тип. Ленинградского Губернского Совета Профсоюзных Союзов. 1926. (1925)². (18×12,5). 45 стр.+ (46—48) стр. об'явл. 15 коп. (Б-ка Рабочего Самообразования. Под ред. секции самообразования Ленингр. Губ. политпросвета). 10.000 экз.—Рец.: РКлич 1925. 25 дек.

387. Канарский, Ю. (Мошинский). Вожди декабристов. М., «Новая Москва», тип. 1-я Образцовая Госиздата. 1926. (1925)². (24×16). 120 стр., с илл. 80 коп. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Революционное движение в биографиях под ред. Феликса Кона. Виленского - Сибирякова и А. В. Шестакова (Никодима). 7.000 экз.—На обл. автор — Канарский, Ю.—Библиография: «Пособия и популярные книжки, рекомендуемые для чтения по истории движения декабристов» (10 названий).

388. Клевенский, М. (М.)¹. Декабристы. Хрестоматия. Составил М. Клевенский. 1—10 тысячи. М(и)Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» Госуд. Изд-ва в Мск. 1926. (1925)². (24×16). 168 стр. 90 коп. 10.000 экз.—Рец.: И. 1925, № 256, 10 нояб. В. Г.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—РГазета 1925, 15 дек. А. Ша. (Шафир, А.)². — Кн. 1925, № 36—37 (117—118), 30 нояб., 17—18. Е. Сказин.—Гудок (М.) 1925, № 289.—Железнодорожник (М.) 1925, № 11—12, нояб.—дек.—Коммуна (Калуга) 1926, № 7, 9 янв.—СЮг 1926, 12 янв.—Книгу в Массы (М) 1925, № 4, дек.—КЧерноморье 1925, № 292, 22 дек.—Молодой Ленинец (М.) 1926, № 1, 1 янв.—Молодой Р. 1926, № 1, 1 янв.—ПР. 1926, 1 янв.—Февр., 193—194. М. Нечкина.—Современ. Записки. т. XXVIII (Париж, 1926), Критика и библиография, 504. А. Кизеветтер.

389. Лебедев, Владимир. Восстание декабристов. Под ред. А. В. Шестакова. (М.). Новая Москва, 5-я типо-литография «Мосполиграф». 1926 (24×16). 62 стр.+ (2) стр. об'явл. 40 коп. (Библиотека

Рабоче-Крестьянской Молодежи под общей ред. МК РЛКСМ). 10.000 экз.—Библиография: «Что читать по восстанию декабристов?» (60—61).

390. Фирсов, Н. Н., проф. Герои 14-го декабря. Популярный очерк. Социально-психологическая характеристика. Л., Изд-во «Былое», Гос. уч.-практ. шк. тип. им. Алексеева. 1926. (1925)². (18×14). 93 стр.+ (3) стр. об'явл. 50 коп. 5.000 экз.

391. Штрайх, С. Я. О пяти повешенных. Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский. С портр. и снимками. Составил С. Я. Штрайх. М., Кооп. Изд-во «Жизнь и Знание», тип. «Дер Эмес». 1926. (18×14). 223 стр. с илл. 1 руб. 20 коп. (Б-ка Документов, Записок и Воспоминаний. Книга 23-я. К Столетию Восстания Декабристов), 5.000 экз.

392. Штрайх, С. Я. О пяти повешенных декабристах. М., тип. «Дер Эмес». 1925. (18×14). 14 стр. (Б. ц.). (Оттиск из сборника «О пяти повешенных», ред. С. Я. Штрайха. Изд. «Жизнь и Знание», М. 1925)¹.

392а. Благой, Д. Революционная Россия. Образы революционеров в русской художественной литературе. Составил и снабдил примечаниями Д. Благой. Под ред. и с предисл. проф. В. М. Фриче. М(и)Л., Московское Акционерное Издательское Общество, тип. «Вестник Ленинградского Совета» в Лгр. 1926. (26×17). XI+316 стр., с илл. 4 руб. 3.000 экз.—Стр. 1—21: I. Буржуазные революционеры из дворян. 1. К. Ф. Рылеев. Гражданин (3). 2. Д. С. Мережковский. Ночь на 14-е декабря (3). 3. Н. А. Некрасов. Сон княгини Трубецкой (14). 4. Л. Н. Толстой. Возвращение декабриста (15)—Стр. 4: (Виньетка из «Полярной Звезды»).

392б. Дружинин, Н. М. Кто были декабристы и за что они боролись? 2-е испр. и дополн. изд. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкаторжан и Сс.-Поселенцев. «Мосполиграф», 16-я тип. 1926. (1925)¹. (18×13). 128 стр., с илл. 40 коп. (Дешевая Б-ка Журнала «Каторга и Ссылка». 1-й год. № 15—19). 22.000 экз.

Обложка: Виктор Андерс.—
Ср. № 355. (1-е изд.).

392г. Поэты-декабристы. Сборник под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Ю. Н. Верховского. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» Госуд. Изд-ва в Мск. 1926. (21×14). 320 стр. 1 руб. 50 коп. 5.000 экз.—Собрание избранных стихотворений К. Ф. Рылева, А. А. Бестужева (Марлинского), В. Ф. Раевского, Г. С. Батенькова, Н. А. и М. А. Бестужевых, П. С. и Н. С. Бобринцевых-Пушкиных, Н. И. Лорера, Н. А. Чиждова, Н. Ф. Зайкина, С. И. Муравьева-Апостола, В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского. Стр. 312—314: библиографические указания. — Рец.: ПР. 1926. VII. окт.—ноябрь. 196—197. Г. Лелевич.

392д. Сказин, Е. В. Буржуазные революционеры (Декабристы). М. Изд-во «Прометей», тип. 31-я МСНХ 1926. (20×15). 74 стр.+ (2) стр. оглав. и объявл. 65 коп. (Русская История в Вопросах и Ответах. Под общей ред. В. И. Невского. Вып. IX). 5.000 экз.—Библиография: «Краткий обзор литературы» (на 2 страницах).

2. Журнальные и газетные статьи.

393. Горбунов, Марк. Социальная революция декабристов.—КГ. Вв. 1924. № 288 (678). 17 дек.

394. Лод: (Чаговец, Всеволод)¹. Киевские контракты и восстание декабристов в 1825 году.—ПП. 1925. № 45 (1056), 25 февр.

* 394а. Шуйский, П. Восстание декабристов. — Пути Революции 1925. № 3.

395. Виленский-Сибиряков, Вл. Два юбилея. (Декабристы—Революция 1905 г.).—Курская П. 1925, 19 сент.—«Из находящейся в печати брошюры Вл. Виленского-Сибирякова под тем же названием». Ср. № 397, 400, 425.

396. Виленский-Сибиряков, Вл. Декабристы. (Сто лет со дня первого вооруженного восстания).—РПахарь 1925. 26 сент.

397. Виленский-Сибиряков, Вл. Два юбилея. (Декабристы—Революция 1905 г.).—СЮг 1925. 8 окт.—«Из находящейся в печати брошюры...». Ср. №№ 395, 400, 425.

398. Новые исторические документы о восстании декабристов. Подлинное письмо Николая к великому князю Михаилу Павловичу. Восстановление могил декабристов в Иркутске. Проект освобождения крестьян Якушкина. Внучка Бестужева-Рюмина.—КБашкирия 1925. 13 окт.

399. Сказин, Е. Восстание декабристов. 1825—1925.—КЗнамя 1925. 22 нояб.—Первоначально статья была помещена в «Бюллетене» «А. Прессбюро Отдела Печати ЦК РКП. Москва. 11 ноября 1925 г. Кроме вышеуказанной, имеются еще след. перепечатки: Коммуна (Калуга) 1925, 13 дек.—Наш Путь (Кременчуг) 1925, 13 дек., с илл.—СП. 1925, 13 дек. (с подписью: Б. О к а з и н).—Червоный Селянин (Херсон) 1925, 17 дек.—Курская П. 1925, 25 дек.—Полеская П. 1925, 25 дек., с илл.—Ком. 1925, 25 дек., с илл.—РПуть (Омск) 1925, 25 дек., с илл.—Приволжская П. 1925, 25 дек., с илл.—КБашкирия 1925, 25 дек. (без подписи и с др. заглавием: Век назад). С илл.—В. 1925, 25 дек.—Звезда. (Новгород) 1925, 25 дек.—Т. (Клинцы) 1925, 29 дек., с илл.

400. Виленский-Сибиряков, Вл. Два юбилея. (Декабристы—Революция 1905 г.).—ТПуть 1925. 3 нояб. Ср. №№ 397, 400, 425.

401. Виленский-Сибиряков, Вл. Столетие декабрьского восстания 1825 г.—Новый Мир (М.) 1925, XII. 110—116.

402. Войтоловский, Л. Декабристы 1825—14 декабря 1925.—КНовь 1925, X, дек., 122—142.

402а. Пресняков, А. Декабристы. (Накануне столетнего юбилея).—Вестник Знания (Лгр.) 1925, № 2, стр. 97—106. С 3-мя илл.

* 402б. Русов, Н. Н. Журналисты-декабристы. — Журналист. 1925. № 12.

402в. Филипович, П. До ричици виступу декабристів.—Життя и Революция (Киив) 1925. XII. 75—80.

403. Штрайх, С. Я. К столетию восстания декабристов.—Молодая Гвардия 1925, № 10—11.—I. Заговор и восстание.—II. Жены декабристов.

404. Штрайх, С. Я. К столетию восстания декабристов. М., Изд. Молодая Гвардия, типо-литографии 3-я «Транспечати». 1925. (26×17). 22 стр. (Б. ц.). (К Столетию Восстания Декабристов). 50 экз.—(Отдельный оттиск из журнала «Молодая Гвардия» 1925, № 10—11)¹.

405. Штрайх, С. Я. Восстание декабристов. — Пионер. (М.) 1925, № 24, 28 дек., стр. 11, 14. С илл.

406. Штрайх, С. Я. К столетию восстания декабристов.—Просвещ. на Транспорте (М.) 1925. XII. 8—12.

407. Штрайх, С. Я. О пяти повешенных. Очерк.—Огонек (М.) 1925, № 82. С илл. Перепечатку статьи см. № 460.

408. Штрайх, С. Я. Декабристы. (К столетнему юбилею).—Город и Деревня (М.) 1925, № 24, дек., 16—20. С илл.

409. Штрайх, С. (Я)². Юноша-декабрист. (М. П. Бестужев-Рюмин)². Очерк.—Смена (М.) 1925, № 22, 20 ноября, 12—13. С илл.

410. Штрайх, С. Я. 1825—1925. (К столетнему юбилею декабристов).—Смена (М.) 1925, № 24, 20 дек., стр. 15—16.

411. Штрайх, С. Я. К столетнему юбилею декабристов.—Прожектор (М.) 1925, № 24(70), 3 дек.

412. Виленский-Сибиряков, (Вл.)³. Столетие декабристского восстания.—КПахарь 1925, 10 дек.

413. Виленский-Сибиряков, Вл. Столетие восстания декабристов.—Воронежская Коммуна 1925, 12 дек.

414. Декабристы. (14 декабря 1825 г.—14—27 декабря—1925 г.).—КЗапорожье 1925, 23 дек.

415. Декабристы — застрельщики борьбы с самодержавием.—Червоный Стяг. Утр. вып. (Чернигов). 1925. 22 дек.

416. Пресняков, А., проф. 14 декабря 1825 г.—КГ. Вв. 1925, 23 дек.

417. 14 декабря в дневнике купца.—КГ. Вв. 1925, 23 дек.—Текст

записи-рыбинского купца Миклетина, проживавшего в Петербурге в годы восстания декабристов.

418. Быков. «Сто лет».—Власть советов (Ставрополь) 1925. 24 дек.

419. Лапшин, Ник. Декабристы. (1825—1925 г.).—СПахарь 1925, 24 дек.

420. Соболев, Юр. Четырнадцатое декабря 1825 г.—ВМ. 1925, 24 дек. С илл.

421. Б. К. Как это было. (14 декабря 1825 г.).—Т. (Баку). 1925, 25 дек. С илл.

422. В. К. Декабристы. Столетний юбилей.—КБашкирия 1925, 25 дек. С илл.

423. Викторов, Еф. Декабристы. (К столетию восстания «декабристов» — 14/27 декабря 1825 г.).—КНиколаев 1925, 25 дек.

424. Виленский-Сибиряков, (Вл.)⁴. Декабристы.—КТатария 1925, 25 дек. С илл.

425. (Виленский-Сибиряков, Вл.)⁵. Декабристы. (К столетию со дня восстания).—Коммуна (Самара) 1925, 25 дек.—«Из находящейся в печати брошюры Вл. Виленского-Сибирякова под тем же названием». С илл. Ср. №№ 395, 397, 400.

426. Виленский-Сибиряков, (Вл.)⁶. 1825—1925.—ККрым 1925, 25 дек. С илл.

427. Виленский-Сибиряков, Вл. Столетие декабрьского восстания 1825 г.—КН. 1925, № 53, 27 дек., стр. 1253.

428. I. Вековой юбилей. 14 (27) декабря 1825 г.—27 декабря 1925 г.—КЗнамя (Томск) 1925, 25 дек.

429. Гнуни, Ив. Памяти декабристов.—Курская П. 1925, 25 дек. С илл.

430. Гудошников, М. Декабристы.—ККарелья 1925, 25 дек.

431. Декабристы. — ССиб. 1925, 25 дек.

432. Деньгин, Г. Восстание декабристов.—Терек (Пятигорск) 1925, 25 дек. С илл. Составлена на основе статьи В. Виленского - Сибирякова, помещенной в «Спутнике Агитатора» № 19.

433. Дор. И. Сеятели пламени.—РП. 1925, 25 дек. С илл.
434. К. На Сенатской площади.—РП. 1925, 25 дек.
435. К истории выступления декабристов. (Письмо вел. кн. Николая Павловича к нач. гл. штаба ген.-ад. бар. И. И. Дибичу, 12 дек. 1825 г. С.-Пб.)—ЗВ. 1925, 25 дек.
436. Клевенский Леонид. Декабристы.—РКлич 1925, 25 дек. С илл.
437. Кочегаров. За что боролись декабристы.—Ком. 1925, 25 дек.
438. Ленин о декабристах.—РП. 1925, 25 дек.
439. Меньшой, А. Полено.—ЗВ. 1925, 25 дек. С илл.—Участие толпы народа в восстании 14 декабря на Сенатской площади, бросавшей поленья в войска Николая I.
440. Миронов. Кто такие были декабристы? Идеологические различия внутри декабризма, как отражение классовых группировок того времени.—РП. 1925, 25 дек.
441. Михайлов, Н. Столетие восстания декабристов. (Историческая дата революционного движения).—Набат (Елец) 1925, 25 дек.
442. Мняковский, В. Повстанца декабриста (1825—14—26 грудня—1925)—ПП. 1925, 25 дек. С илл.
443. П. У. Кто были декабристы. Ком. 1925, 25 дек.
444. Первенцы свободы.—В. 1925, 25 дек. С илл.
445. Петропавловский, С. В штаб-квартире Южно-русского общества декабристов.—ХКом. 1925, 25 дек.
446. Патронов, Н. Четырнадцатое декабря. (По материалам следственной комиссии 1826 года).—РПуть. (Омск) 1925, 25 дек.
447. (Погорельский, М. Два восстания. 1825—1905—1925)». — Дэр Эмс. (Правда) (М.) 1925, № 296. На еврейск. яз. С илл.
448. Покровский, М. Роковой круг.—КТатария 1925, 25 дек.
449. Розинов, Я. Памяти декабристов. 1825—14 (27)—XII—1925 г.—КПр. 1925, 25 дек.
450. Рожков, Н., проф. Великий южн. — Колотушка (Орехово-Зуево) 1925, 25 дек. С илл.
451. С. П. Штурманы будущей бури. (К 100-летию восстания декабристов)—Т. (Баку) 1925, 25 дек.

452. (Сказин, Е. В.)^р. Декабристы. Факты и даты.—И. 1925, 25 дек.
453. Сказин, Е. Социально-экономические основы декабрьского движения.—И. 1925, 25 дек. С илл.
454. Соболев, Юр. Пять повешенных.—ЗВ. 1925, 25 дек.
455. Сто лет.—РКлич 1925, 25 дек.
456. Сто лет со дня восстания декабристов 1825 г. — 14 декабря 1925 г.—В. 1925, 25 дек.
457. Столетие восстания декабристов.—Гудок (М.) 1925, 25 дек.
458. 100-летие восстания декабристов.—РМосква 1925, 25 дек.—Междучарствие после смерти Александра. 14 декабря 1825 г. Тайные общества. Причины неудачи декабристов. Значение декабрьского восстания. Могилы декабристов в Москве.—С илл.
459. Ташер, С. Столетие восстания декабристов.—Грозненский Р. 1925, 25 дек.
460. Штрайх, С. О пяти повешенных.—КТатария 1925, 25 дек. С илл.—Перепеч. из журн. «Огонек» 1925, № 82. (См. № 407).
461. Кудрявцев, Ф. Декабристы. (1825—1925 г.).—БМП. 1925, 27 дек.
462. Покровский, М. Декабрь 1825 г. в свете декабря 1905 г.—КГ. Вв. 1925, 27 дек.
463. А. Ш.—н. Декабристы.—ЛП. 1925, 28 дек. С илл.
464. Багрий, А., проф. Декабристы.—БР. 1925, 28 дек.
465. Восстание декабристов.—РПуть (Смоленск) 1925, 29 дек.
466. Г. М. К столетию вооруженного восстания декабристов (1825—1925).—И. 1925, 29 дек. С илл.
467. Новус. Восстание декабристов. 1825 г.—27-го декабря 1925 г. Тверская П. 1925, 29 дек. С илл.
468. Сосновыи, Т. Декабристы. (Столетие восстания).—ХПр. 1925, 29 дек. С илл.
469. Сто лет со дня восстания декабристов. (1825 г.—14 декабря—1925 г.).—В. 1925, 29 дек. С илл.
470. Шуйский, П. Столетие восстания на Сенатской площади. (14—27 декабря 1825 г.).—Звезда (Екатеринославль) 1925, 29 дек. С илл.
471. Я. М. Первая искра русской революции.—Пролетарий (Харьков) 1925, 29 дек. С илл.

472. Заславский, Д. Заговор декабристов.—ЛП. 1925, 30 дек.
473. Овсянников, А. Н. Сто лет назад. Восстание декабристов.—РКрай 1925, 30 дек. С илл. См. еще № от 29 дек.
474. Ий. Из литературного наследия декабристов.—КГ. Вв. 1925, 30 дек.—Стих. Рылеева «По чувствам братья мы с тобой»... Стих. Вл. Раевского «Когда над родиной моей»...—Стих. Одоевского «Что мы, о боже?—В дом небесный»...—Письма Лунина из Акатуя: к сестре (30. I. 1842) и к С. Г. Волконскому (ноябрь—дек. 1843).—Дневник Н. Бестужева (Записи 7-го и 9-го авг. 1830 г.—Стих. Н. Языкова («Не выль убранство наших дней») и А. Полежаева «Ай, акти! ох, ура»...). Из готовящегося к выходу из печати историко-литер. вестника «Атеней», кн. 3-я, Л., 1926. С илл.
475. Покровский, М. 14/26 декабря 1825 г.—П. 1925, 30 дек. С илл.
476. Рин, В. Первые борцы за свободу. 1825—27 (14) декабря 1925.—Красноярский Р. 1925, 30 дек. С илл.
477. Гессен, Сергей. Поэты-декабристы.—Советское Искусство (М.) 1925, № 9, стр. 8—16.
478. Цветков, П. Декабристы.—Партийный Спутник (Сталинград) 1925, № 9, стр. 75—85.
479. Дружинин, Н. М. Кто были декабристы?—Беднота (М.) 1925, 31 дек. С илл.
480. Цветков, П. Восстание декабристов.—Борьба (Сталинград) 1925, 31 дек.
481. Покровский, М. Н. 14 декабря 1825 г.—И. 1926, 1 янв. Ср. № 482.
482. Покровский, М. Н. 14 декабря 1825 г.—ЛП. 1926, 1 янв. Ср. № 481.
483. Фирсов, (Н. Н.)^р, проф. Восстание 14 декабря.—КПанорама 1926, № 1 (95), 1 янв., 8—10. С илл.
484. Фирсов, (Н. Н.)^р, проф. Кто такое декабристы? Из очерка проф. Фирсова.—КПанорама 1926, № 1 (95), 1 янв., 7.—«Из предстоящей к выходу в свет книги проф. Фирсова

- «Герои восстания декабристов» (sic). Ср. № 390.
485. Талин, М. Декабристы.—Моряк (Одесса) 1926, 3 янв.
486. Бешкин, Г. Социально-политические идеалы декабристов.—Литературное Обозрение «Нижегородской Коммуны» 1926, № 2, 5 янв., стр. 4. Фельетон.
488. Лебедев, Ф. Н. К столетию восстания декабристов.—И. 1926, 5 янв. С илл.
489. М. З. Поэты-декабристы. (К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский).—Литературное Обозрение «Нижегородской Коммуны» 1926, № 2, 5 янв., стр. 3. С илл.
490. Рейснер, Лариса. День 14 декабря 1825 г.—И. 1926, 5 янв.
491. 100 лет тому назад. О декабристах.—Голос Текстилей (М.) 1926, 8 янв.
492. Радек, Карл. Тоже «декабристы».—П. 1926, № 8 (3237), 10 янв.—Белая печать («Последние Новости») о юбилее декабристов.
493. Л. К. Как было раскрыто тайное общество южных декабристов. (По неизданным документам).—НВГ. 1926, 13 янв.
494. Николай I и декабристы. (По неизданным материалам).—КТатария 1926, 14 янв.—Выдержки из донесений французск. посла в Петербурге пр. де Ла Ферронэ. (Из парижского журнала „Le Monde Slave“) Ср. № 206.
495. Лобахин, Е. До сотих роковин повстанца декабриста на Украине (1825—1925)—Висти (Харьков) 1926, 15 янв.
496. Овсянников, А. Н. Декабристы.—РКрай 1926, 16 янв.
497. Лима. Отрекаются от наследства.—Звезда (Минск) 1926, 31 янв. Спор по поводу юбилея декабристов среди белой эмиграции
498. Чучин, Ф. Г. К столетнему юбилею декабристов (1825—1925).—Советский Филателист (М.) 1926, № 1, стр. 6—8.
499. Рейснер, Лариса. Портреты декабристов.—КНовь 1926, II, 119—137.—I. Барон Штейнгель. 119.—II. О Каховском. 127.

500. **Розанов, Иван.** Поэты среди декабристов. — Прожектор (М.) 1926, № 8(78), 30 апр., 19—22.

500а. **К. Повстанца и загибель «декабристов».**—Наша Правда (Марнуполь) 1926, 22 июля. С илл.

500б. **А. В. Столетие со дня казни декабристов.**—ККрым 1926, 25 июля.

500в. **Анин, А.** Сто лет со дня казни декабристов. — Пролетарский Путь (Ульяновск) 1926, 25 июля.

500г. **Б. И.** Из искры—пламя.—КСевер 1926, 25 июля. С илл.

500д. **Блейгардт, А. М.** К столетию казни декабристов. 1826—25/VII—1926.—ЛП. 1926, 25 июля.

500е. **Викторов, Еф.** Казнь декабристов. (К исполняющему столетию).—КНиколаев 1926, 25 июля.

500ж. **И. С.—вий.** Памяти лютых «декабристов». 25 липня 1826 р.—25 липня 1926 р.—Червоный Пугарь (Николаев) 1926, 25 июля. С илл.

500жа. **Лазарев, Декабристы.** (К столетию со дня жизни (?)).—Северная П. 1926, 25 июля.

500з. **Михельсон.** Историческая дата.—БМП. 1926, 25 июля.

500и. Сто лет со дня казни декабристов. 1826 год—1926 год.—КЗапорожье 1926, 25 июля.

500к. **Ч.** Сто роков тому...—Радянский Стьеп (Мелитополь) 1926, 25 июля. С илл.

500л. **Чаговец, Всеволод.** В лучах истины. (Памяти декабристов, казненных 26 июля 1826 года).—Известия (Одесса) 1926, 25 июля.

500м. **Шуйский, П.** Пять повешенных. Ко дню столетней годовщины казни декабристов—13/25 июля 1826—25 июля 1926 года.—Звезда (Екатеринослав) 1926, 25 июля. С илл.

500н. **А. КР.** Памяти замученных. (К казни декабристов в 1826 году). С Стьеп 1926, 26 июля.

500о. **Оленин, А.** Мученики свободы. (К столетию казни декабристов).—РГазета 1926, 27 июля. С илл.

500р. **Л. Б.** Сто роков з дня покрання декабристов.—Плуг и Молот (Сумы, Харьк. губ.) 1926, 29 июля. С илл.

500с. **Овалов, П.** Декабристы. 1826—1926. (К столетию казни декабри-

стов).—За 7 дней. Литер.худож. прилож. к газете «Рабочая Москва». 1926, № 3, авг., стр. 1—2. С илл.

Смесь

1. Разное.

501. **Вегман, В.** К столетней годовщине восстания декабристов.—ССиб. 1924, № 154 (1396). См. еще №№ 152 и 153 этой же газеты.

502. Ценная находка.—ВТ. 1924, № 208 (1413), 10 сент.—Вскрытие Б. Кубаловым могил Юшневского и А. З. Муравьева в д. Б. Разводной.

503. **М. Д. Пушки,** из которых расстреливали декабристов.—КГ. Вв. 1924, № 288 (678), 7 дек.—Роль в. кн. Мих. Павл. в подавлении восстания.

504. **Историк.** Декабристы и Петропавловская крепость.—КГ. Вв. 1924, № 294 (684), 24 дек.

505. **Авенар, Этьен.** Кровавое воскресенье. (9-е января 1905 г.). Перевод с французского под ред. А. Сухова. Одесса, Госуд. Изд-во Украины. 1925, 8^о. 148 стр.—Стр. 59—64: Банкет в память декабристов в зале Павловой. Петербург, воскресенье 14 (27) декабря, 1905 г.

506. Обнаружение архива декабриста Муравьева.—И. 1925, № 51 (2384), 3 марта.—Корреспонденция из Ростова-н-Д. о находке в Новочеркасске.

507. **Никулин, Л.** Внук декабриста.—ЗВ. 1925, 10 июля.—О романе-хронике С. М. Волконского «Последний день». Берлин, Изд-во «Медный Всадник». 1925.—Ср. № 509, несколько сокращенная и слегка переделанная др. редакция.

508. **Никулин, Л.** Внук декабриста.—Парижский Вестник 1925, № 69, 25 июля, 3.

509. **Никулин, Л.** Роман внука декабриста.—Кк. 1925, 21 авг. Ср. № 507, где более полный и несколько иной текст.

510. Записка декабриста Бриггена. Новые материалы о происхождении Павла I.—П. 1925, № 251 (3182), 1 ноября.—Ср. №№ 511, 512, 647.

511. Чьим же сыном был Павел I-й? Записки Бриггена припод-

нимают таинственную завесу.—Луганская П. 1925, 4 нояб.—Ср. №№ 510, 512, 647.

512. Тайна раскрыта. Павел I был сыном чухонки из дер. Котлы (под Ораниенбаумом. По найденным запискам дек. Бриггена)².—Трудовая П. 1925, 27 нояб.—Ср. №№ 510, 511, 647.

513. К 100-летию восстания декабристов. Найдены расписки предателей декабристов (и два указа Николая I на имя мин. финансов о денежных выдачах Бошняку и Шервуду. Тексты указов)².—КГ. Вв. 1925, 5 дек.

514. Юбилейные почтовые марки. 1825—1925 г.г. и 1905—1925 г.г.—ВМ. 1925, 11 дек.

515. **Лернер, Н. (О.)².** Декабристы и кавалергарды.—КГ. Вв. 1925, 16 дек.—Об исключении 22-х биографий офицеров, причастных к 14-му декабрю из 3-го т. «Сборника биографий кавалергардов».

516. К 100-летию восстания декабристов. (Новые документы о декабристах. Обнаружение архива Рылеева, Семейный архив Анненкова, Записка Бриггена. Рукопись Радишева. Исторические дома (в Ленинграде). Выставка из истории восстания декабристов. Могилы декабристов. К юбилею декабристов. Постоянная подкомиссия по изучению истории декабристов и их эпохи)².—КС. 1925, № 8 (21), Хроника. 292—297.

517. К столетнему юбилею восстания декабристов. — Кс. 1925, № 6 (19), Хроника. 292—293.—В Музее Революции (подготовка к выставке)².—Новые документы о декабристах (матросах и солдатах и материалы по восстанию Черниговского полка)².—Могилы первого декабриста (К. П. Чернова)².—Неизданные письма декабристов (находка в архивных делах в Верхнеудинске)².

518. К юбилею декабристов.—Кп. 1925, № 39—40 (120—121), 31 дек., Литературная хроника. 12—13.

519. **Коган, М. С.** Шахматы в среде декабристов.—Шахматный Листок 1925, № 18, стр. 261—262.

520. **Попов, П.** О лошади, на которой Николай I разогнал восста-

ние декабристов.—КА. 1925, т. 6 (13), Из записной книжки архива ста, 314—Надпись на плите на лошадином кладбище в Детском (б. Царском) селе в Александровском парке.

521. **Александровский, Б. П.** Памяти врачей-декабристов.—Профилактическая Медицина (Полтава) 1925, № 12, дек., стр. 1—5.—Ф. Б. Вольф и др. Ср. № 523.

522. «Партбилет» декабристов.—Псковский Набат 1925, 25 дек.—Сообщ. о находке Ю. Г. Оксмана.

523. **К. Декабристы** и народное здравоохранение.—КДагестан 1926, 19 янв.—П. И. Пестель, Ф. Б. Вольф. Ср. № 521.

524. **Гулев, П.** Из искры возгорелось пламя.—Т. (М.) 1926, 21 янв.—Как проходили «кампании» по декабристам в клубах и домпросветах. Экскурсии в Ленинград.

525. **В. Ч.** Тайна медной полужки. (Из отголосков декабризма).—НГ. 1926, 13 февр.—Царский инициал на полужке 1840 г., из составных частей которого получается слово «Нисел»—«Гисель», т.-е. вешатель.

526. 100-летие восстания декабристов. Празднование столетия восстания декабристов в Киеве. Новые материалы о восстании декабристов. Новые произведения декабристов.—КС. 1926, № 1 (22), Хроника, 284—285.

527. Гибель исторических документов.—ВМ. 1926, № 70 (678), 27 марта, В Ленинграде. (По телефону от наш. корресп.)—Сожжение 240 писем дек. М. и Н. Бестужевых, Кюхельбекера, Оболенского, Трубецкого, Горбачевского, Пущина, Артамона и Никиты Муравьевых и др., адресованных к Завалишину, в Москве летом 1918 г. в кв. родственницы дек. Завалишина З. Д. Еропкиной.—См. еще др. публикации о том же: П. 1926, 10 марта.—НГ. 1926, 28 марта.

527а. К 100-летию юбилею восстания декабристов. От редакции.—Тульский Край 1926, № 1, апр., 52—53.

528. **Шостенко, Вл.** Могилы декабристов (А. М. Муравьева, Ф. Б. Вольфа, Ф. М. Башмакова, С. М.

Семенова, В. К. Кюхельбекера, А. П. Барятинского)². (Письмо из Тобольска).—И. 1926, 30 сент.

528а. Ю. Фе—ин. Многовековой парк шумит. (Ундоры). I. Памятники старины глубокой. Разинские клады. Усадьба декабриста Ивашева. Тайна былого. — Пролетарский Путь (Ульяновск) 1926, 25 июня.

528б. А. Нови материяли про декабристив. — Коммунист (Харьков) 1926, 3 июля.—Обнаружение их в Одесском окрархиве. См. публикацию в сб. «Рух дек. на Україні».

528в. Ник. Анов. Забытые могилы (декабристов и польских повстанцев в Казакстане)².—ССтепь 1926, 25 июня.

528г. Новые документы о декабристах.—И. 1926, № 169 (2800), 25 июля, стр. 2.—Подготовка к изданию Одесским окружным архивом материалов о декабристах.

528д. «Русская Прага».—Вечерние Известия (Одесса) 1926, 24 июля.—К изданию ее Центрархивом.

528е. В. К-в. Еще о декабристах.—Борьба (Сталинград) 1926, 28 июля. Листки прошлого.—Пересказ и выдержки из «Донесения тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов» по публикации Б. Л. Модзалевского. Ср. № 53.

2. Подготовка юбилея декабристов 1825—14 дек.—1925 г.

528ж. Ольминский, Мих. Степ. Две годовщины. Статья тов. Мих. Степ. Ольминского.—РМосква 1923, № 283, 18 дек.—Ср. возражения Вл. Виленского (Сибирякова) (№ 528з.), С. И. Мицкевича (№ 528 и), П. Крамарова (№ 529), М. Н. Покровского (№ 32).

528з. Виленский, Вл. (Сибиряков). Следует ли праздновать 100-летний юбилей восстания декабристов.—И. 1923, № 290, 19 дек.—Возражения на статью М. Ольминского (см. № 528ж). Ср. №№ 528, 529.

528и. Мицкевич, С. (И)². Декабристам надо поставить памятник.—РМосква. 1923, № 290, 28 дек.—Возражения на статью М. С. Оль-

минского (см. № 528ж). Ср. №№ 528з, 529.

529. Крамаров, П. О юбилее восстания декабристов.—РМосква 1924, № 8, 10 янв.—Отв. т. Ольминскому на его статью «Две годовщины» (РМосква 1923, 18 дек.).—Ср. №№ 528ж, 528з, 528и.

530. Материалы о декабристах.—И. 1924, 5 февр.—О выделении Ленинградским отделением Центрархива особой комиссии для собирания и изучения материалов о джб-х.

531. Золотарев, Мих. Декабристы. (1825—1925).—ВТ. 1924, № 50 (1285), 28 февр.—Заметка к юбилею, с обращением от Иркутской комиссии по увековечению памяти декабристов о присылке ей различных материалов о декабристах.

532. Предстоящая годовщина.—Жизнь Бурятии (Верхнеудинск) 1924, № 4—5, окт.—ноябрь, 73—74.

533. На издание материалов по истории движения декабристов.—И. 1924, № 157, 12 июня.—Об отпуске СТО Центрархиву 10.000 руб.

534. Новые материалы о восстании декабристов.—КГ. Вв. 1924, № 288 (678), 17 дек.—Подготовка к печати Ленинград. Отд. Центрархива тома неиздан. следствен. материалов о восстании Черниг. п-ка, под ред. В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана. Обзор содержания.

535. Краткий обзор деятельности «Декабристской комиссии».—КС. 1924, № 6 (13), Из жизни общества политкаторжан, 268—269.

536. Комиссия по изучению литературной деятельности декабристов (при исследовательском институте сравнительного изучения литературы при Ленинградском госуд. университете)².—КГ. Вв. 1925, № 1 (689), 2 янв.

537. К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного Общества Политкаторжан и Сс-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов.—КС. 1925, № 1 (14), стр. 178—184.—«Задача этих строк—наметить строгие контуры явления, называемого восстанием декабристов, поставить вопрос о праздновании декабрьского столетнего юбилея, о смысле и значении его».

538. Плесков, В. Подготовка к празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов.—КС. 1925, № 4 (17), Хроника, 296—298.—Организация Объединенной Комиссии, президиума ее и секций.—Положение об Информационном Бюро при Объединенной Комиссии по чествованию 100-летнего юбилея декабристов».

539. Пиксанов, Н. Об издании «Библиография декабристов».—КС. 1925, № 4 (17), Хроника. Письма в редакцию, 303.—Другие публикации этого обращения см. еще: И. 1925, 31 мая.—П. 1925, 30 мая (несколько сокращено).—Б. 1925, № 3 (31), стр. 250.

3. Выставки, музеи, учреждения памяти декабристов.

540. 1825—1925. (Выставка к столетнему юбилею декабристов). (В Моск. Музее Рев.)².—И. 1925, 18 дек.

541. Выставка декабристов. К столетнему юбилею декабристов. (Выставка при Музее Революции).—И. 1925, 24 дек.

542. Выставка декабристов. К столетнему юбилею декабристов. (В Моск. Музее Рев.)².—П. 1925, 24 дек.

543. Открытие выставки декабристов. (Музей Революции).—ВМ. 1925, 28 дек.

544. А. Памяти декабристов. (В Музее Революции).—И. 1926, 1 янв.

545. Волков, Н. Выставка декабристов. (Музей Революции).—Т. (М.) 1926, 3 янв.

545а. Путеводитель по Музею Революции. Под общей ред. директора Музея Революции Союза ССР С. И. Мицкевича. Составлен научными сотрудниками Музея. М. Изд. Музея Революции Союза ССР. Тип. «Дер Эмес». 1926 г. (23×15). 88 стр. 90 коп. (Музей Революции Союза ССР). 1.000 экз.—Стр. 6—7: II. Зал. Декабристы.—Описание составлено А. П. Крючковой. Ср. № 545 б.

545б. Музеи и достопримечательности Москвы. Путеводитель. (Общая ред. В. В. Згурова). (М.)², Изд. Московского Коммунального Хозяйства. 1926. (17×11). VIII+469 стр., с илл. 2 руб. 50 коп.—Стр. 184—185:

описание II зала Музея Революции СССР, посвященного декабристам. (Путеводитель по Музею Революции. Под ред. С. И. Мицкевича. М. 1926). Ср. № 545а.

546. Документы революционной России. (Выставка Центрархива).—И. 1926, 3 янв.—Среди экспонатов документы, относящиеся к джб-м.

547. Общество по изучению декабрьского восстания 1825 г. (В Ленинграде)².—Ком. 1925, 25 дек.

548. Селиванов, Арк. Уголок декабристов.—КГ. Вв. 1925, 28 дек.—Открытие выставки в Пушкинском Доме при Ак. Наук.

549. Выставка памяти декабристов. (Пушкинский дом).—НВГ. 1925, 28 дек.

550. Львов, Влад. Его величество питейный император (Константин Павлович)². (На выставке декабристов в Публичной Библиотеке).—НВГ. 1926, 14 янв.

551. Самарин, И. «Выставка декабристов» в Киеве.—ХКом. 1925, 16 дек. С илл.

552. Выставка о восстании декабристов (при Киев. Музее Рев.)².—Красноярский Р. 1925, 30 дек.

553. Выставка декабристов (в Киев. Музее Рев.)².—КГр. 1926, 12 янв.

554. Выставка памяти декабристов (в Омском Окружном Музее)².—РПуть (Омск) 1925, 25 дек.

555. Г. Т. Одинокие смельчаки. (На выставке декабристов) (Воронежского Губ. Музея)².—Воронежская Коммуна 1926, 5 янв.

556. Субботовский, И. Цена человека в России Николая I-го. Уголок декабристов в Иркутском Музее Революции.—ВТ. 1926, 8 янв.

557. М. Ш. К юбилею декабристов в Томске.—КЗнамя (Томск) 1925, 14 июля. Подготовка к юбилею Томского краевого музея.

558. Ростовский, В. Комната декабристов. (Письмо из Ростова).—Северный Р. 1926, 2 апр.—Выставка памяти декабристов, устроенная Ростовским госмузеем.

4. Вечера, торжественные заседания, лекции, доклады памяти декабристов.

559. От декабристов к Октябрю. Открытие 2-го всесоюзного с'езда

Общества политкаторжан (26 дек. 1925 г. в Моск. Б. Театре)²—РМ. 1925, 29 дек.—С информациями о речах памяти дек-в.—См. еще: РГазета 1925, № 796, 29 дек.

559а. Сто лет политической каторги. 2-ой всесоюзный съезд политкаторжан 26—29 декабря 1925 г. М., тип. 16-я «Мосполиграф». 1926. (24×16). 66 стр. (Б. ц.). (Всесоюзное Общество Политических Каторжан и Ссылочно-поселенцев. 1825—1905—1925). 1.500 экз.—Стр. 14—18: речь т. Ф е л и к с а К о н а, посвященная 100-летию восстания декабристов (По стенограмме).

560. Декабристы и русские евреи.—НГ. 1926, 8 янв.—Изложение доклада С. М. Гинзбурга, сделанного им в Ленинграде.—Дек. Г. Перети.

561. Столетие восстания декабристов.—И. 1925, 30 дек.—Как прошли юбил. торжества в Ленинграде.

562. К 100-летию со дня восстания декабристов. Что будет в Ростове.—Мол. 1925, 25 дек.—В О-ве политкаторжан. В О-ве истории и археологии. В клубе научных работников. В клубах.

563. Стриж, А. Из прошлого. 100-летие восстания декабристов.—СЮг 1926, 14 янв.—Вечер, организованный Краевым О-вом б. политкаторжан.

564. А. В. Участники движения декабристов на Дону.—СЮг 1926, 15 янв.—Реферат доклада А. Т. Стефанова в Краевом О-ве Археологии, Истории и Этнографии.

564а. Л. Ор. Вечер памяти декабристов (организуемый новороссийской группой О-ва политкаторжан и сс-поселенцев совместно с окружным МОПР^а).—Красное Черноморье (Новороссийск) 1926, 24 июля.

565. К юбилею восстания декабристов. Открытое заседание научно-исследовательской кафедры. (Всеукраинская Акад. Наук).²—КПр. 1926, 5 янв. С илл. Ср. № 568.

566. К юбилею декабристов.—КПр. 1926, 12 янв.—Заседание комиссии по изучению истории общественных движений на Украине при УАН^е. посвященное декабристам. Доклады: С. Ефремов (Местный элемент в декабристском движении). В. Ми-

яковский (Восстание Черниг. п-ка и киевская администрация), В. Романовский (Причины неуспеха декабристов).

567. Столетие повстанья декабристов. (Засидання в Академії Наук).—ГП. 1926, 6 янв.—Виступ акад. М. С. Грушевського; Наукові доповіді. (Ф. Я. Савченко; И. Ф. Рибак; проф. О. Ю. Гермайзе, В. Мияковский).²

568. Столетняя годовщина восстания декабристов. Юбилейное заседание (научно-исследовательской кафедры Всеукраинской)² Академии Наук.—ХКом. 1925, 5 янв.—Ср. № 565.

569. Торжественное заседание в Музее Революции (в Киеве).²—КПр. 1926, 12 янв.—Доклады: т. Киллерога; В. М. Базилевича (Декабристы на Киевщине).

570. Заседание исторического Общества Нестора Летописца при УАН^е.—КПр. 1926, 12 янв.—Доклады: В. М. Базилевича (о восстании Черниг. п-ка), Л. П. Добровольского (о польском мемуаристе Руликовском). С илл.

570а. В. Б.—ч. (Базилевич, В.). Юбилей декабристов у Киива.—Дек. на Украине. 199—200.

571. Вечер памяти декабристов (в актовом зале Томского Университета).²—КЗнамя (Томск) 1925, 30 дек.

5. Декабристы в краеведческих изучениях.

(147 и 148). Азадовский, М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири.—Сибирь и дек., 77—112.—Отдельн. отт. Иркутск, 1925. 48 стр.

(39). Базилевич, В. Областное деление Сибири в проектах декабристов.—Сибирь и дек., 41—46.

(639. 640). Азадовский, Марк. Н. Бестужев — этнограф.—Сибирская Живая Старина (Иркутск) 1925, вып. III, стр. 9—40.—Отдельн. отт. Иркутск, 1925. 32 стр.

571а. Ганцова-Берникова, В. А. Декабристы и сельское хозяйство в Сибири. (К столетней годовщине декабрьского восстания).—Землеустроитель (М.) 1925, № 12, стр. 3—8.

572. Дубровский, К. В. Декабристы в деле изучения Сибири.—Северная Азия (М.) 1925, V—VI, 9—18.—Г. С. Батеньков (10—12). В. И. Штейнгель (12—14). Бр. А. И. и П. И. Борисовы (14—15). А. А. Бестужев (15—16). Н. А. Бестужев (16—17). М. А. Бестужев (17). И. Д. Якушкин, Вольф, П. И. Фаленберг и др.

573. Смирнов, В. А. Декабристы в Красноярске.—СибО. 1925, № 3, июнь—июль, 149—162.—Цивилизующее влияние пребывания декабристов (Ф. П. Шаховского, С. Гр. Краснокутского, Н. С. и П. С. Бобрищевых-Пушкиных, М. А. Фонвизина, М. Ф. Митькова, М. М. Спиридова и В. Л. Давыдова) в Красноярске.—Рец.: КЛетопись 1925, IV, 279. Д. М. Позднеев. Ср. № 575.

573а. Косованов, Александр. Заговор декабристов в сибирских песнях и легендах.—СибО. 1925, VI, ноябрь—дек., 122—126.—Три варианта легенд, записанных в селах Курагинском, Батени и Тесинском Минусинского у., Енисейской губ.

574. Н. П. Условья жизни декабристов в Западной Сибири.—РПуть (Омск) 1925, 25 дек.

575. Смирнов, В. А. Декабристы в Красноярске.—ССиб. 1925, 25 дек.—Ср. № 573.

576. Вережкин, Я. Декабристы первые культурники в Кургане.—ККурган 1925, 12 дек.

577. В. Ц. Декабристы в Минусинском округе.—ССиб. 1925, 25 дек.

578. Орлов, П. Декабристы в Омске. (По материалам Омского архива).—РПуть (Омск) 1925, 25 дек.—Семенов, Горский, Басаргин. Донос офицера омского гарнизона Жуковского, жаловавшегося III отделению на «гнусное поведение» Семёнова в Омске. (Текст доноса, написанный в янв. 1828 г.).

579. Коптилов, М. (П.).² Тобольский округ и исполняющиеся в текущем году юбилеи.—Наш Край (Тобольск) 1925, № 1 (5), янв., 55—57.—Указания как, где и какой материал собирать к юбилею декабристов. Сообщены краткие сведения о дкб-х. водворенных на поселение в

Тобольске, Березове, Сургуте, с. Кондинском.

580. М. К. Декабристы в Тобольске.—Северянин (Тобольск) 1925, 25 дек. С илл.

(166). Кубалов, Б. Г. Сибирское общество и декабристы.—КС. 1925, № 8 (21), стр. 139—171.

581. Кубалов, Б. В местах ссылки декабристов.—Сибирь (Новосибирск) 1926, № 2, 15 февр., стр. 4. С илл.

582. Бакай, Н. Декабристы в Сибири.—Сибирь (Новосибирск) 1926, № 2, 15 февр. 3. С илл.

583. Жилинский, В. Декабристы в Семипалатинской губернии.—Степана П. (Семипалатинск) 1926, 15 янв.

584. Архипов. Декабристы в Ундорах.—Пролетарский Путь (Ульяновск) 1925, 13 авг.—Дек. Ивашев.

585. Рогозовский, Т. Декабристы Полтавщины.—ХКом. 1925, № 281 (1769), 9 дек.—Семья Муравьевых-Апостол по воспоминаниям о них А. И. Смагина, внука сестры С. И. Муравьева-Апостола А. И. Хрущовой.

586. Кирпичев, Н. Там, где собирались декабристы.—ПП. 1924, № 138 (851). С илл.

587. Базилевич, М. (М.).² Задачи местных архивов к юбилею декабристов.—Червоный Архивист. Бюллетень Киевского Губ. Архивного Управления 1925, № 1 (2), Сичень, 15—17.—На русск. яз. в изд. Киевск. Губархива (под ред. В. В. Мияковского). Изд. в 50 экз. на пишущей машинке.

588. Петропавловский, С. Н. Город Тульчин. (Очерк в связи со столетием восстания декабристов).—КГ. Вв. 1925, 23 дек.

589. Петропавловский, М. Мисто Тульчин. (Нарис. у звязку зі століттям повстання декабристів).—ПП. 1925, 25 дек.

590. Орлов, А. Там, где жили декабристы.—ХКом. 1925, 25 дек. С илл.

590а. Базилевич, В. Декабристы на Киевщине, після амністії.—Рух дек. на Україні, 73—76.

590б. Попов, Олександр. В гнізди декабристів (Тульчине).²—Україна (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 74—75.

С илл.: Будинок, де збирались декабристи (вул. Шевченка № 18). Помешкання О. Юшневського (?) (77).—Будинок коло палацу, де один час жив Пестель (77).—Будинок декабристів в Тульчині (дим Шлегеля, потім Ларионових) (78).—Палац Потоцьких у Тульчині (79).

590в. Де-що з вид гукив подій 1825—1826 р. в українській пісенній творчості. Подав. Леонид Добровольський. — Україна (Київ). 1925, кн. 6 (15), стор. 71—73.

591. **Н. Ш.** Где собирались декабристы.—Экран (М.) 1926, № 1 (38), 1 янв. С илл.

592. **Рогозівський, Гр.** Декабристи на Миргородщині.—Работник (Полтава) 1926, 3 янв.

593. Новое о донцах декабристах.—Мол. 1925, 25 дек.—В. Д. Сухорук. С. С. Николаев, И. Ф. Шимков, гр. П. Х. Граббе.

594. **Золотницкий, Вл.** О декабристах А. Н. Муравьева и И. А. Анненкове, работавших после каторги в Н.-Новгороде.—НижКом. 1926, 15 янв. С портр.

595. **Никишин, Петр.** Декабризм и Пензенская губерния.—Трудовая П. 1926, № 11, 14 янв.—И. А. Анненков, И. Н. Горсткий, Ап. Веденяпин.

596. **Незнамов.** Декабристы-псковичи.—Псковский Набат 1925, 25 дек. С илл.

597. **Владимиров, Николай.** Декабристы в Рыбинске. (Из архивных материалов).—Северный Р. 1925, 25 дек.—Прохождение через Рыбинск солдат, отправляемых в ссылку на Кавказ в корпус А. П. Ермолова.

598. **Картавцов, И. М.** «Декабристы-туляки». (С. Н. Бегичев, И. В. Киреев, В. Н. Лихарев, А. Г. Нелепин, Н. И. Тургенев, А. И. Черкасов, П. И. Черкасов).—Тульский Край 1926, № 1, апр., 53—66. Со снимками: И. В. Киреев в старости (с неизданной фотографии). (Стр. 55).—«Декабристы в ссылке». Неизданный акварельный рисунок 1831 г. приписывается И. В. Кирееву. (Из собрания Тульского Художеств. Истор. Музея) (56).—В. Н. Лихарев (из кн. Головачева) (58)—Н. И. Тур-

генов (из кн. Головачева) (61).—А. И. Черкасов (из кн. Головачева) (64).—Указания на «литературу».

598а. «Декабристы - туляки». — Тульский Край 1926, II, июнь, 31—37. С портр. Н. А. Загорецкого (с. 34).—«Биографии декабристов: Голицына В. М., Горсткий И. Н. и Кашкина С. Н. принадлежат И. М. Картавцову, стальные (Вяземского А. Н. Загорецкого Н. А. и Чижова Н. А.)».—В. С. Арсеньеву». Приведена библиография.

599. **Смирнов, А.** Наши декабристы.—Наш Труд (Ярославль) 1925, № 11—12, стр. 50—52.—Кн. Д. А. Щелин-Ростовский.—Кн. В. М. Голицын.—Н. П. Окулов.

600. **Смирнов, А.** Влияние восстания декабристов на настроение Ярославской губернии. (По материалам губархива).—Наш Труд (Ярославль) 1925, № 11—12, стр. 45—50.

601. **Чулков, Н.** Список декабристов, погребенных в Москве.—Листок Краеведа Московской губернии 1925, № 3, стр. 30—31.

601а. По революционной Москве. Историко-топографический справочник-путеводитель. С приложением 9 районных и 1 общей многокрасочной карты Москвы. (Предисловие Герм. Сандомирский. Общее руководство работой и предисловие от составителей Н. М. Дружинина)². (М.)². Изд-во Московского Коммунального Хозяйства, тип. М. К. Х. им. Ф. Я. Лаврова. 1926. (17×11). 336 стр.+10 карт на вклад. листах, 2 руб. 25 коп. 10.000 экз.—Стр. 22—24, 62, 131, 172, 211, 269—270, 327; декабристы.

602. **Декабристы Дмитровского уезда.** (Сборник статей)². Дмитров, Музей Дмитровск. Край, тип. Дмитровского Уездполк. 1925. (1926)³. (17×13). II+(5—83) стр. 40 коп. (Музей Дмитровск. Край. Вып. 3. 1825—1925). 1.000 экз.—Оглавление. 1. Предисловие. 3.—2. М. С. Померанцев. Декабристы в Дмитровском уезде. 5.—3. Т. Н. Поливанов. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам. 26.—4. И. А. Смирнов. Декабрист Василий Норов. 50—82.—Рец.: Кн. 1926, № 14, 16 апр., стр. 23—24. И. Картавцов.

6. Потомки декабристов.

603. **Потомки декабристов.**—КГ. Вв. 1925, 23 дек.—Корниловича (И. Н. Шумова, Г. Е. и А. Г. Грум-Гржимайло), Якушкина (Е. Е. Якушкин), Бриггена (И. В. Байкова), А. Н. Муравьева (А. Н. Муравьева), Г. А. Перетца (В. Н. Перетца).

604. Что рассказывала жена декабриста (В. Л. Давыдова)².—Мол. 1925, 30 окт.—Беседа с внуком (по матери) дек. Давыдова Е. В. Переслени.

605. **Павлов, В.** Декабристы в ссылке. Из воспоминаний П. М. Крюковой (урожд. Сайлотова, была в замужестве за сыном дек. Н. Крюкова)².—Терек (Пятигорск) 1925, 25 дек.—Со снимком П. М. Крюковой.

606. Новые материалы декабрьского восстания. (О сведениях, сообщенных Изабеллой Люблинской, дочерью дек. Ю. Люблинского в иркутск. юбилейную комиссию)². —ВТ. 1925, № 224 (1730), 1 окт.

607. **Виль.** Внучка декабриста (А-дра Мих. Муравьева—Нат. Вас. Вачнадзе)².—РП. 1925, 24 дек.—Ср. №№ 608 и 609.

608. **М. С. У** внучки декабриста (А. М. Муравьева—Н. В. Вачнадзе)². ЗВ. 1925, 24 дек.—Ср. №№ 607 и 609.

609. **А. Б-ий.** У внучки декабриста (А. М. Муравьева—Н. В. Вачнадзе)².—ЗВ. 1925, 24 дек.—Ср. №№ 607 и 608.

609а. Пенсия внуку декабриста (С. И. Муравьева-Апостола)² А. И. Смагину. — Коммунист (Харьков) 1926, 2 июня.

610. **Самарин, И.** Беседа с правнуком декабриста (А. В.)² Поджио (М. В. Плеским)². (По телефону от нашего киевского корреспондента).—Коммунист (Харьков) 1925, 7 окт.—Ср. № 655.

611. **Стерн, А.** Внук декабриста. Перевод с английского.—ККрым 1925, 5 янв.—Этот рассказ, запрещенный цензурой при царском режиме, появляется впервые в русском переводе.—Савельев, незаконный сын Варвары Асенковой (Рылеевой, дочери декабриста)² и Николая I.

7. Могилы декабристов на о. Голодае.

612. Годовщина казни декабристов.—КГ. 1925, 27 июля.—Экспертиза останков, приписываемых декабристам, обнаруженных в 1917 г. при земляных работах на о. Голодае. Останки не принадлежат декабристам.—Ср. №№ 613, 614.

613. Где могилы казненных декабристов.—КГ. Вв. 1925, 28 июля.—То же. Ср. №№ 612, 614.

614. Могилы казненных декабристов.—ВМ. 1925, 30 июля. То же.—Ср. №№ 612, 613.

615. **Ильинский, А.** Тайна острова Голодая. К 100 летию декабрьского восстания.—КГ. 1924, № 167 (557), 25 июля.

616. Памятник казненным декабристам (на о. Голодае)².—ЛП. 1926, 11 марта.—Со снимком памятника.—Др. сообщения об этом же см. в газетах: П. 1926, № 83 (3312), 11 апр.—И. 1926, 12 марта.—ЛП. 1926, 11 апр.—НГ. 1926, 12 марта.—Пролетарий (Харьков) 1926, 18 марта (со снимком памятника).

616а. Столетие казни декабристов. РГазета 1926, 4 июня.—К постановке памятника на о. Голодае и торжествам по этому случаю.

616б. Место похорон декабристов найдено. На о. Голодае устанавливается памятник.—КГ. 1926, 1 июля. С илл.

616в. Могилы декабристов (на о. Голодае)².—КГ. Вв. 1926, 23 июля.

616г. **Петро.** К 100-летию казни декабристов.—ЛП. 1926, 25 июля.—К закладке памятника на о. Голодае.

616д. **Е. Лаг-ский.** Могилы пяти декабристов. 1826—26 июля. 1926.—И. 1926, № 160 (2800), 25 июля. С илл.

616е. Закладка памятника декабристам.—КСевер 1926, 26 июля.

616ж. **А. С.** Памятник декабристам.—КГ. Вв. 1926, 26 июля. С илл.: Перспективный вид памятника декабристам (на о. Голодае)². Проектировал архит. В. Бобров.

616з. **Бродянский, Борис.** Памяти пяти. (Закладка памятника казненным декабристам).—ЛП. 1925, 27 июля. С илл.

616и. Закладка памятника (в Ленинграде)².—На Вахте (М.) 1926, 27 июля.

616к. Закладка памятника декабристам (на о. Голодае)².—НГ. 1926, 27 июля.

616л. Закладка памятника декабристам (на о. Голодае)².—И. 1926, 27 июля. С илл.

616м. Закладка памятника декабристам на о. Голодае.—КГ. 1926, 27 июля. С илл.: проект памятника.

616н. Заславский, Д. Столетие казни декабристов. Памятник на Голодае. (Письмо из Ленинграда).—П. 1926, 27 июля. С илл.

616о. Столетие казни декабристов. Закладка памятника в Ленинграде (на о. Голодае)².—Т. (Москва) 1926, 27 июля. С илл.

616п. Столетие казни декабристов.—Комсомольская П. 1926, 27 июля.—Закладка памятника на о. Голодае

616р. Столетие казни декабристов. Закладка памятника в Ленинграде (на о. Голодае)².—КТатария 1926, 29 июля.

616с. Могила декабристов.—Книва 1926, № 32, 8 авг., стр. 18. С илл.: Проект памятника.—См. еще №№ 734 и 743.

Н. Ченцов.

(Окончание следует).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Следует.
227	24 сверху	соизмеримых по времени и пространству координат показателей	соизмеримых по времени и пространству показателей
228	11 сверху в знаменателе дроби	$x v$	$v - r_1$
232	6 снизу	Частные производные изображены буквой d	заменить букву „ d “ знаком „ d' “
233	3 и 4 сверху		

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Милютин, В. П., Понровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Ротштейн, Ф. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Х. Раковский.—Леонид Борисович Красин . . . . . Стр. 5

К пятидесятилетию со дня смерти Бакунина

Стеклов, Ю.—Что разделяет и сближает нас с Бакуниным 17
Половский, В.—Бакунин-якобинец 42

I. Статьи

Преображенский, Е.—Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР 63
Пашков, А.—Органический состав капитала 85
Леоштыев, А.—Послевоенная социал-демократия и проблема государства 103
Шолохов, К.—Против механического миропонимания 146
Задманзон, А.—В защиту объективного направления в психологии . . 189

II. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии

Крицман, Л.—Падение нормы прибыли и прогресс техники 203
Прения по докладу т. Крицмана (т.т. Струмилин, Шатуновский, Базаров, Вейц, Боярский, Смит.) 219
Заключительное слово Л. Н. Крицмана 238

III. Критика и библиография

Шаллер, Ф.—Марксизм, психоанализ и искусство. (По поводу книги Roland-Holst-Van der Schalk. Over leven en schoonheid. Opstellen over aesthetische en ethische onderwerpen. Arnhem. 1925) . . . . .
Хмельницкая, Е.—С. В. Бернштейн-Коган. „Введение в экономию промышленности ЦУП ВСНХ СССР“ 1926 г. стр. 21. А. М. Гинзбург.—„Экономия промышленности“. Часть первая — Промышленность и ее организационные формы. Часть вторая — Процесс производства и его элементы. Его же.—„Экономия промышленности“. Курс-лекций, читанных на Моск. Курсах Красных Директоров 258
Леоштыев, А.—Ю. Митлянский. Денежное обращение и товарооборот 268
Дмитриев, Г.—А. Варьяш. История новой философии 273
Сакулин, П.—Ответ В. Ф. Перверзеву 282
Перверзев, В.—По поводу ответа П. Н. Сакулина 285

Приложение

Ченцов, Н.—Юбилейная литература о декабристах 287

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МОСКВА, Волхонка, 14, Тел. 1-18-40.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СЕКЦИИ ОБЩЕЙ
ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА КОММ. АКАД.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА

Под ответственной редакцией П. И. Стучка и редакционной коллегии в составе: В. В. Адоратского, Г. С. Гурвича, Е. Б. Пашуканиса, И. П. Разумовского, А. Я. Эстрина.

Журнал ставит своей задачей освещение общих вопросов теории государства и права и общих линий нашего законодательства и нашей практики с точки зрения революционного марксизма и ленинизма. Борьба с буржуазным юридическим мировоззрением, строго выдержанный материалистический, классовый и революционно-диалектический подход к вопросам государства и права — такова теоретическая платформа журнала.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Адоратский В. В., Ангаров А. И., Булатов С. Я., Бранденбургский Я. Н., Войтинский И. С., Вышинский А. Я., Галанза П. Н., Гинзбург Л. Я., Глузман А., Гурвич Г. С., Иванов Л. Н., Колесников А. Н., Колоколкин В. Е., Крыленко Н. В., Курский Д. И., Кузовков Д. В., Левин Д. Б., Лисицын А. А., Михайлов Г. С., Павлов А. П., Пашуканис Е. Б., Прушицкий С. М., Раевич С. И., Разумовский И. М., Старосельский Я. В., Стучка П. И., Ундревич В., Челябинов Н. И., Эстрин А. Я., Юшков С. В. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

1 год (4 книги) 7 р. 50 к. 1/2 года (2 книги) 4 р.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Знаменка, 11, тел. 3-19-24.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, 19, Волхонка, 14.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ